Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

ХАДЖИ-МУРАТ МУГУЕВ

Кукла госпожи Барк

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ХАДЖИ-МУРАТ МУГУЕВ

КУКЛА ГОСПОЖИ БАРК

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
Москва — 1956

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— Привидения существуют,— сказал маленький человечек, робко тронув меня за локоть.— Это факт. Они появляются ровно в одиннадцать часов ночи, а в полночь исчезают...

Я улыбнулся.

— Честное слово... Уверяю вас, я не шучу. Ровно в одиннадцать они появляются так же аккуратно, как и дневальные у ваших ворот. Я понимаю, что вы не верите мне, в наше время — и такая чертовщина, но тем не менее это факт.

Я внимательно глянул ему в глаза, но маленький человечек виновато улыбнулся и тихо сказал:

— Я здоров... совершенно здоров, хотя мне понятно ваше недоверие. И я на вашем месте подумал бы, что это говорит неостроумный шутник...

Он помолчал и потом еще тише сказал:

— И все же привидения существуют, и сегодня они снова не дадут нам спать.

— Кому нам? — спросил я.

— Мне, моей соседке Елизавете Львовне, инженеру Градусову с женой и вообще всей квар-

тире. Мы обратились за помощью в комендатуру, но там только посмеялись над нами...

Я с интересом посмотрел на него. Небольшого роста человек, с неловкими угловатыми манерами, робким взглядом и застенчивой улыбкой был немного смешон, хотя его грустные глаза привлекали к себе теплым огнем. Лицо его было не совсем обычным. Большой лоб и квадратный подбородок говорили об уме и характере незнакомца, но, взглянув в его наивные и несколько удивленные глаза, вы ни за что не предположили бы, что у этого человека есть воля. Неширокий, но заметный шрам, шедший от левого уха к виску, был тщательно прикрыт зачесанными набок волосами.

— Но согласитесь, что все-таки странно в наши дни слушать детские рассказы о привидениях, да еще в городе, только три недели назад освобожденном от врага...

— И все-таки это так, и самое странное то, что привидения появились всего лишь десять дней назад...

Я насторожился. Это могло быть интересным.

— А как же ведут себя эти... духи? — деланно равнодушным тоном спросил я.— Что, они появляются в белых саванах, с обнаженными черепами и тихо стонут, пугая живых,— как поступают в страшных рассказах классические привидения?

— Нет, наоборот. Они не пугают, они сами пугаются нас... и не стонут, а просто возятся в стенах нашего дома, иногда выходя из них, прямо в коридор... И вид у них не мертвецов, а скорее живых людей, хотя они бесплотны, не смейтесь, да, да, бесплотны. Я и Градусов однажды, еще в самом начале их появления, бросились на них

с палками, но палки рассекли воздух, а сами тени прошли мимо нас и вошли в противоположную стену...

— Скажите, а не были ли вы и ваш Градусов под градусом? — довольно неудачно сострил я.

Маленький человечек покачал головой.

— Но что же им надо в вашем доме? Что это, старый графский замок или фамильный склеп средневековых баронов?

— Нет, обыкновенный жакт,— сказал мой собеседник.

— Это возятся крысы.

— Нет, привидения... я сам видел их... уже несколько раз,— упрямо повторил он.— И они возятся в стене от десяти до двенадцати часов. Как только звучит последний удар кремлевских часов, они умолкают.

— Как в старинных романах,— рассмеялся я. Мой собеседник молчал.

— Нельзя ли мне провести у вас в квартире ночь, чтобы самому познакомиться с этими удивительными посланцами нездешнего мира?

— Отчего же нет? Пожалуйста, хоть сегодня,— охотно согласился он.— Приходите, но только помните, что ровно в двенадцать они исчезают.

— Хорошо, буду. Я человек военный, точный и буду,— глядя на часы, сказал я,— ровно в двадцать три часа сорок пять минут.

— Будем ждать,— ответил маленький человечек.

— Что это у вас за шрам? — спросил я.— Результат бомбежек или оккупации немцев?

— Нет, что вы! — замахал руками мой посетитель.— Я человек штатский, боязливый... Все бомбежки в страхе просидел в подвале... Это — старое... Еще гимназистом, катаясь в Вологде на льду, я расшиб себе лоб. А разве шрам очень уж заметен? Я стараюсь прикрыть его волосами.

— Зачем же, он придает вам такой воинственный вид,— пошутил я.— Итак, до ночи!

И мы разошлись по своим делам.

Днем я, смеясь, рассказал генералу о посещении меня человечком, делегированным от коллектива жильцов, которые жалуются на привидения, мешающие им спать.

Генерал слушал мой рассказ все внимательнее, и, когда я закончил, он, немного помолчав, сказал:

— Это интересно и... довольно подозрительно. Тут, конечно, что-то есть, чем следует заняться... Не знаете ли, занимали этот дом ранее немцы? Не было ли в нем какого-нибудь немецкого учреждения?

— Нет, не спрашивал.

— Упущение. Ведь подобный вопрос сам напрашивался на язык,— сказал генерал.— Дело в том, что только сегодня я тоже получил коллективное заявление жильцов дома номер сорок семь по Большой Спасской улице о том, что в соседнем с ними доме до бегства немцев находилось общежитие чинов СС и что там по ночам происходит какая-то возня... Не зная к кому обратиться, коллектив жильцов делегировал к вам гражданина Косоурова и, на всякий случай, обратился ко

мне. Странное, необычное и вместе с тем подозрительное дело,— сказал генерал.

Он подумал, прочел еще раз заявление коллектива жильцов дома № 47 по Большой Спасской улице и сказал:

— Вечером, после совещания, заедем сами, но не к моменту появления духов, а несколько позднее. Возможна любая провокация.

Генерал был лет на восемь старше меня. Культурный, хорошо воспитанный человек с большой эрудицией и спокойным характером, он очень нравился мне, и хотя иногда наши взгляды расходились, я чувствовал, что он ценил и уважал меня. Я думаю, что наша взаимная симпатия объяснялась еще и тем, что мы оба были слушателями одного факультета академии, с той лишь разницей, что генерал окончил его значительно раньше меня. Несмотря на свои сорок лет, генерал выглядел очень свежо и молодо. Иногда, «чтобы не разучиться»,— как говаривал он, мы беседовали с ним на персидском языке, перескакивая на турецкий и вновь возвращаясь к иранскому языку. Его вышедший перед войной труд «Ближний Восток и соседи СССР»,— привлек внимание читающей публики не только в нашей стране, но заинтересовал и ориенталистов Англии, Америки и Германии.

Сын рабочего, до семнадцати лет стоявший у токарного станка, он отлично владел двумя восточными языками, говорил по-английски.

Я знал, что великой мечтой генерала было сейчас же, как только окончится война, вернуться к своему любимому делу, защитить диссертацию на степень доктора исторических наук, которой

он и сейчас, несмотря на занятость, уделял свой досуг.

В первом часу ночи мы с генералом поехали к «дому с привидениями», как назвал генерал обиталище перепуганных жильцов особняка.

Наша машина завернула за угол темного, неосвещенного переулка. Вот и он, этот романтический дом с привидениями.

— Стой! — раздался негромкий, но твердый оклик. Из ворот шагнули двое красноармейцев.

Шофер включил свет, меняя фиолетовый на яркий, и тут, при свете вспыхнувших фар, я увидел у ворот особняка трех солдат, а в глубине двора еще несколько фигур.

— Комендантский патруль. Ваши документы,— подняв руку к ушанке, сказал подошедший офицер.

— А... лейтенант Бабочкин? — вместо ответа сказал генерал, и лейтенант, узнав его по голосу, быстро сказал:

— Это вы, товарищ генерал? Вот хорошо, а мы уже посылали за полковником,— и, нагибаясь, шепнул: — Убийство тут произошло и взрыв.

— Какое убийство? — отбрасывая дверцу автомобиля, спросил я.

— Пока неизвестно. Там майор Устинов с сотрудниками.

Мы поспешно вышли из машины и пошли за лейтенантом, освещавшим фонарем дорогу.

Это был старый особняк купеческо-дворянской постройки, со львами, с низкими, широкими каменными ступенями и тремя колоннами у входа.

Из низкого сводчатого коридора тянуло запахом дыма, гарным теплом взрыва и еще плававшей в воздухе пылью неосевшей извести.

— Товарищ генерал,— сказал человек, присевший на корточки у самых дверей, исковерканных могучим ударом взрывчатки. Это был майор Устинов, один из самых дельных и знающих работников отдела.

— Подождите здесь, там еще не все проверено, а судя вот по этой проводке, впереди могут быть некоторые сюрпризы. Ну что, Михалыч, обнаружил что-нибудь? — крикнул он куда-то вглубь следующей комнаты.

— Так точно, товарищ майор, конец шнура и машинку взрывную... сейчас обезврежу, тогда проходите сюда,— глухо донеслось до нас из соседней комнаты.

— Видите,— поднимаясь на ноги, сказал Устинов.— Тут, кажется, весь дом заминирован, что ни комната, то мина...— он не договорил. Грохот раздался в соседней комнате, затем блеснул огонь,

часть стены покачнулась, и непреодолимая сила швырнула меня в сторону.

Когда я очнулся, возле меня стояли генерал, солдаты и врач с узкими медицинскими погонами майора. Над головой темнело небо, и яркие, сияющие звезды казались такими близкими, что их можно было достать рукой. Мой затылок ныл, плечо, словно налитое тяжестью, тянуло книзу.

— Ну, как, легче вам, товарищ полковник? — ласково спросил военврач, и его мягкие, но сильные пальцы быстро и успокаивающе погладили мою голову.— Маленький обморок от удара о стенку,— сказал он.

— А где Устинов? — спросил я.

— Здесь. Он тоже контужен и находится без сознания,— ответил кто-то из стоявших возле.

Я не без труда поднялся и, придерживаясь рукою за колонну, сел на одной из ступенек особняка.

Внутри бушевало пламя, и дымные языки огня, вырываясь наружу, облизывали стены. Весь двор был озарен неровным, колеблющимся светом. Становилось жарко, и дым мешал дышать.

— Сойдите вниз, товарищ полковник,— поддерживая меня за талию, сказал лейтенант, и мы сошли во двор.

У самых ворот я оглянулся и увидел, как в водовороте огня и дыма догорал мой «дом с привидениями».

Генерал довез меня до квартиры. Он молчал все это время, но я видел, что моя контузия и мысль, что кто-то хотел одурачить нас, взволновали его.

Утром я был еще так слаб, что еле смог позвонить генералу. Он участливо сказал:

— Лежи, голубчик, отдыхай, набирайся сил. Эти два-три дня обойдемся без тебя. Обо мне не беспокойся. Ведь в момент взрыва я был во дворе.

«Два-три дня... значит мои ушибы так серьезны, что придется пролежать в постели три дня»...

В первый раз за нашу двухлетнюю совместную службу генерал дружески сказал мне «ты». В этом обращении я еще острее почувствовал заботу и участие к себе моего начальника.

В полдень меня навестил военврач. Это была невысокая, чуть полная женщина, лет тридцати двух, с ясными карими глазами и уверенными движениями.

— Лежите, лежите, товарищ полковник... вам это не повредит, а мне поможет.— И она привычными движениями стала осматривать меня, щупая пульс, выслушивая сердце и постукивая молоточком по груди и спине.

— В общем, все благополучно. Если бы удар пришелся на сантиметр — другой выше, было бы хуже,— произнесла она.

— А вы какой же части, доктор? Я что-то не встречал вас раньше,— поинтересовался я.

— Вашего же управления, только я всего второй день здесь, на место уехавшего Суренкова.

— А-а... значит вы и есть Анна Андреевна Краснова?

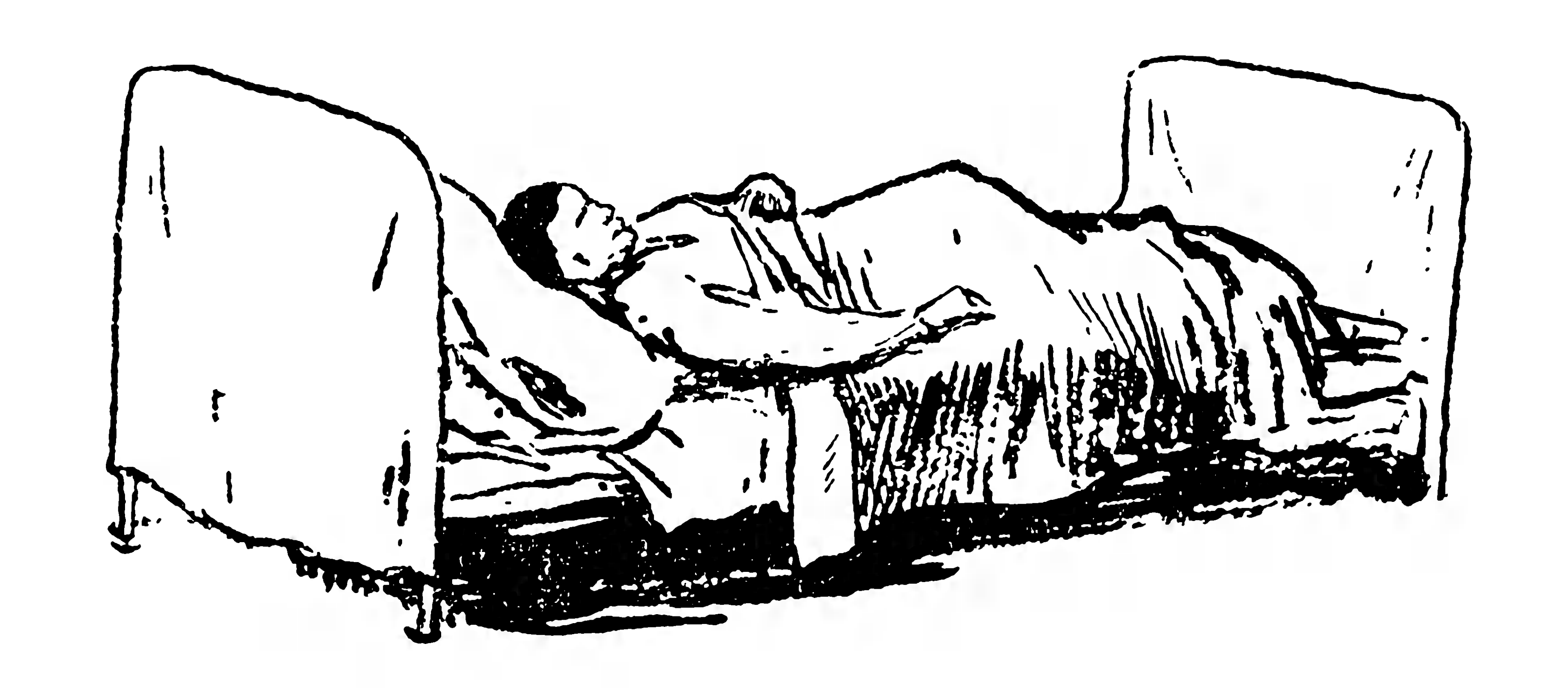
— Да, у вас хорошая память.

— А как же. Ведь я сам подписывал приказ о вашем зачислении.

— Вот и познакомились,— улыбнулась она.

— Да, при особых обстоятельствах,— задумчиво сказал я, и мы оба замолчали.

— А как Устинов? — вдруг вспомнил я.

Женщина отвернулась к окну и, что-то разглядывая на улице, сказала:

— Состояние тяжелое, но думаю, что все обойдется благополучно. Итак, покой, сон и поменьше движений. Вечером я зайду.— Но тут же засмеялась, останавливаясь возле меня.

— Старею,— продолжая улыбаться, сказала она.— Стала забывать самые обычные вещи...— И, раскрыв чемоданчик, сказала: — Нужно сделать впрыскивание... инъекцию... у вас довольно слабое сердце, и хорошая доза камфоры не повредит.

Как это ни странно, но я, взрослый, военный человек, просто страшусь зубной боли и разных врачебных манипуляций, связанных со шприцем, скальпелем или бормашиной.

— Ой, нет, доктор, увольте. Я без содрогания не могу и слышать об уколах.

— Но ведь это необходимо.

— Как-нибудь после, не сейчас,— решительно произнес я.

Женщина помедлила, подумала и сказала:

— В таком случае перед обедом примите дигиталис, вот этот порошок, хорошо действует на сердце и дает покой.— И она, тепло улыбнувшись, ушла.

Покой в те минуты, когда преступление, совершенное кем-то, требовало быстрого расследования и каждая своевременно замеченная и подчеркнутая следствием деталь вела к раскрытию этого таинственного дела. Конечно, соответствующие органы уже начали следствие, и оно, может быть, уже на правильном пути, но ведь я, один из непосредственных участников этого дела, знал больше, чем те, кого могли опросить на следствии. Кто такой этот маленький симпатичный человек, пригласивший меня в дом на «сеанс духовидения»? Что это были за духи, и кто такие инженер Градусов и другие обитатели особняка? Немцы, несколько дней назад выбитые отсюда? Да вообще — существуют ли на самом деле в этом городе этот маленький человек, его семья, Градусов и прочие жильцы или нас ловко одурачили и заманили на глупую, но не лишенную оригинальности затею, чтобы одним ударом покончить с генералом и со мной?

Во всех этих вопросах ближе всех к истине мог быть один я. Ведь меня посетил этот человечек и мне он жаловался на шум и на чертовщину, вылезавшую из стены. Это я, предположив недоброе, заинтересовался этой историей и в тот же день рассказал ее генералу. И мне сейчас нужен покой... в часы, когда без сознания лежит майор Устинов, когда каждая секунда дорога для следствия.

Я подошел к телефону. Хотя голова еще была тяжела, но чувствовал себя я значительно лучше.

«Ох, уж эти доктора... Лежи, отдыхай, принимай порошки»,— подумал я, глядя на рецепты и порошок, оставленные врачом на столе. Сев за стол, уже в привычной для меня обстановке, я почувствовал себя совсем хорошо.

— Товарищ генерал. Звоню вот по какому делу... Нельзя ли ознакомиться со следствием по поводу взрыва этого проклятого дома, а также прислать и следователя, чтобы рассказать ему свои предположения... Кто ведет это дело?

— Капитан Аркатов,— послышался ответ генерала.

Это был молодой, очень дельный офицер, работник Особого отдела, прикомандированный к нашему штабу.

— Хорошо. Это работник умный и вдумчивый, он сумеет разобраться с этим делом... Жаль, конечно, что Устинов еще не поднялся... тут нужна его хватка...

— Постойте, постойте,— перебивая меня, послышался в трубке обеспокоенный голос генерала,— что вы такое говорите?

— Как что? Жалею, что Устинов еще лежит... не может сам заняться этим делом.

Наступила пауза, я слышал в трубке дыхание генерала и затем его голос:

— Александр Петрович, разве вы не знаете...

— Что? — перебивая его, спросил я.

— Что Устинов убит вчерашним взрывом...

— Как убит?!. Да ведь военврач говорила мне, что он жив и поправляется.

— Извините, значит я невпопад сказал это... Не сообразил, что в таком состоянии не следовало вам об этом говорить...

— Да нет, товарищ генерал, я совершенно здоров... и боль и ушиб пустячные... Не знаю,

зачем только докторша предписала мне отдых... Здесь не санаторий, и я сегодня же явлюсь в управление.

— Нет, нет, голубчик, не надо. Зачем такая спешка? Полежите еще день, а завтра к вечеру приезжайте, если врач разрешит... Я ее сам спрошу...— снова раздался голос генерала.— Да, кстати, спасибо вам, дорогой Александр Петрович, за бутылку вина, только напрасно послали... Ведь я почти не пью, а вам оно сейчас было бы очень кстати.

— Что «кстати»? — не понял я.

— Красное вино, которое вы послали мне.

— Я послал вино? — совершенно не понимая ничего, переспросил я.

— Ну да, бутылку красного «Напареули».

— С кем послал? — уже тревожась, спросил я.

— Как с кем?.. Да с врачом, с этой, ну с новой нашей докторшей, которая прибыла вместо Суренкова...

— Капитан Краснова? — закричал я.

— Ну да!.. Да что случилось? — уже в свою очередь тревожно спросил генерал.

— Да потому что я ничего не посылал вам и ничего не поручал ей... Вы еще не пили этого вина?

— Конечно нет, даже не откупоривал... Это интересно! Значит, товарищ полковник, вы ничего не поручали ей?

— Абсолютно... Да и разве мог я это сделать, не предупредив вас?

— Странно... Очень странно. Вот что, голубчик мой, никому ни звука. Через час сорок минут буду у вас с капитаном Аркатовым.

— Жду, товарищ генерал,— сказал я, вешая трубку.

Дом с привидениями, смерть Устинова, вино, которое я не посылал, докторша, с такой странной заботливостью оберегающая мое здоровье... Всего этого было достаточно, чтобы, куря папиросу за папиросой, долго и сосредоточенно подумать о событиях, происшедших за эти сутки.

— Соедините меня с санчастью,— сказал я.

— Майор Зорин? — спросил я.

— Да!.. Это вы, товарищ полковник? — узнав меня, спросил начсанотдела.— Чем могу служить?

— Мне нужны на полчаса личное дело и характеристика военврача Красновой. Только сделайте так, чтобы никто: ни она, ни отдел кадров не знали об этом.

— Сейчас это сделать невозможно, смогу прислать лишь к вечеру.

— Почему?

— Личное дело капитана Красновой пять минут назад послано к генералу, по его приказанию.

— А-а...— сказал я.— В таком случае приезжайте сейчас ко мне.

— Вы плохо себя чувствуете? — обеспокоился майор.— Разрешите, товарищ полковник, я захвачу с собой и Краснову. Она поможет вам...

— Нет, приезжайте одни, Краснова сейчас не нужна. Я чувствую себя отлично,— закончил я, вешая трубку.

Спустя двадцать минут майор уже входил ко мне. Это был розовый, приветливый человек лет сорока, работавший до войны начальником поликлиники где-то в Закавказье.

— В чем дело, товарищ полковник? Чем провинилась Краснова, что привлекла к себе такое внимание? — обеспокоенно спросил он.

— Да вины никакой нет, но человек она новый, нам интересно ознакомиться с ее делом. Она сейчас в санчасти?

— Так точно... должна быть на работе. У нее прием.

— А скажите, товарищ майор, этот порошок «дигиталис» или что-нибудь другое? — подавая врачу порошок, оставленный Красновой, спросил я.

Начсанотдела развернул бумажку, понюхал содержимое ее и, недоуменно поднимая плечи, неуверенно сказал:

— Нет, что-то не похоже на дигиталис... тот порошкообразный, как, скажем, мука, а тут видны кристаллы. Он еще раз внимательно оглядел порошок и чуть капнул на него из стакана. Запах горького миндаля разнесся по комнате. Майор воззрился на меня, на его лбу выступил пот.

— Ска-жите,— задыхаясь спросил он,— этот порошок... оставила Краснова?

Я молча кивнул головой, продолжая глядеть на растерянное лицо майора.

— Да ведь это... цианкалий!.. самый страшный яд!!! — вдруг закричал он.— Врач не мог так ужасно ошибиться... Значит...— И он в ужасе замолчал.

Я снова утвердительно кивнул головой. Майор тяжело опустился в кресло.

— Я сейчас позвоню в санчасть...— вскакивая с места, крикнул он.— Прикажу, чтобы ее задержали.

— Поздно, майор, думаю, что эта самая...— я подчеркнул,— «Краснова» уже далеко от вашего санотдела. Но все же звоните.

— ...Капитан Краснова полчаса назад ушла,—

доложил дежурный по санчасти.— На осмотр больного полковника...— И он назвал мою фамилию.

— Вот видите,— засмеялся я, хотя мне было совсем не до смеха.

— Если она найдется или случится что-нибудь важное, звоните на квартиру полковника, я нахожусь у него,— приказал майор и, вешая трубку, растерянно произнес: — Вот так дела-а!

У подъезда послышался шум останавливающейся машины, а спустя минуту в коридоре послышались шаги.

— Можно? — раздался голос, и в комнату вошел генерал в сопровождении капитана Аркатова.

— О-о, да вы выглядите просто превосходно,— пожимая мне руку, сказал генерал,— а по рассказам врача...— он иронически улыбнулся,— вам лежать и лежать.

— Красновой? — спросил я.

— Да, хотя, я думаю, она такая же Краснова, как я китайский богдыхан. Ну, майор, где ваш военврач? — обратился он к начсанотдела.

— Была в санчасти, но полчаса назад будто бы направилась сюда.

— Именно «будто бы»... Ну, ладно, не иголка в стогу, не потеряется, найдем ее... Итак, майор, вы сейчас силою вещей вовлечены в события, которые произошли вокруг вас. Для следствия необходимо, чтобы вы были немы и забыли то, что уже известно вам.

— Понимаю, товарищ генерал, можете быть уверены,— вытягиваясь по струнке, сказал начсанотдела.

— Вот личное дело этого врача: «Анна Александровна Краснова, 32 лет, уроженка Красно-

дара, из рабочей семьи... так... незамужем. Образование — Ростовский мединститут, кандидат партии с февраля 1941 года. Участие в войне — Западный фронт, терапевт медсанбата 29-й гвардейской стрелковой дивизии... Как видите, все по форме, ни к чему нельзя придраться. И характеристика из санупра фронта отличная, только... только,— приближая к глазам личное дело, повторил генерал,— карточка ее несколько неровно наклеена, чуточку как бы вкось... дайте-ка лупу,— и, разглядывая в увеличительное стекло документ, он сказал: — Да, так и есть, чуточку, на самую малость, на какую-либо чуточку, карточка наклеена вкось, и вот, глядите, буквы печати «дейской стрелковой» чуть расплывчаты — ниже слов «пехотной дивизии»...— и, обернувшись к Аркатову, спросил: — Когда надеетесь найти эту особу, капитан?

— Самое позднее к вечеру,— сказал Аркатов, раскладывая на столе бумаги.— Хотя надо помнить,— взглянув на часы, сказал он,— что с момента ее ухода из санчасти прошло больше двух с половиной часов. Вино, как мы и предполагали, оказалось отравленным синильной кислотой. Вот анализ лаборатории,— закончил Аркатов.

— Разнообразная дама,— улыбнулся я.

— Как это? — не понял генерал.

— Вам — синильной, а мне вот оставила порошочек для усиления сердечной деятельности...— беря со стола пакетик, сказал я,— цианистый калий... Усердно уговаривала принять перед обедом. А предварительно пыталась инъекцию какую-то сделать...

Начсанотдела, бледный и растерянный, в ужасе слушал наш диалог.

— Какая негодяйка! Несомненно, гестаповская

преступница, оставленная здесь,— наконец выговорил он.

— Ну, это наши органы выяснят дальше, а теперь, майор, возвращайтесь обратно в санчасть и, как только получите из сануправления фронта дополнительные данные о Красновой, немедленно же доложите мне.

— Слушаюсь! — поворачиваясь к выходу, сказал майор.

Громкий телефонный звонок раздался в комнате.

— Товарищ полковник,— послышался в трубке возбужденный голос,— у вас начсанотдела?

— У меня... товарищ майор, вам звонят из санчасти.

Майор быстро взял трубку.

— Это я... что случилось? — взволнованно спросил он и вдруг закричал: — Нашлась... Краснова нашлась.

Мы переглянулись.

— Убита? — еще громче закричал майор.— Найдена мертвой возле вокзала?..— И, поворачиваясь к нам, сказал: — Дежурный офицер звонит...

— Отправляйтесь сейчас же в санотдел, узнайте подробности и доложите мне. Вы же, капитан, немедленно к месту происшествия, выясните все детали убийства,— распорядился генерал.

— Так точно...— сказал Аркатов.

— Произведите дознание, а мы с полковником подумаем, что следует делать дальше.

Аркатов и майор вышли из комнаты.

— Закономерный конец. Ничего неожиданного. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить»,— сказал я.

— Нет, я думаю, что тут сложнее,— задумчиво сказал генерал.— Здесь дело не в «мавре», тем более, что он и не сделал ничего... Мне интересно, что будет найдено на трупе.

— То есть? — спросил я.

— Подождем немного,— вместо ответа сказал генерал.— А сейчас займемся данными о людях, живших в сгоревшем «доме с привидениями».

— Если не ошибаюсь, маленький человечек называл имена своих соседей, инженера Градусова, какую-то Елизавету Львовну, ссылаясь на них, как на людей, которые тоже видели привидения.

— Вот данные о жителях сгоревшего дома,— придвигая ко мне бумаги, сказал генерал.— Инженер Градусов с семьей. Елизавета Львовна Коршунова действительно проживает в нем. Кого еще называл этот человек?

— Больше никого. Он был так жалок, беспомощен и смешон, так испуганно рассказывал о привидениях, что...— я запнулся, подыскивая нужное слово.

— ...что вы даже пожалели его...

— Вот именно,— сказал я.

— А этот маленький, беспомощный, симпатичный человек, повидимому, и является главным звеном всей этой преступной цепи. Как вы себя чувствуете? Только говорите правду,— осведомился генерал.

— Совершенно здоров. Слабость как рукой сняло. События сегодняшнего дня излечили меня.

— Тогда попрошу вас, после того как вернется Аркатов, опросите жильцов дома номер сорок семь по Большой Спасской улице, в дальнейшем будем его называть просто «домом с привидениями». А вечером заезжайте ко мне. В двадцать

два часа тридцать минут я буду вас ждать с уже обработанными материалами,— уходя сказал генерал.

Капитан Аркатов вернулся поздно.

— Ну-с, товарищ полковник,— присаживаясь к столу, сказал он,— давайте проверять нашу систему.

«Наша система» — это была неписанная, но уже ставшая привычной, традиция, заключавшаяся в том, что мы, то есть коллектив работников, офицеров управления, начиная с генерала и кончая капитаном Аркатовым, людьми довольно давно работающими вместе, с целью проверки правильности выводов и прогнозов следствия, еще не рассказывая другому результатов проделанной работы, спрашивали его о том, что думает он и как он ведет данное дело. Это было нечто вроде своеобразной «военной игры», в которой шлифовалось воображение, проверялась и оттачивалась интуиция, шире развивалась деловая фантазия, раздвигались рамки психологического анализа. Это было полезное начинание, в котором ошибки и неверные выводы тут же исправлялись. Занятия эти велись по уговору — «невзирая на лица». Нередко и сам генерал выслушивал строгие, резкие суждения от остальных участников.

— Итак...— начал Аркатов,— чей это был труп?

— Конечно Красновой, но не той, которая проникла к нам, а другой, настоящей, которую по пути к нам убили фашисты и документами которой воспользовались.

— Неверно. Первая ошибка,— сказал Аркатов.— Мертвая женщина — как раз та самая «Краснова», которая хотела отравить вас. Вы

сможете опознать ее сами. И я, и работники санчасти узнали ее.

— Сделали вскрытие?

— Вскрытие завтра, но это и не важно. От нее разит горьким миндалем, этим стандартным запахом всех классических отравлений. Обнаружили не сразу, так как по шоссе двигалась густая колонна грузовиков, и, когда прошла последняя машина, прохожие увидели лежавшую на дороге женщину. Из этого значит...— Аркатов замолчал.

— ...из этого значит, что одна из последних машин и выбросила на дорогу этот труп.

— Значит, где-то невдалеке есть центр, ведущий борьбу против нас,— перебил я.

— Думаю, только против генерала и вас, товарищ полковник,— сказал Аркатов.— Не против управления или отдела, а именно против вас двоих. И, исходя из этой отправной точки, мы, по-моему, и должны вести наше следствие.

Вывод опытного и умного следователя, каким был Аркатов, удивил меня.

— Подумайте, товарищ полковник, ведь вас, именно вас и генерала зазвал в дом этот неизвестный человек. К вам явился он и умно разыграл роль маленького, беспомощного, ничтожного человечка, ищущего помощи у власти. Но возникает вопрос: а что случилось бы, если бы вы и генерал погибли? Что произошло бы? Рухнула бы Советская власть? Обессилела наша армия? Приостановилось бы наступление на фронтах? Нет, все это было бы попрежнему, и только вместо генерала и вас пришли бы новые генерал и полковник, и работа управления шла бы своим чередом. Значит, винтики машины были бы заменены новыми, и она продолжала бы работать. Это знаем мы, это понимает и враг, а, судя по всему, он

умный противник и не стал бы из-за, извините меня, мелочей ставить под удар свою организацию и жертвовать своими людьми. Значит, им нужны вы и генерал. А теперь подумайте, кто и почему так домогается вашего уничтожения? Повторяю, это мой вывод, мои предположения.

— Признаюсь, капитан, вывод ваш хотя и не лишен оригинальности, но не убеждает меня. Я — не изобретатель сверхмощного оружия, не дипломат, решающий сложные проблемы, не химик, открывающий непреодолимой силы газы или яды...— Я — обыкновенный советский офицер, каких тысячи, да, насколько мне кажется, и генерал тоже не из плеяды особо выдающихся военных деятелей нашей армии, чтобы немцам надо было охотиться за ним.

— Немцам? — переспросил Аркатов.— А вы уверены, что это немцы?

— А кто же? — глядя на него, спросил я.

— Не знаю... Вот это-то нам и нужно разгадать.

Он встал и, быстро пройдясь по комнате, вдруг остановился возле меня и коротко спросил:

— Вы знаете, что я нашел на трупе Красновой?

— Нет. А что именно?

В эту минуту, как и в прошлый раз, сильно зазвонил телефон.

— Товарищ полковник. Говорит майор медслужбы...— послышался в трубке голос начальника санчасти.— Происшествие... Обнаружена Краснова...

— Какая Краснова?

— Военврач санотдела... капитан Краснова,— продолжал взволнованный майор.

— Что за чертовщина! Да ведь она раздавлена машиной...

— Никак нет... она...— возбужденно докладывал майор.

Телефон смолк, разговор оборвался.

— Алло! Алло!..— стуча по рычажку, закричал я. Мертвое молчание было ответом. Было ясно, что провод оборвался или был обрезан в момент нашего разговора. Аркатов, поднявшийся с места и молча слушавший мои слова, сказал:

— Вздор!.. Неправда!.. Краснова или та, кто прикрывался ее именем, убита...

— Не знаю... Начсанчасти только что доложил, что она жива.

— Действительно чертовщина,— засмеялся Аркатов.— Духи, которые бродили в доме, повидимому, существуют, и к их компании теперь присоединилось и привидение убитой Красновой.

И мы побежали к машине, ожидавшей капитана у ворот.

В санчасти возле возбужденного майора и удивленных, ничего не понимающих сотрудников стояла полная высокая женщина с круглым, типично русским лицом. Она была в форме капитана медицинской службы.

— Вот, рекомендую, товарищ полковник, военврач Краснова,— разводя руками, сказал майор.

Поднося руку к пилотке, женщина отчетливо отрапортовала:

— Товарищ полковник! Гвардии капитан медслужбы Краснова прибыла к месту службы. Задержка в пути произошла ввиду...

Я остановил ее и, войдя в кабинет майора, спросил:

— Где вы были эти три дня?

— Четыре, товарищ полковник. В субботу ве-

чером, когда я ехала сюда из сануправления фронта, меня при въезде в город задержал комендантский патруль, отобрал документы и до сегодня держал под арестом.

— Причины задержания?

— Лейтенант, снявший меня с машины, сказал, что документы не в порядке и для выяснения пригласил в комендатуру.

— Сколько человек было в патруле?

— Двое. Лейтенант и солдат.

— А в комендатуре?

— Не знаю. Я даже не могу вспомнить, что произошло дальше, так как, когда меня повезли, уже в машине мне стало плохо... дальше не помню ничего... какой-то туман... Очнулась час назад в саду, на окраине города, откуда я добралась до санчасти. Я могу приступить к своим обязанностям? — спросила Краснова.

— Это дело вашего начальства,— указывая на майора, сказал я.

— Документы ваши у меня, вы их получите вечером,— сказал Аркатов.— Говорить о том, чтобы вы не распространялись об этом приключении, я думаю, не стоит,— закончил он, и мы вышли на улицу.

— Ну, как, товарищ полковник, узел распутывается? — спросил он.

Я пожал плечами.

— А по-моему запутывается.

— И да, и нет. Вы сейчас куда едете?

— Опросить погорельцев, жителей того проклятого дома.

— А я в комендатуру. Итак, до вечера у генерала.

Жильцы сгоревшего дома были переселены в пустовавшее здание почтамта. Всего было пять семейств: Градусова, того самого инженера, о котором говорил посетивший меня человечек, и четырех других. Тут был и рабочий пивоваренного завода Соломин, и пианист Приорин, и та самая Елизавета Львовна, на которую ссылался таинственный человек.

Конечно, никто из них даже и не слышал ни о каких «привидениях». На мой вопрос, кто из них жил в той стороне дома, где произошел взрыв и откуда начался пожар, жильцы ответили: «Никто», а инженер Градусов удивленно сказал:

— Разве товарищу полковнику неизвестно, что вся передняя половина дома, начиная с парадного и включая большой зал, то есть центр здания, пустовала?

— Почему пустовала?

— До прихода наших войск там находился немецкий офицерский изолятор, и, хотя официально это не было известно, мы, жильцы, знали об этом.

— Как же немцы разрешили посторонним жить в этом доме?

— А мы жили с другой стороны, отделенные глухой стеной от изолятора. Дом этот некогда принадлежал купцу Тестову, и купец своеобразно построил этот дом. Переднюю сторону он вывел фасадом на улицу, с парадным подъездом, с колоннами и львами, с просторными комнатами,

большим залом, с паркетом и высокими окнами... То есть для себя, для прислуги же и для сдачи в наем он отвел вторую, заднюю часть дома, совершенно изолированную от первой, с отдельным ходом, со своим двором. Поэтому нас и не тронули немцы. Вот приблизительный план этого дома...— И он быстро набросал его на бумаге.

— Но кое-кого вы все-таки видели?

— Конечно,— зашумели жильцы,— и больных, и врачей некоторых...

— А не встречали вы когда-либо маленького роста, невзрачного человека, отлично говорящего по-русски?

Жильцы задумались, потом Елизавета Львовна, а затем и остальные покачали головами.

— По-русски некоторые говорили, но мужчины такого не было.

— А женщины?

— Была одна, врач, но она давно уехала отсюда... да и та, кажется, была не немка: не то полька, не то чешка,— сказал Градусов.

— Немка,— решительно сказала Елизавета Львовна,— только она родилась в России и долго прожила в Польше. Воспитанная дама с хорошими манерами и очень неплохо говорила по-русски, но она не уехала, недели три назад она не надолго приезжала...

— А вы помните ее внешность? — спросил я.

— Ну, как же! Невысокая, полная, с приятным лицом и темными глазами.

— Спасибо, прошу извинить за беспокойство,— поднимаясь, сказал я.

— Товарищ полковник,— просительным тоном сказал Градусов,— от лица, так сказать, коллектива я обращаюсь к вам... нельзя ли просить об одном очень большом для нас одолжении?..

Жильцы закивали головами.

— ...Здесь есть несколько никем не занятых домов. Можно ли нам, с вашего разрешения, перебраться в один из них. Почтамт и велик, и неприспособлен для жилья.

— Отчего же? — сказал я.— Вы и Елизавета Львовна садитесь сейчас со мною в машину. Мы проедем в комендатуру, где вам выдадут ордера на подходящий дом.

Под радостные возгласы остальных мы спустились к машине.

Проезжая мимо санотдела, я сделал вид, будто что-то вспомнил и, приказав шоферу подъехать ко входу и попросив спутников подождать, вошел в дом.

— Где лежит раздавленная грузовиком женщина? — поднявшись наверх, спросил я дежурного врача.

— В первом этаже, в комнате номер девять, товарищ полковник.

Я спустился к машине и попросил Градусова и его спутницу пройти со мной.

— К коменданту? — идя за мною, спросил инженер.

— Нет,— сказал я, пропуская их в комнату № 9.

На клеенчатой кушетке лежал труп, покрытый простыней.

Я отдернул простыню и коротко спросил:

— Вы не знаете ее?

— Госпожа Янковиц! — вздрогнув и всматриваясь в труп, сказал Градусов.

— Не ошибаетесь? — спросил я.

— Нет! Это она,— уверенно сказала Елизавета Львовна и перекрестилась.

Спустя несколько минут комендант города уже подписывал ордер жильцам сгоревшего «дома с привидениями».

В 22.30 я был у генерала. Капитан Аркатов уже стоял у стола.

— Вот и отлично,— сказал генерал.— Итак, займемся делом. Что скажете, капитан? — и, усевшись в глубокое кожаное кресло, он замолчал.

Я присел к столу и, вынув блокнот, приготовился слушать капитана.

— Когда я, по вашему приказанию, прибыл к месту происшествия, там убитой женщины уже не было. Ее перенесли в помещение санчасти, где я произвел тщательный осмотр трупа. На левой руке у нее был найден след иглы шприца, а произведенное вскрытие подтвердило наше предположение. Вот акт вскрытия.— И Аркатов скороговоркой прочел: — «Мы, нижеподписавшиеся врачи, капитан медицинской службы...» — И, пропуская слова, он сказал: — Вот оно: «Согласно результату вскрытия смерть женщины произошла от отравления цианистым кали, введенным в ее тело при посредстве шприца, что и послужило причиною смерти неизвестной, занесенной в протокол вскрытия под вымышленной фамилией военврача Красновой. Капитан медслужбы Зверев».— Как видите, если и не очень литературно, то, во всяком случае, убедительно,— сказал Аркатов, откладывая в сторону листок вскрытия.

— Продолжая осмотр трупа, кроме уже известных вам документов на имя Красновой, я нашел на нем вот этот медальон с латинскими буквами «Г» и «Я», католический молитвенник со свастикой на переплете и обрывок письма, написанного по-немецки, всего в две строки... а это три фотографии, снятые нашим фотографом с убитой. Вот отрывки из письма и их перевод.— И он, кладя на стол перечисленное, прочел:

— ...«Нужно полагать, что эта задержка сможет приостановить хотя бы на...» — здесь пропуск, а сбоку приписка карандашом — «прекрасно»,— вот и все, но приписка эта сделана по-английски. Итак, как видите, налицо запутанный клубок. К этому добавлю еще следующее. Из опроса лиц, первыми обнаруживших труп, выяснилось, что «Краснова» (так пока будем называть ее) была сброшена со студебекера, шедшего в колонне автомобилей к переправе, но как она попала в колонну, никто не знает. И второе — часть машин этой колонны принадлежит штабу тыла польской дивизии, стоящей на отдыхе у местечка Вязы. Шофера машин и провожавшие грузы сержанты и офицеры, опрошенные днем, ничего не

знают. Вот телефонограмма из дивизии,— и Аркатов положил ее рядом с остальными вещами «Красновой».

— Метки на белье есть? — спросил я.

— Меток нет, но белье иностранного происхождения,— сказал капитан.

— Сложный переплет,— сказал генерал,— тут все — и латинские буквы, и немецкое письмо, и английская приписка, и даже польский молитвенник. Что вы сами думаете об этом, капитан?

— Решения пока нет, товарищ генерал, но эта смесь, конечно, подстроена недаром. Несомненно, нас хотят запутать. С одной стороны, «Краснова» и ее хозяева как будто бы немцы, все как бы клонится к тому. И свастика на молитвеннике, и покушение на вас, и фронт в ста километрах отсюда, все это говорит о немцах, но зачем немцам запутывать нас? Мы с ними воюем, им не надо прятать своей удачи. Если они сумели взорвать у нас под носом дом,— в этом их достижение, а наш промах. Если они каким-то образом могут ввести в наши военные органы своих агентов,— в этом их успех, а наше упущение. Если они в уже занятом нами двадцать дней городе безнаказанно ведут какие-то дела, это тоже признак их умения и ловкости... Основываясь на всем этом, я думаю, что им незачем было бы кивать на кого-то. Но, по логике вещей, мы и так должны подумать, что тут орудуют немцы и что вся эта таинственная чертовщина с привидениями — дело гестапо. Не так ли?

— Мне тоже дело кажется сложнее,— сказал генерал. Он взял медальон и, оглядев его через лупу, сказал: — «Г» и «Я», что это — истинные инициалы убитой или тоже для отвода глаз?

Я промолчал. Аркатов пожал плечами.

— Вы помните, что днем, посылая вас на расследование смерти этой женщины, я сказал, что здесь дело не в мавре и что мне интересно, что будет найдено на трупе. Я был уверен, что убийцы оставят какие-нибудь следы, чтобы сбить нас с правильного пути. Эта свастика и немецкое письмо подложены нарочно.

— А английская приписка? — спросил я.

— Эта грубая работа говорит о том, что противник не уважает нас, считая нас глупее себя.

— Точно! — потирая руки от удовольствия, сказал Аркатов.

— ...Немецкие методы работы более просты и мало отличаются от обычных «мокрых дел» уголовного мира,— продолжал генерал.

Я молчал. Уверенность генерала и несколько хвастливые прогнозы Аркатова тешили меня. Я-то знал, кто такая была эта «Краснова».

— ...И эти выводы дают мне право предполагать, что убитая женщина и таинственный человек, пригласивший к себе Александра Петровича, были не немцы, а члены организации какой-то другой страны.

— «Краснова» — немка, и зовут ее Гертруда, фамилия — Янковиц,— сказал я, закуривая папиросу.

В комнате стихло. Генерал провел по лбу рукой, выжидательно глядя на меня. Аркатов растерянно сел, потом поднялся и переспросил:

— Янковиц? Откуда вы это знаете?

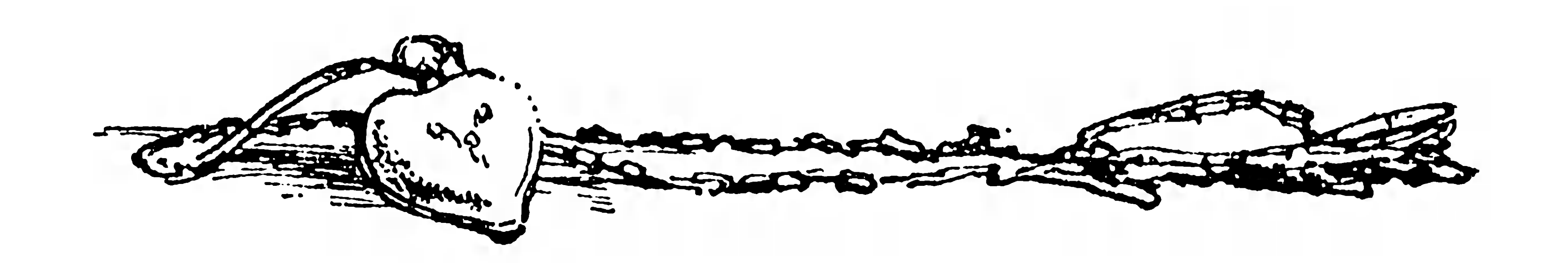
И я, в свою очередь, рассказал им все, что узнал о «Красновой».

Ночевал я у генерала, поместившись в угловой комнате, где стоял огромный диван, обитый

цветным ситцем с золочеными амурами по краям.

Аркатов уехал в двенадцать часов, а мы с генералом, перейдя на фарсидский язык, просидели еще с полчаса, комментируя события прошедшего дня.

— Хотя дело это уже передано соответствующим органам, все же я чувствую, что оно всецело наше, то есть прямо и непосредственно связано со мною, с вами,— сказал генерал.

— Кто знает это, кроме аллаха,— изречением из корана по-арабски сказал я, разглядывая молитвенник Янковиц.— Это необходимо передать следственным органам или можно придержать у себя? — спросил я, указывая на книгу.

— Вообще да, но если вам очень нужно, то оставьте у себя.

Я молча кивнул головой и, откладывая в сторону молитвенник, взял медальон. Он был небольшой, глухой, округлой формы: в виде сердца, с тремя алмазиками посреди и буквами «Г» и «Я» с краю. Повертев его в пальцах и рассмотрев со всех сторон в лупу, я обратил внимание на то, что буквы эти очень ярко выделялись на матово-желтом фоне медальона. Золото блестело слишком свежо в вырезах букв. Я еще раз вгляделся в увеличительное стекло.

— Что такое? — спросил генерал.

— Буквы вырезаны недавно. Медальон же до-

статочно поношен, если можно так выразиться о нем. Кое-где стерт, поверхность говорит о том, что его носят давно, форма очень банальна. Это медальон так называемого дешевого мещанского типа. Такие носили обычно девушки из бедных классов, обитательницы пригородов, жалких местечек...

— Вы хотите сказать, что Янковиц — врач и член тайной организации, женщина, судя по всему, с опытом и вкусом, вряд ли носила этот медальон? — спросил заинтересованный генерал.

— Это просто предположения,— сказал я.

— Не лишенные смысла,— поддержал генерал.

— Дальше. Буквы на таких медальонах обычно вырезываются посреди, почему же здесь буквы «Г» и «Я» вырезаны сбоку?

— Потому что середина уже занята алмазами,— явно заинтересованный, сказал генерал.

— Именно! Поэтому-то, когда понадобилось пустить в дело сей медальон, на нем спешно были вырезаны нужные буквы «Г» и «Я».

Мы замолчали.

Я снова взял медальон и опять стал разглядывать его. Он действительно был до крайности прост и скромен. И наивная, сентиментальная форма «сердечком», и дешевенькие алмазики на нем. Я потрогал их, они были мутны и неровны. Я хотел протереть камни, как вдруг под нажимом пальцев они слегка подались внутрь, и крышка казавшегося глухим медальона щелкнула и приоткрылась. Я сильнее нажал на алмазы. Они целиком ушли в медальон. Крышка отошла, и перед нашими изумленными глазами показалось углубление, в котором было что-то выгравировано. Мы нагнулись над лупой. Сквозь стекло лупы

крупно и выпукло выросли две вырезанные на золоте по-русски фамилии:

ГЕНЕРАЛ СТЕПАНОВ
ПОЛКОВНИК ДИГОРСКИЙ

Мы озадаченно посмотрели один на другого.

— Наши фамилии,— наконец произнес генерал,— это уж совсем странно.

— М-да! — протянул я, пораженный этим неожиданным открытием.

К немецкому письму с английской припиской, к католическому молитвеннику и медальону с латинскими буквами «Г» и «Я» прибавились еще наши фамилии.

Было чему удивляться.

Откинув шторы и выключив свет, мы сидели у открытого окна, слушая шумы ночного, затемненного города. Сквозь листву и кружево решеток угадывалась улица с аллеей тополей и каштанов. Возле ворот покашливал часовой, и молочная луна играла на стволе его автомата. Во дворе у машин, негромко переговариваясь, возились шоферы.

— Вы хорошо запомнили человека, посетившего вас? — спросил генерал.

— Я его узнал бы в толпе среди сотен людей. Со вчерашнего дня я то и дело восстанавливаю в памяти его лицо. Вспоминаю голос, тихие и жалкие интонации просителя, кроткие, несколько испуганные глаза, сразу же расположившие к себе...

— Хороший актер,— сказал генерал.— Однако вернемся к медальону. Мне кажется, что я начинаю понимать, зачем в нем выгравированы наши фамилии.

— Для того, чтобы Янковиц имела шпаргалку и случайно не забыла бы наши звания и фамилии?

— Именно! Ведь ей для уничтожения нас было предоставлено мало времени, всего несколько часов, и, не зная нас, она могла бы оговориться или вообще допустить какой-нибудь промах, могущий провалить ее дело.

— Значит, Аркатов прав. Мы, я и вы, являемся для кого-то людьми, которых почему-то обязательно нужно убить,— сказал я.

Мы разошлись по комнатам, но уснул я не сразу.

На следующий день Аркатов уехал в расположение польской дивизии.

Занятый текущей работой, я почти забыл о деле «с привидениями».

— Товарищ полковник, к вам гражданин какой-то пришел! Уже минут двадцать дожидается,— услышал я голос ординарца.

— Кто такой?— спросил я, убирая со стола бумаги.

— Не знаю... первый раз вижу,— сказал ординарец.

— Пусть войдет,— приказал я.

Спустя минуту в комнату, осторожно ступая по ковру, вошел человек средних лет, одетый в потертое штатское платье и большие квадратные ботинки.

У самой двери он низко поклонился и, теребя в руках заношенную шляпу, робко воззрился на меня.

— Чем могу служить? — спросил я, указывая ему на стул.

Человек переступил с ноги на ногу, оглянулся и сдавленным голосом тревожно сказал:

— Не сочтите меня умалишенным, пане полковник, но то, что я скажу вам, есть истинная правда...— он остановился, словно набираясь решимости, проглотил слюну и вдруг сказал: — Привидения... черти одолели... сна нету... каждую ночь из стены появляются...

Я улыбнулся, продолжая разглядывать неизвестного человека.

— ...И лезут, и лезут... Помогите, пане полковник,— опускаясь вдруг на колени, закончил он.

— Сейчас помогу,— сказал я,— излечение будет полное, только забавно, что хозяева ваши не нашли чего-нибудь другого... поновее чертей,— и, открыв двери, крикнул дежурному и ординарцу: — В подвал его, приставить часового.

Оба солдата, подняв все еще стоявшего на коленях человека, вывели его вон.

— Як бога, прошу, пане полковник, помогите...— бормотал арестованный, устремив на меня молящий взгляд.

— «Лыки да мочала, начинай сначала»,— засмеялся генерал, когда я рассказал ему о дурацком приходе второго посетителя.— А вместе с тем,— медленно проговорил он,— как-то не вяжется повторение этого номера с весьма продуманными и решительными действиями людей, орудующих против нас. Вы когда будете опрашивать его?

— После обеда...

— Я приеду к вам. Мне хочется поглядеть и послушать этого человека.

— Как арестованный? — вернувшись домой, спросил я дежурного сержанта.

— Сидит в подвале. Тихий такой, смирный человек. Все бормочет что-то, я не понял его... на чертей, что ли, жалуется...

— А что именно говорит?

— На стенку показывал... в угол плевался и какие-то молитвы читал. Я думаю, он псих, товарищ полковник.

— Что нашли при обыске?

— Ничего, ни бумаг, ни табаку, ни денег.

— Кормили его?

— Так точно, только и ел он как ненормальный... ест, а сам в угол глядит и руками отмахивается.

Я взял трубку и, соединившись с санотделом, спросил:

— Кто у нас психиатр?

— Майор Ромашов,— сказал начсанчасти,— прекрасный психиатр с ученой степенью, кандидат медицинских наук. На «гражданке» был ассистентом профессора.

— Отлично! Пришлите его ко мне.

Я позвонил генералу и доложил, что в 20 часов хочу допросить задержанного человека.

— Буду к этому времени у вас, и очень хорошо, что вы пригласили доктора Ромашова. Я уверен, дорогой Александр Петрович, что на этот раз мы имеем дело с сумасшедшим... Вы понимаете, зачем перед нами появляется одержимый манией шизофреник?

— Конечно, догадываюсь,— сказал я.— Дешевый номер, хотя и не лишенный остроумия.

— А вы подумайте, для чего это сделано... а пока до вечера,— сказал генерал.

Я задумался. Из раздумья меня вывело появление майора Ромашова.

— Кто заболел, товарищ полковник? — встревоженно спросил он.

— Не беспокойтесь, я здоров,— засмеялся я,— и вовсе не думаю быть вашим пациентом. Вы нужны, доктор, для того, чтобы выяснить, с кем мы имеем дело, с больным или с симулянтом.

— О-о! Симулировать сумасшествие при современном развитии психиатрии почти невозможно. Вы разрешите мне по мере надобности вступать в беседу с интересующим вас человеком?

— Пожалуйста,— ответил я.

Стенные часы медленно и звонко пробили восемь. У ворот остановился автомобиль, и, как всегда точный, в комнату вошел генерал.

— Введите задержанного,— приказал я дежурному.

Спустя несколько минут солдаты ввели в комнату моего утреннего гостя.

Увидев меня, он низко поклонился и, отвесив учтиво поклон доктору и генералу, обратился ко мне:

— Пан полковник, нету мне покою... опять черти... одолели... так и лезут, и лезут... щиплют... смеются... прикажите им уйти.

Мы молча смотрели на него.

— ...Вам легко... они вас послушают, а мне житья от них нет...

Человек медленно опустился на колени и стал бить поклоны, бормоча:

— Вы же можете... мне пани доктор сказала... это в вашей власти... Пани докторша пробовали сами, но они ее не слушают, они только вас

боятся... — И он пополз, пытаясь поцеловать мои руки.

— Я вас избавлю от них,— подходя к нему и поднимая его с пола, сказал Ромашов. Он заглянул ему в лицо, приподнял веко глаза и тихо, но убедительно сказал: — Их здесь уже нет. Они не могут быть здесь, тут охрана.

Человек вздрогнул и с недоверием взглянул на Ромашова. Вдруг он тихо засмеялся и, покачав головой, убежденно сказал:

— Только пан полковник может прогнать их... они его слушаются, пани докторша мне это сказала,— потом он оглянулся и, озираясь по сторонам, шепотом произнес: — Всех убили, и Ядзю, и Стаха, и Борейшу, только Анелю оставили... а меня,— он жалко улыбнулся, и невыразимое страдание перекосило его лицо,— мучают.— Закрыв ладонями лицо, он прижался к стене и громко заплакал. Слезы текли по его небритому подбородку и грязным вздрагивающим пальцам.

Я посмотрел на Ромашова.

Доктор безнадежно махнул рукой и молча покачал головой.

— Успокойтесь, голубчик, здесь никто не посмеет обидеть вас,— ласково поглаживая голову плачущего, сказал он.

— Они мучают меня... их много... Они вот тут... вот в этом месте...— указывая на голову, сказал человек, переставая рыдать.— Одели меня в это платье, а я не хочу его,— сказал он и быстро побросал на пол свой потертый пиджак, под которым был жилет и бязевая рубашка, обыкновенная больничная рубашка с казенным клеймом на плече,— а Стаха убили... и Ядзю тоже, побросали голыми,— забормотал человек.

— Вне всяких сомнений,— поворачиваясь к генералу, сказал Ромашов.

— Не надо даже быть специалистом,— глядя с сочувственной жалостью на копавшегося в своей одежде человека, сказал генерал.

— Разрешите мне отвезти его в санчасть? Мы там с доктором Васильевой осмотрим и уже более точно доложим вам,— попросил Ромашов.

Ромашов и дежурный сержант вывели безучастно глядевшего на них человека.

— Ну, как, все понятно? — спросил генерал.

— Конечно! Это настоящий больной...

— ...одержимый манией преследующих его чертей,— подсказал генерал.

— Ну да, то есть наиболее подходящий субъект для тех, кто хотел уничтожить нас с вами, заинтриговав этой, не лишенной оригинальности, историей с привидениями. Потерпев фиаско, они подослали к нам настоящего больного...

— Для чего? — улыбаясь спросил генерал.— Чтобы показать, что и первый посетитель был сумасшедшим и никакого отношения к взрыву не имел. Взрыв — это случайность, здесь после немцев осталось много заминированных домов.

— То есть убедить следствие, что тут разные вещи и безобидные сумасшедшие с чертями и привидениями никакого отношения к взрыву не имеют?

— И наивно, и одновременно умно,— кивая головой, сказал генерал.

— ...Ибо после неудачного покушения ни один здравомыслящий не повторит прежнего трюка и не пошлет своего агента прямо в руки врага. А если это делается, значит тут одно не связано с другим,— закончил я.

— Хорошо! Пусть они думают, что мы обману-

ты. В дальнейшем официальном ведении дела версию о сумасшедших и привидениях надо будет исключить,— подумав, сказал генерал,— для себя же мы усилим ее. Кстати, прошу вас лично побеседовать с этим несчастным. Он верит,— генерал многозначительно подчеркнул,— в вашу особую силу над чертями, и кстати, выясните, что за «пани докторша» внушила ему это и почему на нем белье с казенными клеймами.

Он уехал, а я, записав свои впечатления, отправился в санчасть.

Увидев меня, больной опять забормотал о чертях, об убитой кем-то Ядзе, вспомнил Лодзь и понес такую чепуху, что трудно было даже проследить за скачками его безумной горячечной речи.

— Пани докторша...— два раза повторил он, но сейчас же перескочил на терзавших больной мозг чертей и уже не возвращался больше к «докторше», несмотря на мои неоднократные попытки.

Его раздели. Он безучастно подчинился осмотру, продолжая шептать. «Голенькие... а кругом снег и кровь... и Ядзя, и Стах, и Борейша»...— с трудом разобрал я.

— Безнадежен. Типическая форма неизлечимой шизофрении, — сказал Ромашов. — Причины? — переспросил он и пожал плечами.— Гестапо, ужасы, война!

На белье в клейме было напечатано:

Б. Садки, фл. 2 Пл. 4.

— Что это может означать? — спросил я Ромашова.

— Очень просто. Здесь, в пятнадцати километрах от города, есть местечко Большие Садки, там больница для умалишенных и, повидимому, больной оттуда,— и он расшифровал клейма пе-

чати: — Большие Садки. Флигель два, палата четыре.

Я приказал Ромашову, взяв с собою больного, проехать в больницу и выяснить там личность неизвестного.

К ночи вернулся Аркатов.

Врача Янковиц у них никогда не было, но один из медицинских работников польской дивизии вспомнил, что с такой или очень похожей фамилией работала женщина в войсках генерала Андерса, которые после сформирования ушли в Иран.

— Точно я не помню, не то Яновиц, Яннивец, или Янковец, но что-то очень похожее на это,— сказал он.

На вопрос о внешности этой женщины он ответил также неточно:

— Она была связана со штабом самого Андерса. Обслуживала высшие, так сказать, сферы командования, и мы, рядовые работники, мало встречались с нею. Во всяком случае точно одно, что она очень красивая женщина и знающий терапевт.

Когда Аркатов описал говорившему черты и внешний вид убитой женщины, рассказчик задумался и потом сказал:

— Похоже на нее, однако, по-моему, госпожа Янковиц была блондинкой,— потом, напрягая память, он воскликнул: — Очень хорошо помню ее маленькую, точно нарисованную родинку на щеке и холеные, красивые руки. Вот все, что осталось в памяти,— как бы извиняясь, закончил он.

— Что же? И этого не мало,— сказал я,— хотя у погибшей нет родинки, она шатенка, и руки ее похожи на руки женщины, знакомой с трудом.

— Шатенка могла перекраситься в блондинку или наоборот, родинку или мушку может поставить любая кокетливая женщина, а руки... руки могли погрубеть позже, когда настали лишения и физическая работа,— постукивая пальцем по портсигару, сказал генерал,— гораздо интересней — это появление в нашем деле имени Андерса...

— Сейчас оно появится снова,— сказал Аркатов.— Среди шоферов, ведших автоколонну, двое оказались бывшими андерсовцами. Один служил под его началом еще в польско-германскую войну в 1939 году, а другой поступил в Куйбышеве, где формировался этот корпус. И оба одновременно отмежевались от него перед самым уходом Андерса в Иран.

— Интересно! — проговорил генерал.

— И оба вели свои машины рядом,— Аркатов сделал паузу и тихо сказал: — самыми последними в колонне.

— Их фамилии?

— Рядовой Ян Кружельник и младший капрал Тадеуш Юльский. Последний был в частях Андерса в 1939 году. За ними ведется наблюдение органами их дивизии, и новый материал, по мере поступления, будет направляться к нам. Вот копия их личных дел.

Мы стали разглядывать бумаги.

— Образованный человек этот Тадеуш Юльский,— знает русский, английский и немецкий языки. Последний «плохо», что ж, для шофера очень недурно. Окончил восемь классов Лодзинского коммерческого колледжа, сын приказчика фирмы «Годлевский и Смит». Тоже неплохо.

В комнату вошел запыхавшийся адъютант генерала лейтенант Рябов.

— Товарищ генерал, я за вами,— сказал он.

— Что случилось?

— Шифровка из штаба фронта,— и он передал генералу бумагу.

— Так! — прочтя бумагу, сказал генерал.— Неожиданно,— и протянул шифровку мне.

«Генерал-майору Степанову и полковнику Дигорскому с получением сего прибыть в штаб фронта для немедленного отлета в Москву».

— Значит,— вставая с места, сказал я,— нам надо срочно выезжать.

— Да, тут ясно сказано — мне и вам.

— В Москву,— перечел я.— Конечно, кому не лестно побывать в Москве, но сейчас я, право, не радуюсь этому. Столько незаконченных дел и особенно эта проклятая история с привидениями.

— Приказ, дорогой мой,— остановил меня генерал.— Аркатов и те, кто останется вместо нас, разберутся во всем, а нам, Александр Петрович, следует собираться... Люди мы военные, и приказ остается приказом.

Мы выехали в штаб фронта. Провожавший нас Аркатов с грустью сказал:

— Расстаюсь, как с родными. Чует мое сердце, что вы уже не вернетесь сюда.

— Война не кончена, фронты велики, а военная служба разнообразна. Мы еще встретимся и поработаем с вами, дорогой капитан, а вы обещайте вкратце регулярно сообщать нам о дальнейшей судьбе дела «о привидениях»,— прощаясь с Аркатовым, сказал генерал.

— Обещаю,— горячо сказал капитан.

Под утро мы прибыли в село Суковники, где находился штаб фронта, а ночью, уже с предпи-

санием вылететь в Москву, приехали на аэродром. Зачем мы вызваны командованием, никто не знал, но было ясно, что сюда больше не вернемся, так как на наши места уже назначены новые люди.

Ночью взмыла в воздух наша легкая и сильная птица, держа курс на родную Москву.

Мы вышли из «Метрополя» и направились в штаб. На улицах, бульварах и площадях Москвы было оживленно.

Вот она, Москва, военная столица советского народа.

Как эта суровая, затемненная, могучая в своем величавом напряжении Москва непохожа на тот праздничный, веселый и гордый город, каким мы знали его в предвоенные дни! И все же есть что-то близкое и кровное между той и этой Москвой. Спокойное достоинство и уверенность в своем завтра чувствуется во всем.

Генерал, с которым я еще не успел обмолвиться своими мыслями, остановившись, вдруг сказал:

— Солдатская, трудовая, в суровом цвете хаки, победная Москва. Хотя мы на фронте видим, как немцы пятятся назад, но здесь еще яснее видна наша неминуемая, закономерная, кровью и страданием добытая победа.

Генерал, встретивший нас, старый конармеец, участник гражданской войны, радушно сказал:

— Поздравляю с новым назначением, ответственным и почетным,— и, не закончив своей фразы, заторопился.— Прошу за мной, товарищи,

вас ждут,— и он проводил нас в кабинет генерала, возглавлявшего управление штаба.

— Вам уже сказали о новом назначении? — спросил генерал.— Нет? Дело в следующем. Завтра же вы должны вылететь в Тегеран.— И, заметив наше изумление, он добавил: — Что ж тут необычного? Вы — востоковеды и, если б не необходимость, вы с самого начала были бы посланы туда. Но,— он развел руками,— в начале войны вы были нужны здесь, а теперь — там. Садитесь.

Рядом с генералом сидел человек в штатском. Умные глаза, внимательный взгляд, добрая улыбка и радушное, крепкое рукопожатие располагали в его пользу.

— Познакомьтесь, — генерал назвал фамилию нового знакомого, известного востоковеда,— мы пригласили сюда товарища для совместной беседы. Одна сторона моего разговора — военная, другая — дипломатическая. Вы, товарищи, будете жить и работать в стране, которая всего год назад готовилась выступить против нас и по указке Гитлера намеревалась захватить Кавказ и Баку. Правда, это было намерение не самого народа, а лишь бывшего Шаха-Резы и клики продажных царедворцев и военных, но, так или иначе, власть и политика находились в руках этих людей и, не прими мы своевременно меры, поля Ирана стали бы ареной кровавых боев... Но обо всем этом вам расскажет Андрей Андреевич, я же скажу несколько слов о военном положении и причинах, заставивших нас снять вас с оперативной работы на фронте и направить в Иран. Если что-либо будет неясно, спрашивайте.

Генерал поднялся, медленно прошелся по кабинету и остановился у огромной карты, утыканной разноцветными флажками и пересеченной в не-

скольких местах красной и желтой ленточками фронтов.

— До начала гитлеровского вторжения в СССР у нас были все же, хотя и ненадежные, пути сообщения с Англией и Соединенными Штатами. Первый путь через Балтику был закрыт воюющими между собою странами, второй — через Мурманск,— был сложен и тяжел, третий — через Тихий океан,— оставался единственным... И хотя он был небезопасен, так как находившаяся с нами в мирных отношениях Япония неоднократно срывала наше судоходство обстрелом, торпедированием и прочими провокациями, но он все же существовал.

Генерал перешел к другой карте и, водя по ней указкой, продолжал:

— В декабре тысяча девятьсот сорок первого года Япония, по примеру своего партнера, гитлеровской Германии, по-разбойничьи, без объявления войны, атаковала Пирл-Харбор. Началась японо-американская война. Теперь и этот путь был закрыт... Остался один лишь Северный, через льды, моря и туманы Ледовитого океана, но и здесь шныряют десятки немецких подлодок, базирующихся в финских, норвежских и прочих фьордах и портах. Сотни бомбардировщиков дальнего действия, торпедоносцев поднимаются в воздух с аэродромов Скандинавии и идут топить торговые караваны с необходимыми нашей Родине грузами. Рузвельт и огромное большинство американского народа — наши друзья. Они стараются всеми силами помочь нам в нашей сверхчеловеческой борьбе с черными силами фашизма, но фашизм еще очень силен. Люди, создавшие и вскормившие Гитлера, не хотят разгрома гитлеровской Германии.

Знаете ли вы, товарищи, что уже не раз кто-то неоднократно направлял германские подлодки и торпедоносцы на пути, по которым должны идти советско-американские караваны, в то же самое время снимая конвой и посылая его ловить и топить германские подлодки куда-нибудь вдаль. Конечно, в тех секторах, куда уходили удивленные такими приказами моряки, никаких «подлодок» не обнаруживалось, зато на лишенные охраны караваны обрушивались самолеты и нападали подлодки немцев.

Голос генерала был спокоен, но подергивающиеся губы выдавали его волнение. Востоковед сидел неподвижно.

— Как видите, слишком уж тесно переплелись нити, связующие капиталистические монополии воюющего мира.

В связи с событиями в Иране у нас открылся новый путь, по которому президент Рузвельт направил все то, что мы закупаем у США. Но и этот путь, отдаленный от театров войны, оказался под ударом. Трансиранская дорога от Персидского залива и до Бендер-Шаха на Каспийском море также небезопасна, но тут уж я передаю слово уважаемому Андрею Андреевичу, который введет вас в курс дела,— генерал повернулся в сторону молча курившего востоковеда.

— Военная обстановка в Иране вам уже ясна,— отложив папиросу, сказал Андрей Андреевич,— мне остается ввести вас в курс политических событий и рассказать предисторию нынешнего положения в Иране.

Как вы знаете, низложенный Шах-Реза с самого своего появления на политической арене был и оставался ярым врагом Советского Союза

и неизменным поклонником германского фашизма.

Еще в 1924 году германская авиационная компания «Юнкерс» открыла в Иране воздушные линии. В 1927 году немец Линденблатт был назначен директором Национального банка Ирана, а на должность финансового советника — другой немец, Шнивенд. После установления фашистского режима в Германии активность немцев в Иране усилилась, чему открыто помогал Шах-Реза. Он содействовал германскому проникновению в области торговли, промышленного, железнодорожного и военного строительства. Все это привело к тому, что уже в 1937—1938 годах Германия заняла второе место во внешней торговле Ирана, оттеснив Англию на седьмое место, а в 1939 году Шах-Реза, отказавшись заключить с СССР новый торговый договор, предоставил Германии вести с Ираном торговлю и все деловые связи. В Иране обосновались многочисленные представители различных германских фирм. Немцы стали строить стратегические шоссейные дороги, аэродромы, промышленные предприятия. Во всех важнейших государственных учреждениях и предприятиях Ирана они занимали руководящие места. Шпионаж и разведка — это главное в работе этих «специалистов». Поставляя Ирану вооружение, немцы засылали под видом инструкторов и коммерсантов своих офицеров и агентов СС. Под видом технических специалистов и представителей фирм в Иране находилось свыше восьми тысяч гитлеровских агентов и шпионов, часть которых, пользуясь торговыми связями Ирана с СССР, проникала к нам под видом экспертов и представителей иранских фирм. Эта банда шпионов и диверсантов находилась под началом германского по-

сланника в Тегеране, — фон Эттеля. Начальник гитлеровской разведки адмирал Канарис неоднократно приезжал в Тегеран и совместно с фон Папеном и небезызвестным Шахтом был принимаем шахом. Не довольствуясь этим, Реза в августе 1940 года устроил пышную встречу руководителю гитлеровского «Юнгсбунда» Бальдуру фон Шираху, наградив его большой звездой «Льва и Солнца» первой степени. Иран, руководимый реакционером и деспотом Реза-Шахом, быстро катился к фашизму. С момента нападения гитлеровской Германии на СССР, несмотря на формальное провозглашение Ираном нейтралитета, правительство Реза-Шаха проводило резко антисоветскую политику. Иран превратился в базу деятельности фашистских агентов на Среднем и Ближнем Востоке. Мало того, реакционные, профашистские элементы, подстрекаемые гитлеровскими агентами, решили, что настал благоприятный момент для возрождения стародавних посягательств на советское Закавказье и Кавказ. Такие видные купцы, как Бадр, Микпур, Манук-Мартин и другие, на деньги, отпущенные Гитлером, завербовали в число своих агентов ряд депутатов меджлиса, министров, генералов и других руководителей, направлявших внешнюю и внутреннюю политику страны. Летом 1941 года в Иран прибыл руководитель Средневосточного отдела германской разведки фашист Гамотта и его помощник Майер. Они создали диверсионные отряды для переброски на территорию СССР. Из белогвардейцев, дашнаков и муссаватистов, бежавших в свое время в Иран, они подготовили группы, которые должны были быть переправлены в нефтяные районы Баку и Грозного. Придвинув при помощи Шаха-Резы к границам СССР

части иранской армии, гитлеровцы стали производить топографические съемки, фотографирования, участились пограничные инциденты. В Иране широко развернулась антисоветская пропаганда, в Тегеране стал издаваться фашистский бюллетень, большинство газет развило безудержную антисоветскую травлю. На пятницу 22 августа 1941 года был назначен военный переворот, первым действием которого было бы убийство всего состава посольства СССР и поголовное избиение всех проживающих в Иране советских граждан. Советское правительство трижды, специальными нотами от 26 июня, 19 июля и 16 августа 1941 года, предупредило о могущих быть последствиях, но шах и правительство Ирана не обратили на эти предупреждения никакого внимания и продолжали свою преступную политику, готовя удар в спину советского народа. Тогда, 25 августа, на основании статьи 6-й Советско-Иранского договора от 1921 года, наши войска, в целях защиты своих границ вступили на территорию Ирана. Одновременно с запада и юга, с той же целью вошли и английские войска. Кабинет Али Мансура подал в отставку, было образовано новое правительство с премьером Форуги, а 16 сентября, убедившись в провале своей политики, Реза-Шах отрекся от престола в пользу своего сына Мохаммеда-Резы, после чего выехал из Ирана. Часть германских фашистов бежала, другая была задержана, но большая половина их ушла в подполье, продолжая свою деятельность. Как вам, вероятно, известно, в 1942 году американцы высадили свои войска в Иране, заняли порт Бендер-Шахпур и всю Трансиранскую железную дорогу от Персидского залива и до Тегерана. Вслед за этим госдепартамент и военное

министерство США послали в Иран две военные миссии, одну для иранской армии, другую — для жандармерии. Притаившиеся на время фашистские шпионы и диверсанты подняли головы. В то время как на Западе и Юге нашей страны идут кровопролитные бои, в Иране вновь взрываются склады с боеприпасами, в которых так нуждается наш фронт. Горят закупленные у Америки за золото припасы, провиант, обмундирование. Подрываются железнодорожные мосты, гибнут сотни тонн купленного, принадлежащего нам имущества... а американская охрана, несмотря на принимаемые меры, не в силах найти виновных и пресечь преступления.

Ввиду этого для совместного контроля и охраны грузов и путей в Иране создается смешанная на паритетных началах Англо-Американо-Советская комиссия... — Андрей Андреевич умолк, а генерал продолжал его речь:

— Полноправным членом с советской стороны назначен генерал-майор Степанов, полковник Дигорский — заместителем. Теперь вы понимаете, почему вас отозвали с фронта? Там, в Иране, на крайне ответственном месте, должны находиться люди знающие, смелые, знакомые с языками, бытом и историей страны. Люди военные, политически подкованные, такие, которым Родина может доверить это крайне сложное дело. После зрелого обдумывания командование нашло ваши кандидатуры самыми подходящими, но помните, что ваша командировка кратковременная. Как только вы создадите нормальные условия для охраны, установите правопорядок и организуете нормальную службу пути, вас сейчас же отзовут обратно. Вы нам нужны и здесь.. Все!

Мы поднялись с мест, генерал жестом усадил нас обратно и продолжал:

— Работать будет не легко, в сложной и запутанной обстановке. Вас будут окружать люди, из которых кое-кто станет стремиться сорвать вашу работу и дискредитировать Советскую страну в глазах простого иранского народа. Мы знаем о покушении на вас, будьте уверены, что это не последнее... Если на фронте, на нашей территории, эти мерзавцы пытались уничтожить вас, то там, в Иране, они повторят свои попытки. Вы — востоковеды, боевые офицеры, испытанные люди, и заменить вас сразу такими же подходящими кандидатами не легко, а неделя или месяц без нашего глаза и контроля это значит — тысячи тонн погибшего необходимейшего для нас груза. По соглашению с союзниками вы оба и уполномоченные вами люди будут беспрепятственно пропускаться по всем шоссейным путям, караванным дорогам, станциям и караван-сараям, а также и по всей Трансиранской дороге. Американцы несут ответственность за грузы, доставленные до Тегерана, а от него до Бендер-Шаха вся ответственность за грузы ложится на вас. Это значит, что германо-иранские фашисты центр всех диверсий перенесут на этот отрезок пути. Мы по договоренности платим американцам только за те грузы, которые в исправном состоянии будут переданы нам в Тегеране. Американцы приняли все меры к тому, чтобы в их зоне действия подобных инцидентов не было. Но никто не гарантировал нас,— генерал усмехнулся, — что на территории, отведенной нашей зоне, диверсии прекратятся.

— Насколько беззастенчивы почувствовавшие себя безнаказанными фашисты, вы можете судить

уже по одному тому, что крупный германский шпион Артель, фашист и бывший представитель фирмы «Крупп» фон Раданович, бывший «представитель» фирмы «Сименс», а на самом деле убийца и диверсант Вольф, гестаповец и палач Краузе, прикрывавшийся документами «Иранэкспорта», переменив подданство на испанское и португальское, сейчас приняты на работу в различные торговые и нефтяные общества. Думаю, что вам придется встретиться с этими негодяями, так как новое подданство и документы служащего нефтяного общества или концерна могут предохранить их от наказаний,— сказал Андрей Андреевич.

Мы проговорили до вечера.

За обедом, в ресторане отеля, я предложил генералу пойти в Большой театр.

— Не могу. Ночью я должен быть в штабе.

— Очень жаль,— сказал я,— придется идти одному.

Мы пообедали и вернулись в свои комнаты.

Спустя полчаса я пошел в театр, а генерал снова поехал в штаб.

Шел «Сусанин». Я пробрался к своему месту и едва успел сесть в кресло, как потух свет и оркестр величественно начал увертюру.

Новое назначение, такое неожиданное и почетное, взволновало меня настолько, что даже гениальная музыка Глинки не могла рассеять мои мысли.

«Вот она, судьба солдата. Вчера война, фронт, сегодня Москва и Большой театр... завтра — Тегеран».

— Простите, нет ли у вас программы? — спросили сбоку.

Тут только я заметил, что сидел рядом с красивой, хорошо одетой дамой, державшей в руке маленький перламутровый бинокль.

— К сожалению, нет... я еле успел к началу,— ответил я. Сидевшая слева женщина, расслышавшая наш шепот, взяла у своего соседа программу и, не сводя глаз со сцены, коротко сказала:

— Пожалуйста!

Я передал программу даме справа и снова погрузился в свои мысли и то возбужденное одухотворенное состояние, которое создает музыка.

В зале была напряженная тишина.

Ко мне на колени легла программа, и тихое «благодарю» чуть донеслось до меня.

В антракте я пошел покурить. Зрители были на три четверти военные. Погоны, ордена, нашивки. Женщины и мужчины заполнили курительную комнату.

Докурив папиросу, я пошел к выходу и тут снова встретил мою соседку. Она стояла ко мне спиной и не видела меня. В зеркале, висевшем на стене, я хорошо рассмотрел ее. Это была красивая женщина среднего роста, свободно и спокойно державшаяся в толпе. Не докурив папиросы, она небрежным движением бросила ее и пошла в фойе. Шла она быстро, не глядя по сторонам, повидимому, торопясь на свое место. Я шел поодаль, лавируя между прогуливавшимися людьми. Почти у самого входа из сумочки моей соседки что-то мягко, без стука выпало на ковер. Это был бинокль. Пока я поднимал его, соседки уже не было.

Войдя в зал, я увидел ее в кресле.

— Простите, гражданка. Посмотрите, не потеряли ли вы чего,— сказал я.

— Кажется, ничего... а в чем дело? — раскрывая сумку, сказала она. В голосе ее были недовольные нотки.

Лицо ее изменилось.

— Бинокль... я потеряла бинокль.

— Вот он! Вы уронили его в фойе.— Я вынул из кармана изящную вещичку и отдал ее.

Зал быстро заполнялся. Над пюпитром показалась голова дирижера.

— Благодарю вас... Мне эта вещь ценна, как память...— сказала моя соседка.

Начался второй акт.

В антракте мы побродили по фойе театра, выпили по стакану кофе и вернулись в зал уже знакомыми. Она вдова, муж ее летчик, погиб в самом начале войны. В Москве она проездом и на этих днях уезжает... — Куда? Очень далеко и, возможно, надолго. Она переменила тему разговора.

Елена Павловна, так зовут ее, много читала, знает английский и французский языки и когда-то «в молодости», — как, улыбаясь, сказала она,— «даже снималась в кино».

В половине двенадцатого ночи мы вышли из театра. Была серебристая лунная московская ночь.

— Извините меня, Елена Павловна, но я не могу проводить вас. Завтра мне надо рано вставать.

— Я как раз хотела попросить вас об этом. Я не люблю «случайных» знакомств, хотя сегодняшнему очень рада. До свидания, а вернее, прощайте, так как вряд ли мы встретимся когда-нибудь.

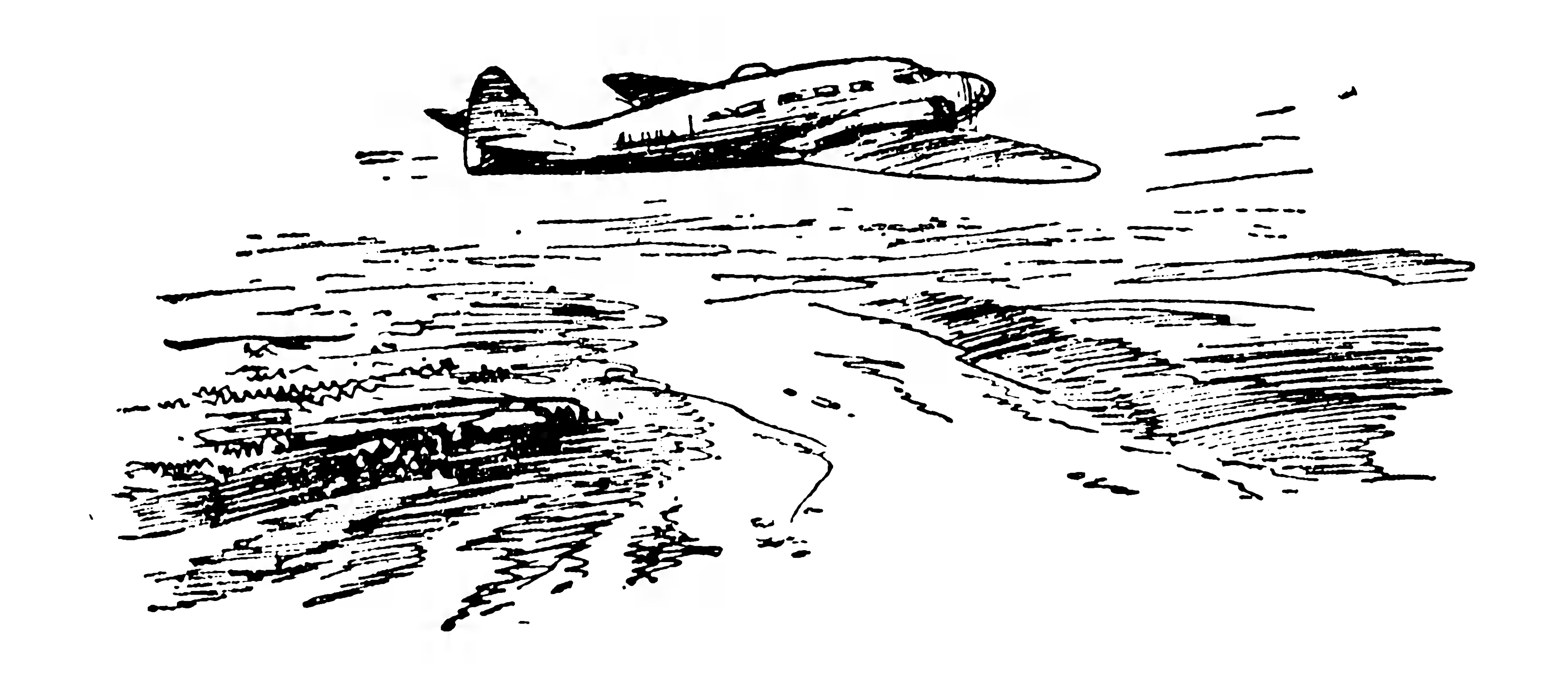

Генерала еще не было, и я один стал готовиться к отлету. Раза два мне вспомнились красивое лицо и ласковый грудной голос моей новой знакомой, но сейчас же я отогнал от себя налетевшие мысли.

Подальше от всего, что не относится к тому, что ожидает меня в Тегеране.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Раннее утро только поднималось над столицей. Земля чуть покачивалась под нами, бежал, обрываясь, подмосковный лес, станции, дачные места, поля, речки, огороды и снова леса... Как далеко теперь была от них война и как же близко подошла она к нам в 1941 году.

Самолет поднимался все выше, земля все быстрей неслась внизу. Я взял карту и стал разглядывать маршрут полета. Первая остановка Сталинград, место недавних жестоких боев, следующая — Астрахань, Махачкала и Баку.

Генерал дремал в кресле, и я видел лишь его затылок. Мерно, в такт машине, генерал покачивал головой. Рядом с ним сидел флотский подполковник с медицинскими погонами, двое генералов, работников штаба Закавказского фронта. Трое солдат, охранявших военный груз, направлявшийся в Махачкалу, да стрелок, неотступно сидевший возле своего пулемета,— вот все, кто, кроме пилота, находились в самолете.

Уже через час после начала полета мне захотелось есть, и, достав из ручного саквояжа бутерброды и несколько крутых яиц, я предложил генералу позавтракать.

Мой начальник охотно закусил и снова задремал так уютно, что и я, сложив карту, последовал его примеру.

Мы проснулись, когда самолет, резко идя на снижение, опускался на огромный военный аэродром возле Сталинграда. Это был один из тех

знаменитых аэродромов, с которых совсем недавно взлетали наши боевые самолеты.

Но вот Сталинград остался далеко позади. Волга причудливо вьется внизу.

Степь по обеим сторонам Волги, желтая, без жизни и без зелени, утомляет глаз.

— Александр Петрович,— обращается ко мне генерал и дальше уже по-персидски продолжает: —Этот проклятый «дом с привидениями» не дает мне покоя даже здесь. Мне кажется, что за Каспийским морем это дело еще не раз встретится нам.

— На территории Ирана?

Генерал кивнул головой.

Медицинский подполковник, читавший газету, повернулся к нам:

— Ба! Кажется, тоже востоковеды...— И, перейдя на фарсидский язык, он представился: — Старший врач Казвинского военного госпиталя, подполковник Галаев. Был в Москве, теперь возвращаюсь обратно в Иран.

Мы обменялись рукопожатиями, поговорили о разных пустяках, но уже на аэродроме в Астрахани генерал недовольно сказал:

— Вот урок обоим нам... Мы забыли о том, что фарсидский, как и любой другой язык, кроме нас, может знать еще немало людей... Хорошо, что случилось здесь, под небесами.

Из Астрахани в Махачкалу летели почти все время над морем. Сначала широкая при впадении в Каспий Волга, с ее разветвленной дельтой, с сотнями судов, парусников, с многочисленным населением по берегам каналов, затем зеленовато-синее, спокойное море захватили нас. Смена пейзажа была мгновенной, и мы подолгу не отры-

вались от оконцев, глядя на могучую водную гладь, раскинувшуюся внизу.

В Махачкале мы заночевали, а рано утром вылетели в Баку.

Баку, благоухающий и нарядный, с его красивыми улицами, чудесным бульваром, богатыми домами-дворцами, произвел на меня большое впечатление. Город нефти, поднявшийся над морем, был чист, ярок и светел. Надо очень уважать свое дело, любить людей, беспокоиться за их здоровье, чтобы суметь сделать так, что ни запаха, ни пятнышка, ни пылинки не чувствовалось на улицах благоустроенного, великолепного города.

Гостиница «Европа», где нам отвели два номера, была заполнена военными. Баку — это перепутье, перекресток, откуда идут две важные дороги: одна — в Грузию, другая — на Иран, к Персидскому заливу, где начинается Трансиранская железная дорога.

Генерал уехал в штаб, я же остался в номере, так как хотел просмотреть последние иранские газеты, комплект которых любезно предоставили нам местные товарищи-востоковеды.

Передо мной лежала стопка газет: «Мардом», «Сетарее Иран», «Дад», «Иране Ма», «Эттелаат», «Кейхан». Я уже отвык от буржуазных газет, добрая половина которых была занята происшествиями, сплетнями тегеранского общества и новостями шахского двора. Вместо деловых статей в них печатались бульварные романы с продолжениями из номера в номер.

В Европе земля тряслась от грохота орудий, тысячи самолетов днем и ночью бомбили изрезанную окопами, сожженную огнем, опаленную

взрывами землю, а здесь редакторы и сотрудники газет писали и печатали великосветскую придворную чепуху. О войне давались только сводки, причем события 1941 и 1942 года преподносились в этих газетах явно в германофильском и особенно враждебном нам духе. О союзниках, Америке и Англии, говорилось неясно и в полутонах, но ненависть к Советскому Союзу в дни 1941 года была совершенно очевидна. Дальше тон менялся, наши победы, отречение Реза-Шаха, ввод советских и англо-американских войск в пределы Ирана принесли с собой и смену настроений. Те же газеты заговорили уже в другом тоне, но и тут, сквозь строки, через прозрачный флер различных «обзоров», «фельетонов», «высказываний», «интервью» политических и общественных деятелей, ясно чувствовалось холодное, неприязненное отношение к нам, и рядом — низкопоклонные, захлебывающиеся от лакейского восторга статьи, восхвалявшие Америку.

О победах советских войск и отходе немцев под ударами наших армий сообщалось в общих фразах, но тут же очень хитро и многозначительно говорилось, что если бы не Америка и не ее помощь, советские войска никогда не добились бы успеха.

Рассказывая в двух-трех строках о героях Сталинграда, газеты ни к селу ни к городу отводили много места описаниям боев американской армии с испанцами в 1898 году, или эпизодам из войны англичан с русскими во время Крымской кампании 1854—1856 годов. Тут уже газетчики не скупились на расписывания мифических подвигов сержанта Джона или капрала Торенса, нанизывавшего на саблю по 10—15 русских или испанских солдат. В пространных статьях говорилось

о моще и богатстве Америки, о морских базах Англии, о том, сколько миллионов народонаселения мира говорит на английском языке.

Изредка проскальзывала заметка о том, что в Советском Союзе голод, в Сибири — чума, в Архангельске — восстание. Словом, даже для менее искушенного читателя, чем я, было очевидно, что газетами Тегерана после ухода германофилов управляет весьма тенденциозная рука.

Сначала я делал заметки, выписки, отчеркивая то или другое место, но затем утомился. Почти все газеты были одинаковы и ничем не отличались одна от другой, хотя на всех напечатан горделивый заголовок — орган «демократической», или «социалистической», или «беспартийно-независимой» мысли. И только один «Журналь де Теберан» да близкая к придворным кругам «Кейхан» не изменили своего постоянного лица, печатая, как и раньше, из номера в номер, сообщения о великосветских событиях и новостях иранского двора. Тут вперемежку шли и назначения на посты вельмож и знатных генералов, и светские сплетни, и слухи о замужестве или разводе той или иной высокопоставленной особы, или же заметки о придворном балете.

Интересны были также и объявления, в которых рекламировалась только американская продукция, начиная от резиновой жвачки, напитка «Кока-Кола» и вплоть до машинных станков и полицейских автомобилей фирмы «Форд».

Читая объявления, я невольно обратил внимание на то, что в трех газетах: в «Дад», «Кейхан» и «Эттелаате», на протяжении последнего месяца из номера в номер ежедневно печатали на видном месте одно и то же объявление.

ОККУЛЬТИЗМ И МАГИЯ

Гипнотизер и волшебник, ученик знаменитого мага Шу-Фо, изгоняет бесов и привидения. Вызывает духов, а также и тени ваших умерших близких. Объясняет таинственные силы природы и явления загробной жизни. Нервных просят не приходить.

Адрес: улица Шапура, дом 41

Гипнотизер-волшебник — *Го Жу-цин*

Все три газеты отпечатали на своих страницах эту средневековую чертовщину.

— Вот, не угодно ли,— показывая газеты вошедшему в комнату генералу, сказал я.— Духи и привидения преследуют нас даже в Иране.

— Мне кажется, именно там они и станут показывать себя,— без улыбки ответил генерал.— Собирайте чемоданы, нынче ночью в двадцать два тридцать отплываем в Пехлеви...

— Как Пехлеви? А разве не самолетом до Тегерана?

— Нет!.. Кое-что изменилось. Ночью уходит пассажирский пароход «Тургенев», на нем нам отведена каюта. Утром уже будем в Пехлеви, а эти газеты,— он кивнул на разложенные по столу листки,— захватите с собой. В дороге почитаем. Ночь-то велика, успеем выспаться...

Я внимательно посмотрел в его спокойное лицо.

— Что-нибудь изменилось?

— Нет, за исключением того, что нам придется в Пехлеви задержаться на день. Там нас ожидает американский генерал Даббс, член Воен-

ной Союзной Комиссии по эксплуатации иранских дорог. Американец на несколько дней летит в Москву, но, узнав о нашем предполагаемом приезде, задержался в Пехлеви для того, чтобы встретиться с нами и наметить пути будущей совместной работы.

Я стал собирать чемоданы. Уложив их, я пошел прогуляться на приморский бульвар.

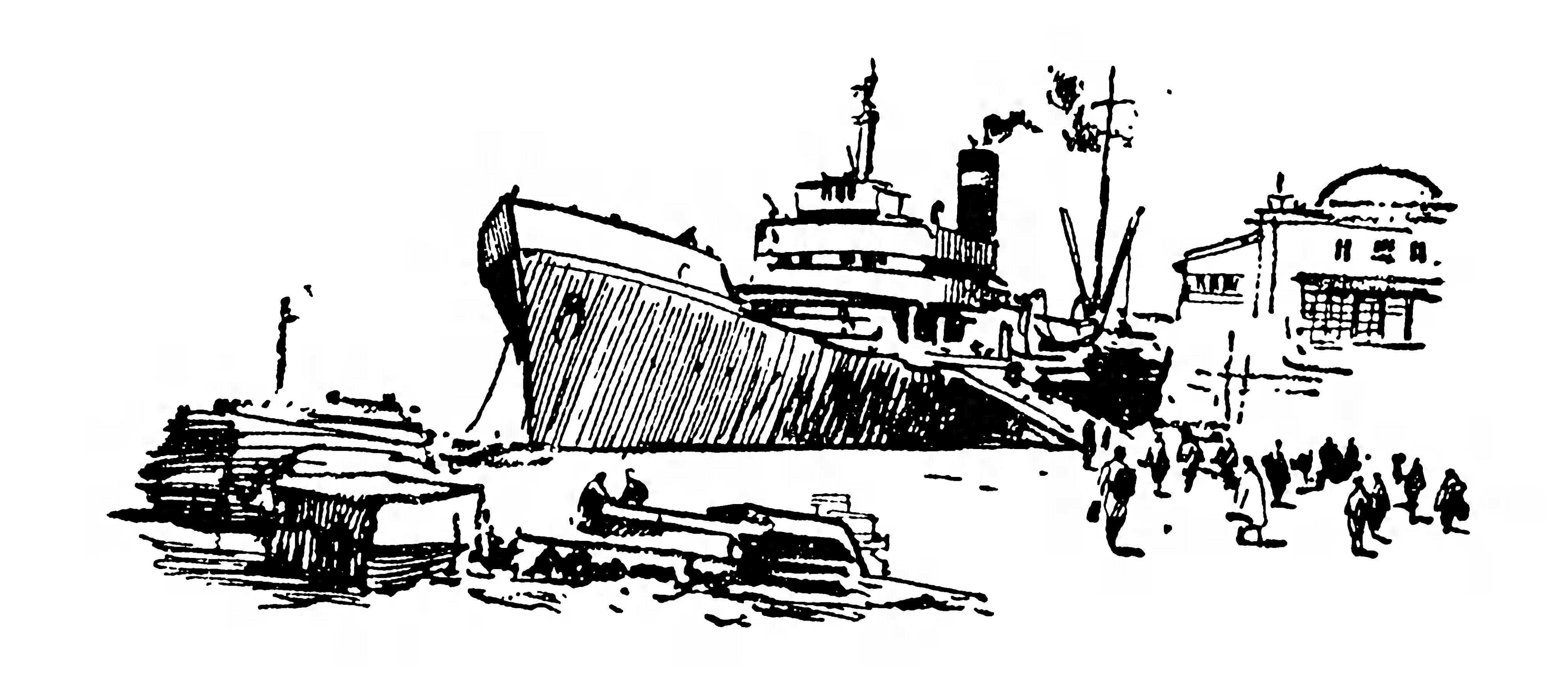
Я недолго бродил по улицам вечернего Баку, так как мысль о скором отъезде все же беспокоила меня.

Задумавшись, я не спеша шел по проспекту Ленина, подходя к знаменитому «Парапету», о котором считают нужным писать решительно все журналисты, посещающие Баку.

Внезапно я услышал позади себя английскую речь и, чуть посторонившись, пропустил группу английских военных, шедших с двумя дамами. Они, шумно смеясь и о чем-то оживленно разговаривая, прошли мимо меня. Все это случилось так быстро, что я не успел даже оглянуться и увидеть лицо кого-либо из них, и только красивый грудной голос одной из дам, весело сказавший шедшему с нею офицеру:

«О, сэр Джемс, я всегда была уверена, что вы даже в дебрях Азии останетесь джентльменом и европейцем»,— запомнился мне.

Вероятно, это были сотрудники какой-либо торговой или военной миссии, каких в эти дни было много в портовых городах Союза. Я проводил глазами кремовое плащ-пальто дамы, ее белокурые выбившиеся из-под шляпы локоны и, перейдя Парапет, пошел к гостинице.

В 22 часа 30 минут пассажирский пароход «Тургенев» отошел от пристани. Мы с генералом стояли у окон каюты и, опершись о поручни, смотрели на толпу, провожавшую пассажиров, едущих в Иран. Среди отъезжающих были и персиянки с мужьями и детьми, шумно и суматошно погружавшиеся на пароход. Их беспокойные голоса, взволнованный вид, обилие чемоданов, тюков и ковровых сум несколько нарушали чинную степенность посадки. Почти перед самым отходом, когда рабочие взялись убирать трап, из вокзала выбежали три англичанина в военных костюмах, две дамы и пожилой штатский господин, за которым шофер и носильщики несли два обитых медными полосами чемодана и весь оклеенный багажными и отельными ярлыками саквояж. Пограничники осмотрели их бумаги, и лейтенант, командир контрольного поста, отдавая честь, вежливо сказал:

— Прошу.

Англичане поднялись на пароход, направляясь к своим каютам. Издав последние прощальные гудки, «Тургенев», отчаливая от пристани, развернулся и, выйдя на курс, стал набирать скорость. Легкое подрагивание корпуса, шум машин

и характерный звук бегущей за кормой воды усиливались. Огни города стали уходить вглубь. Баку отступал, уменьшался и вдруг разом растаял в темноте.

— Остров Нарген,— сказал генерал, указывая на новые огни, показавшиеся справа по борту «Тургенева».

Оба яруса пассажирского парохода были полуосвещены, и в их полумраке виднелись проходившие по коридору или прижавшиеся к перилам люди.

Ветер свежел, ночь становилась прохладней, и море, осветившееся луной, засеребрилось, заплескалось в чешуйчатых, сверкающих блестках игравшей под ветром воды.

— Какая красота!.. Какие краски!.. Ни один поэт и никакой художник не сумеет описать такую чудесную ночь! — послышалась в стороне английская речь.

Я прислушался. Это был тот же голос, грудной, приятный, низкого, бархатного тона, который я сегодня слышал у Парапета.

— С чем можно сравнить это море играющих, сверкающих, я бы сказала, звенящих блесток, скажите сразу, сэр Джемс?

— Э-э, могу... с серебром и со слитками золота, хранящимися в подвалах Королевского казначейства в Лондоне,— ответил бас.

Англичане расхохотались.

— Сребролюб, лишенный фантазии,— тоже смеясь, проговорила незнакомка.

— Однако становится свежо... Пойдемте-ка в каюту, почитаем на сон грядущий газеты,— сказал генерал, и мы вернулись в уютную каюту, где ждала нас кипа иранских газет.

Утром я вышел на палубу. Впереди, в голубой пелене мглы, теплого воздуха и горячих лучей персидского солнца, вставал Пехлеви.

Справа — зеленый островок, на котором расположились все учреждения и управления города. Слева — Казьян с его отлогим берегом и нешироким входом в отличную Энзелийскую гавань. Вон белая, широкая лента прекрасного шоссе, бегущего отсюда через Решт и Казвин к Тегерану. У Казвина от него ответвляется дорога и идет к Хамадану и дальше на Керманшах. Шоссе еще в начале нашего столетия было построено русскими инженерами, русскими мастерами на русские деньги и в 1918 году волей революционного русского народа по декрету Ленина безвозмездно передано Ирану. Да разве одна только эта дорога? А богатейшие рыбные Лианозовские промыслы на берегу Казьяна, а аннулированные долги Персии царскому правительству, а многочисленные суда, здания банков, консульств?..

Интересно, помнят ли правители этой страны о таком большом и великодушном акте Советского правительства или они продолжают вести враждебную нам политику бывшего Шаха-Реза?

Берег приближается; вот явственно видны зеленые апельсиновые рощи, в которых тонет Пехлеви. По шоссе, в сторону Хеммамской заставы, бегут автомобили. Держа курс на Хамадан, уходит большой транспортный самолет.

«Тургенев» останавливается на рейде и один за другим дает три густых коротких гудка, затем долго и надрывно ревет. Из порта ему отвечает тоненький, срывающийся гудок, и спустя несколько минут из-за плеса вылетает небольшой катерок. На носу катера развевается зеленый иранский флаг со львом и солнцем посередине.

Это таможенный надзор и пограничная стража, не так уж необходимые сейчас, в условиях военного времени, но «таков порядок», и «Тургенев» стоит на своем месте, ожидая дымный, шумно сопящий катерок.

За ним показывается лодка с лоцманом, и спустя несколько минут наш пароход осторожно идет между мелями и узким «горлом», ведущими в широкий пехлевийский порт.

Когда мы спустились на берег, англичане еще не показывались из своих кают, хотя у пристани стояли три легковые машины, на радиаторах которых были маленькие британские флажки. Двое белозубых, рослых «томми», попыхивая сигаретками, выжидательно смотрели на палубу парохода.

Шумная, кричащая толпа встретила нас на берегу Казьяна. У сходней плескались грязные волны залива, на которых плавали арбузные корки, темнели жирные нефтяные пятна, желтела кожура апельсиновых корок, бумаги, щепки... На берегу суетились продавцы винограда, изюма, яблок и орехов, длинных, похожих на портянку, хлебов-лавашей. Какой-то старик, вытягивая из-под рваной рубахи бутылку водки, предлагал ее всем сходившим с парохода. Плохо одетые «ажаны», полицейские, с уныло безразличным видом прохаживались тут же, время от времени выкрикивая — «боро» (пошел, проваливай) и замахиваясь на нищих черными, бамбуковыми палками. Было видно, что они не пускали их в ход только потому, что тут же стояло несколько наших шоферов-красноармейцев и что пришедший пароход был советским.

К нам подошел комендантский офицер и, приложив руку к козырьку, осведомился о наших фамилиях, после чего сказал:

— Товарищ генерал, старший лейтенант Кривцов докладывает, что автомобиль военного командования с шофером, сержантом Головко, прибыл за вами.

Усадив нас, он сел рядом с шофером, и машина помчалась по узкой, обнесенной глиняными стенами, улочке. Запах магнолий и апельсиновых рощ окутал Казьян.

Часа два спустя после нашего приезда в Пехлеви мы отправились к генералу Даббсу, уже ожидавшему нас. Это был типичный «штатский» генерал, каких много среди американских деловых людей, на время войны надевших военную форму, но и по характеру, и по образу своей жизни оставшихся глубоко штатскими людьми. Даббс — член конгресса, один из хозяев Питсбургской акционерной железной дороги и директор пароходного общества «Ураниум» в Бостоне. Американец, человек лет шестидесяти, был свеж, розов, весел; он часто оглушительно хохотал, показывая безупречно сделанные белоснежные зубы. Наша беседа затянулась до обеда, но ничего конкретного в ней не было, разве лишь то, что генерал неоднократно повторял, что с американцами нам будет работать легко, но вот с «осталь-

ными»,— тут подняв вверх палец и покачивая головой, Даббс подчеркнул — «будьте осторожны»!

Мы пообедали вместе, так и не поняв, зачем, собственно говоря, задержал нас здесь на сутки этот розовощекий здоровяк-американец.

Часам к шести вечера мы вернулись в помещение «Иран-рыба», где разместился штаб местного гарнизона.

Еще засветло мы поехали по шоссе, протянувшемуся вдоль берега Казьяна. У разветвления дороги генерал остановил машину и, указывая вдаль, туда, где море слева вплотную подходило к шоссе, а справа, также вплотную стояли болотистые рисовые поля, задумчиво сказал:

— Вот тут двадцать восьмого апреля 1920 года я с десантной группой моряков перерезал путь бежавшим к Решту белогвардейцам,— он медленно провел ладонью по лицу и, словно нагоняя воспоминания, продолжал: — Вот там, где белеют гребешки волн, стоял наш миноносец «Яков Свердлов». Сбоку, в полукабельтове от него,— «Зевин», а ближе к порту, на рейде, вся Волжско-Каспийская флотилия с десантными судами, с пловучими батареями и баржами. Оттуда били судовые калибры, а тут,— он указал на берег,— стояло двадцать восемь тяжелых английских орудий. Здесь — двенадцать полевых. Весь порт был забит англичанами и беляками. Но мы на заре так неожиданно ударили по ним, что ни одно орудие не успело сделать и выстрела. «Защитники» берега,— он усмехнулся,— побежали, бросив все: орудия, казармы, склады. Белые, как перепуганные зайцы, заметались куда попало — кто

на шоссе, кто к заливу. Одни к Казьяну, другие к Энзели, третьи — прямо по рисовым болотам... а тут уже мы их на перешейке встречали. Представляете — картина. Вылощенные дамы, изящные барыньки, офицеры в погонах с разными крестами и регалиями, тут же сипаи, индусы, английские солдаты, сестры милосердия, толстые купчины, попы. Кто пешком, кто на автомобиле, кто верхом, на велосипедах, в таратайках и колясках... а тут мы, матросня двадцатого года, солдаты гражданской войны, только что разгромившие Деникина и Колчака. А с моря все новые и новые шлюпки, десанты, прямо из воды, по колено в волне, топают... Одних орудий больше семидесяти штук захватили, а пленных англичан целыми батальонами. Вот тут в колонны ставили и обратно в казармы отводили. А белых,— генерал махнул рукой,— тысяч около четырех... Склады оружия, продовольствия, военного снаряжения, госпитали, все без единого выстрела попали в наши руки и, конечно, все суда Каспия, нагруженные разным уворованным белыми добром. В это утро мы в полной сохранности вернули нашей тогда молодой Советской республике все бесценное добро.

— Я слышал об этом боевом эпизоде,— сказал я,— но не знал, что вы принимали в нем участие.

— Принимал,— просто ответил генерал,— был десантником матросом, а не говорил, потому что повода не было к тому. Мне кажется, что именно тогда, вот на этих-то берегах Энзели, и зародилась во мне любовь к Востоку.

Он надел фуражку, и машина двинулась обратно, но генерал еще долго молчал, уйдя в воспоминания своей юности, прошедшей в грозе и грохоте гражданской войны.

Мы вернулись в Пехлеви. Утром надо было улететь в Тегеран. Вместе с нами должен был лететь и прикомандированный к нам уже здесь, в Пехлеви, старший сержант Сеоев.

Сеоев, огромный человек, по национальности осетин, свободно владел фарсидским языком. Еще до войны он работал шофером смешанного советско-иранского общества «Ирантранс» и отлично знал дороги, быт, условия и нравы Ирана. Он — коммунист, участник боев за Кавказ, откуда после ранения под Моздоком был переведен в нестроевые и послан в Иран для использования по месту прежней службы.

Сеоев, нацепив на себя трофейный пистолет и летный кортик, снятый им с какого-то немецкого «асса», уже с вечера готовился к отъезду.

Генерал молча просматривал последние иранские газеты.

Вдруг, взяв в руки лежавшую перед ним газету, он раздельно прочел:

— «Отдел разных событий и происшествий. Ожидается приезд в нашу столицу двух известных востоковедов, положивших немало труда на изучение Ирана и населяющих его племен, генерала Степанова и полковника Дигорского».

Я удивленно посмотрел на него.

— Но это еще не главное,— и он стал читать дальше: — «Много потрудившись в обстановке боев и трудностей походной жизни, эти ученые господа смогут отдохнуть в нашей гостеприимной стране и заняться делами, которые возложены на них».

Он почесал лоб и задумчиво сказал:

— Интересное сообщение, хотелось бы знать, откуда оно поступило в газету и зачем, соб-

ственно, нужно было нас возводить в ранг «ученых» и публично оповещать об этом.

Достав папку со своими делами и обведя напечатанное красным карандашом, генерал вложил газету в папку.

Утром по Рештскому шоссе мы выехали в район Решта, где находился аэродром, с которого на военном самолете должны были вылететь в Тегеран.

Слева было море, справа — заболоченные рисовые поля. Шоссе бежало к зеленевшим впереди лесам. Вот и Хеммамская застава, дальше Решт. Автомобиль несся в густой тени обступившего шоссе леса.

— Приближаемся к местам, где в двадцатом году хозяйничал Кучик-Хан — вождь «лесных братьев» дженгелийцев. Человек глупый и предатель, изменивший делу революции, перебежавший к Реза-Шаху и бесславно казненный им,— сказал генерал.— Вот,— указывая на видневшийся сквозь деревья каменный особняк, продолжал он,— бывшее царское консульство. Здесь у нас был серьезный бой с англичанами, в результате которого мы отбросили их к Решту, а вот там, на лужайке, в момент боя взбунтовался целый батальон индусов и, выбросив красные флаги, перешел к нам...

Сеоев, полуобернувшись со своего сиденья, восторженно слушал генерала.

— И долго вы были здесь? — спросил я.

— С момента возникновения и до дня ликвидации Персидского фронта, то есть с апреля 1920 года по осень 1921 года. Перед нами стояла английская месопотамская армия генерала Том-

сона и персидские войска, тогда еще военного министра Персии, Хана-Резы. Тесня тех и других, мы выбили их из Решта, Гиляна и всего Мазандерана. Фронт дошел до ущелья и перевала Менджиль. По ту сторону они, по эту — мы... Уж очень трудно было перейти это глубокое, без дорог, ущелье, через которое был перекинут единственный во всем районе мост, минированный и охраняемый целым полком пехоты, артиллерией и броневиками англичан.

— О-о, я много раз водил машины через Менджильский мост,— сказал Сеоев,— ущелье глубокое, кругом скалы, совсем дикое место.

Машина вынеслась к опушке, возле которой прохаживался часовой, показался офицер с красной повязкой на рукаве. На разветвлении дорог стоял столб с двумя стрелками, на одной из них черной краской было написано: «Пенза». Хозяйство Степанова». На другой: «Тамбов». Хозяйство Соборова».

Второе — Соборова — был аэродром, и мы, показав свои удостоверения и пропуска, свернув на Тамбов, спустя десять минут уже очутились на вместительном и уютном аэродроме, приспособленном для взлета и спуска как легких, так и тяжелых военных самолетов.

Соборов, пожилой, веселый и любезный полковник, прежде чем посадить нас в уже поджидавший самолет, заставил, как он говорил, «по летному обычаю», выпить по стакану виноградного вина — «за счастливый отлет», и только после этого мы втроем поднялись в воздух и, сделав круг над аэродромом, взяли курс на Тегеран.

Утро было теплое и ясное. Воздух чист и так прозрачен, что синевшее слева море, расстилав-

шиеся под нами леса и высившиеся впереди горные кряжи были словно нарисованы в своей неповторимой красоте. Мы летели уже довольно долго. Самолет шел, ускоряя полет, ревели моторы, свистел ветер, и нельзя было расслышать того, что хотел сказать Сеоев, показывавший пальцем вниз.

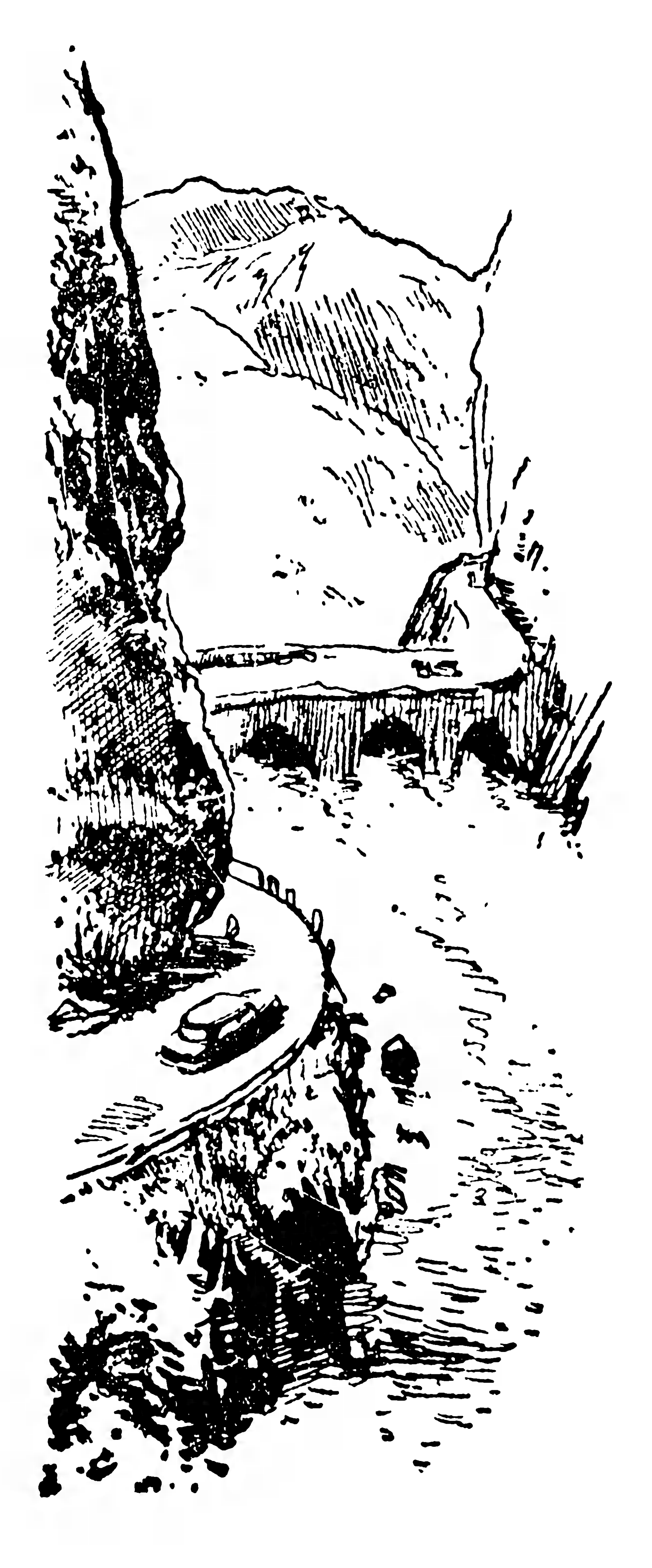
Генерал взглянул, кивнул ему утвердительно головой и, достав из кармана блокнот, коротко написал: «Менджиль... ущелье и мост, о котором говорил».

Пригнувшись к оконцу, я посмотрел вниз. Длинная глубокая трещина разрывала горы на две части. Темнел перекинутый через нее кирпичный мост. Шоссе обрывалось на одном и продолжалось на другом конце моста, а под ним, на большой глубине, билась и сверкала, ниспадая с камней, горная река. Да, такое препятствие, да еще с помощью техники 1920 года, мудрено было осилить.

За Менджилем колорит местности изменился. Горы разошлись в стороны, и на широком плато, в дымках знойного субтропического утра стали показываться селенья, сады, дороги.

Самолет снизился и шел прямо над ровным как лента шоссе. Замелькали автомашины, конные транспорты, караваны, пешеходы, засверкали реки, показались пахотные поля, арыки, и, наконец, огромным черным, окутанным пылью и голубой мглой, встал Казвин — один из крупнейших городов Ирана.

Мы летели над садами, улицами, площадями и зданиями города. С высоты было видно своеобразное смешение прямых и широких обсаженных деревьями проспектов с бегущими под ними арыками и кривых, пыльных, безводных пере-

улочков и тупичков; больших площадей с цветной мозаикой мечетей, с голубыми куполами, с высокими богатыми домами и кварталов с прилепившимися друг к другу маленькими саклями, нищенскими пристройками без единого деревца во дворе.

Еще мгновение — и Казвин остался позади. Самолет шел на Тегеран.

На горизонте выступала из мглы темная гряда гор, а в стороне от них, вынырнув прямо из воздуха, поднялся белоголовый, снежный хребет Эльборус, у подножья которого в зелени и неге раскинулся Тегеран. Но до него не близко, и самолет все несся в сторону сверкавшего своими льдами Демавенда.

Прошло уже пять дней, как мы прибыли в Тегеран. Нам сразу же пришлось окунуться в сложную организационную работу. В основном она состояла из составления ориентировочного плана работы по управлению и охране переходившей под наше наблюдение северной части Трансиранской железной дороги, а также и всех шоссейных, проселочных и караванных путей, шед-

ших к Бендер-Шаху и другим портам Каспийского моря. Надо было из небольшой приданной нам группы офицеров создать штаб управления, найти помещения, позаботиться об аппарате, установить тесную связь с командованием наших войск, обеспечить охрану и безопасность личного состава и сделать еще много непредвиденного, на что уходит немало времени, напряжения и труда. И, наконец, мы должны были встречаться как с руководителями англо-американских союзных отделов координации, так и с представителями иранского министерства путей сообщения, а все это означало, что не только дни, но и часы нашего пребывания в Тегеране были расписаны по графику.

На следующий день после прилета мы явились с официальным визитом к управляющему американским сектором Трансиранской железной дороги генералу Чейзу. После обычных учтивых и ничего не говорящих фраз, генерал вдруг сказал:

— Как я сожалею, господа, что вы не были вчера в столице... Ведь вы так были необходимы здесь...

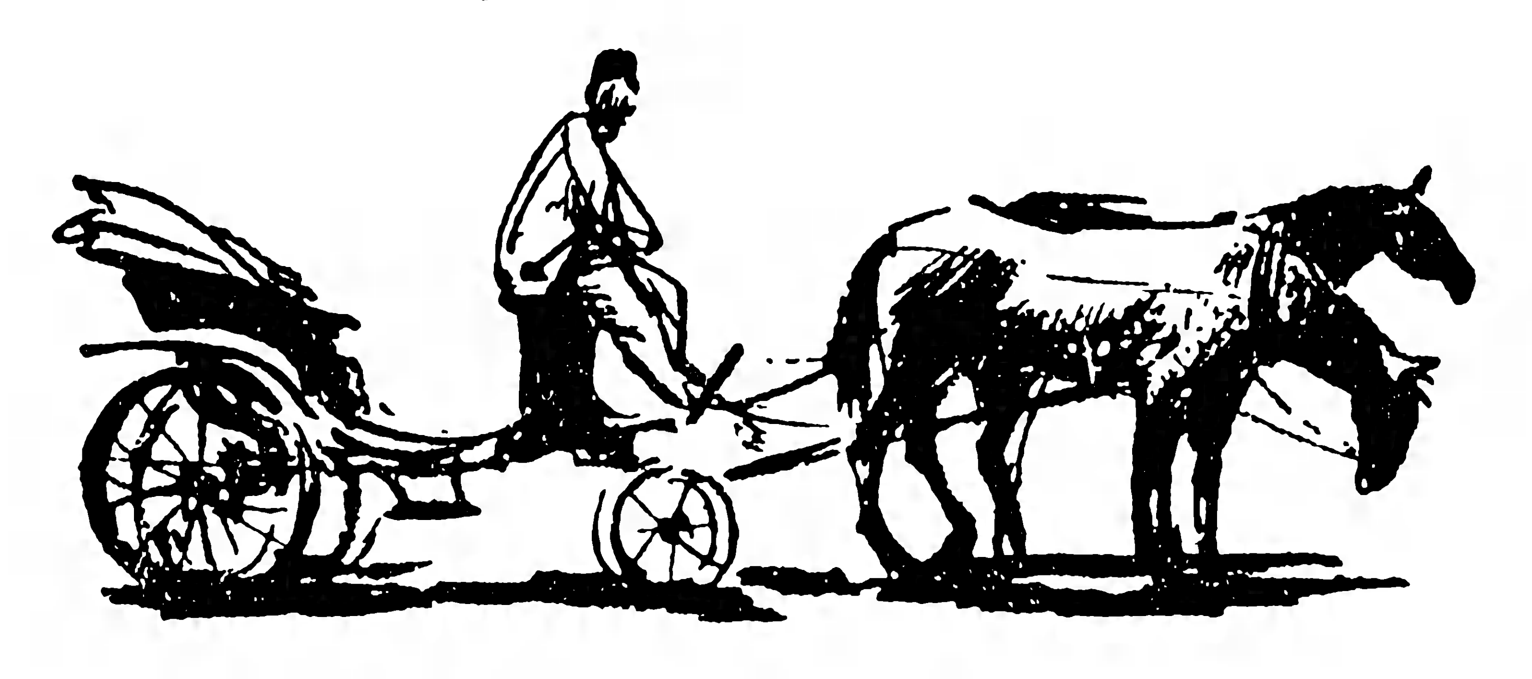
На наш вопрос, что же произошло день назад в Тегеране, американец сказал:

— Была полуофициальная встреча всех управляющих союзными секторами и зонами дорог с представителями директората железных дорог Ирана. Ввиду отсутствия русских пришлось встречу провести без них, но протокол этого совещания вы, конечно, получите.

Выкурив по сигаре и выпив по рюмке ликера, мы распрощались с американцем.

Утром я вышел на веранду, где сидел генерал. Тут же был прекрасно одетый господин, сбоку

от него сидели два иранских офицера в полковничьих погонах. Генерал представил нас друг другу. Господин Митчелл, историк и археолог, один из давно живущих здесь членов американской колонии. Полковники — офицеры гарнизона столицы, кавалеристы, бойко говорили и по-русски и по-английски. Когда мы уселись, разговор снова вернулся к теме, оборвавшейся при

моем появлении. Митчелл расспрашивал генерала о великой Орловско-Курской битве, только что закончившейся на полях нашей страны.

— О-о, это будет иметь для войны не меньшее значение, чем Сталинград!..— восторженно сказал он.

Полковники закивали головами.

Мне после долгой кабинетной работы хотелось прогуляться по улицам Тегерана.

Посидев минуты две, я извинился и вышел на улицу.

Несмотря на обилие зелени и бегущие арыки, воздух был знойный и неподвижный. Ни один листок не шевелился на деревьях. Огромные платаны, каштаны и карагачи сплошной шапкой закрывали небо. Белая вершина Демавенда сверкала вдали. Родники и фонтаны журчали в садах, и все-таки воздух был неподвижен и напоен ленивой, тяжелой истомой.

Проезжавший мимо «дрожке» (извозчик) остановил свой фаэтон. Такси, прятавшееся в прохладе деревьев, тихо тронулось навстречу. И извозчик и шофер с надеждой смотрели на меня. Безработица и дороговизна велики, и каждый пассажир, да еще «ференги» (иностранец) — верный заработок.

Я взглянул на худое, испитое лицо извозчика, на его угодливо улыбающееся лицо, тревожные глаза и молча сел в фаэтон. Помимо всего, я много лет не только не сидел в таком фаэтоне, но даже и не встречал их, так как они давно уже вытеснены у нас автомобилем и метро.

— Коджа мери, саиб? * — приподнимая шапку, спросил извозчик.

— Мейдан **,— коротко ответил я. Коляска тронулась с места.

— Яваш! яваш!.. *** — вдруг раздался крик сзади. Коляска остановилась, и я увидел Сеоева, сбегавшего по лестнице ко мне.

— Товарищ полковник, разрешите сопровождать вас, ведь я, как свои пять пальцев, знаю Тегеран и буду вам полезен всюду,— сказал он.

— Садитесь, сержант,— предложил я, подвигаясь на сиденьи, ничем не показав ему, что отлично разгадал маленькую хитрость генерала, пославшего мне в помощь этого рослого чичероне.

— Боро! **** — махнул рукой сержант, и коляска покатила по широким, несколько лет назад реконструированным улицам европеизированного Тегерана. Мимо бегут нарядные «дрожке», не-

---

* Куда ехать, господин?

** На базар.

*** Стой, стой!..

**** Пошел!

сутся навстречу автомобили самых разнообразных марок от «Бьюика» и «Испано-Сюизы» до «Форда» и «Мерседес». Нарядные дамы с зонтами в руках, в легких шелковых одеяниях прогуливаются по бульвару. Франтоватые молодые люди полуевропейского типа, «фоколи», как их презрительно называют здесь, стоят у витрин магазинов или прохаживаются группами, громко

переговариваясь меж собой. Девушки-цветочницы снуют возле них со своим товаром.

Зеркальные витрины магазинов, яркие плакаты кинотеатров, киоски с прохладительным, кафе и большие четырехэтажные дома... Здесь европейская часть Тегерана.

«Дрожке» свернул на улицу Аля од-Доуле, или «Бульвар посланников», как называют эту тенистую, всю в садах и фонтанах улицу, на которой расположены почти все дипломатические миссии Европы, аккредитованные при шахском дворе. «Дрожке» выезжает на главный проспект, нерв и гордость столицы — «авеню Лалезар» (как пояснил Сеоев). Здесь уже не Восток, а

Европа, или вернее американизированно-европеизированный Иран.

Рослый полицейский в белых перчатках, с густыми нафабренными усами и резиновым «клобом» на боку управляет движением, регулируя поток велосипедов, экипажей, машин. На тротуарах женщины с открытыми лицами, толстые чиновники в форме, офицеры с гремящими палашами и шпорами, степенные купцы, горожане в шерстяных аба, студенты в желтых ботинках. Иногда промелькнет пробковый шлем или соломенная шляпа англичанина.

Попадаются английские «томми», группами и в одиночку гуляющие по авеню. Шумные высокие американцы в шапочках-пирожках, бесцеремонно расталкивая гуляющих, идут по тротуару. Две англичанки на пони и усатый майор на огромном гунтере проносятся мимо нас.

«Дрожке» пересекает Топ-Хане (Пушечная площадь) и, стегнув по бойко бежавшим лошадям, сворачивает к базару, близость которого чувствуется и в кривых улочках, и в обилии горожанок, спешащих со своими корзинами и соломенными «зимбилями», а также в обилии нищих, которых не видно в центре и на проспектах Тегерана. Там властитель — полицейский «ажан», здесь хозяева — купец и рынок.

Я оставляю фаэтон и, расплатившись с довольным извозчиком, иду к одному из входов в крытый тегеранский базар. Сеоев, много раз бывавший здесь, шествует сбоку.

Крики, вопли, звон бубенцов и караванных колоколов заполнили воздух. Неистовый рев ослов, звонкие голоса мальчишек, зазывания купцов,

выкрики нищих и вопли дервишей сливаются в общий шум.

— Хабардар (берегись)! — вопит краснобородый человек, едущий на ослике прямо в толпу. За ним видны головы верблюдов, на спинах которых покачиваются тюки. Толпа не спеша теснится, пропуская караван. Пахнет пряностями, иногда носится и запах терьяка. Духота и прохлада вместе с гамом охватили нас. Свет и воздух скупо проникают через отверстия, прорезанные в куполах крыш.

Мы прошли уже ряд галерей, но лабиринт все еще продолжается, и если бы не Сеоев, то вряд ли я сумел бы выбраться из этого огромного и шумного торжища. Пройдя ремесленное отделение базара с его сапожными, портновскими и кузнечными рядами, мы выходим к месту, где торгуют продуктами питания. Здесь тоже галереи, но они шире и с просторными площадками (майданами), на которых возле наваленных горами арбузов, дынь, тыкв, яблок, огурцов и помидоров висят освежеванные туши быков, баранов, коз. Тут же вяленые кутумы, соленые окуни, судаки. Со стен свисают гроздья винограда, на земле стоят табахи (подносы) со сладостями — белыми гязи, засахаренными орехами, соленым миндалем, конфетами, медом, рахатом и гузинаками.

Груши, яблоки, хурма, инжир, гранаты, кишмиш, рис, мешки с сахаром, фасолью, банки с медом, огромные бутылки с уксусом, соль, овес, ячмень — все это выставлено в рядах, перед глазами сотен медленно передвигающихся покупателей.

— Эй, эй, вот арбу-у-з так арбуз! — несется визгливый тенорок фруктовщика.

— Балух! Ой балух-балух! — перебивает его

торговец рыбой, подбрасывая над головой огромного уснувшего судака.

Десятка три полудохлых рыб еле передвигаются в большой кадке у его ног. Покупатели суют руки в кадку, шумно спорят друг с другом, одновременно торгуясь с продавцом.

— Хур-ма! Пах, пах, пах, вот ханская хурма! — ревет над ухом третий.

— Аб-хордам (холодная вода)!

Надрываются продавцы воды, размешивая пальцами кусочки льда, плавающие в сосудах.

— Райская еда — кябаб!..

— Во-от купите люля-кябаб! — поет сидящий на корточках человек. Около него жаровня, на угольях жарятся нанизанные на вертела кусочки мяса и помидоров. Сок стекает прямо на дымящиеся уголья. Ароматный запах жареного разливается в воздухе. Вокруг стоят, облизываясь, голодные бедняки. Двое мальчишек, засунув в рот пальцы, глотая слюну, смотрят, как ловкие руки продавца заворачивают дымящееся сочное мясо в тонкий лаваш.

— Только десять шай за порцию! Только десять шай! — поет кябабщик.— Сам бы ел, да денег надо! — кричит волосатый продавец в грязном балахоне, похлопывая по кадке со льдом, в котором лежит его «султанский товар».

По базару, окруженные зеваками, медленно проходят два бородатых крестьянина. В руках — длинные однозарядные ружья, старинные «пибоди», стреляющие пулей весом чуть ли не в фунт. Это — охотники, жители Мазандеранских лесов. Впереди них плетется фигура, покрытая огромной

пятнистой шкурой и увенчанная страшной головой тигра с оскаленной пастью. При ближайшем рассмотрении под шкурой тигра можно увидеть человека, изредка высовывающего наружу свое лицо.

Это — крестьяне, выследившие и убившие огромного зверя, который наводил панику на людей и скот в их районе.

Один из идущих впереди охотников останавливается, принимает воинственную позу и, потрясая ружьем, вдруг начинает кричать диким голосом:

— Правоверные! Люди!.. Сюда, сюда, скорее! Смотрите, смотрите!..

На его вопль сбегаются любопытные. Образуется большой и тесный круг.

Вращая белками глаз, охотник неистово кричит:

— Вот он, страшный зверь, пожравший сто и еще семьдесят коров и ослов в нашем районе!..

Слушатели испуганно ахают и галдят...

— ...Вот тот кровопивец, который разорвал десять бедных мусульман, мирно живших в Мазандеране. Он не щадил никого...— высоким фальцетом кричит охотник. Ему вторит другой, в свою очередь потрясая допотопным оружием:

— Этот кровожадный зверь не пощадил даже самого муллу, не говоря уже о простых людях, которых он глотал просто, как пилюли...

Зеваки вздрагивают и жмурятся. Кое-кто в толпе улыбается.

— ...Он рвал их на части, он терзал их, как злой дух, он мучил и тащил из них душу...— скороговоркой, муками погибших, устрашает слушателей рассказчик.

При этих словах облаченный в пятнистую шкуру полутигр, получеловек внезапно рычит, пры-

гает, беснуется, скачет и извивается, иллюстрируя этим поведение кровожадного зверя.

Кто-то в страхе взвизгивает, некоторые смеются, большинство же в полуиспуге, как зачарованные, сочувственно слушают удалого враля.

— Но мы, трое храбрецов, охотники со стальными мускулами и крепким сердцем, бросились на помощь правоверным... Три дня мы стерегли зверя, два дня следовали за ним, целый день бились бесстрашно с ним... и вот свирепый зверь убит нами,— кланяясь толпе, смиренно заканчивает рассказчик.

Второй охотник неожиданно вступает в дело.

— Взгляните, правоверные, на это чудовище, на его страшные когти, на его острые зубы, на его кровавые глаза и подумайте, что стало бы с вами, если бы он встретил вас!

Все потрясенные молчат.

— А теперь возблагодарите аллаха за то, что он спас вас от неминуемой смерти и платите, что сможете, храбрецам.

Деньги сыплют в шапку первого охотника-краснобая, но он, видимо, недовольный сбором, укоризненно кричит:

— Не скупитесь во имя Алия! Суньте руки в карманы и бросьте сюда первую попавшуюся монету. Каждому, кто бросит, воздастся в сто раз больше.

— Не продадите ли вы ваш трофей, уважаемые господа? — раздается вдруг грудной женский голос, и, раздвигая толпу, выходит хорошо одетая дама, сопровождаемая лейтенантом.

— Да, да! Я к вам обращаюсь, доблестные нимроды,— продолжает она, показывая на удивленно смотревших охотников. — Я хочу... ку-пить

у вас шкуру этого ве-ли-колепного зверя,— раздельно говорит она, указывая пальцем в длинной шелковой перчатке то на пышный мех тигра, то на себя.

— Ин чи гофт?.. Чи михаит, ханум? * — удивленно переглядываясь, спрашивают владельцы шкуры. Часть толпы зашумела, загалдела, замахала, догадываясь о предложении дамы, но дело от этого не идет дальше, так как никто из присутствующих, видимо, не знает английского языка.

— Как, однако, это скучно, Генри, жить в стране, языка которой не знаешь...— устало говорит

---

* Что она говорит, что хочет госпожа?

дама,— да есть ли вообще здесь хоть один, кто мог бы помочь мне купить у азиатов эту чудную шкуру? — обводя глазами толпу, продолжает она.— Ах вот, русский офицер! Хотя ни вы, ни я не знаем русского языка, но быть может он в состоянии.

— Вряд ли,— лениво говорит лейтенант, похлопывая стеком по ноге.

— Я говорю по-английски, сударыня, и немного знаю персидский язык,— поднося руку к козырьку фуражки, сказал я.— Если позволите, переведу ваше желание.

— О, прошу вас, прошу! Извините, что, не будучи знакомой, обращаюсь к вам с просьбой, но в этой стране азиатов европейские условности излишни. Я.— Эвелина Барк, журналистка, а это — сэр Генри Марккрайт, лейтенант воздушного флота...— она смолкает, выжидательно глядя на меня.

В свою очередь представляюсь и я, раскланиваясь с офицером и его дамой.

— А теперь прошу вас, полковник, передайте этим господам, что я хочу купить у них шкуру, она очень подойдет к коврам моей гостиной.

Я перевожу озадаченно слушающим меня охотникам. Продажа шкуры, повидимому, не входит в их планы, помолчав, они вполголоса советуются между собой о цене. Добровольные помощники из толпы громко подают голоса:

— Бери побольше, не жалей этих иностранцев...

— У них риалы мешками лежат...— просовывая голову между спорящими охотниками, шепчет один из толпы.

— Проси двести туманов,— возбужденно кричит второй.

— Триста! Разве за двести найдешь такую! — убежденно говорит какой-то зевака и, восхищенно чмокая губами, гладит шкуру зверя.

— О чем они так галдят? — спрашивает англичанка.

— Боятся продешевить, никак не найдут сходную цену.

— Пятьдесят туманов,— вдруг неуверенно говорит старший из охотников и вопросительно смотрит на меня.

Я перевожу его слова.

— Только-то? Да у нас за такую сумму я бы не купила шкурки порядочной кошки,— смеется дама и, вынув из перламутрового кошелька деньги, отдает ошалевшему от удивления, приготовившемуся к долгому спору и торговле, охотнику.

— Ах пах-пах! — с сожалением качает головой один из советчиков.— Ай, дурная голова, чего спешил! Говорил тебе проси триста... ищи теперь второй раз такого счастья...

Солдат, провожавший даму, перебрасывает через плечо тяжелую шкуру тигра с оскаленной мордой и под смех и улюлюканье толпы несет ее к выходу, где на площади ждет даму ее экипаж.

— Вы позволите, полковник, еще немного воспользоваться вашей любезностью? Здесь, на Востоке, европейцы должны помогать друг другу.

— Я к вашим услугам, мадам,— говорю я, к своему удивлению не видя возле себя Сеоева.

Голос у женщины приятный, грудной и, кажется, тот самый, который так недавно я слышал в Баку и затем на палубе нашего парохода. Я не ошибаюсь, я мог бы отличить его из тысячи других женских голосов. Мы идем мимо торговцев, истошными криками расхваливающих свой товар.

— Хурма! Ах, пах, пах!.. Вот хурма, так хурма! Сам английский шах не едал такой... Да я ему, неверной собаке, ни за какие деньги и не отдам ее, а вам, правоверные, только за два шая, только за два шая!.. — размахивая руками, кричит торговец фруктами.

— Какая забавная фигура,— указывая на продавца хурмы,— говорит дама,— переведите, пожалуйста, что он говорит.

Я слегка замялся, желая смягчить фразу, так красочно сказанную иранцем.

— Не стесняйтесь. На Востоке я научилась слышать самые разнообразные выражения,— заметя мое смущение, говорит спутница.— Все это забавно и интересно. Я, правда, и раньше бывала в Багдаде и Бомбее, но здесь впервые, и этот Восток очень отличается от Месопотамии и Индии,— внимательно разглядывая ряды, рассказывает дама.— Ведь сюда я приехала не через Багдад или Мохаммеру, а из...— она смеется,— Баку. Да, да, из вашей страны. Я была больше десяти дней в Москве и уж оттуда выехала в Тегеран.

Я не ошибся, это была она. Ее простые правдивые слова несколько успокоили меня.

Журналистка очень красива, ей, наверно, не больше 32—33 лет. Она белокура, чуточку полна, на щеке крохотная, изящная родинка. Кожа ее белая, оттененная золотистой копной волос.

Лейтенант молчалив, учтив и скучен, во всяком случае, кроме двух-трех банальных фраз, он не сказал ничего.

— Так переведите, пожалуйста, что он говорит,— просит дама.

Я перевожу. Она звонко смеется, а ее молчаливый спутник воинственно поводит глазами в

сторону продолжающего расхваливать свой товар продавца.

— Я немедленно же запишу эту превосходную фразу,— смеясь говорит дама и, достав маленькую записную книжку, что-то пишет, потом небрежно кладет книжку в боковой карманчик своего тонкого шелкового плаща-накидки.

Мы с трудом выбираемся к одному из выходов на площадь. Здесь дама и ее кавалер благодарят меня, прощаясь со мной. В стороне, у фонтана, стоит небольшой автомобиль. При виде моих спутников шофер дает сигнал и медленно едет навстречу.

— Еще раз благодарю вас, сэр, и уверена, что встретимся вскоре, ведь Тегеран невелик, а европейцев в нем не так уж много. Во всяком случае в четверг от трех до четырех часов дня я дома и буду рада видеть вас у себя,— и она протягивает мне маленькую изящную визитную карточку с приписанным ниже от руки адресом.

Мои неожиданные знакомые уехали. Я иду обратно к базару. Неожиданное исчезновение Сеоева удивляет меня. Всегда такой точный и исполнительный, он непонятно как затерялся в толпе именно в тот момент, когда был особенно нужен мне.

Я снова вхожу в крытый рынок. Ко мне, запыхавшись, подбегает с радостными, сияющими глазами иранец. Он низко кланяется и, вытаскивая из-под полы своего аба изящную с золотым обрезом и перламутровым тиснением маленькую записную книжку, говорит:

— Саиб серхенг (господин полковник). По милости аллаха я нашел утерянную ханум вещь и поспешил за вами. Другие люди спрятали бы находку, но я, ага, честный человек и как можно

скорее побежал искать вас.— Он улыбается жалкой, просящей улыбкой.

Я беру книжку и, достав пять риалов, отдаю их иранцу.

— Да не уменьшится тень ваша на земле, дорогой саиб, раб ваш всегда будет помнить о щедрости господина,— витиевато, старинной фразой отвечает бедняк и, еще раз поклонившись, исчезает в толпе ротозеев, окруживших и слушающих нас.

Спрятав находку в карман, я иду дальше, и в ту же секунду вижу Сеоева, энергично шагающего навстречу. Великан продирается сквозь толпу пешеходов, словно по дремучему кустарнику. Люди отодвигаются, сторонятся и отступают, пропуская сержанта.

— Куда вы исчезли, Сеоев, я прямо не пойму, как это случилось?— спрашиваю я.

— Надо было, товарищ полковник,— оглядывая прохожих, вполголоса говорит он.— Пойдемте к выходу, мне надо поговорить с вами.

По его тону, быстрым наблюдающим взглядам и строгому, деловому тону голоса, я понимаю, что сержант чем-то взволнован.

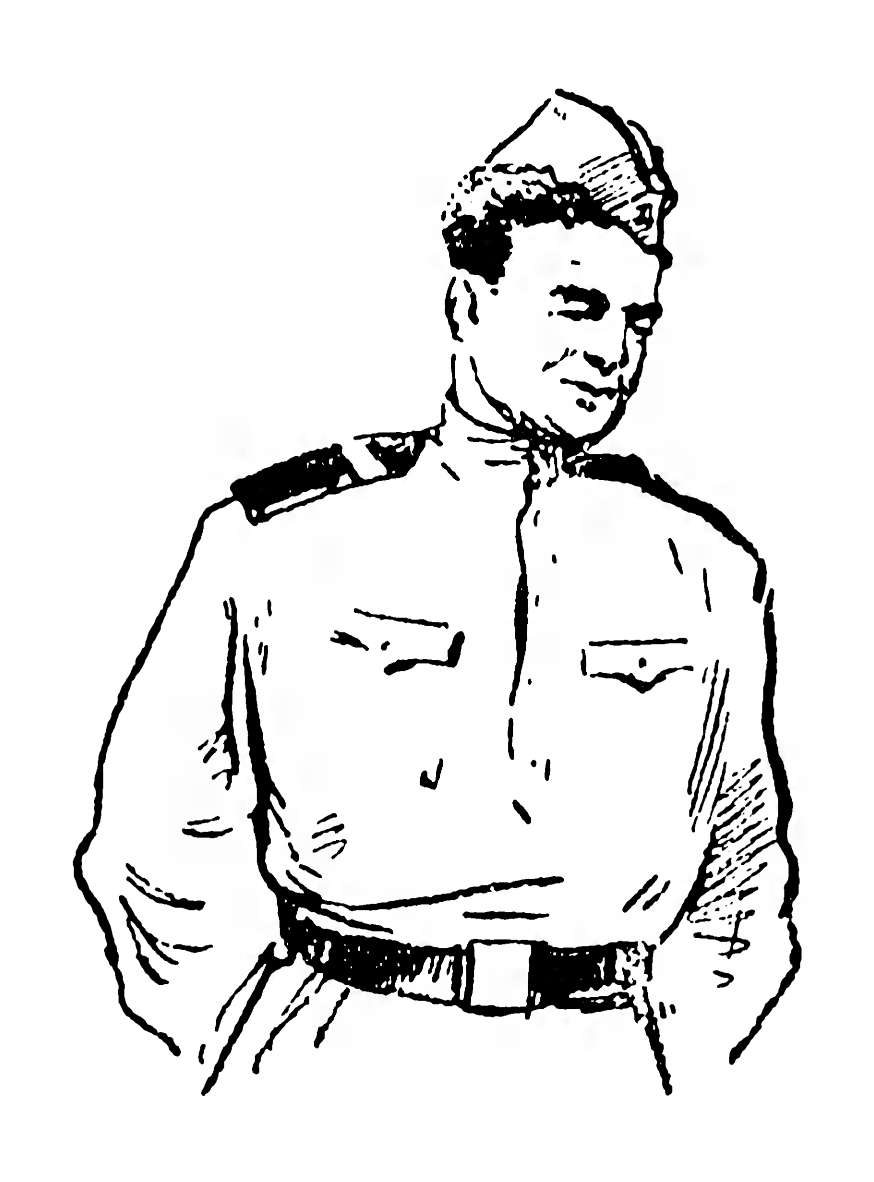
Первым попавшим переулком мы выходим из-под сводов базара на воздух. Сеоев оглядывается и потом тихо говорит:

— Товарищ полковник, вы знали раньше эту женщину, которая заговорила с вами?

— Нет, а что?

— Почему она обратилась к вам по-английски? О чем она просила вас? — все тем же тоном продолжает сержант.

— Она хотела купить тигровую шкуру у охотников и, не зная персидского языка, случайно обратилась ко мне.

— «Случайно»,— повторяет Сеоев. — Товариш полковник, она лучше меня знает по-фарсидски, и, кроме того, она говорит по-русски не хуже вас.

— Как... и по-русски?

— Точно! Я ее встречал еще три года назад в Багдаде и Мохаммере, а в Тегеране она жила несколько месяцев перед самой войной с немцами. Я ведь работал здесь шофером и отлично знаю всех европейцев, проживавших подолгу в Иране, особенно же красивых женщин...

— Почему особенно?

— Шофера, товарищ полковник, народ общительный и любопытный. Мы всегда знаем о тех или иных сплетнях, семейных делах, тайнах любого тегеранского купца, вельможи или европейца больше, чем знает он сам, и уж, конечно, больше, чем тегеранская полиция.

— Ну, и что же вы можете сказать об этой даме?

— Пока только то, что она великолепно говорит по-русски. Я потому и спрятался, как только увидел, что она подошла к вам.

— Так вот что, товарищ Сеоев, мы сейчас отправимся домой разными путями. Я поеду на фаэтоне, а вы возвращайтесь немедленно, и мы дома как следует обсудим это открытие.

Сеоев кивнул головой и, отстав от меня, затерялся в шумной толпе. Наняв первого попавшегося «дрожке», я вернулся домой.

Не заходя к генералу, я занялся ознакомлением с так неожиданно попавшей в мои руки записной книжкой.

Обронила ли она ее случайно или все подстроено нарочно? Но для чего? Для того, чтобы я обязательно явился к ней в четверг, привезя эту книжку?

В то же самое время, если Сеоев не ошибается, то эта дама уже не раз бывала в Иране, знает персидский язык и, конечно, не нуждалась в моем посредничестве.

Дальше — она говорит по-русски. Тогда зачем она дважды разыграла комедию со мной, и случаен ли приезд вместе с нами на «Тургеневе»?

Это была красивая изящная книжка с вложенным в нее крохотным карандашиком, отделанным слоновой костью. От книжки исходил запах пудры и дорогих французских духов. Я открыл ее и... остолбенел.

На первой странице тонким женским почерком было написано:

ГЕНРИЭТТА ЯНКОВЕЦКАЯ

Итак, иностранная журналистка, представившаяся мне как «мистрисс Эвелина Барк», носила при себе записную книжку, на заглавной странице которой написана почему-то польская фамилия владелицы, Генриэтты Янковецкой, так удивительно похожая на фамилию таинственной Гертруды Янковиц, действующего лица из «дома с привидениями».

Было от чего остолбенеть и, как говорят иранцы, «положив в рот пальцы удивления, сесть на ковер раздумия».

Я снова погрузился в чтение записной книжки госпожи Янковецкой, но так и не нашел ничего,

что могло бы разъяснить или же хоть направить на дальнейшие выводы мой ум. Кроме фамилии владелицы на первой странице, все остальные записи (а их там было немало) и даже последняя были сделаны другим почерком на безукоризненном английским языке.

Ничего особенного не было в записной книжке... Несколько телефонов, несколько английских имен, два арабских изречения и персидская пословица, но они были написаны латинскими буквами и тут же сделан их перевод.

На одиннадцатой странице книжки я нашел коротенькую запись, вероятно для памяти, сделанную в Москве.

«Посещение Большого театра. «Сусанин», прекрасная опера, чудный ансамбль».

Возможно, что это было в тот самый вечер, когда и я был там.

Две-три чисто женские строчки о притираниях, мазях и кремах, о каком-то ширазском шелке, адрес тегеранской конторы и стихи, любовная лирика Гете на английском языке, завершили записную книжку.

Я выписал в свою деловую тетрадь все найденные в книжке записи в той же последовательности, какая была у владелицы.

Легкий стук вывел меня из раздумья. В комнату вошел генерал, одетый в пижаму, широкие домашние брюки и легкую матерчатую персидскую обувь «геве», очень удобную для ног.

— Где гуляли, Александр Петрович? Я даже позавидовал вам, ведь эти господа просидели у меня около часа и, пока не выпили достаточного количества сода-виски и не рассказали кучу ба-

нальных тегеранских сплетен, не удалились. Американец очень сожалел, что вы ушли так быстро, по его словам у вас «симпатичное лицо» и с вами приятно чокнуться. Ну, что же вы нашли хорошего на знаменитом тегеранском базаре? Ведь этот базар уступает только багдадскому, да еще, может быть, кумскому, хотя кумский меньше, но ввиду окружающих его святынь, духовных школ, старинных мечетей и обилия духовенства более мрачен и специфичен... Вероятно, купили новенький сарух * или фальшивую монету времен Дария Гистаспа, ловко сфабрикованную в Керманшахе? Обычно так поступают все новички, впервые попадающие на тегеранский базар.

— Ни то ни другое! Я нашел более интересное, но может быть не менее фальшивое, чем хамаданские монеты жуликов-нумизматов,— и я протянул ему записную книжку «Генриэтты Янковецкой».

Генерал долго и внимательно читал внесенные в нее записи и потом тихо сказал:

— Поясните мне, пожалуйста, что это за книжка и как она попала к вам?

Он молча слушал мой обстоятельный, со всеми подробностями, рассказ о встрече в Баку, возле Парапета, о приятном грудном голосе незнакомки, о совместном переезде через Каспий на пароходе и, наконец, о странной, повидимому, не случайной встрече и знакомстве с дамой «Мистрисс Эвелиной Барк» в самой гуще тегеранского базара.

Генерал молчал, его лицо было спокойно, но я, так давно знавший его, понимал, как он глубоко взволнован моим рассказом.

---

* Ковер.

Когда я сказал о том, что Сеоев нарочно скрылся, затерявшись в толпе, генерал коротко, одобрительно сказал:

— Молодец!

Когда я закончил повествование, лист бумаги, лежавший перед генералом, был весь исчерчен чертиками, дамскими головками и кругами. За свою долголетнюю работу с ним я уже знал, что это случалось только тогда, когда генерал бывал особенно насторожен.

— Вы думаете, что Гертруда Янковиц — «Генриэтта Янковецкая» и мистрисс Эвелина Барк одно и то же лицо? — в раздумьи спросил он.

— Не знаю...— сказал я.

— Как интересно складывается дело,— также задумчиво продолжал генерал.— «Дело с привидениями», начавшееся на Западе, перекинулось... а может быть и наоборот,— началось здесь, а перекинулось в район Украины...

Он поднялся с места, прошелся по комнате и вдруг спросил:

— Где Сеоев?

— Должен быть здесь, так как мы уговорились встретиться позже.

— Опросите его. Он может быть нам очень полезен в данном деле.

— Разрешите войти, товарищ генерал? — показываясь в дверях, рявкнул Сеоев.

Мы переглянулись, и улыбка засветилась под усами генерала.

— Входите, сержант. Ну, что скажете хорошего? — спросил он.

— Особенного — ничего, кроме того, что сейчас же после отъезда товарища полковника на базар примчался офицер с кавасом (слуга переводчик). Они искали потерянную книжку, рас-

спрашивали, не нашел ли кто-нибудь ее и долго не уезжали с базара. Через базарного будуна (глашатая) они обещали тому, кто найдет и вернет эту книжку, сто риалов...

— По какому адресу? — перебил его генерал.

— Я записал... вот он,— сказал Сеоев.— После их отъезда я справился у будуна.

Офицер сказал, что знатная дама будет у фокусника, и просил нашедшего книжку оставить ее у господина Го Жу-цина, улица Шапура, дом сорок один.

Я поднял голову. Мне показалось, что где-то совсем недавно слышал и этот адрес и эту фамилию... Хотя что общего могло быть между светской дамой и фокусником со странной китайской фамилией?

Я посмотрел адрес, записанный в книжке Эвелины Барк: ул. Посланников, 24.

Этот же адрес назвала она, когда приглашала меня к себе в четверг. И все-таки... несомненно, я где-то слышал и эту странную фамилию «Го Жу-цин».

Сеоев вышел. Мы в раздумье сидели, напрягая память.

— Позвольте!.. — вдруг сказал генерал,— да ведь это тот самый «волшебник», адрес и фамилию которого вы недавно прочли мне в газетах «Дад», «Кейхан» и «Эттелаат»...

И, вынув из стола кипу газет, он достал одну за другой названные газеты.

— Вот они...— и вот обведенные вами же красным карандашом объявления о «гипнотизере, маге и волшебнике Го Жу-цине»...

Я уже вспомнил все — и мое удивление, и наши улыбки, когда там, в Баку, впервые прочли

это курьезное, необычное для нашего глаза, объявление.

— Обратите внимание на странные вещи. Все три газеты поочередно, в последовательном порядке, печатают это объявление... Второе — мистрисс Эвелин просит вернуть книжку не на улицу Посланников, а китайскому волшебнику на улице Шапура. Помните, я еще тогда вам сказал, что духи и привидения начнут показывать себя именно здесь, в Иране.

Вот запись в деле о «привидениях», сделанная мною в результате беседы с сержантом Сеоевым.

— Расскажите, Сеоев, где и как вы познакомились с этой дамой?— спросил я.

— Начну с самого начала, товарищ полковник,— сказал сержант.— В 1940 году, работая шофером в «Ирантрансе», я приехал в Мохаммеру, теперешний Хорремшехр. Днем, когда я шел к порту, на улице возле отеля «Ориент» я увидел красивую даму, которую уже не раз встречал раньше в Тегеране, и около нее человека маленького роста, одетого в белый костюм и пробковый шлем. Они о чем-то возбужденно разговаривали, но так как говорили по-английски, то я ничего не понял. Когда я уже подходил к ним, дама громко по-русски сказала:

— Ни за что!.. можете быть в этом уверены...

— Вы еще не раз покаетесь в этом! — тоже по-русски ответил ей маленький человек, и в его глазах появилась такая злоба, что я подошел к даме и сказал:

— Извините, может быть, я понадоблюсь вам?

То, что я говорю по-русски и слышал их разговор, неприятно поразило обоих, особенно обеспо-

коило даму. Она сейчас же овладела собой и, улыбнувшись, сказала:

— Даже очень... Я поссорилась с мужем и попрошу вас проводить меня к вокзалу.

Человек в шлеме ухмыльнулся и пошел к отелю.

— Вы русский? — спросила дама.

Я сказал, что я осетин, с Кавказа, что работаю шофером в «Ирантрансе».

— Вы знаете персидский язык? — спросила она.

— Да.

— А английский?

— Нет... только «тсенк-ю» да «виски», — сказал я, и дама засмеялась.

— Знаете что, я передумала... Спасибо, что вы так мужественно предложили мне свою помощь, но муж всегда муж, и мне надо помириться с ним. Благодарю вас... — и очень ласково сказала: — А вы видели меня когда-либо раньше?

И тут что-то удержало готовые слететь с языка слова: «Да, в Тегеране».

Я ясно увидел быстрый, настороженный, внимательный взгляд, так не гармонировавший с ее ласковым тоном и улыбавшимся лицом.

— Нет, никогда, мадам,— сказал я.

— И немудрено. Я только вчера приехала сюда из Адена и сегодня впервые еду в Тегеран.

Она кивнула головой и быстро направилась в отель.

Я пошел обратно к порту, думая, как верно предупреждали меня опытные, бывалые товарищи о том, что за границей надо держать глаз и ухо востро и никому не доверять.

Эту самую женщину, красивую, нарядную и важную, я и раньше встречал в Тегеране по крайней мере раз десять-двенадцать.

Через день я выехал обратно в Тегеран, а позднее узнал, что она уже второй год живет в Иране, часто ездит в Пехлеви, Мешед и Багдад. Пишет книги, мужа не имеет, любит ездить верхом, хорошо стреляет из пистолета и иногда на три-четыре месяца исчезает из Ирана. Увидя ее на базаре, разговаривающей с вами, я спрятался в толпу, чтобы она не узнала меня.

— Благодарю вас,— сказал я, записывая последние слова сержанта.

Дни проходят в постоянных заседаниях смешанной Союзной комиссии, на которых довольно быстро были согласованы наши общие действия по эксплуатации железной дороги, мы договорились о разграничении функций союзного контроля на общих участках пути, об охране транспортных грузов и о непосредственной материальной и моральной ответственности за грузы той части Союзной комиссии, на участке которой произойдет гибель груза.

Этот пункт был наиболее важен для нас. Расписка в получении и заприходовании давалась американскому управлению снабжения лишь после того, как грузы приходили в нашу зону. Это предложение было весьма неохотно встречено представителем американской стороны генералом Чейзом.

— Но ведь до сих пор все это оформлялось в Бендер-Шахпуре на Персидском заливе. Зачем же менять установленную структуру деловых операций? Оставим это по-старому, как и было. Вы

принимайте прямо с пароходов грузы и отправляйте их и по Трансиранской дороге и на грузовых машинах по шоссейным путям, нам же давайте лишь расписки в получении грузов.

— Нет, господин генерал, теперь, когда три зоны уже точно определены, лучшим и наиболее удобным для всех нас видом доставки станет именно такой порядок, когда грузы, дойдя до нашей зоны, будут приниматься на ней нашими приемщиками.

— Но зачем же эта лишняя надстройка? Она только задерживает доставку? — развел руками Чейз.— Ведь мы охотно идем на то, чтобы ваши солдаты охраняли грузы от Персидского залива и до самого Каспия.

— К сожалению, ничего сделать не могу. Вопрос этот нами согласован с командованием, и грузы мы будем принимать только на территории нашей зоны.

— Как хотите! Нам важно передать их, а когда они дойдут до русских, это уже дело самих русских.

Английский бригадный генерал Стоун, не вмешиваясь в нашу беседу, прослушал нас и затем также молча подписал соглашение о зональной доставке грузов.

Дежурный офицер принес авиапочту, адресованную нам. Я вскрыл один, затем другой пакеты. Это были дополнения к той работе, которую вели мы. Я вскрыл третий конверт. Это оказалось письмо от Аркатова, даже не письмо, а целое послание с подробным и точным рассказом о том, что произошло после нашего отъезда с фронта.

Привожу его целиком:

«Здравствуйте, дорогие начальники, товарищ генерал и товарищ полковник.

Вот уже 22 дня прошло с того момента, как вы покинули нас. Где вы и что делаете, мы, конечно, не знаем, но уверены, что и на новом поприще не забываете тех, кто с уважением вспоминает вас. Не подумайте, пожалуйста, что пишу это в порядке подхалимажа, нет, незачем это, да и не такие мы люди, чтобы расточать друг перед другом фимиам. Но долгая совместная работа научила нас тому методу работы, который называется — советский стиль, а ваши личные качества облегчали и скрашивали нам, работникам отдела, трудную, суровую и, подчас непосильную работу. Вот за это мы уважаем и помним вас. А теперь, чтоб больше никогда не писать об этом, скажу от имени оставшихся товарищей, что именно они уполномочили и просили меня начать деловое письмо этими, хотя и частными, но искренними правдивыми строками.

Адреса вашего не знаю и посылаю на полевую почту Центра, откуда и перешлют мое письмо.

Итак, возвращаюсь к делу о «привидениях», как обещал при расставаньи.

Через день после вашего отъезда меня вызвали в штаб польской дивизии, где работники особого отдела сказали, что этой ночью младший капрал Юльский исчез из части. Второй же, шофер, рядовой Ян Кружельник, опрошенный работниками отдела, показал, что несколько дней назад его приятель, тоже шофер, Тадеуш Юльский, сказал ему, что он «спутался с одной врачихой», что она смертельно надоела ему и что капрал не знает, как избавиться от нее... Она то угрожает донести, что он тайный андерсовец, то

говорит, что покончит жизнь самоубийством или убьет его и себя. Кружельник, по его словам, хорошо относившийся к Юльскому, пожалел товарища и посоветовал ему перевестись в другую часть. Юльский поблагодарил его за участие, а через два дня сказал, что врачиха снова устроила ему скандал и грозила покончить с собой.

«Я,— рассказывает Кружельник,— даже сказал: болтает, берет тебя на испуг».

Но однажды к Кружельнику пришел перепуганный, весь бледный Юльский и шепотом сказал, что врачиха отравилась... лежит мертвая и что надо как-нибудь замести следы. Он же предложил: «Когда двинемся колонной, я выброшу ее из машины, ты будешь ехать за мной, постарайся прикрыть машиной мои действия».

Кружельник, сочувствуя приятелю, согласился. Кружельник уверяет, что не знал умершей и даже не видел ее трупа.

Условным сигналом, что труп сброшен, у них по договоренности были два резких коротких гудка и включение заднего света. Что было дальше, он не знает. Деньги у Юльского водились и довольно большие. Никто на это не обращал особого внимания, так как знали, что у него был состоятельный отец, работавший в богатой английской фирме.

О своих политических симпатиях Юльский никогда не распространялся, очень хвалил англичан и всегда ругал немцев. К Советской России ни любви, ни злобы не проявлял.

Как видите, товарищ генерал, особенно ценного в показаниях шофера Кружельника не было, и я решил сам произвести допрос. Он сразу же не понравился мне, хотя следователь не должен поддаваться внешним впечатлениям и настрое-

ниям минуты. Был вежлив, спокоен, без намека на лесть. Держался он независимо и свободно — так, словно беседовал со своим старым знакомым. Отвечал толково и ясно, смотрел прямо в глаза. Все, что он говорил, было логично и обстоятельно и все-таки во мне росло недоверие и неприязнь к нему.

— Откуда вы родом?

— Из Варшавы. Я жил там до тех пор, пока не призвали в армию.

— Женаты?

— Нет!.. Была мать. Умерла за год до войны. Есть или, вернее, была сестра, моложе меня. Когда началась война, она еще училась. Слышал, будто бы жива... бежала от немцев, но не знаю, правда ли.

— Почему вы отказались от армии Андерса?

— Раздумал... сначала хотел уйти, а потом решил остаться... Не все ли равно, где воевать с немцами, лишь бы воевать, к тому же отсюда ближе к Варшаве.

— Вы в Куйбышеве познакомились с Юльским?

Кружельник глянул на меня, помолчал, подумал и сказал:

— Нет, раньше. В Куйбышеве мы просто встретились... случайно...

— Где?

— В казарме. И он и я попали в одну и ту же формировавшуюся часть. Потом меня, как шофера, перевели в автобазу, а Юльского...

— А Юльского? — переспросил я.

— ...взяли ненадолго вторым шофером к генералу Андерсу. Он хороший механик, знает языки, воспитанный человек. Иногда даже заменял

переводчика при беседах офицеров с английскими чиновниками из посольства.

— Почему же такой приближенный к Андерсу, нужный и полезный человек вдруг отказался уйти с Андерсом?

— Точно не знаю, но однажды, как-то вскользь, Юльский сказал мне, что его очень обидели, не дав ему офицерских погон. Он честолюбив и счел себя оскорбленным. Кроме того, он очень беспокоился о своем отце, оставшемся в Польше, и надеялся хоть что-нибудь узнать о нем.

— А кого вы вместе с Юльским посещали на этих днях? — вдруг спросил я, и спросил так, наобум.

Кружельник посмотрел на меня.

— В городе?

— Не-ет... о городе поговорим после, нет, не в городе, а недалеко от него.

Арестованный пожал плечами.

— Мало ли где бывают шофера... то на складах дивизии, то в госпиталях, то в АХЧ, то еще где-нибудь вроде Садков.

— Вот, вот, об этом именно я и спрашиваю,— сказал я.— Когда и для чего вы поехали с Юльским в Большие Садки?

(Если вы забыли, товарищ начальник, напоминаю,— «Садки» — это больница для сумасшедших.)

— Во-первых, там как раз и работала врачиха, с которой спутался Юльский, но поехали мы туда не потому, что это было его дело, а потому, что Юльский сказал, что среди больных есть один из моего родного Старе Място, одного из районов Варшавы. Я, конечно, заинтересовался, ведь всех оттуда я знаю, надеялся, может быть услышу что-нибудь о сестре. Но по-

ездка оказалась напрасной. Человек этот был не из Старе Място, да вдобавок совершенно больной. Он чего-то все пугался, бормотал о расстрелянной Ядзе, о детях, лежавших на снегу, потом стал дуть на стенку и отгонять чертей... Я скоро уехал, так и не поняв, зачем Юльский взял меня с собой в больницу...

— Разве он не познакомил вас с докторшей? — спросил я.

— Нет!.. Он прямо засекретил ее... Я просил его познакомить с ней, но он промолчал. Да, по-моему, он ее тогда тоже не видел. Пока я ходил в больницу, он зашел во флигелек к знакомому.

— Какому знакомому?

— Не знаю, я и видел его только мельком, маленького роста, пожилой господин...

— Русский?

— Не знаю. Он не сказал ни слова, только улыбнулся и махнул нам рукой на прощанье, когда Юльский садился в машину.

— А вы знаете, что Юльский исчез? — спросил я.

Кружельник улыбнулся.

— Пан капитан шутит. Зачем ему прятаться. Женщину он не убивал, она сама себя лишила жизни, а если Юльский будет прятаться, так его же назовут дезертиром и будут судить.

— Конечно, но он из двух зол выбрал меньшее: пусть судят его товарища и соучастника, в то самое время, когда он будет уже далеко...

— Меня... судить? — удивился Кружельник.— Но за что? Я, правда, поступил нехорошо, что согласился помочь ему.

— Бросьте, Кружельник, оставьте в покое врачиху, она такая же любовь Юльского, как и ваша...

— Что вы говорите, пан капитан? — побледнев, сказал Кружельник.— Я, конечно, поступил плохо, желая помочь товарищу, но я всегда был честным человеком и честным поляком и не понимаю, о чем вы говорите.

— Понимаете, Ян Кружельник, понимаете. Вы отлично знаете, что Юльский был шпион, что врачиха эта убита им и что этот маленький человек был немецким диверсантом...

— Езус-Мария... что вы только говорите, пан капитан? Или я сошел с ума или вы!! Какой человек, какая врачиха? Да я ее не видел никогда, а человечка этого всего одну секунду, когда он провожал Юльского... Да Юльский не мог быть их шпионом, он так ненавидел Германию... Вы шутите, пан капитан, и очень жестоко. Я не заслужил такой страшной шутки.

— Это все, что можете сказать?

— Все... мне больше нечего говорить. Во всяком случае я сказал все, что знаю.

— Отведите его! — приказал я.

Кружельник помертвевшими глазами смотрел на меня.

— Я не сделал ничего дурного, я честный человек,— упавшим голосом произнес он.

Его увели. Я взял машину и сейчас же поехал в Садки, чтобы найти маленького человечка или хотя бы узнать о нем.

Директор больницы, доктор Кашин, сказал, что в больнице такого человека не было, но что во флигеле, занятом уже с месяц назад посторонними людьми, кажется, находился кто-то подобный. Когда я спросил его о состоянии здоровья больного, приходившего к полковнику с жалобой на привидения, Кашин удивленно сказал:

— Как?.. Разве вы не знаете, что он умер?

— Умер?.. Когда и от чего?

— Через два или три дня после возвращения из штаба, а умер от паралича сердца, если не ошибаюсь, это легко выяснить по книгам. Кстати, ведь этот больной юридически был не наш...

— То есть, как не ваш?

— А так... Он прибыл сюда откуда-то из Польши, и только по настоянию врача и вот этого самого человечка из флигеля я и поместил его в своей больнице.

— Врача? Мужчины или женщины? — спросил я.

— Женщины. Капитана медслужбы Красновой, работавшей в вашем штабе. Она сказала, что он необходим для каких-то целей.

— А этот человек?

— Он не вмешивался в разговор, но было очевидно, что больного привез сюда именно он, тем более, что больной до поступления к нам провел несколько дней с ним, во флигеле.

— А не бывал ли у него молодой польский солдат?

— Шофер, Юльский? Как же, бывал и очень часто. Милый, обходительный, вежливый человек...

— А другой какой-нибудь шофер или солдат?

Доктор задумался.

— Н-нет, не припомню,— сказал он.— Других не встречал. Пойдемте во флигелек, может быть, мы там встретим этого самого гражданина.

Я усмехнулся, слушая наивный лепет врача. Для меня было ясно, что несчастный помешанный был умерщвлен теми же людьми и, возможно, тем же ядом, который убил «врача Краснову», или Гертруду Янковиц, как назвал ее полковник.

Во флигеле, конечно, никого не было, за исключением двух-трех женщин, стиравших белье на кухне, да старика-инвалида, коловшего дрова.

— Это гражданин Косоуров? — спросил инвалид на вопрос доктора, где жилец, занимавший флигелек.

— А он уже дней пять как уехал...— сказала одна из женщин.

— За ним шофер-поляк заезжал, они вместе вмиг собрались и укатили,— добавил инвалид, снова принимаясь за свои дрова.

Я поехал назад.

Вот пока все, что могу сообщить вам о таинственном деле с привидениями. Если что-либо будет нового, напишу, не дожидаясь ответа.

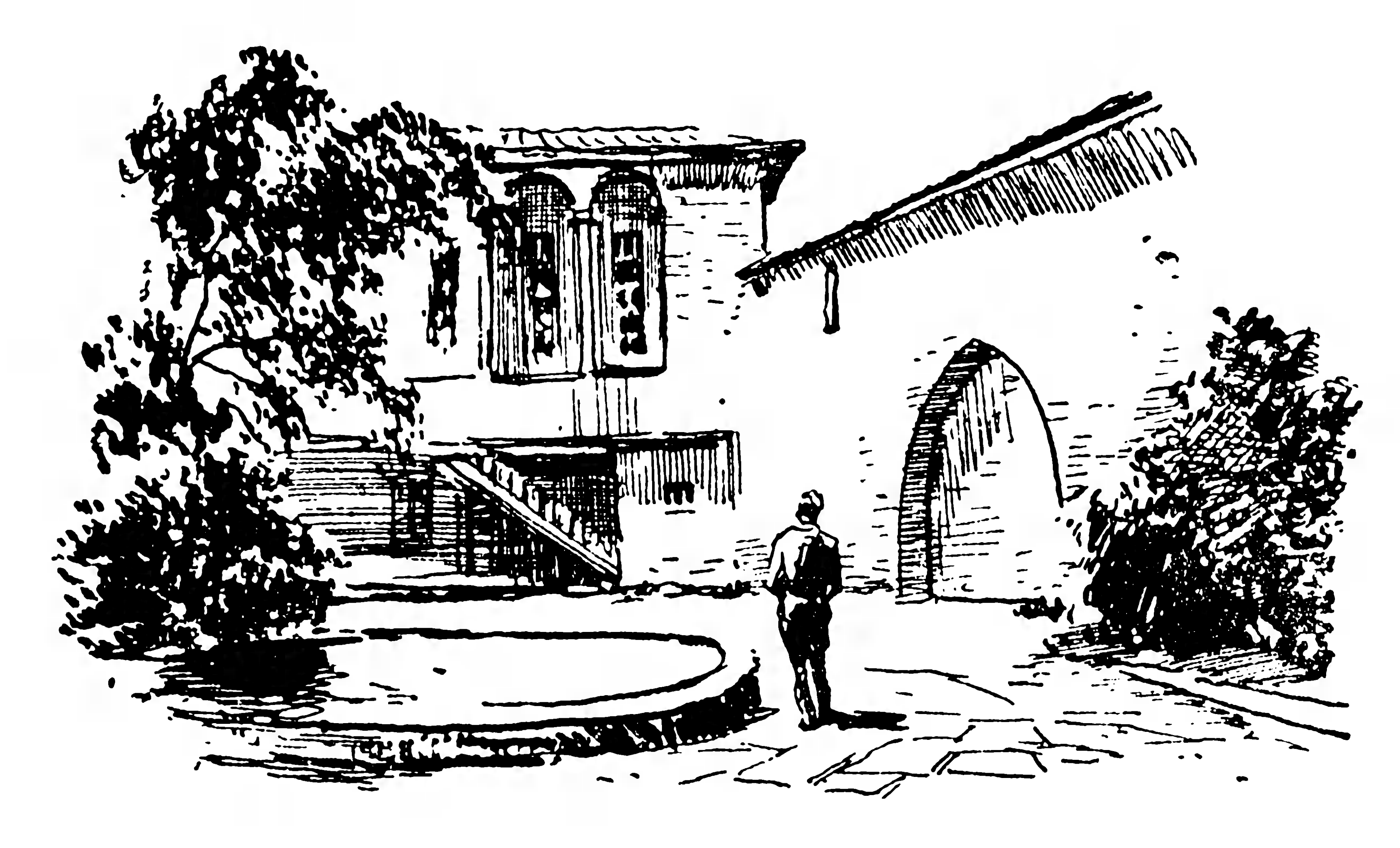
Привет от всех.

Уважающий вас *Алексей Аркатов»*.

Дом, предоставленный нашей группе, состоял из двух совершенно отличавшихся одно от другого зданий. Первое, выходившее фасадом на улицу, было типичной европейской постройкой в четыре этажа, с балкончиками на улицу, с нарядным подъездом, скульптурами, изображавшими мифического героя древнего Ирана — кузнеца Каве, убивающего дракона. В нем расположилась вся наша группа и техническо-административная часть коллектива. Были отведены этажи под канцелярии, архив и для машинисток.

Второй же дом, расположенный внутри двора, был не тронутый временем старо-персидский «эндерун», то есть «женская половина», в которой его владелец в кругу семьи проводил свой досуг. Это был двухэтажный особнячок с широкими, метра в два, окнами, на цветных стеклах

которых были изображены шахская охота за джейраном, лев, пронзенный копьем, охотники, восточные балерины, танцующие перед мужчиной, курящим кальян. Здесь не было ни печей, ни электричества, ни, тем более, магистралей парового отопления и газа. Тут царила первобытная иранская старина. Свечи в широких, раструбом, лампионах стояли на каминных рамах. Ковры и мутаки устилали полы, мозаичные укра-

шения из цветного стекла и перламутра были вкраплены в стены. В двух комнатах были камины; огромные, неуютные и холодные, они вряд ли могли хорошо отопить эти большие, высокие комнаты в холодные зимние дни, когда со стороны Каспия дули суровые ветры и леденел воздух. У стен стояли зеленые, окованные красной медью сундуки. Мебели не было, и только вазы для цветов, стоявшие на стенных выступах и подоконниках, да фарфоровые розовые и зеленые люстры украшали эти комнаты. Но генералу именно это и нравилось здесь, и он, в первый же день нашего приезда, облюбовав одну из комнат

эндеруна, переселился сюда. Работая вместе с нами, он под вечер уходил сюда.

— Дает отдых мозгам,— говорил он, указывая на роскошный сад, окружавший эндерун, на клумбы цветов и на фонтан, плескавшийся под окнами его спальни.

— Вы, Александр Петрович, тоже перебрались бы сюда. До чего хорошо, уму непостижимо. Тихо, успокоительный плеск воды, чудесный воздух... У вас электричество, шум, а тут — покой. Легко думается, простор фантазии и мозгам... в результате — на другой день отлично работается. Право, полковник, переходите-ка сюда,— сказал генерал.

— Еще день-два агитации — и я сдамся...— засмеялся я и, подавая письмо, добавил: — От Аркатова.

Генерал внимательно читал письмо, я же молча ел кисловатый персидский апельсин, наблюдая за выражением его лица.

— Любопытно! — складывая письмо, сказал он.— Значит, капрал скрылся... проворонили одно из центральных, существенных звеньев этого дела... а второй, этот самый Кружельник, несмотря на антипатию к нему Аркатова, по-моему, не виноват. Все, что он рассказал, похоже на правду.

В коридоре послышался легкий кашель, и в дверях появился Хаджи-Ага, нечто вроде дворецкого и доверенного лица хозяина дома.

— Что хотите, уважаемый Хаджи-Ага? — спросил генерал.

— Ваше превосходительство,— учтиво кланяясь, сказал старик,— мой высокостепенный хозяин Таги-Заде просит позволения посетить вас.

— Хозяин дома? Что ж, пожалуйста, когда он намеревается зайти к нам, завтра, послезавтра?

— Когда прикажет ваша милость! Господин Таги-Заде живет рядом. Соседний дом тоже принадлежит ему. Господин Таги-Заде готов прийти, когда это будет угодно вашему превосходительству.

— Хорошо, я прошу господина Таги-Заде зайти завтра в три часа дня.

— Я доложу ему об этом... Наш высокостепенный господин считает особой любезностью ваше внимание к нему,— поклонившись и уходя, сказал Хаджи-Ага.

— Какой высокопарно-витиеватый стиль у этого персидского слуги,— усмехнулся я.

— Образец вышколенного восточного наперсника, нянчившего, наверное, не только самого Таги-Заде, но в былые дни охранявшего и гарем почтенного папаши нашего хозяина.

— Кто такой наш хозяин?

— Богатый человек, хозяин двух кинотеатров, владелец пятидесяти таксомоторов и компаньон солидной фирмы «Иранский антик и ковры», торгующей с Лондоном и Нью-Йорком. Деловой человек, занимающийся большими делами, но не брезгающий и малыми...

— Тегеранский бизнесмен образца сорок третьего года,— пошутил я.

— Именно, но бог с ним, а давайте подумаем лучше о другом, ведь завтра четверг...

— Так что ж из этого?

— А то, что завтра вам следует быть у журналистки... а может, не надо? — вдруг спросил он.

— Не знаю... Я вообще в затруднении. Зачем мне, советскому офицеру, занятому сложной ра-

оотой, это случайное знакомство? К чему продолжать его? И как член партии, и как советский офицер, я против этого.

Генерал молча слушал меня, но его глаза были полны иронического смеха.

Он стряхнул пепел с папиросы и не спеша сказал:

— Именно, и как офицер, и как член партии, ответственный за порученное ему дело, вы должны использовать эту якобы случайную встречу. Разве вы не понимаете, что все это подстроено нарочно и что именно здесь разгадка всех событий, предшествовавших нашему приезду сюда. Если вы спасуете и малодушно отступите от них, они найдут новый способ вести свою игру, а мы упустим шанс и уступим инициативу... Нападение — лучший вид защиты, и нам надо переходить в наступление. Наш противник жестокий, умный и опытный враг, и он великолепно использует наше малодушие.

— Но как член партии я не могу...

— Это будет не пустое посещение и не шарканье ножками по гостиным светской дамы, а одна из необходимых мер обезопасить наше дело. Формальное разрешение на это, товарищ полковник, вы получите,— вставая, сказал генерал, и, по тому, как он закончил нашу беседу, я понял, что «разрешение» означало приказ. Он прошелся несколько раз по комнате и затем прежним, спокойным тоном спросил:

— А где же Сеоев?

— Навещает прежних друзей.

— Итак, вы поедете к этой даме?

— Поеду,— сказал я,— и черт меня возьми, если я не раскрою этой проклятой истории...

Осторожный стук разбудил меня. Кто-то настойчиво стучался в дверь.

— Кто там? — спросил я.

— Сержант Сеоев. Извините, товарищ полковник, что разбудил... есть новости.

Я открыл дверь.

— Что скажете? — показывая на стул, спросил я.

Сержант сел на затрещавшее под ним кресло и негромко сказал:

— Буду докладывать по порядку. Во-первых, познакомился с прислугой журналистки. Хорошая, веселая девушка...

— Персиянка? — спросил я.

— Полячка... говорит как украинка, только не совсем похоже.

— Как зовут?

— Зося, по-русски — Соня. Хорошая девушка,— снова похвалил Сеоев.— А познакомил нас мой приятель, шофер Ирантранса.

— О чём говорили?

— Особенного ничего.

— Будьте осторожны. У такой особы и прислуга подобрана такая же.

— Знаю, товарищ полковник, но нельзя быть более хитрым и осторожным, чем я. Ни одного слова о ее госпоже. Я даже не поинтересовался, у кого она служит. Просто сделал вид, что девушка мне нравится.

— Да как же вы с нею разговариваете, если она не говорит по-русски?

— Кое-как, одно слово по-украински, другое по-русски, и мимикой... Понимаем друг друга, товарищ полковник. Теперь насчет фокусника с улицы Шапура...

— Рассказывайте.

— Тут, товарищ полковник, дело похитрее. Я видел этого китайца, только он не китаец вовсе, а не то грек, не то молдаванин, а может быть и русский. Мне показал его на улице знакомый ажан...

— Полицейский? — перебил я.

— Точно. Он несет смену на улице Шапура и знает всех в своем квартале.

— Как же все-таки вы доверились ажану?

— Он мой еще довоенный знакомый. Я сказал, что хочу пойти погадать к этому волшебнику, да боюсь, что он шарлатан и деньги мои пропадут даром...

— Что же полицейский?

— Говорит, что волшебник правильно предсказывает судьбу, что у него бывают не только простые люди, но даже и господа из министерства, офицеры, их жены, английские и американские военные...

— И давно этот фокусник в Тегеране?

— Не спросил. Алекпер — это тот самый ажан — говорил, что когда фокусник принимает клиентов, то надевает китайскую одежду, подвязывает косу, а лицо и глаза...— сержант запнулся.

— Гримирует,— подсказал я.

— Да, как в театре, делает совсем китайским, а когда выходит в город, такой же ференги — европеец, как и остальные...

— Каков он на вид?

— Лет сорока восьми, пятидесяти. Крепкий, сухой человек, с очень быстрыми, колючими глазами. Алекпер ему поклонился, фокусник вежливо ответил на поклон, но сразу же окинул нас глазами.

— Он видел вас разговаривающим с этим ажаном?

— Да... Я нарочно дождался, чтоб Алекпер указал мне на него.

Я промолчал, но, по-моему, начало не предвещало ничего хорошего. Сержант в простоте душевной уже сделал две ошибки, поверив в добродушие Зоси и попавшись на глаза чародею Го Жу-цину. Такого великана, как Сеоев, с его могучими плечами и колоритной, бросающейся в глаза, фигурой, нельзя было забыть, а ведь его знала по Мохаммере и сама Эвелина Барк.

Но что можно было сказать этому простодушному гиганту, с такой радостью докладывавшему мне о своих, как ему казалось, успешных шагах в этом деле?

— Идите спать, товарищ Сеоев. Утром побеседуем еще. Мне надо подумать и сосредоточиться на том, что вы рассказали сейчас.

Я запер за ним дверь и улегся в постель, но сон долго, очень долго не шел ко мне.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В то самое время как писались эти строки, в другом уголке земли происходило следующее.

Авиадесантная группа подполковника Шевчука перелетела линию фронта. Самолеты уже шли над лесами Западной Украины. Командир ведущего транспортника капитан Супрунов взглянул на часы, на карту. Справа по курсу лежал Гвоздинец — маленький заштатный городишко, в котором не было ни заводов, ни фабрик, ни военных объектов врага. И все же именно сюда и должен был быть сброшен десант. В девяти километрах от этого ничем не примечательного го-

родка находился штаб только что переброшенной из Франции 4-й особой германской армии.

Командование советского фронта, получив данные разведки, пыталось захватить документы и «языка», но все попытки партизан терпели крах. Надо было, сбросив на городок воздушный десант, вместе с уже действовавшими в районе партизанами полковника Смелова ворваться в Гвоздинец и во что бы то ни стало захватить там штаб немецкой 4-й армии.

— Приготовиться! — прозвучала короткая команда, и у люков всех пятнадцати самолетов выстроились бойцы.

— Пошли! — скомандовал Шевчук, и солдаты один за другим попадали в черную, зиявшую внизу пропасть.

Радист, прильнувший к наушникам, доложил:

— Все в воздухе, на борту десанта нет.

Подполковник кивнул и прыгнул в распахнутый люк. Самолеты пошли обратно к фронту. С одного из них взлетела в воздух зеленая ракета, два дрожащих красных огонька засветились в условленном месте. Это партизаны отвечали, что они поняли сигнал.

Свалившиеся с неба десантники сначала были приняты гарнизоном городка за свои, подброшен-

ные на помощь части, и эта ошибка помогла десантникам захватить центр Гвоздинца.

Подполковник Шевчук в сопровождении нескольких человек вбежал в вестибюль школы, в которой помещался немецкий штаб. Двое часовых, прильнувших к стеклу, даже не оглянулись на них, беспокойно глядя в окно, в котором светилось зарево грохотавшего на окраине боя.

Шевчук первым вбежал в большой зал, из которого ему навстречу выглянули два немецких офицера. Бойцы ворвались в зал, где, сбившись в кучу, кто дрожа, кто отстреливаясь, находилось человек двадцать немецких офицеров.

— Хенде хох! — замахиваясь на них гранатой, закричал вбежавший десантник-сержант. Его внезапное появление, лихие усы, взлетевшая вверх, готовая грохнуться об пол, граната, парализовали немцев. За спиною сержанта виднелись стволы и дула направленных на них автоматов.

— Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно! — крикнул подполковник.

Немцы тревожно переглянулись и теснее прижались один к другому.

— Не двигаться! Кто ослушается, будет убит на месте,— продолжал Шевчук и приказал бойцам: — Обыскать всех и вывести вниз!

Пленные немцы в сопровождении часовых сходили в вестибюль. Наверху уже действовали саперы, взламывая сейфы и стальные ящики, вынимая оттуда переписку немцев.

Ворвавшиеся в оперативный отдел бойцы захватили находившегося вместе с немцами человека лет 23—25, заявившего подполковнику, что он — пленный британский офицер, захваченный немцами на Западе и теперь неудачно пытав-

шийся бежать к русским. Англичанина отделили от немцев и на следующую ночь на особом самолете переправили в штаб фронта.

Англичанин был белокур, с подвижным энергичным лицом, квадратным подбородком и серыми беспокойными глазами. В голосе его звучала радость, не сходившая с уст улыбка и веселый смех как бы подтверждали слова, которые он сказал на допросе в штабе фронта, когда его опрашивал полковник, ведавший зафронтовой жизнью.

— ...Мне повезло... В первый раз за эти одиннадцать месяцев, как я попал в плен к бошам...— веселым, непринужденным голосом рассказывал он.— Дважды, после того как меня сбили немцы, я пытался бежать... Первый раз из Дармштадта, но меня уже на третий день поймали жандармы, а второй раз — из Познани, возле которой находился наш концлагерь.

— Как вы сказали ваша фамилия? — переспросил полковник.

— Смит... Джордж Смит, лейтенант одиннадцатой Британской королевской эскадрильи «Спитфайров», базирующихся на аэродроме Лайон, возле Соутгемптона в графстве Норфольк и прикомандированных к пятьдесят первой группе бомбардировщиков в качестве охраны.

— Ваши родные?

— Отец — крупный коммерсант, владелец экспортно-импортной конторы «Смит и сыновья», Лондон, Чосерстрит, 81. Отделения нашей фирмы имеются и в Бельгии, и в Дании, и даже в Польше. Я очень просил бы вас, господин полковник, снестись с господином Сайксом, который хорошо

знает и меня и моего отца и легко мог бы удостоверить мои слова.

— Кто такой господин Сайкс и где мы могли бы найти его?

— Господин Сайкс — филиппинский подданный, тесно связанный с моим отцом, коммерсант и общественный деятель, известный в Соутгемптоне и во всем нашем графстве. Он находится сейчас по торговым делам в Москве и будет рад оказать мне эту маленькую услугу.

— Хорошо, укажите его адрес.

— Сказать точно не могу, но вы легко можете выяснить это через американского торгового атташе мистера Рода в Москве.

— Очень хорошо! — кивнул полковник и сделал какую-то запись в своей книжке.— А теперь, не поможете ли вы нам разобраться в туманной обстановке, которая царила в Гвоздинце, когда наши десантники атаковали его. Какие немецкие части находились в нем?

— Вот этого-то я и не знаю,— улыбнулся, разводя руками, англичанин.— Ведь я был всего-навсего только пленным да вдобавок бежавшим из лагеря. Ведь я боялся попасться на глаза к ним, брел где и как попало, стремясь на Восток, к вам... У меня не было ни оружия, ни компаса... Я, как затравленный зверь, прятался в кустах, а однажды даже просидел целую ночь в болоте, чтобы не попасться проклятым бошам.

— И все-таки попались! — улыбнулся полковник и снова что-то занес в свою книжку.

— Собаки,— разводя руками, сказал англичанин.— Ведь эти звери пустили по следу до десятка специально выдрессированных собак. Я должен был, подняв руки, выйти из болота и сдаться врагам.

Полковник сочувственно покачал головой, делая у себя третью заметку.

— Варвары! А теперь, господин Смит, я попрошу у вас немного терпения. Мы, конечно, снесемся с Москвой, через два-три дня получим положительный ответ, и тогда вы будете направлены в британскую миссию, оттуда...

— Нет, нет... зачем же в миссию? — перебил его Смит.— Будет лучше прямо к господину Сайксу.

— Но он же филиппинец!

— Это ничего не значит. Вы направите меня к нему, а он уже свяжет меня с кем следует из миссии...

— Хорошо. К Сайксу так к Сайксу, — согласился полковник и, делая в книжке последнюю заметку, сказал: — а пока, прошу вас отправиться в русскую парную баню, помойтесь, там вам приготовлено чистое белье, комната, книги, ужин. Извините, только пока из Москвы не придет ответ, вам придется пробыть под караулом... но это пустяки... всего два, ну, может, три дня — и вы опять будете на свободе. До свидания, господин Смит,— и, учтиво улыбнувшись, полковник встал.

Вошел конвойный, и англичанин вышел с ним из кабинета.

Когда шаги их смолкли в коридоре, полковник отворил вторую дверь, и оттуда вышли капитан и высокая худощавая женщина в форме лейтенанта административной службы.

— Ну, что? — спросил полковник.

— Фальшивка! Он такой же англичанин, как я бухарский эмир,— сказал капитан.

— Да. Это не англичанин,— с довольно сильным акцентом проговорила женщина.

— Почему? Первым говорите вы, капитан Баев,— сказал полковник.

— Немцы, захваченные в Гвоздинце, опрошенные мною, не знают его. Начальник оперативного отдела тоже ничего не знает о нем. Майор фон Кауниц сказал, что «Смит» двое суток подряд жил на квартире полковника Фишера, а Фишер, как вы знаете, начальник военной разведки четвертой армии.

— В качестве кого он находился у Фишера?

— Неизвестно. Сам Фишер убит, а его люди разбежались во время боя. Майор фон Шенк, помощник Фишера, показал на допросе, что «Смит» прибыл с Востока и «пробирался» как раз на Запад, то есть не к нам, а от нас.

— Куда же?

— Вероятно, в Берлин.

— Сегодня же пришлите майора ко мне... Ну, а при чем же тогда филиппинец господин Сайкс? И зачем этот Смит ссылается на людей из торговой миссии?

— Не знаю,— сказал капитан.— Кроме всего этого, человек, бежавший из плена, не может выглядеть таким упитанным. Костюм его должен быть изодран и грязен, ведь он полз по лесу, прятался в болоте, скрывался в кустах... Он же одет не хуже нас с вами. Его могли переодеть немцы, но тогда почему? Ведь он — английский офицер, бегущий из плена, стремящийся к русским. Зачем они будут его одевать и заботиться о нем.

— Все? — спросил полковник.

— Все! — ответил капитан.

— Теперь прошу вас, товарищ Гаррисон,— обратился полковник к женщине.

— Он не англичанин. Он не так выражается

по-английски, как должен говорить настоящий англичанин. Он выговаривает слова верно, но манера разговора, интонация у него — иностранца. Он говорит по-английски хорошо, иногда даже слишком правильно выговаривая слова, чего никогда не будет делать лондонец или уроженец Соутгемптона. Затем фамилия Смит так сильно распространена у нас в Англии, что разведчику любой страны лучше всего взять себе именно эту фамилию... С нею легче затеряться в миллионе Смитов, нежели, скажем, среди Гобсов или Перкинсов. Затем...— женщина замолчала.

— Что «затем»?

— ...Это уже мое личное мнение, но мне кажется, что этот «Смит» поляк... Его выговор и некоторые интонации в шипящих буквах английского языка дают мне основание предполагать это.

— Не немец? — спросил полковник.

— О нет! — воскликнула собеседница.— Немцы, даже долго прожившие в Англии, никак не могут расстаться со своим германским произношением. Нет, это поляк,— решительно закончила она.

— То же самое пришло в голову и мне,— сказал полковник. И именно в тот момент, когда он сказал, что их фирма работала и в Польше. Эта маленькая ошибка «Смита» может послужить кончиком нити, по которой мы распутаем клубок. Благодарю вас, товарищи, а позову вас снова, когда встретится в этом нужда.

Капитан и женщина ушли, а полковник сел за бумаги, то и дело отмечая красным карандашом нужные ему строки.

В комнату вошел лейтенант, начальник внутреннего караула управления.

— Товарищ полковник, арестованный моется в бане, на теле его никаких знаков, татуировки или прочего не замечено, белье чистое, тонкое, носки совершенно свежие, видно, что менял он их день или два назад...

— Хорошо! Заканчивайте купанье и позовите майора Горева.

Лейтенант ушел, полковник снова занялся бумагами, но вошедший майор помешал ему.

— Выяснили?

— Так точно. Польский корпус стоит на отдыхе в местечке Зворки.

— Запросите немедленно, есть ли за последние дни побеги из частей, исчезновения, дезертирство и прочее. Если есть, кто такие, все приметы, где произошло ЧП, в чем причина побега. Выясните срочно местопребывание филиппинского подданного коммерсанта господина Сайкса, находящегося в Москве и известного торговой миссии.

— Выполняйте. Сведения нужны к утру, не позже десяти часов.

Майор вышел, а полковник еще долго сидел над «делом» британского летчика Смита, так подозрительно залетевшего в Гвоздинец.

Все это происходило в те самые дни, когда я и генерал находились в Иране. Обо всем этом мы, конечно, узнали значительно позже, когда узлы одной и той же интриги стали одновременно распутываться и на Западе и на Ближнем Востоке. В тот самый день, когда я был с визитом у мистрисс Эвелины Барк...

...Но, не забегая вперед, будем продолжать наш рассказ в том порядке, в каком происходили события.

Утром, часов в одиннадцать, генерал зашел ко мне в кабинет и сказал:

— Александр Петрович, только что у меня был наш уважаемый хозяин Таги-Заде. Прекрасные манеры, великолепный костюм, замечательный маникюр и при этом неплохо говорит по-русски. Учился когда-то в русской гимназии в Тифлисе. Знаете, что ему надо?

— Нет,— ответил я.

— Он просит разрешения сегодня же переделать и отремонтировать кое-что в европейском доме, в комнате, занимаемой вами.

— Не понимаю,— удивился я,— зачем понадобилось ему это? Комната в прекрасном состоянии, паркет новый, краска совершенно свежа. Я решительно воспротивлюсь этому и попрошу не трогать мой кабинет.

— Нет, нет,— быстро сказал генерал.— Пожалуйста, не делайте этого. Пусть тешится наш уважаемый Таги-Заде. В конце концов это его дом и воспротивиться было бы просто неудобно.

— Но рабочие помешают нам...

— Нисколько! Хозяин обещает в одни сутки закончить всю работу. Он меняет в этой комнате ореховую обшивку стен на новую из красного дерева, а также мебель и письменные столы... На все это потребуется несколько часов. Так вы, Александр Петрович, уж не мешайте симпатичному Таги-Заде проявлять свое восточное гостеприимство.

Генерал многозначительно посмотрел на меня и... улыбнулся.

— Хорошо,— согласился я, понимая, что затея нашего хозяина не случайна и не является прихотью расщедрившегося богача.

— Я скажу Сеоеву и дежурным, чтобы комнату, предназначенную к перестройке, очистили к двенадцати часам. Все столы и шкафы с бумагами опечатать и вынести в зал, где поставить караул. Дежурному офицеру прикажите понаблюдать за рабочими, чтобы не разбредались по дому. Сеоев тоже пусть присматривает за ними.— Генерал взглянул на часы.— Скоро завтрак, после него я поеду кое-куда, вы же не забудьте, что сегодня четверг и ваш визит к очаровательной даме необходим для дела.

Генерал уехал. Кабинет был очищен, и человек двенадцать рабочих возились в нем. Они быстро сняли плинтусы, переборки и обшивку стен, оголили подоконники, отвинтили планки у подножия каминов, разобрали цветной карниз. Дело спорилось. Было ясно, что пять-шесть часов такой работы — и отремонтированная комната будет готова. Может быть, она станет и нарядней, но мне было жаль моего уютного, уже обжитого кабинета.

Я переоделся и поехал с визитом к очаровательной «простушке», мистрисс Барк. Изящная записная книжка с застежками из слоновой кости лежала у меня в боковом кармане.

«Дрожке» подвез меня к прекрасному зданию и, остановив своих разбежавшихся одров у нарядного подъезда, повернув ко мне улыбающуюся физиономию, доложил:

— Инджо, саиб серхенг *.

Выйдя из экипажа и взглянув еще раз на ви-

* Здесь, господин полковник.

зитную карточку, я убедился в том, что Эвелина Барк жила здесь.

В вестибюле почтительный и довольно развязный швейцар перс в обшитой галунами «пехлевийке» сказал мне, что госпожа Барк дома. Он позвонил. Через минуту на площадке лестницы показалась миловидная девушка лет двадцати двух, одетая в нарядное платьице с лентами на талии и в белоснежном кружевном чепце, то есть так, как испокон века одеваются английские горничные, камеристки и наперсницы из «хорошего, респектабельного дома».

«Зося»,— подумал я, вспоминая рассказ сержанта.

Девушка быстро сбежала вниз, сделала она это легко и бесшумно, и спросила с полупоклоном:

— Господин офицер приехал к мистрисс Барк?

— Да! А вы... Зося?

Девушка присела. Глаза ее блеснули, но, подавив удивление, она улыбнулась и, глянув на меня из-под лукаво опущенных ресниц, сказала:

— А теперь, сэр, и я знаю, кто вы... Вы тот самый русский офицер, который помог госпоже купить такую чудесную шкуру, не правда ли, сэр?

Я молча наклонил голову и, улыбаясь, смотрел на нее. Нет, эта девушка, конечно, не могла быть англичанкой, в ней не было той чопорной деловой сдержанности, той почтительно-натянутой сухости, которой так выделяются образцовые, исполнительные слуги. Это была живая, веселая, кокетливая резвушка, у которой вот-вот сорвется с губ забавное словцо, а глаза, смеющиеся и живые, все время искрились так лукаво и шаловливо... Нет, Зося не была ни англичанкой, ни американкой.

— Да... Я именно тот самый офицер. Доложите, пожалуйста, обо мне госпоже Барк и, если она принимает...

Зося игриво замахала руками.

— Прошу вас, прошу...

Мы поднялись по устланной ковром лестнице.

— Сюда,— сказала Зося, и, пройдя мимо скульптуры Анадиомены, мы вошли в комнату. Зося прошмыгнула вперед и ввела меня в гостиную.

— Я доложу госпоже Барк,— и опять неуловимым, быстрым, как взмах крыла, движением она окинула меня взглядом и, полная грации и непреодолимой прелести, исчезла в дверях.

Гостиная была в типично буржуазном стиле. Несколько картин, почти все копии — Ватто, Грез, Фрагонар... Строгая, стильная мебель. Столик покрытый спадавшей кистями к полу кружевной скатертью. Несколько изящных статуэток, фарфор за стеклом и прекрасные персидские ковры. На полу большой султан-абад, на стене два шелковых кашанских коврика и замечательный, в четыре краски, сарух. Я залюбовался переливчатой игрой оттенков ковра.

Легкий шум шагов раздался сзади. Госпожа Эвелина Барк, непринужденная, веселая, улыбающаяся, подходила ко мне.

— Как это мило, что вы посетили меня. Признаться, я не была уверена в этом. Дела, война... О, эти серьезные вещи могли помешать вам, но тем более приятен ваш визит,— пожимая мою руку, сказала она.

Здоровалась она типично по-американски, крепко тряхнув мою руку и кивая не головою вниз, как обычно здороваются все, а подбород-

ком вверх, типично американская манера приветствия.

Мы сели. Она пододвинула столик на колесиках. Индийские пахитоски с опиумом, американские сигареты и изящные лахиджанские коричневые пигмейки лежали в цветном лакированном ларце.

— Курите,— сказала она.— Я очень люблю курить, это то немногое, что еще оставила нам цивилизация, не изменив самой сути этого очаровательного порока.

— Почему же порока? — удивился я.

— Так говорили наши бабушки,— засмеялась хозяйка,— говорили и сами покуривали тайком от мужей... Это было свойственно старой, послевикторианской Англии и Америке...

— А теперь? — спросил я.

— Сейчас определенных устоев нет. Каждый делает так, как хочет, вернее, как хочет и может. Так лучше, во всяком случае легче жить. Первая мировая война положила начало этому принципу. Она разрушила стройный мираж государственного здания страны и незыблемую веками семейную крепость... Увы, эти могучие сооружения заколебались при первых же выстрелах войны 1914—1918 годов, а окончательно разлетелись в прах под натиском урагана вашей революции.

— Как так? — делая удивленные глаза, спросил я.

— Не старайтесь казаться наивным. Если достаточно респектабельная и укрощенная Наполеоном французская революция столетие колебала умы Европы и вызывала подземные толчки, то какое землетрясение охватило нас в результате Октября 1917 года. О-о! Каждая женщина у нас закабалена семьей, мужем, детьми, законами, церковью, положением в обществе, традициями, литературой, которую ей с пяти лет подсовывают бабушка, школа и мать. И, как все закабаленные люди, мы рвемся к свободе. Вот почему ваша революция сыграла исключительную роль...

— Что же будет теперь, после второй мировой войны? — спросил я.

— Не шутите,— строго сказала Барк.— Что будет, я не знаю, только того, что было до нее, не будет,— и в области политики, и в области труда, и в области семьи и брака... весь мир нуждается в коренных, социальных преобразованиях.

— Вы демократка? — спросил я.

— Нет. Я прогрессивной партии и думаю, что эта партия единственно правильная у нас, и чем она скорее и решительней покончит с прошлым, тем легче будет дышать народу в нашей дорогой стране. По своему укладу жизни, по идеям и стремлениям я космополитка. Я люблю жизнь, и где мне хорошо,— там моя родина, кто дорог мне, — тот мой соотечественник, но... — она рассмеялась,— довольно, ради бога, политики. Я оказалась плохой хозяйкой и замучила вас ненужной болтовней. Скажите, у вас есть с собою русские папиросы?

— О да, мистрисс Барк, прошу вас,— я протянул ей портсигар с папиросами «Казбек». Она

отложила пахитоску и, взяв «Казбек», сильно и с удовольствием затянулась.

— Я люблю русские папиросы. Они крепче и ароматнее турецких. Их можно сравнить разве только с лучшими сортами настоящего египетского табака. Да... я забыла поблагодарить вас за ту чудесную шкуру зверя, которую вы помогли мне купить на базаре.

— Меня уже благодарила ваша камеристка, мадам,— засмеялся я.

— Зося? О-о, эта лукавая девочка всегда перебежит мне дорогу! Пойдемте, я покажу вам наш общий трофей, он еще не совсем отделан, но тем не менее я повесила его.

Мы встали. В дверях мелькнула Зося. Хозяйка что-то тихо сказала ей. Зося утвердительно кивнула головой.

Кабинет госпожи Барк был и деловым и нарядным. То и другое как-то хорошо и уютно сочеталось между собой. Было много книг, стоял большой глобус, несколько географических карт висело по стенам. Над креслом письменного стола, оскалив зубы, свешивался знаменитый мазандеранский зверь, шкурой которого пугали прохожих удалые врали на базаре.

Я потрогал клыки тигра.

— Не хотел бы попасть в лапы этого великана,— сказал я,— а вы знаете, мистрисс Барк, что ведь не только шкура этого зверя была трофеем на базаре, но и еще...

— Что ж именно? — спросила она. Ее красивая рука держала папиросу и почти касалась моих пальцев.

— Вот эта записная книжка. Именно она заставила меня, отложив все дела, сегодня быть

у вас,— сказал я, доставая изящный блокнотик, найденный на майдане.

— Ах, как это чудесно! — вскрикнула она, схватив мою руку. — Я, оказывается, вдвойне ваш должник... Вы даже не можете себе представить, как я была огорчена, заметив пропажу книжки... Уже через двадцать минут я послала на розыски моего спутника, помните, молодого лейтенанта, но все было тщетно. Я очень, очень благодарна вам. Скажите, как вы нашли?

Я вкратце рассказал о нашедшем книжку персе.

— Вы даже не представляете себе, дорогой полковник, как много вы сделали, вернув ее. А вы просмотрели ее? — спросила госпожа Барк.

— Я мельком пробежал ее, но, признаюсь, не очень внимательно.

— Женские записи... они понятны только самой владелице блокнота. Кстати, вас не удивило?.. — она вдруг замолчала, пытливо глядя на меня.

— Что именно? Кажется, ничего,— сказал я.

— Фамилия польской дамы, Генриэтты Янковецкой, написанная на первой странице книжки?

— Ах, это...— сказал я равнодушно.— Нет, я не придал этому никакого значения.

— Напрасно, — засмеялась госпожа Барк, — мне кажется, что вы еще обратите внимание на эту даму...

— Почему? — спросил я, делая вид, будто не замечаю двоякого смысла ее слов.

— Потому, что эта дама здесь и она очень, очень красивая женщина, мимо которой не проходит равнодушно ни один мужчина.

Я видел улыбающееся, приветливое лицо мистрисс Барк, чувствовал на себе ее ласковые бархатные глаза, слышал спокойный тон обычной

светской болтовни, но понимал, что идет тонкая, неуловимая игра и что за мною наблюдает умный и опасный противник.

— Неужели лучше...— сказал я и вдруг, как бы спохватившись, оборвал фразу.

— Продолжайте... я слушаю вас,— снова, чуть касаясь моей руки, сказала хозяйка.

— Простите, я чуть не сказал глупость... но, ей-богу, это простительно солдату, отвыкшему от общества дам...

— Говорите, говорите! Я знаю, русские храбрый народ,— кивнула головой Барк.

— Неужели... лучше вас? — выпалил я и тоже коснулся руки мистрисс Барк.

— О-о, лучше, несравненно лучше и, уж если это говорит женщина, то, конечно, это так,— сказала она, еле заметным движением отодвигая свою руку.— Я познакомлю вас с нею. Хотите?

— Буду признателен.

— А теперь перейдемте в гостиную,— поднимаясь, сказала она.— Так как я ваш неоплатный должник, то хотела бы чем-нибудь отблагодарить и за тигра и за чудесно вернувшуюся ко мне книжку.

Она подошла к книжному шкафу, открыла его и, быстро перебрав книги, достала оттуда хорошо изданную желто-зеленого цвета книжку и, подойдя к столу, сказала:

— Как вы уже знаете, я журналистка, и это один из моих восточных опусов, кое-что об Индии и Ираке... Читать его не обязательно, но посмотреть иногда на портрет автора можно...

Она раскрыла книгу и, написав что-то под своим портретом, сказала:

— Возьмите, но прочтите написанное дома, а теперь — в гостиную.

Я хотел было откланяться, но госпожа Барк удержала меня.

— Чашку чая,— сказала она.

Зося вкатила маленький столик на резиновых роликах. Кекс, сандвичи, бисквит, персидские гязи и душистый лайджанский чай в цветном фарфоровом чайнике были на нем.

— Чай заварен по-русски. Я знаю, вы, русские, не любите пить сваренный по-английски ти *. Прошу вас, эти сандвичи, как и самый чай, произведение искусства Зоси,— передавая мне чашечку с густым, крепко заваренным чаем, сказала госпожа Барк.

Я взял чашечку, отпил глоток, вспоминая «лекарство доктора Красновой».

— Я тоже люблю русский чай,— прихлебывая маленькими глоточками, сказала хозяйка.

— Скажите, кто по национальности ваша Зося? Она, конечно, не англичанка? — спросил я, делая второй глоток.

Госпожа Барк улыбнулась.

— О-о, моя Зося тоже из числа тех женщин, которые нравятся мужчинам!.. Мне очень не везет, мой дорогой полковник, самой судьбой я обречена на то, чтоб быть окруженной прелестными женщинами, будь это моя подруга, знакомая или горничная, и теряться в их блестящей толпе.

— Прекрасный бриллиант нуждается в хорошей оправе... От этого он выглядит еще ярче,— сказал я, делая снова глоток.

— О-о, вы так думаете!.. Мне это приятно слышать, хоть я и понимаю, что вы джентльмен, сказавший даме комплимент. Итак, когда же я представлю вас госпоже Генриэтте Янковецкой,

---

* Чай (англ.).

прекрасной даме и владелице этой записной книжки?

— Прошу меня извинить, но могу быть к вашим услугам только в пятницу на той неделе,— сказал я, внутренне восхищаясь тем, как она, не ответив на мой вопрос о Зосе, так непринужденно и ловко вела беседу со мной.

— На той неделе,— раскрывая лежавший на столе перекидной календарь, как бы про себя, повторила госпожа Барк,— а-а... очень хорошо... в пятницу в двенадцать часов дня я должна быть на приеме у местного мага и кудесника Го Жу-цина. Вы слышали о нем? — внезапно поднимая на меня глаза, спросила она.

— Как вы сказали — Го...— силясь повторить имя мага, сказал я.

— Го Жу-цина... Это фокусник и чародей. Очень интересная личность, многое из того, что предсказывает он, сбывается. Конечно, все это случайно, но все-таки им интересно заняться... Так вот, приезжайте ко мне, милый полковник, ровно в одиннадцать часов. У меня уже будет мисс Генриэтта, и мы после ленча втроем поедем к этому знаменитому магу. Хорошо?

Я поклонился и, сопровождаемый ею, пошел к выходу.

В передней показалась взволнованная Зося. Она что-то быстро шепнула хозяйке. Госпожа Барк улыбнулась и, взяв меня под локоть, сказала просто:

— Мой дорогой сэр, я вас прошу подождать одну-другую секунду, пока слуги уберут воду, разлитую на лестнице... или... — она на секунду задумалась и затем самым сердечным тоном продолжала: — Или даже будет лучше, если Зося проводит вас по внутреннему ходу... эти иранские

слуги так медлительны и не расторопны, что могут надолго задержать вас. Ведь мы же друзья, не правда ли? — и решительно добавила: — Зося, проводи господина полковника через запасный ход.

Я снова поклонился и пошел по коридору за спешившей, все еще взволнованной Зосей. Проходя по коридору к круто спускавшейся винтовой лестнице, я глянул в оконце и чуть не вскрикнул от изумления. Через двор шел тот самый маленький человек, который, посетив меня в городе Н., на Западном фронте, жаловался на осаждавшие его привидения. Но теперь он держался уверенно, спокойно, солидно и одет был не в жалкую поношенную пару, а военный костюм с нашивками полковника какого-то государства. Форма его была слегка похожа на американскую, но поперечный погон оранжевого цвета и высокая тулья фуражки были мне не знакомы.

Зося раза два вполоборота оглядывалась на меня, но, видя мое ровное, безмятежное лицо, успокоилась. Спускаясь по винтовой лестнице во двор, я полусмеясь сказал:

— Зося, мне, право, не хочется уходить отсюда...

— От госпожи Барк? — лукаво спросила она.

— Нет... от Зоси, — продолжал я.

Она искоса глянула на меня, улыбнулась и молча покачала головой.

— Зося, я через неделю снова буду у госпожи Барк... подумайте и скажите, могли бы мы с вами пойти в кино, в кабаре или просто погулять и покататься.

Она снова покачала головой и тихо сказала:

— Зачем это?.. Не надо...— но ее смеющиеся глаза снова, будто случайно глянули искоса и,

встретив мой взгляд, загорелись шаловливым огоньком.

Она проводила меня через весь двор. У ворот я взял ее руку и крепко пожал.

— У нас не принято, сэр, пожимать руку прислуге,— сказала она, пытаясь отдернуть ладонь.

— У кого «у нас»? — спросил я.

— У англичан и американцев, сэр.

— А у нас, у русских, у славян, принято, а так как мы с вами не американцы, то, значит, нас это не касается... До свидания, Зося.

Девушка вдруг как-то съежилась, испуганно осмотрелась по сторонам и неожиданно быстро, почти бегом, направилась к дому.

Я вышел на улицу. У подъезда стоял новенький военный автомобиль со странным оранжево-синим флажком на радиаторе. Шофер, посасывая трубку, читал газету и не заметил, как я, медленно проходя мимо, внимательно оглядел машину, привезшую маленького человека к журналистке Эвелине Барк.

Быстрота, с которой рабочие переделали кабинет, поразила меня. Прошло не более трех — трех с половиною часов, а работа уже была закончена. Стены комнаты обтянуты цветным шелком, все ковры и гобелены, плинтусы, карниз и подоконники сняты и заменены. Камины прочищены, решетки надраены до режущего глаза блеска, зеркала сменены новыми, мебель унесена, а на ее место поставлены золоченые, стиля ампир, стол, кушетка, диван, козетки и еще какие-то мудреные штуки, на которые опасно было сесть, так хрупки и воздушны они были на вид.

В моем кабинете, на месте прежнего рабочего столика, высился большой, министерского типа, письменный стол со множеством ящичков, с десятком отделений, с разнообразными украшениями, с вырезанными на толстенных ножках психеями и амурами. Одна ножка изображала Вакха, сидящего на раздувшемся бурдюке с вином, другая — Геркулеса, сражающегося с лернейской гидрой, третья — пьяного католического монаха XIII—XIV веков, как бы соскочившего со страниц Декамерона. Аббат пил вино из огромной чаши, а большой, круглый его живот, прикрытый сутаной, незаметно переходил в толстое и прочное подножие стола, четвертая ножка была столь фривольного и веселого характера, что даже сами рабочие, видимо, устыдившись явной откровенности вакхической группы, повернули ее к стене, плотно прижав обнаженную вакханку и догнавшего ее сатира к пышному шелку занавесей. Все стало пышно и... безвкусно. Столы с бумагами еще не были внесены. Я пошел в комнату, где находились они. У дверей стоял караул, возле которого, смешно вытаращив глаза и опасливо поводя ими по сторонам, стоял Сеоев. Завидя меня, он шагнул навстречу и, делая таинственное лицо, потянул за рукав в сад. Там он с тем же заговорщическим выражением лица молча сунул мне бумагу.

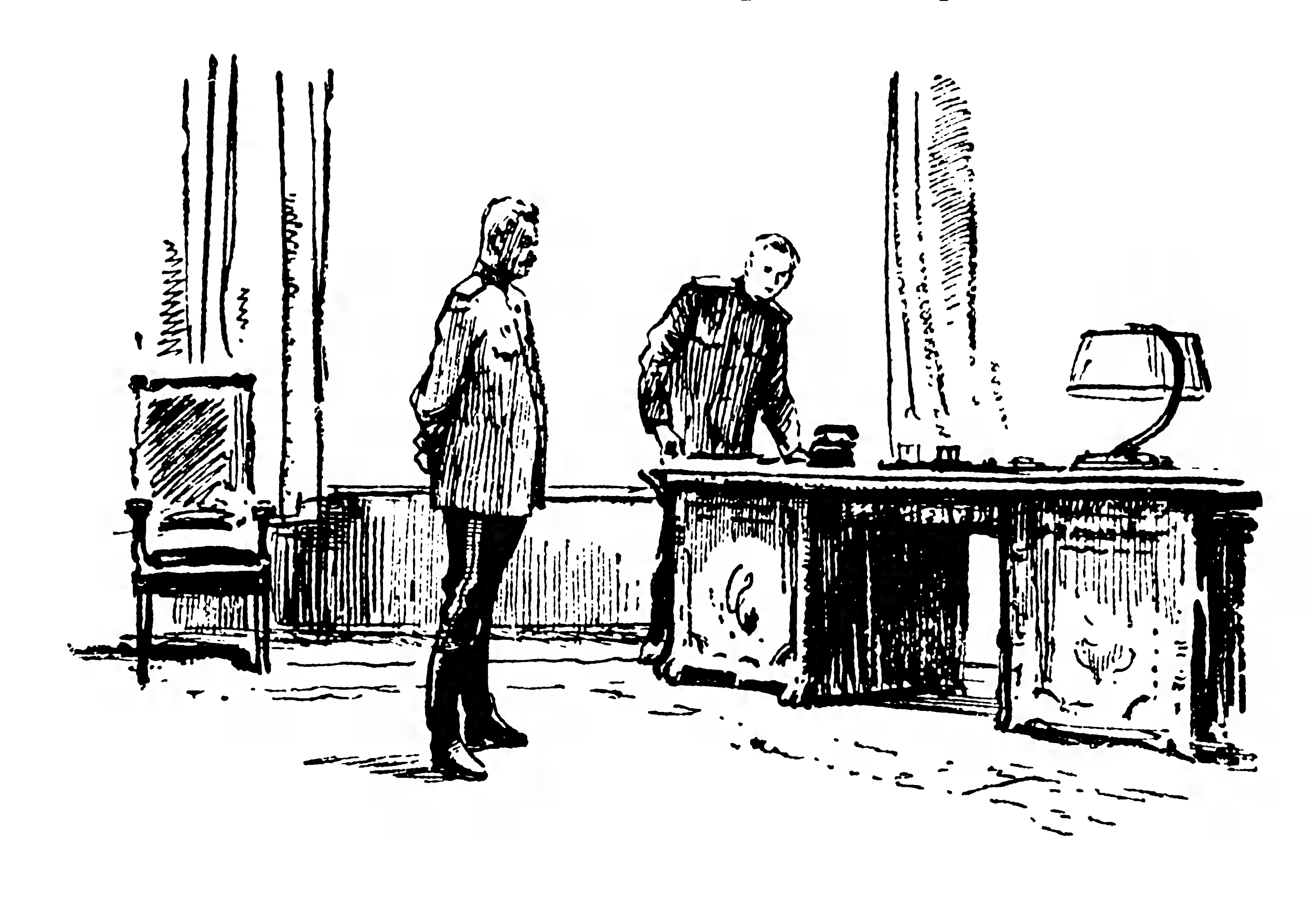
— От товарища генерала,— тихо сказал он и для чего-то осмотрелся по сторонам, но, кроме кустов, цветов и скамеек, вокруг ничего не было.

Я открыл конверт.

«Александр Петрович, в вашем кабинете находится вделанный в ножку письменного стола микрофон, вернее, микроскопический диктограф, обладающий огромной звуковой силой. Он передает

подслушивающим нас «друзьям» все наши разговоры. Не показывайте вида, что знаете о нем. Как только прочтете эту записку, сейчас же приходите ко мне, на женскую половину дома. Здесь микрофонов нет, уважаемый Таги-Заде украсил ими только европейскую половину своего дома».

— Видали! — прерывая мое молчание, сказал сержант.— Какие штуки строят, прямо немецкое

гестапо... Я, товарищ полковник, сразу же заметил проволоку, которую рабочие заделали в стену в вашей спальне и сверху закрыли шелком и коврами. Хотя я и не очень ученый, однако же понял, что тут что-то нечисто, и не показал виду, что заметил, а этот самый, сволочь...

— Кто это? — спросил я.

— Да этот собачий сын, наш хозяин, взял меня под ручку и повел по коридору, и так сладко стал говорить разные вещи... И к себе звал, и коньяком угостить обещался, а в это время рабочие машинки спрятали, да ведь как ловко, если не знать, то ни за что не найдешь...— воз-

бужденно рассказывал Сеоев, все еще озабоченно оглядывая каждый куст и дерево, мимо которых мы проходили с ним.

— Не беспокойтесь, сержант, мы предвидели подобные сюрпризы. Будьте осмотрительней. Я убежден, что это не последние штучки врагов.

Когда я вошел к генералу, он сидел на ковре, подложив под голову мутак, и делал заметки в своей записной книжке. Завидя меня, он отложил ее в сторону:

— Вы уже знаете, что у нас обнаружен микрофон и, конечно, понимаете, кто и где сидит, слушает и будет записывать наши беседы?

Я кивнул головой.

— После вашего намека я решил, что нас хотят присоединить к звукозаписывающему аппарату.

— Возможно и это,— сказал генерал.— Ну, а зная это, нам надо несколько дней поводить за нос наших подслушивателей. Конечно, первое, что их особенно интересует, это ваш доклад мне о посещении мистрисс Барк. То есть, знаем ли мы, кто она и что вообще думаем о ней. Нам надо подумать о том, как вы будете рассказывать об этом. Вы помните, Александр Петрович, наш утренний разговор, когда я просил вас не мешать Таги-Заде переустроить по его вкусу наши комнаты? Я это делал сознательно, так как было ясно, что не из-за наших же прекрасных глаз хозяин, торгаш, коммерсант и жила, у которого каждый риал на учете, станет так внезапно производить ощутительный расход. Зачем это ему? Деньги за аренду дома он получил, новых ему не обещали, для чего же он станет тратиться на нас? Понятно, что это приказано ему. Поэтому я и не помешал рабочим копаться в наших комнатах. После же их ухода с помощью Сеоева я

легко обнаружил микрофон. Он вделан в ножку вашего письменного стола, в толстенную фигуру аббата, пьющего вино. Попробуйте повернуть книзу левый угол бочки — и вы увидете, что в ее нише установлен крохотный, большой силы диктограф. Проволока выведена за окна и соединена с наружными телефонными проводами.

— Как же быть дальше?

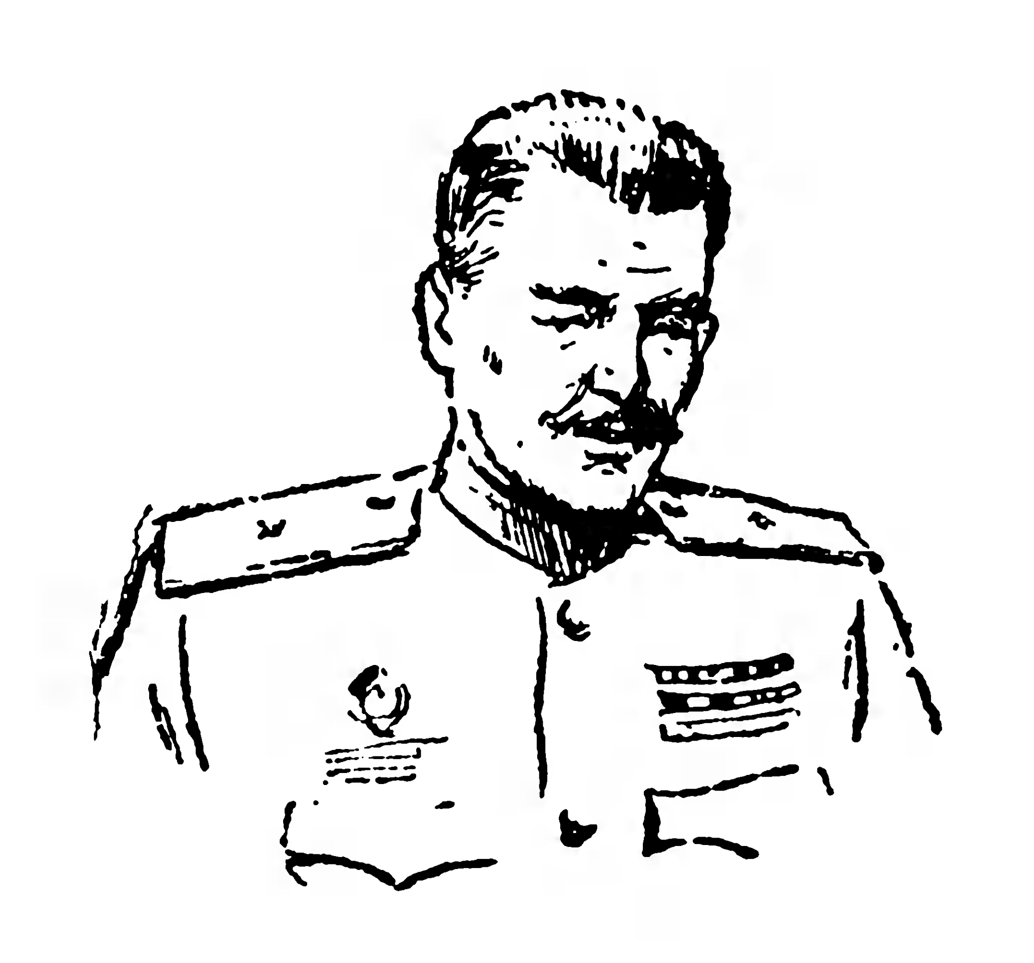
— Очень просто. Не обнаруживать, что мы знаем о микрофоне. Говорить о разных пустяках. Делать вид, что вы верите этой даме, увлечены ею, иногда вести деловые, но не очень серьезные разговоры. Интересоваться пустяками, перемешивая их с деловой беседой. Словом, запутать ведущих слежку врагов, а все что необходимо записывать на бумаге и отвечать так же, сейчас же уничтожая записи. Наиболее важные разговоры вести в саду или у меня, в женской половине дома. Прикинемся наивными барашками.

— Кто знает о микрофоне?

— Я, вы и Сеоев. Комнаты, в которых работает остальной коллектив, не тронуты рабочими, потому что в них и нет нужды нашим подслушивателям. А теперь подумайте о том, как вы будете рассказывать мне о мистрисс Эвелине, побольше восторга и чувства, дорогой Александр Петрович, хотя подбавьте немного и наивного опасения. Через полчаса я буду у вас в кабинете.

— Есть, товарищ генерал,— и я, сопровождаемый молчащим Сеоевым, пошел на свою, европейскую сторону дома.

— А-а, привет, милейший Александр Петрович, уже вернулись? — идя мне навстречу, весело сказал генерал.— Обедали или еще нет?

— Нет, товарищ генерал, да что-то и не хочется,— ответил я.

— Ну, в таком случае, выпьем чайку, а вы тем временем рассказывайте, как вас встретила ваша журналистка. Кто был, какое оставила впечатление хозяйка, чем угощала? Словом, выкладывайте все, как на духу,— и он напоминающе указал мне пальцем на ножку письменного стола. Я молча кивнул.

— Чаек попью с удовольствием, тем более, что госпожа Барк угостила меня, по ее мнению, русским чаем, но это было каким-то подобием чая, черным как вакса и вдобавок не заваренным, как у нас, а прямо сваренным в кипятке, словно суп.

— А-а, английский «ти», — сказал генерал, — они так и пьют его. Хорошо еще, что не дали вам зеленого чая. Они и его тоже варят, ужасная дрянь!

— Ну, бог с ним, с чаем... Вы о ней расскажите... Что эта — сирена, обольщала вас или она действительно скромная журналистка?

— Бог знает, кто она такая, товарищ генерал. С первого раза трудно сказать, однако вела себя очень тактично, гостеприимно, ни одного слова о политике, никаких вопросов. Мне лично, прямо скажу, понравилось ее обхождение... Я ожидал совсем иного.

— Передали ей книжку?

— Передал. Вы даже не представляете себе,

как она обрадовалась. Еще немного и расцеловала бы меня.

— Смотрите, Александр Петрович, как бы действительно не кончилось у вас это знакомство поцелуями. Ведь кто, кто, а я-то знаю, что вы от любой юбки начинаете таять...

Я разинул рот от изумления. Этот неожиданный поклеп возмутил меня, но генерал вдруг подмигнул и, давясь от душившего его смеха, так же серьезно продолжал:

— Жениться вам надо, дорогой мой, а то первая же смазливая баба собьет вас с толку...

Говоря это, он быстро черкнул мне карандашом:

«Отрицайте, возмущайтесь, черт возьми!»

— Что вы, товарищ генерал! Ей-богу, мне это даже странно слышать... Где, ну скажите на милость, где, когда я проявил такую слабость? Ну, а если что и было, так разве дело от этого пострадало? В конце концов, товарищ генерал, некий доппинг, так сказать подбадривающее средство, нужно в каждом деле, а в нашем тем более.

— Ладно, ладно,— перебил меня генерал, одобрительно кивая головой,— все это я говорю вам любя, чтоб греха не вышло. Сами ведь знаете, какая может тогда случиться для всех нас история... а так, поухаживать, развлечься — пожалуйста, только не очень... А все-таки, женю я вас на какой-нибудь доброй девушке, когда вернемся к себе,— шутливо закончил генерал.— Ну, а теперь рассказывайте дальше обо всем, что было на вашем файф-о-клоке.

Я вкратце рассказал ему о том, как провел время у мистрисс Барк, о ее наряде, гостеприимном внимании, поглядывая на указательный палец генерала, которым он все это время водил по

воздуху, напоминая мне о микрофоне и подслушивающих нас людях.

— Чудесная женщина! Ей-богу, что там ни говорите, но есть в этих европейских дамах что-то такое неясное, почти неуловимое, чего, к сожалению, нет в наших женщинах. Вот даже ее горничная Зося, честное слово, товарищ генерал, в десять раз лучше самой хозяйки!..

— Договорился,— иронически протянул генерал,— еще этого не хватало!.. Что ж, у них три ноги или полтора глаза, что ли? Те же самые особы женского пола, только разница в том, что ваша журналистка далека от быта, от военных и трудовых тягостей, в которых живут и которые разделяют с нами наши жены...

Генерал одобрительно подмигнул мне и сердито продолжал:

— Ваша леди и понятия не имеет о том, как работают и как добиваются победы над немцами наши сестры и жены... «Что-то особенное, неуловимое»...— передразнил меня генерал и снова подмигнул,— подумаешь, великое дело, пьет с утра в постели шоколад, три раза в день принимает ванну, обливается духами, тут не то что она, а любая хавронья покажется богиней.

— Ну, это вы уже напрасно обижаете ее. Она и умна, и работает немало. Каждый день, по ее словам, пять часов она отдает журналистике.

— Ну, да бог с ней, вы лучше расскажите, какое она на вас произвела впечатление. О чем говорила, чем интересовалась? У меня все-таки большое подозрение... Кто она и что она?

— Смешно сказать, но она...— я фыркнул,— «космополитка», любит жизнь и весь мир. Восток и интерес к русской литературе — вот основные темы нашей беседы.

— Она не спрашивала вас о вашей работе?

— Что вы! Да и откуда она может знать о ней? Вы, товарищ генерал, начинаете здесь, за границей, болеть шпиономанией.

— Ну, не скажите... а забыли дом с «привидениями»? Тоже воображение?

— Нет, конечно, но это было на фронте, в другом конце земли. Перед нами стояли немцы, а тут...

— Ну, а как материалы?

— Я их еще не совсем обработал. На этих днях закончу доклад.

— Ну, ну, заканчивайте, прячете его надежно?

— Еще бы! Можете быть спокойны, товарищ генерал! — ответил я.— Вот тут, в сейфе.

— А что это за книжка? — беря со стола подаренную госпожой Барк книгу, спросил генерал.

— Подарок,— многозначительно сказал я,— один из трудов моей новой знакомой.

— О-го-го! — засмеялся генерал.— Быстро у вас идет дело, дорогой друг, если темпы,— он иронически протянул,— дружбы будут столь же стремительны, то через месяц вы будете иметь полное собрание сочинений госпожи Барк. Однако что она настряпала в этой книжке, воображаю, какой это идиллический бред, судя по ее газетным статьям...

Тут он вдруг сделал изумленное лицо и, хитро улыбаясь мне, продолжал:

— Э-э, батенька мой, портрет да еще с надписью!.. а хороша, надо признаться, если только ей не польстил фотограф.

— Она еще лучше, уверяю вас, товарищ генерал, я редко видел таких красивых женщин,— вставил я.

— Готов! — с сокрушением сказал генерал.— Пошел на дно и даже не барахтается, нет, положительно, вам нельзя больше видеться с этой сиреной!..— сказал он.

Все это было разыграно так ловко и натурально, что слушавшие нас где-то за пределами нашего дома люди, несомненно, были в восторге от этой сцены.

— Что же она вам пишет такое? — сказал генерал.— Я что-то не разберу ее почерка, типично женский, мелкий, кудреватый и неразборчивый...

— Давайте я...

— Нет, нет, голубчик, разберусь... а, вот что... а, вот что...— и он медленно и внятно прочел написанные госпожей Барк слова.— «Может быть знакомому, может быть другу, а может быть и... На память об Иране. Август 1943 года». А может быть и...— повторил генерал,— что означают эти многоточия?

— Не знаю,— сказал я.

Я действительно не знал, так как не успел еще даже раскрыть подаренной книги.

— А я знаю,— засмеялся генерал,— все ясно... а может быть и...— Он сделал паузу и громко произнес: — ...и возлюбленному. Вот чего не договорила ваша журналистка, мой уважаемый Дон Жуан.

Говоря это, он взял со стола карандаш и быстро написал на бумаге:

«А может быть и... врагу... Умная и опасная особа эта Барк».

Я прочел написанные слова и молча кивнул головой.

— Ну, а как объяснила ваша леди эту фамилию в ее записной книжке?

— Очень просто, она, оказывается...

Но тут генерал перебил меня.

— Знаете ли что? пойдемте лучше в сад... Страшно душно. Мы там, на веранде, посидим до обеда, а то я буквально истекаю пóтом.

И мы, шумно поднявшись, пошли к выходу.

— Черт побери, а я и не знал даже, какой в вас пропадает замечательный актер! — усаживаясь под апельсиновым деревом, сказал генерал.— Даже лицо, я уж не говорю об интонациях, переменилось.

— Постáновочка такая, ведь какой режиссер-то! — сказал я.— Вы, пожалуй, любой спектакль можете поставить не хуже, чем в МХАТ,— и мы оба рассмеялись.

— Такое уж у нас дело, что надо уметь все и не теряться в любых условиях. А вы все это верно рассказывали о китайце, о нарядах хозяйки и прочем?

— Все правильно.

И я стал подробно рассказывать генералу о моем посещении мистрисс Барк и о смутных подозрениях, возникших у меня при этом визите. Когда же я сказал о том, что Генриэтта Янковецкая здесь и что Эвелина Барк обещала на этих днях познакомить меня с нею, генерал даже присвистнул.

— Прекрасно,— сказал он,— итого уже третья женщина появляется на нашем пути под этим именем. Отлично! — потирая руки, сказал он.— Вот теперь мы и разберемся, кто же, наконец, настоящая.

— Это еще не все, товарищ генерал. Последнюю сенсацию, самую главную, я приберег на последний момент. Слушайте...

Генерал покачал головой и иронически сказал:

— Прямо, как заправский буржуазный репортер. Вот что значит попал в чужую среду.

Я раздельно сказал:

— Знаете, кого я встретил у госпожи Барк?.. Сейчас вы подскочите и я посмеюсь над вами, товарищ генерал.

— Знаю! Маленького человечка из «дома с привидениями»,— просто сказал генерал, зажигая спичку.

Не в силах устоять на месте, я опустился на скамью, изумленно глядя на генерала.

— Все идет нормально,— закуривая папиросу, продолжал генерал.— Я давно ожидал появления здесь этого господина.

Взглянув на мое все еще растерянное лицо, он хлопнул меня по плечу и весело сказал:

— Два очка в мою пользу, товарищ полковник.

В среду, перед самым началом очередного совещания Союзной комиссии, было получено неожиданное сообщение о том, что в городе Султан-Абаде находится большое количество грузов, скопившихся еще месяца за полтора до нашего приезда в Тегеран. Там имелось и продовольствие, и ткани для военного обмундирования, и даже взрывчатые материалы, предназначавшиеся нам, но почему-то задержанные на складах Султан-Абада и теперь, по неизвестной причине, передававшиеся управлению иранской жандармерии.

Сведения были точными, и надо было немедленно воспрепятствовать оформлению этой незаконной сделки, могущей принести нам значитель-

ный ущерб. Переговорив с генералом и получив указания штаба, я тут же, на совещании, заявил протест по этому поводу и предъявил документы на эти, считавшиеся «затерянными» грузы.

Оба союзных генерала, и англичанин и американец, отнеслись спокойно к моим словам. Чейз даже пожал плечами:

— Стоит ли говорить об устаревших грузах и товарах, которые мы вдесятеро большем количестве можем доставить вам! Ведь если это старье за невостребованностью передается нами жандармам, значит его своевременно не затребовали русские.

— Не совсем так, господин генерал. Грузы эти были дважды затребованы нашим интендантством, но так как в это время еще не было смешанной Союзной комиссии, а султанабадские склады находятся вдали от Тегерана, в зоне американской администрации, то оба раза наше интендантство не получило ответа на свои запросы. Что же касается того, что взамен этих грузов будут присланы новые, должен напомнить, что идет война и дорога каждая минута. Пока из Америки прибудут суда с новыми пополнениями, пройдут недели, а продовольствие и взрывчатка нам нужны сейчас. Мы не можем медлить. Прошу вас, господин генерал, отдать срочное распоряжение подготовить грузы к передаче нам. Я сам выеду в Султан-Абад руководить приемкой их.

— Что ж? Это справедливо! — сказал молчавший англичанин.

Генерал Чейз глянул на него удивленным взглядом и, пожевав губами, сказал:

— Хорошо! Для нас эти грузы мелочь. Передавая их иранцам, мы и не предполагали, что это

так обеспокоит вас. Я сейчас же отдам приказ о передаче грузов русским. Вы когда хотите выехать в Султан-Абад?

— Завтра.

— Отлично! Шоссе туда исправное, и вы спустя двадцать — двадцать пять часов доедете на автомобиле.

Он позвонил по телефону и отменил распоряжение о передаче грузов жандармам. Затем вызвал адъютанта и набросал текст радиограммы майору Стенли, начальнику американского интендантства в Султан-Абаде, распорядился передать все советские грузы, значащиеся в списке невостребованных, сдать по форме полковнику Дигорскому и сопровождающим его лицам.

— Ну, как... довольны? — спросил Чейз.

— Вполне, господин генерал.

— Мы, американцы, любим все делать решительно, четко и сразу,— хвастливо сказал Чейз, и мы перешли к очередным делам.

Вернувшись, я доложил обо всем генералу.

— Знаете ли что, Александр Петрович,— сказал он,— зачем вам тянуть и терять сутки? Отсюда ежедневно уходят самолеты до Хамадана, в Султан-Абад они идут часа два, там посадка и получасовой отдых. Отправляйтесь завтра же на пассажирском самолете, прихватите с собой Сеоева, а на автомобиле мы отправим интендантских офицеров, которые через полтора дня приедут к вам. Очень может быть, что неожиданное прибытие поможет вам на месте разобраться в причинах этой жульнической комбинации с грузом.

Спустя час Сеоев купил два билета на утренний самолет, шедший к Султан-Абаду.

Завтра же днем большая грузовая машина с офицерами и шестью солдатами для охраны грузов должна была выйти на Султан-Абад.

Небольшой пассажирский самолет типа «Дуглас» готов к отлету. Аэродром в Тегеране такой же, как и всюду,— гладкое, ровное поле, обнесенное проволочной изгородью с бетонированными дорожками. Два иранца в европейском платье, в мягких соломенных шляпах, суетливо лезут в машину, где уже сидит жена одного из них, молодая женщина с открытым, миловидным лицом. Они летят в Хамадан, четвертый спутник — майор из отряда, расквартированного в Луристане. Он охотно рассказывает о лурах, среди которых живет уже третий год.

— Штаб нашего отряда стоит в самом центре края, в городе Хурем-Абаде, мы же расквартированы ближе к Хамадану — в Буруджерде. Это тоже город луров, он окружен огромной глинобитной стеной, в самом же городе имеется «арк», то есть крепость, в свою очередь обнесенная еще более высокими и толстыми стенами. Они так массивны, что десять лет назад, когда было в горах восстание и отряды луров подходили в Буруджерду, мы палили по ним из пушек, установленных прямо на площадках стен.

— А как теперь там, тихо? — спрашивает пятый пассажир. Это бледный, тощий юноша, посланный в Луристан отцом, крупным тегеранским коммерсантом, по торговым делам.

— Совершенно спокойно... А что? — интересуется офицер.

— Мне придется быть и в Буруджерде и в

Довлет-Абаде, в Тулэ,— говорит юноша. Тревожный огонь теплится в его глазах.

— Можете чувствовать себя, как в Тегеране,— успокаивает его офицер.— Дороги безопасны, они охраняются конной жандармерией, всюду посты, заставы. Гарнизоны наши есть во всех крупных пунктах края, вдобавок же луры, как вам, вероятно, известно, разоружены после мятежа.

— Да. Я это знаю,— кивает сын купца.

— Господа, заканчивайте посадку, через пять минут отлет,— напоминает дежурный по аэродрому.

Сеоев плотнее усаживается в кресло и закрывает глаза. Бравый сержант не очень любит полеты и предпочитает поспать.

Еще мгновение, и тегеранская земля, желтая и сухая, убегает из-под ног.

Внизу прыгают плоские кровли домов, мелькают площади, пересечения улиц. Четыре ровных шоссе выбегают из столицы, уходя в разные концы страны — на Казвин, Кум, Исфагань и Мешед.

А внизу все еще бежит, клубится и пылит Тегеран. Цветные, мозаичные купола мечетей горят в блеске раннего утра. Сады, аллеи, базар, узкая лента полуигрушечной пятнадцатикилометровой шахской узкоколейки. Вокзал Трансиранского великого пути, арыки, пешеходы, топхане, дворцы — все это пронеслось и сразу же исчезло.

Голая равнина легла под самолетом. Выжженная, плоская, с редкими селами, с чахлой зеленью, она не привлекательна, только снеговая шапка Демавенда, отроги Шемрана да синевшие далеко хребты Мазандеранских гор скрашивают унылый иранский колорит. Самолет изредка потряхивает, тогда молодая иранка испуганно вскрикивает, закрывая глаза.

Самолет идет над равниной. Внизу все чаще попадаются зеленые поля, большое озеро сверкнуло слева, блестит неширокая река, в стороне от нее протянулось белое широкое шоссе, окаймленное деревьями. Оно идет к югу, через Кум, на Исфагань и Кашан.

Отчетливо видны автомобили, ползущие по шоссе, крохотные фигурки людей, пасущиеся стада. Небольшие холмы показываются слева. Это перевал Мензарке.

Отсюда самолет держит курс на юго-запад, в направлении на Султан-Абад. Слева, в голубой дымке, в колеблющейся мгле мерцает неясное пятно. Оно словно приникло к подножию синеющих гор.

— Кум. Город Кум,— говорит кто-то.

Старый, архаический город, цитадель шиитского мусульманства. Здесь находится старинная, вся в красках и позолоте, мечеть, где покоятся шахи, а также сестра имама Резы Хезретэ, Фаттимэ Моссумэ (то есть непорочная Фатьма). Здесь же в изобилии имеются различные духовные школы, медрессе, множество святых, алимов, проповедников, раузеханов, толкователей корана, юродивых, студентов богословия и просто фанатиков, одержимых религиозным зудом. В тысячной толпе шныряют сеиды (считающиеся потомками Магомета и потому носящие зеленые чалмы), чопорные хаджи, паломники, совершившие хадж в Мекку, поклонившиеся Черному камню Каабе и гробу Магомета, с важной неторопливостью прохаживаются по темным улочкам «священного» города. Голодные студенты в длинных абах, в чаянии бесплатного обеда, поджав под себя ноги, сидят на перекрестках, монотонно напевая под нос суры (главы) из корана и зорко

поглядывая по сторонам, не идет ли какой-нибудь неопытный крестьянин или робкая крестьянка, которым можно продать за несколько грошей исцеляющее от болезней «дуа» или изгоняющий бесов и ведьм талисман. Степенные муллы в сотый раз медленно перебирают зерна своих четок, что-то сосредоточенно шепча сквозь плотно сжатые губы. Глаза их устремлены вниз, они не видят никого, их душа говорит с богом. Потрясенные, застывшие в стороне, крестьяне ждут удобного момента, когда почтенный мулла закончит свои беседы с богом и обратит на них свои заплывшие жиром глаза. В потных ладонях бедняков лежат плотно зажатые шаи и с трудом заработанные серебряные краны, которые через несколько минут перейдут в широкие карманы духовных отцов.

Мечети, муллы и сеиды — вот отличительная черта этого небольшого и крайне реакционного городка, в котором на двух жителей приходится один мулла или ахунд. Все наиболее реакционные муллы, известные своей нетерпимостью к новшествам и реформам,— выходцы из Кума, или

питомцы его духовных школ. Сюда, как и в Кербалу, привозят мертвецов для того, чтобы они могли в недрах «священной земли» ждать страшного суда. Все это стоит больших денег, поэтому только состоятельные люди завещают похоронить их в Куме, Мешеде или Кербале. Много мечетей, маленький базар и огромные кладбища — вот колорит этого непривлекательного городка. Здесь все охвачено религиозным дурманом, ханжеской имитацией, подделкой под свою собственную Мекку. Сюда по временам совершают паломничество верующие, приходящие издалека. Деньги и приношения текут изо всей страны для того, чтобы сотни жирных, обленившихся бездельников, ханжески закатывая глаза, часами проводили споры и беседы о такой белиберде, как, например, какого цвета был крылатый конь Магомета, Аль-Баррак, на котором пророк возносился на небо, или же, какой величины должны быть ногти правоверного шиита, когда он в Мекке прикасается к Бей-Туллаху.

Крестьянская масса Ирана кормит три таких «священных» города-паразита — Кум, Мешед (недалеко от границ советского Туркестана), где находится прах «святого» имама Резы и, наконец, город Кербала (в Месопотамии). Тысячи мулл, ахундов, алимов и прочих бездельников и объедал отлично живут в голодной, нищей стране.

Самолет делает крен и уходит вправо. Темное, мерцающее пятно ползет, расплывается и гаснет в мутноголубом небе. Мы все дальше уходим в сторону Султанабадских гор. Мой сосед офицер подремывает, изредка сонно приоткрывая глаза. Юноша-купец съежился и посерел. Большеглазая

иранка уже свыклась с покачиванием самолета. Иногда она что-то говорит мужу и, видя, что он не слышит ее, улыбается, показывая белые, красивые зубы. Сеоев крепко спит. Его не интересует развернувшаяся картина.

На горизонте растет огромное село Совэ. Оно все в садах, маленькая речушка проходит посреди него. Длинный караван, пыля, подходит к горбатому мосту. Еще несколько минут, и мы пролетим над этим мирным провинциальным городком... но что это? Взволнованно блестят глаза механика, лицо его побагровело. Пилот оглядывается назад, но механик уже спешит к нему. Юноша-меланхолик испуганно открывает рот, его глаза округляются. В кабинке пилота что-то с силой рвется и брызжет вокруг. Тяжелые капли разлетаются повсюду.

Женщина в страхе закрывает руками глаза. А брызги с новой силой летят вверх, вниз и по сторонам. Самолет ныряет, затем снова выпрямляется и делает над полем небольшой круг. Гул мотора стихает. Пилот выключил его и идет на посадку.

Испуганные грачи разлетаются по сторонам. Из города к самолету бегут солдаты.

Вынужденная посадка. Лопнул маслопровод, и это по существу незначительное повреждение заставляет пассажиров пробыть здесь до утра. Механик, сердитый и молчаливый, угрюмо возится в машине, что-то отвинчивая и протирая, пилот, невозмутимый весельчак, скалит зубы и с удовольствием жует сочные яблоки. Появившийся местный раис-назмие * приглашает всех к себе.

* Начальник полиции.

— Вот что значит не сделать предварительно истихаре,— говорит иранец в европейском костюме, оглядываясь по сторонам.

— Да буду я вашей жертвой,— кивая в его сторону, говорит второй,— и я, пусть не зачтется мне это в грех, не сотворил истихаре.

Истихаре — это нечто вроде гадания на четках или на коране с одновременным бормотанием молитв.

— Вот, говорите потом, что предсказания «тагвима» (календаря) чушь,— продолжает первый,— ведь в них прямо сказано, что четверг для путешественника плохой день.

— Истинная правда! — соглашается с ним молодой человек, отправляющийся к лурам.

Офицер смеется.

— Вы не верите в истихаре? — удивленно спрашивает юноша.

— Конечно, нет! Все это басни мулл и старых баб,— говорит офицер.— Эти предрассудки тянут назад нашу страну.

Оба иранца молча кивают, но по их лицам видно, что они не согласны с майором.

— Календарь и астрология помогают людям,— говорит один из них.— Вот вы, ага, человек военный, разве станете отрицать влияние планеты Бехрам (Марса) на судьбы войн? Разве вы не верите в то, что Бехрам — планета нехс (скверная)?

— Конечно стану! Какое влияние может иметь четверг на поломку самолета или небесное светило на войну в Европе? Это чушь!..

— Не говорите,— качает головой юноша.— Всем известно, что Бехрам — это планета кровопролития и войн...

Спор разгорается.

И только повторное появление начальника полиции прерывает ученый диспут между сторонниками истихаре и майором, человеком, повидимому, новой формации.

Раис-назмие, как и полагается человеку, власть имущему, ярый патриот и поборник реформ. Он неумеренно громко расхваливает все мероприятия центральной власти, ругает свергнутого Реза-Шаха, расточая льстивые хвалы «прозорливой мудрости союза великих стран Америки, России и Англии». При этом он старательно глядит на офицера, лениво кивающего ему в ответ.

— Глаза наши просветлели, валлахи-биллЯхи, как только прогнали этого людоеда Реза. Чем мы были при нем? Меньше, чем пыль. Пхе! Что я говорю, ниже, чем грязь, да будет дух над вашей жертвой... Туркменские каджары, поработители иранского народа, за сотни лет меньше выпили нашей крови, чем этот деспот, но вот пришло время — и народ, подобно древнему кузнецу Кавэ, изгнал тирана Зохака... На его месте воцарился новый, да будет над ним благословение аллаха, молодой и мудрый Мохаммед Реза-Шах,— неожиданно заканчивает раис-назмие, с келейно-ханжеским видом поднимая глаза на большой портрет молодого шаха на стене.

— М-да! Что и говорить, теперь другие времена,— тянет юноша-купец,— торговля хорошо развивается. Мировая война помогает нам. Торговать начал мой отец двадцать пять лет назад, но дело шло неважно. И вдруг в один день все пошло на лад... тогда, когда был отдан приказ всем чиновникам, купцам и интеллигенции надеть шляпы. В четыре часа триста штук фетровых шляп у отца раскупили.

Офицер смеется.

— Тамаша! * — говорит он.— Я помню этот сумасшедший день. Срок замены головных уборов на шляпы кончался десятого мая, кто не успел купить таковой, того, если встречали в куляхе на голове, полиция на улице штрафовала на двадцать туманов в пользу казны... Что было-о! Все шляпы наши модники раскупили, у иностранцев старые выпрашивали. Ха-ха-ха!

— Только крестьянам да ремесленникам разрешено было ходить в своих тюбетейках да бараньих шапках.

— А кулях-пехлеви? — спрашивает Сеоев ухмыляясь. Как видно, сержант сам хорошо знает об этом «сумасшедшем» дне.

— А «пехлеви» стал головным убором армии.

— А как же муллы, сеиды? — спрашиваю я.

Офицер пренебрежительно машет рукой.

— Этой публике досталось больше всех. Теперь чалмы носят только те муллы, которые действительно несут духовную работу, имеют место при мечети или школе. Бездельники, ранее просто носившие белую чалму, разогнаны, также и сеиды. Община уже не кормит их, как раньше только потому, что они бормочут арабские слова да называют себя потомками пророка.

— А как же Кум, Мешед?

— Э-э! Там другое дело! Эти города все еще продолжают жить по-старинке, и центральная власть пока не трогает их...

— Святые города! — поглаживая бороду, говорит раис-назмие, и по его тону нельзя понять, хвалит он их или же смеется над ними.

— Муллы с их невежеством и темнотой очень

---

* Комедия.

мешают новому Ирану, к сожалению, народ еще верит этим обманщикам...— говорит офицер. Офицер, видимо, прогрессист, европейской ориентации.

— Вы не из партии «Тудэ» *? — робко спрашивает юноша.

— Я за народ, а партия «Тудэ» является другом нации,— гордо говорит офицер.

Казенные восторги раиса-назмие вдруг стихают.

— Не-ет. Иран не Россия... У нас народ любит духовенство,— неожиданно говорит он.

— Люби-и-т?— удивленно переспрашивает офицер. И другие собеседники, видимо, тоже очень удивлены этим внезапным выводом нашего хозяина.

— Нет! Ни народ, ни интеллигенция не любят мулл,— решительно говорит муж нашей хорошенькой спутницы.

— Купечество тоже,— присоединяется тощий юноша из Тегерана.

— А армия и подавно! — снова говорит офицер.

Раис-назмие вдруг соглашается со всеми.

— Это верно! Если бы этих педер-секов ** уважал народ, разве ходило бы тогда о них столько смешных историй и анекдотов... Хотите, пока не принесли ужина, я расскажу вам один из них?— спрашивает он.

Все иранцы любители хороших сказок и повествований, и, надо отдать им справедливость, они умеют слушать рассказчика не перебивая. Перебить рассказывающего что-либо человека считается большим невежеством.

Сам поэт Саади говорит:

---

* «Тудэ» — народная прогрессивная революционная партия иранских трудящихся, запрещенная и поныне.

** Собачьих детей (персидское ругательство).

— Никто не признается в своем невежестве, кроме того, кто, слушая другого, перебивает его и сам начинает речь. Если мудрецу среди невоспитанных людей не удается сказать слова, не удивляйся, звук лютни не слышен среди грохота барабанов, а аромат амбры пропадает от вони чеснока.

У арабов, соседей иранцев, есть поговорка, похожая на слова Саади: «Соловей умолкает, когда начинают орать ослы».

Слушатели придвигаются ближе к хозяину, сидящему на ковре.

Раис-назмие нараспев, как делают на Востоке все опытные рассказчики, начинает. Он рассказывает довольно скабрезную историю о том, как молодая девушка ловко обманула муллу, имама и шейха, домогавшихся ее любви. Она свела их всех в темную баню, где они тщетно ожидали ее целую ночь, под утро устроили драку, предполагая друг в друге соперника, помешавшего девушке прийти в баню.

Повествование это, довольно глупое и сальное, вызывает дружный смех слушателей и более чем рискованные реплики, покрываемые дружным смехом.

Потом ужинаем, едим плов. Женщин за ужином нет, как нет и жены спутника-иранца. Она ужинает на женской половине дома раис-назмие, вместе с его женою, матерью и детьми.

Один из собеседников, смеясь, указывает хозяину на такой разрыв между его восхвалением новых порядков и сохранением традиций и порядков эндеруна старого Ирана.

— Что делать? Здесь не Тегеран, здесь провинция. Надо считаться с этим. Реформы мед-

ленно доходят до нас. Да к тому же, хотя моя жена и не носит чадры, но все же она необразованная женщина, ей будет неловко со столичными и иностранными людьми.

— Врет!..— шепчет мне офицер.— Просто держит ее от чужих глаз подальше... У нас много еще таких домов в Иране.

В пять утра нас будят. Машина готова к отлету. Офицер стоит у крыла, рассеянно слушая пригнувшегося к нему раис-назмие.

Спутница иранка уже сидит в машине, держа в руке тряпичную, раскрашенную куклу, изображающую сказочное чудовище Люлю-Хорхори. Этот амулет дала ей жена свободомыслящего начальника полиции. Амулет должен предохранить самолет от дальнейших аварий и катастроф. Ее спутники тихо беседуют между собой, поочередно жестикулируя. Чахлый тегеранский юнец грызет огромный гранат, сонно поглядывая по сторонам.

Самолет, сделав круг над Совэ, идет по старому курсу.

Юноша купец с лимонно-желтым лицом нервничает. Он испуганно озирается, видимо, боясь повторения аварии. Изредка он переводит глаза на одного из соседей, усиленно перебирающего четки и что-то быстро-быстро шепчущего про себя. Молитва или заклинание. Юноша делает то же, уцепившись судорожно за брелок.

Суеверие чрезвычайно развито на Востоке везде — и в Турции, и в Месопотамии, и в Аравии, но Иран, повидимому, первенствует в этом отношении.

Нет, кажется, на свете такого явления, такого случая или вещи, которым иранец, я уже не го-

ворю о крестьянах, но даже и образованный горожанин-иранец, не придавал какого-нибудь сверхъестественного значения. Он верит в судьбу, в духов, в заклинания, в талисманы. Каждый иранец — фаталист, ибо верит в предопределение, в рок.

Всяческие нелепости имеют здесь силу и свое значение. Так, например, по персидским поверьям, у каждого человека имеются свои добрые и злые духи, своя путеводная звезда.

Выезжать в дорогу лучше всего в среду, безопаснее. По средам приходить в гости неприлично. Из чисел самое скверное — 13. Нельзя на улице пройти мимо двух женщин, прошедший между ними в этот день будет несчастлив. Верное средство от застенчивости — умыться водою, которой обмывали покойника. Если возле вас на улице чихнул прохожий, в этот день неудачи будут преследовать вас, но если вы сами чихнули трижды подряд,— удача в делах обеспечена, счастье будет сопутствовать вам. Если в то время, когда вы пишете, упадет из рук перо, что-то должно случиться, но что именно, плохое или хорошее, зависит от того, как оно упадет и какое примет положение. Если чешется рука,— это к деньгам, но чесать ее надо только о подбородок, иначе деньги к вам не попадут. Если подергивается правый глаз — к слезам, если левый — то это обязательно к счастью. Если туфли иранца при снимании становятся пятками одна к другой, это значит, что об их хозяине где-то дурно говорят и т. д. Можно было бы перечислить еще сотни таких же нелепиц, крепко вошедших в быт, сознание и привычку иранцев.

Талисманы, амулеты, ладанки... на чем и на ком только не увидишь их! Носят их от сглазу,

порчи и колдовства на руках и на теле, на шее, на ногах... Они висят в домах, изгоняя бесов, и над входной дверью, препятствуя «духам» войти в человеческое жилье, и над очагом, и всюду...

Чарвадары вешают «священные» амулеты на своих верблюдов, мулов или ослов. Злые духи не посмеют приблизиться к ним, и караван сохранится в целости. Даже шоферы-иранцы и те навешивают на свои «форды», «фиаты» и «шевроле» различные талисманы, предохраняющие от дорожных катастроф. Богатые, «просвещенные» иранцы иронически посмеиваются над грубым суеверием своих соплеменников, хотя у самих на пальцах блестят кольца из бирюзы (она считается хорошо действующим средством против сглаза и ворожбы) с вырезанными на ней словами: «омид» (надежда), «дин» (вера), «голь» (роза) и т. п. Зная все это, я не удивляюсь иранке, крепко прижимающей к себе детскую игрушку — раскрашенную куклу «Люлю-Хорхори», заменяющую ей талисман.

Синеющая вдали цепь гор. Они идут к югу, теряясь в розоватомолочной мгле, сливаясь с горизонтом. На предгории темнеет город. Это Султан-Абад. Он как на ладони стелется внизу. Вот далекие горы, идущие на Луристан. Другой сизый хребет тянется в сторону юга. Перевалы, горы, ущелья, узкие речонки, стремнины... Они остаются слева. Скоро посадка. Ясно видна дорога на Тулэ, другая — на Довлет-Абад и третья — теряющаяся в холмах, на Сарух.

Самолет идет на посадку. Внизу, у стен города, виден кусок ровного поля с низким частоколом и

белой площадкой. Это — аэродром. В стороне ангар, строения аэростанции. Юноша облегченно вздыхает, сразу же бросает свой спасительный брелок, но иранка еще крепче, вероятно, в знак благодарности, прижимает к себе уродливую, раскрашенную морду чудовища «Люлю-Хорхори».

Сорокаминутный отдых, и затем «Дуглас», уже без меня, двинется в дальнейший путь.

Мы сидим в обыкновенной базарной харчевне, глядя через стекло на шумную, переливающуюся толпу. Харчевня полна чада и людей. Аппетитные запахи жареного мяса носятся над нами. Двое поваров, весело скаля зубы и переговариваясь с гостями, без устали жарят кебабы, чилоу и прочие деликатесы иранской кухни. Огромный, ярко начищенный самовар окутан паром. Толстый хозяин с полотенцем через плечо важно разливает чай. Мальчуган лет тринадцати с ловкостью фокусника разносит на подносе десятки крохотных стаканчиков с крепким, дымящимся чаем. Его черная голова в цветной тюбетейке мелькает всюду по харчевне. Много нищих. Это жалкие, оборванные, исхудавшие люди. Их лохмотья, полуобнаженные тела с раздувшимися животами и резко очерченными ребрами, голодные глаза, испуганно-рабские позы и безмолвная покорность, когда их гонит прочь окрик хозяина харчевни, ясно говорят о неблагополучии в этой провинции.

Нищие заглядывают в окна. Особенно жалок один из них. Он безмолвно приник с улицы к стеклу и жадно следит за каждым куском, который подносят ко рту, при этом видно, как он глотает слюну. Получив милостыню, он также безмолвно, не мигая, продолжает смотреть на нас голодным, одеревенелым взглядом. До самого

аэродрома нищие провожают нас, и это не просто бездельники, попрошайки, нет, это — поистине несчастные, оборванные, бездомные люди: мужчины с выпирающими из-под лохмотьев ребрами, грязные, голые ребятишки, женщины со впалыми щеками и лихорадочным блеском глаз.

Султанабадская провинция, несмотря на отличную плодородную землю, обилие сочных трав, богатых садов и развитое скотоводство, всегда снабжала города беднотою — это не было для меня новостью. Все угодья, поместья, плодородные земли и даже целые районы с деревнями принадлежат богачам, помещикам, выжимавшим все соки из своих подневольных крестьян, но такой нищеты я все же не ожидал.

— Это — луры...— спокойно объяснил мне спутник. Он небрежным жестом показал на нищих.— Это те, которых правительство после восстания выселило из Луристана. Это еще пустяки, здесь они хоть кое-как кормятся вблизи своих мест, а вот тем, что расселены за Тегераном или Исфаганью, тем действительно плохо. Просто с голоду дохнут,— заканчивает он.

— Это тоже одно из преступлений Резы и его английских дружков. Ведь они, эти несчастные люди, вымирают,— взволнованно говорит офицер.— Это племя всегда давало Ирану лучших солдат, а теперь вот как с ними расплатились! — с негодованием заканчивает он. Купец и юноша иронически переглядываются.

— Народ выдержит... Если его досыта кормить, никто не захочет работать,— философствует купец.

— Вы славный человек,— говорю я майору и пожимаю ему руку.

— Я сам из народа. Мой отец крестьянин из бахтиарского села Зораб, а я член народной партии «Тудэ»,— говорит он.

Присутствующие молчат.

Спустя несколько минут я прощаюсь с ними и, сопровождаемый Сеоевым, иду в район железнодорожной станции, где расположены американцы.

Майор Стенли оказался добрым и приветливым малым.

— Я рад, сэр, что вы забираете, наконец, эти мешающие мне грузы... Ведь я неоднократно сообщал в управление о том, что они без толку занимают место в моих складах.

— Но ведь мы дважды настоятельно требовали их...

— Что за чертовщина! — удивился Стенли.— Ну, и что вам ответили?

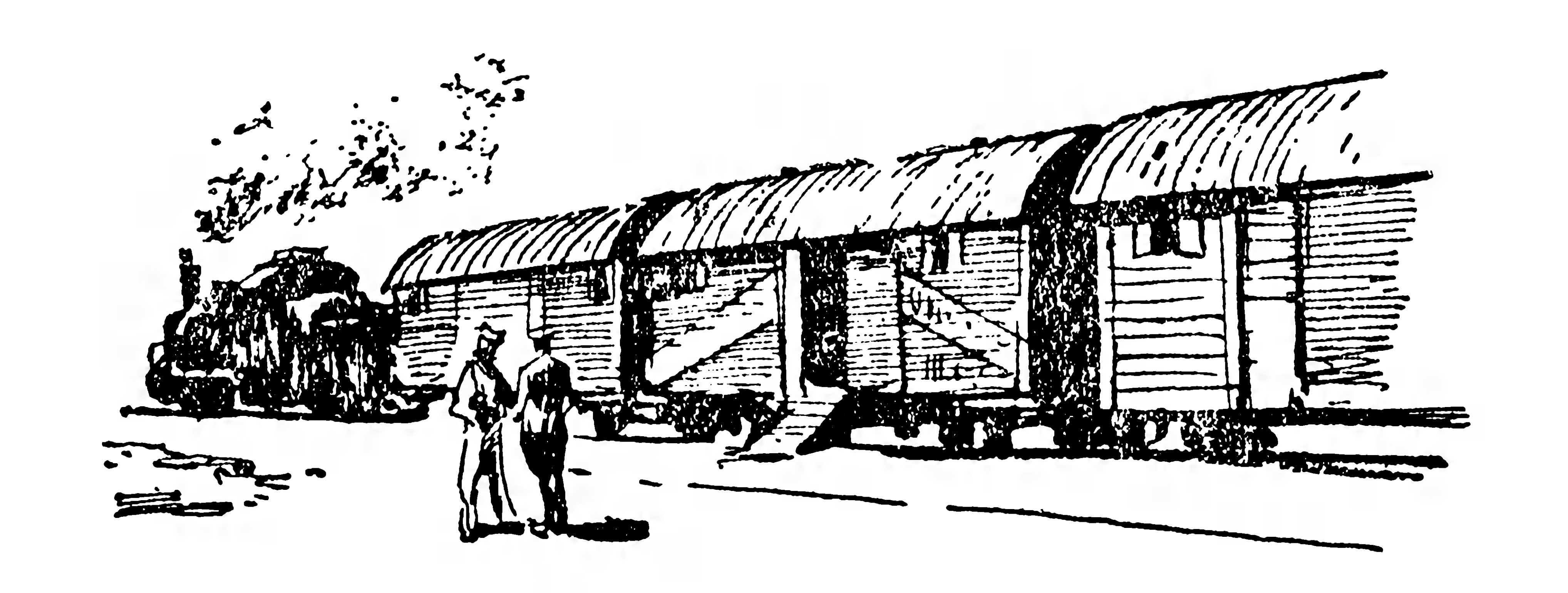
— Нам ответили, что грузы бесследно затерялись в пути.

— Безобразие! Я все время бомбардирую их рапортами о том, чтобы грузы отдали вам. Ведь у меня же места не хватает для прибывающих грузов, а тут целых двадцать восемь вагонов торчат почти пятьдесят дней.

— Как двадцать восемь? По нашим сведениям, их двадцать два? — сказал я.

— Казенных двадцать два, но ведь там еще шесть вагонов консервированного молока, бекона, сахара и шоколада для эвакуированных детей Сталинграда. Все это куплено на добровольные пожертвования граждан Нью-Йорка, восхищенных героизмом ваших солдат.

— Вот как!... Я даже и не знал об этом.

— Как же! Эти шесть вагонов не входят в число казенных, оплачиваемых доставок, но они мне, американцу, дороже, чем весь остальной груз... Ведь это теплое рукопожатие дружеской руки,— сказал Стенли.

— Мне тоже. Я растроган, узнав об этом прекрасном, дружеском даре,— пожимая ему руку, сказал я.— И эти вагоны тоже хотели передать жандармскому управлению Ирана?

— Представьте себе, да. Но тут уж я воспротивился и написал через голову моего начальства доклад непосредственно генералу Чейзу. Я писал ему, что военные грузы управление вправе переадресовывать кому вздумается, но частный дар граждан Нью-Йорка не подлежит таким экспериментам.

— И что же вам ответил Чейз?

— Пока ничего, но я думаю, что ваш приезд и вызван именно моим докладом. Разве это не так? — удивился майор.

— Почти так. Генерал Чейз говорил мне о всех советских грузах, задержанных здесь, вероятно, включая в их число и эти подарки.

Ночевал я у майора, Сеоев, быстро сдружившийся с ординарцами Стенли, расположился рядом со мной.

Наутро я ознакомился с грузами и всей документацией на них. Все было в целости и оказалось лучшего, самого высшего качества.

К вечеру пришла наша грузовая машина, и через день мы, присоединив к вагонам паровоз, медленно отошли от станции Султан-Абад, направляясь к Тегерану.

Поезд из двадцати восьми груженных товарами вагонов охранял взвод американских и шестеро советских солдат.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Спустя сутки английского пленного снова вызвали на допрос.

— Ну, как отдыхали? Как кормили вас, нет ли жалоб? — приветливо сказал полковник, показывая рукою на стул.

Англичанин сел, закурил из придвинутого к нему хозяином портсигара и, пуская колечко дыма, сказал:

— При всем желании жаловаться не могу. Кормят отлично, табаку и папирос много, вот разве только лишение свободы немного томительно...

— Что делать, что делать! — разводя руками, сказал полковник.— Печальная необходимость, но, как я вам и обещал, это продлится еще день-другой... Потерпите немного. Кстати, знаете ли вы, что господин Сайкс уже несколько дней, как выбыл из Москвы?

— Из Москвы... выбыл?..— медленно повторил Смит.

— Если бы не эта неожиданность, то мы уже сегодня освободили бы вас,— словно не слыша его слов, продолжал полковник.

— Куда уехал Сайкс? — перебивая его, взволнованно сказал англичанин.

— Сейчас скажу,— роясь в бумагах и как бы не находя нужной, ответил полковник.— А-а, вот она, радиограмма: «К сожалению, помочь в этом деле не можем запятая так как мистер Сайкс восемь дней назад отбыл через Иран на родину точка»...— прочел полковник, поднимая глаза на «Смита».— Да, в этом деле помочь не могут запятая,— снова сказал он,— так что выходит вам точка.

— Я не понимаю вас... о какой точке, о чем вы говорите? — поднимаясь с места, сказал Смит.

— А это в русском языке есть такое выражение: «Вот в чем запятая». Может, слышали? Нет? Это так говорят, когда на пути встает непреодолимое затруднение, как, например, сейчас у вас. Да вы присядьте, не надо волноваться...

Смит сел, не сводя глаз с полковника.

— А слово «точка» означает — конец. То есть положение, при котором все понятно, и продолжать дальше игру не следует. Лишняя трата нервов и времени.

Смит спокойно выслушал полковника, и только сильней затянулся папиросой.

— Не понимаю, о чем вы говорите, господин офицер?

— О вас, дезертире, бежавшем после ряда совершенных преступлений к немцам!

При этих словах Смит улыбнулся.

— К немцам? Я бежал к немцам? Вы шутите, господин офицер! Наоборот, я бежал от них к русским... Я — офицер Британского королевского воздушного флота...

— Может быть, может быть,— равнодушно согласился полковник и нажал кнопку звонка.—

Попросите ожидающих,— сказал он вошедшему солдату.

Смит не без тревоги посмотрел на дверь.

В комнату вошла женщина в форме лейтенанта административной службы.

— Садитесь, пожалуйста, сюда,— указывая на кресло, стоявшее против Смита, сказал полковник.

Женщина поклонилась и села.

— Поговорите, прошу вас, с вашим соотечественником и, кажется, даже согражданином. Ведь вы из Соутгемптона? — сдерживая улыбку, протянул полковник.

— Да, я оттуда,— сказала женщина и, повернувшись к Смиту, спросила:— А вы тоже из нашего города?

— Я уже говорил на допросе, что я из Соутгемптона, летчик, что отец мой крупный коммерсант Смит и что я служил офицером на аэродроме Лайон...

— Кстати, скажите, пожалуйста, к какому графству приписан наш Соутгемптон? — тихо спросила женщина.

— Графству? А черт его знает к какому, кажется к Дерхему или Кенту... разве это существенно? Откуда я могу это знать? — сверкнув глазами, сердито сказал Смит.

— Нет, это важно, это знает каждый соутгемптонец, так же, как и всякий другой англичанин, приписанный к какому-нибудь графству. Это необходимая деталь каждого гражданина Великобритании. Кстати, Соутгемптон всегда, уже сотни лет, как находится в графстве Уиндзор...

— Я сам отлично знаю это. Я и родился в этом графстве и, надеюсь, и умру в нем. Смешно было бы мне не знать этой простой вещи, а если я

сразу не сказал вам о графстве Уиндзор, то только потому, что самому было любопытно знать, с кем я имею удовольствие говорить.

— ...Кстати, такого графства — Уиндзор, в Англии нет, есть королевский Виндзорский дворец и старый Уиндзорский замок,— не отвечая Смиту, сказала женщина, повернувшись к улыбающемуся полковнику.

— Неправда!.. Вы сами!..— вскакивая с места, закричал Смит.

— Потише и спокойнее! — предупредил его полковник.— Лучше закурите и помните, что здесь вы не в кругу своих немецких друзей.

Смит зорко и внимательно глянул на говорившего и, сдерживаясь, сел на стул.

— Не можете ли вы сказать мне, как долго вы жили в Соутгемптоне? — ровным и попрежнему тихим голосом произнесла женщина.

Смит насторожился и не сразу сказал:

— Я уже говорил, что это мой родной город и что я родился в нем.

— А что такое «Нетли»? — спросила женщина.

Смит медленно поднял на нее глаза, обдумывая ответ.

— Нетли? — переспросил он.

Женщина молча кивнула головой.

— Не припомню!... Разве можно знать всякую мелочь!

— Нетли — это не мелочь, это большое местечко в девяти милях от города. Там живут моряки, рыбаки, и туда на регулярно отправляющихся автобусах ездят отдыхать и купаться все соутгемптонцы... если они настоящие горожане,— спокойно объяснила женщина.— И, наконец, последний вопрос. Вы сказали, что аэродром «Лайон» находится под городом Соутгемптоном,

может быть... Ну, а что такое «Лайонс» и чем оно замечательно для населения?

— Господин офицер, я просто не хочу отвечать этой особе. Меня возмущают подобного рода ловушки и инквизиторские приемы...— сказал Смит.

— Почему же? Наоборот, это в ваших интересах, и правильные ответы на вопросы этой дамы только помогут вам доказать, что вы англичанин Смит из Соутгемптона, а не...— полковник сделал паузу и добавил: — ведь господина Сайкса нет, он в Иране, никто же другой в миссии не знает вас и не берется подтвердить ваше британское происхождение.

— Хорошо! Лайон, как известно, означает «Лев», а «Лайонс» — «Львы»,— так называют себя летчики нашего аэродрома, улетающие бомбить немцев. Это несколько романтично, но это так...— гордо сказал Смит, откидываясь на стуле.

— Мой «Лайонс» более прозаичен,— сказала женщина,— и каждый соутгемптонец знает, что означает это слово. «Лайонс» — это фирма, которой принадлежат все недорогие многочисленные ресторанчики города и провинции. Больше трех четвертей небогатого населения обедают, завтракают и ужинают в них. Каждый средний англичанин, а значит и любой офицер, хотя бы раз в день, но забежит в «Лайонс» выпить кружку эля или имбирного пива и съесть кусок мяса или пирога с зеленью и яйцами. «Лайонс» охватил своей сетью не только Соутгемптон, но даже Лондон и ряд других городов. Это богатейшая фирма, и каждый англичанин знает ее. Этот господин, вероятно, бывал в Англии, возможно, даже закусывал в одном из этих ресторанчиков, о фирме которого он и не слыхал. Он, конечно, не соутгемп-

тонец и не англичанин, а судя по своеобразному произношению некоторых слов, или чех или поляк.

При этих словах Смит вздрогнул и, сдерживая волнение, улыбнулся, покачивая головой.

— Благодарю вас. Я не имею больше вопросов,— любезно сказал полковник. Женщина встала, поклонилась и вышла из кабинета.

— Неправда ли, как странно,— обратился полковник к Смиту,— что вы, соутгемптонец, ошиблись в таких простых вещах?

Смит молчал.

— Тогда продолжим игру. Старшина! — крикнул полковник.— Введите следующего.

Смит снова глянул на дверь. В комнату вошел один из офицеров штаба 4-й армии, захваченный в Гвоздинце. Немец вытянулся и вежливо наклонил голову, глядя на Смита, который сумрачно отвернулся от него.

— Присядьте на стул,— сказал полковник.

Пленный поклонился и сел возле Смита.

— Ваше имя, звание и должность в штабе четвертой геманской армии? — спросил полковник.

— Барон Гергардт фон Шенк. Майор, помощник начальника второго отдела.

— Что это за отдел?

— Разведывательный,— почтительно доложил немец.

— Вы подтверждаете ваши ранее данные показания относительно этого человека, именующего себя Смитом?

— Так точно!... Подтверждаю и даже могу уточнить.

Смит отодвинулся и злобно глянул на немца.

— Тогда прошу повторить их,— коротко сказал полковник, внимательно глядя на Смита.

— Этот человек был недели две или три назад переброшен из-за фронтовой линии в расположение двадцать первого армейского корпуса, откуда направлен к нам для дачи точных данных о дислокации польских и советских войск, входящих в состав советского Западного фронта.

— Откуда он был переброшен и кем?

— Из местечка Зворки, находящегося возле города К., а кем — не знаю. Смит числился за Берлином, и мой покойный шеф, полковник Фишер...

— Убитый в Гвоздинце?

— Так точно! Мой покойный шеф лично вел беседы с этим человеком и, обходя отдел, непосредственно сносился с Берлином.

— С кем персонально?

— С...— пленный замялся.

— Я жду! — сказал полковник.

— С Нахрихтенбюро.

— Точнее? — сказал полковник.

— С главнокомандующим войсками СА и СС, его высокопревосходительством Гиммлером,— тихо сказал майор.

— Значит, человек этот важная особа?

— Конечно! За всю мою деятельность в разведке я второй раз встречаю человека, который, обходя нас, имел непосредственную связь с Берлином. Повторяю, нам было приказано получить от этого господина только информацию о польских и советских войсках: их численности, дислокации, вооружении, боеспособности. Ни о чем другом мы не имели права расспрашивать его.

— Как вы думаете, почему?

— Вероятно потому, что главная его ценность в другом.

— В чем же?

— Не знаю! Здесь я могу впасть в ошибку и увлечь за собою и вас. Он перед вами, вы знаете, что он не немец и не англичанин. Остальное уже ваше дело, господин офицер,— твердо сказал майор.

— Ну-с, Сми-ит! Вы слышали, что говорил о вас майор фон Шенк, которому по его должности следовало бы знать о вас побольше? Так как же? Вы все еще будете уверять нас, что вы Смит, английский офицер из Соутгемптона?

— Да! Я сказал это и повторю еще сто раз. Я англичанин, мой отец фабрикант Смит, имеющий в Соутгемптоне текстильную фабрику, а я сам...

— А вы сами — шофер Юзеф Юльский, дезертир и убийца, бежавший из села Зворки, через село Большие Садки на машине, принадлежащей штабу тыла Второй польской дивизии. Отец ваш не Смит, а Годлевский, из города Лодзи, где он работал бухгалтером в отделении английской экспортно-импортной фирмы «Смит и К°», по делам которой вы несколько раз ездили из Польши в Англию, где и были завербованы одной иностранной разведкой. Что? Вам, кажется, плохо? Вы так сильно побледнели... Старшина, дайте господину Юзефу Годлевскому стакан воды. Итак, как видите, все известно, и вы напрасно целые сутки морочили самого себя... Старшина, отведите арестованного в его помещение. А вас, майор фон Шенк, попрошу остаться.

Смит поднялся с места. Кривая улыбка прошла по его бледным губам, он что-то хотел сказать, но оправился и твердым шагом вышел из комнаты.

— Вот что я хотел сказать вам, майор. Вы очень ответственный работник разведки, зани-

мающий такой важный пост, неужели вы думаете, что мы, работники советской разведки, так глупы, что поверим вам с полуслова? Наивно, очень наивно работаете, господин фон Шенк. Вы сейчас имели возможность убедиться в том, что мы знаем гораздо больше, чем предполагаете вы. Мы знаем, кто такой этот «Смит» и почему его так бережно охраняет Гиммлер и оберегает ваш штаб... Мы знаем... а вы — нет,— полковник поднялся с места.— Никогда не думайте, что противник глупее вас... вы помните, это основное правило всякой разведки. И вы помните, кто первый сказал эти золотые слова?

— Наполеон,— смущенно пробормотал немец.

— Именно он!.. А Бонапарт был отличным разведчиком. Итак, даю вам вот эту бумагу, ручку, перо и надеюсь, что через полчаса у меня будет подтверждение того, что мы с вами знаем об этом «Смите». Честное признание будет очень полезно и для вас самих, майор,— сказал полковник и, пододвинув к ошеломленному Шенку бумагу, взяв со стола книгу, стал читать.

Шенк посмотрел по сторонам, задумался, вздохнул и, схватив перо, принялся с ожесточением писать страницу за страницей, изредка поднимая глаза на полковника. Но тот, повидимому, читал очень интересную книгу и даже ни разу не взглянул на него.

— Что вы читаете, полковник? — наконец спросил Шенк.

— «Три мушкетера» Дюма. Перечитываю уже в четвертый раз. Когда кончите ваши записи, майор, я дам вам эту книгу на немецком или французском языке,— продолжая читать, сказал полковник.

Шенк молча пожал плечами и с новым ожесточением заскрипел пером, уже не поглядывая на полковника.

Закончив свой доклад, он внимательно перечитал его и, немного подумав, решительно подписал: «Майор генерального штаба, барон фон Шенк».

Полковник, отложив в сторону Дюма, взял подписанные Шенком показания и также внимательно прочел их.

— Да, я теперь вижу, что вы чистосердечно и ясно написали все то, что знали сами. Как видите, это не удивляет нас. Мы знали это еще задолго до вас. Можете быть уверены, что ваше признание облегчит вашу дальнейшую судьбу.

Немец встал и, вытянувшись во фронт, щелкнул каблуками.

— Что делать, господин полковник! Война проиграна, это ясно, и теперь каждый из нас должен думать о себе.

Полковник ничего не ответил. Он позвонил и, кивнув головой на пленного, сказал конвоиру:

— Отвести обратно!

И, снова взяв Дюма, стал читать похождения мушкетеров. По тому, как удовлетворенно блестели его глаза, и по тому, что прошло уже больше пятнадцати минут, а раскрытая страница книги так и не была перевернута, было ясно, что мысли полковника очень далеки от любовных и авантюрных приключений кавалера д'Артаньяна.

Воздушная почта принесла письмо от Аркатова. На этот раз бравый капитан прислал не письмо, а небольшую записку.

«Шлем боевой фронтовой привет нашим доро-

гим начальникам и друзьям. Двинулись вперед и от того места, где были с вами, сейчас находимся далеко. Все здоровы, кланяются и ждут весточки от вас. Я сегодня вылетаю в один пункт. Нашелся Юльский, тот самый капрал, который в деле с привидениями играет немаловажную роль, поэтому спешу информировать вас и генерала, так как его исчезновение вызвало немало упреков по моему адресу.

Вечером опрошу его. На этих днях ждите очередного подробного доклада о ходе дела.

Намекните хоть немного, где вы находитесь, на каком фронте или может быть в самой Москве? Это не любопытство, но ведь дело наше общее, и я хотел бы, если вы в столице, хоть на часок заглянуть к вам, чтобы лично доложить обо всем, а также рассказать и о друзьях-товарищах, которые шлют вам обоим искренний, солдатский привет.

Аркатов.

P. S. А ведь Ян Кружельник оказался действительно ни в чем не повинным человеком, и я напрасно обругал его в прошлом письме. Он еще у меня, но уже не как подследственный, а как необходимый для дальнейшего хода дела человек.

Признаюсь, прошляпил, но в нашей работе важно уметь сознаться, что ты ошибся, и вовремя исправить ошибку, помня, что имеешь дело с живыми людьми».

— Правильная приписка,— сказал генерал.— Ошибиться может каждый, но не у всякого хватает мужества признаться в ошибке. Подчас это куда труднее, чем лежать под огнем минометов врага. А вот то, что они нашли Юльского,— за-

мечательно. Мне кажется, что теперь вся интрига, закрученная и повернутая против нас, со стремительной быстротой развернется в обратную сторону. Напишите сегодня же Аркатову письмо. Поблагодарите товарищей за теплые чувства. Я не люблю нежностей, но солдатская дружба выше всякой другой. Я бы даже ввел особую медаль...

— ...«Солдатской дружбы»,— засмеялся я.

— А что? — серьезно сказал генерал.— Разве это мелочь? Вы обратите внимание на то, как маленький, плохонький человек, попадая в боевые порядки батальона и роты, в среду обстрелянных, бывалых солдат, преображается в их семье... Да, да, именно, во фронтовой семье. Все: и люди, и опасности, и жизнь на переднем крае, и сознание, что он защищает свою родину, свой дом,— делают его другим — чистым, честным, спаянным с остальными. И если он уцелеет, то никогда не растеряет потом эти высокие качества. Дружба среди фронтовиков не возникает случайно и не подогревается избитыми казенными словами. Нет, она вырастает органически и закономерно из всего солдатского окопного бытия.

Я молча кивнул головой.

— А теперь пойдем по своим кабинетам и будем помнить, что нас подслушивают враги. Должен уведомить вас, что Косоуров, этот «маленький человечек», встреченный вами у госпожи Барк,— полковник филиппинской армии, господин Джеффри Сайкс,— генерал улыбнулся и многозначительно покачал головой.

Я пришел к себе, сел за стол и принялся за работу. Раза два приходили с бумагами адъютант и машинистка.

Я написал ответное письмо Аркатову и просил его обязательно сообщить нам о показаниях

Юльского и держать нас в курсе о начинавшем проясняться деле с «привидениями».

«...Вы не угадали, где мы. Ни в одном из указанных вами пунктов нас нет. Мы еще дальше от вас и гораздо ближе к «дому с привидениями», чем были на фронте. Мы находимся в самой гуще этого дела. Вы идете к развязке событий с одного конца, мы с другого, но ликвидация его еще далеко. Оно гораздо сложнее, чем думал я о нем, находясь вместе с вами. Надеюсь, что мы увидимся и именно для того, чтобы окончательно распутать его. Привет товарищам от генерала и меня».

Я запечатал конверт и, отослав воздушной почтой, засел за работу.

На следующий день Юльский снова был вызван на допрос. Арестованный опять утверждал, что он англичанин, и требовал найти господина Сайкса, который может подтвердить это.

— Никакого Юльского или Годлевского не знаю. Я англичанин, и все, что показал до сих пор, правда.

— Вы попрежнему настаиваете на этом? — спросил полковник.

— Да, и ничего больше добавить не могу.

— Ну, а показания пленного немецкого офицера майора Гергардта фон Шенка?

— Эти показания немца! Они даны фашистом, врагом, который рад очернить любого из нас, и поэтому никакой силы они не имеют.

— А англичанка, которая беседовала с вами?

— По-моему, она такая же англичанка, как я водолаз. Мне непонятно упорство, с которым вы

стараетесь убедить меня в том, что я не англичанин и не Смит.

— Зачем мне убеждать, вы сами это знаете лучше меня,— сказал полковник.— Итак, вы попрежнему утверждаете, что вы не поляк Юльский, а англичанин Смит?

— Конечно! — сказал арестованный.

— Ну, надо кончать этот балаган.

«Смит» пожал плечами, но его внимательные глаза были устремлены на полковника, отворившего дверь.

— Войдите, товарищи! — делая приглашающий жест, сказал полковник.

В комнату вошли капитан Аркатов и польский рядовой Кружельник. «Смит» побледнел и в первый раз за все эти дни растерялся.

— Ну-с, узнаете? — указывая на «Смита», спросил полковник.

— Так вот где ты, Юльский! — тихо, с непередаваемым презрением в голосе сказал Кружельник, подходя вплотную и гневно глядя в лицо «Смита».— Так вот, оказывается, кто ты таков, подлый человек!.. Негодяй!.. Трус!.. Фашист!..— Не обращая внимания на офицеров, Кружельник шагнул к съежившемуся Юльскому.

— Я помню твои сладкие, отравленные слова о Польше, когда ты клялся в любви к ней... Так-то ты спасал отчизну, лайдак, немецкий пес, продажная шкура!..

Юльский, не выдерживая его взгляда, молча отвернул в сторону лицо.

— Поверни лицо!.. Смотри мне в глаза.. Ты, фашистская потаскушка! Не можешь смотреть в глаза честному солдату, погань! — И Кружельник плюнул прямо в лицо «Смита».

Юльский встал и, повернувшись к полковнику. сказал срывающимся голосом:

— Признаюсь... Я — Юльский, я же Годлевский и я же разведчик Смит, но все же я поляк, Ян...

— Не зови меня больше Яном, и не смей называть себя поляком! Ты нам враг! — не сводя гневных глаз с Юльского, сказал Кружельник.

— Все ясно, Юльский. Теперь только полные и правдивые показания могут спасти вас,— сказал полковник.

— Спрашивайте. Я отвечу на все вопросы,— сказал Юльский и, придвинув к себе стул, сел возле стола.

Начался допрос.

В понедельник наш поезд с грузами прибыл в Тегеран и был благополучно переведен в нашу зону, а в пятницу в назначенный час я входил в вестибюль мистрисс Барк. На этот раз швейцар встретил меня как старого знакомого и с льстивым поклоном изогнулся передо мной. На лестнице мелькнула нарядная фигурка Зоси, спешившей ко мне.

— Вы очень аккуратны. Слышите, часы бьют одиннадцать,— сказала она.

Я протянул ей руку, но девушка, покачав головой, произнесла:

— Не могу, господин полковник, нельзя... У нас это не принято! — При этом она снова глянула на меня быстрым и как-то сбоку, наблюдающим взглядом.

— Ох, и вышколили вас, Зосенька, чужие люди,— идя рядом с нею, сказал я.

— Какие чужие? Я не понимаю вас,— торопливо проговорила она.

— Я уже говорил об этом в прошлый раз,— начал было я.

— А вы разве помните то, что было в прошлый раз? — улыбаясь одними глазами, спросила она.

— Помню и не забыл, что сегодня Зося скажет мне, когда мы встретимся в городе.

Девушка замедлила шаги и снова искоса взглянула на меня.

— Моя госпожа ожидает вас, прошу следовать за мной,— вместо ответа сказала она. Ее голос, лицо, даже походка изменились. Передо мной была типичная, отлично вышколенная служанка из «хорошего» дома, чопорно и чинно исполнявшая свою службу.

Мы поднялись по лестнице. Ковры покрывали пол, скрадывая шум шагов. Большое зеркало отразило лицо шедшей впереди Зоси. Я внимательно вглядывался в него, оно было неузнаваемо. Это был совсем другой человек, а не та радостная, кокетливая, смеющаяся девушка, так мило встретившая меня. Мы молча дошли до гостиной. Зося показала рукой на кресло и исчезла в двери, ведшей в спальню госпожи Барк.

Я остался один. Странное чувство от перемены в девушке не оставляло меня. Это не было кокетством, не было актерским приемом. «Странная девушка!» — подумал я.

— «Аккуратность — вежливость королей», говорил Людовик четырнадцатый, а я должна добавить, что и то, и другое нахожу в вас,— сказала мистрисс Барк, входя в комнату.

Я поцеловал ей руку.

— А теперь разрешите представить вас очаровательной госпоже Янковецкой, чью записную книжку вы нашли на базаре...

Ее голос звучал очень искренне, но в нем были нотки еле ощутимой иронии. Зося распахнула тяжелый занавес, закрывавший вход в спальню мистрисс Барк. На пороге, слегка улыбаясь, стояла женщина лет тридцати. Золотые, с бронзовым отливом волосы окаймляли ее белое, с точеными чертами, лицо. Большие голубые глаза смотрели на меня. На левой щеке чуть темнела небольшая, похожая на мушку родинка.

— Очень рад,— сказал я.

— Я тоже,— ответила «Янковецкая», продолжая глядеть на меня.— Я представляла вас, полковник, несколько другим.

Она сделала паузу, выжидательно глядя на меня. Я молчал. Мне было ясно, что здесь идет заранее подготовленный спектакль и мои дамы будут играть роли и говорить текст, заготовленный им режиссером, может быть слушающим нас по диктофону, тоже установленному здесь.

— Итак, Эви, что мы будем делать сейчас — пить кофе или прямо отправимся на сеанс к китайскому чародею?

— Мы напоим кофе нашего гостя,— сказала мистрисс Барк.

— Я бы предпочел прогулку к вашему волшебнику, тем более, что я уже пил чай.

— Да вы, кажется, как истый русский, предпочитаете чай или, может быть, вы недовольны нашим, мы не так хорошо варим его, как русские.

Это был ее промах, первое подтверждение того, что мои слова, нарочно сказанные перед микрофоном генералу, укололи женское самолюбие хозяйки.

— О нет! Ваш чай превосходен, но я просто не хочу.

— Тогда — в путь.

Зося накинула на плечи мистрисс Барк легкое пальто, и мы направились к двери. Телефонный звонок остановил нас.

— Как всегда, не во-время,— улыбнулась журналистка, подходя к аппарату.

— Да-а,— медленно проговорила она. По ее лицу пробежала тень.— Какая неосторожность!!! Да, ну, конечно,— подтвердила она.

Госпожа Янковецкая быстро и тревожно глянула на нее. Одна только Зося, стоя у дверей, безразлично ждала нас. Мистрисс Барк положила трубку.

— Нам придется отказаться от встречи с волшебником Го Жу-цином, с ним что-то произошло, и он не расположен нас принять.

Несмотря на ее шутливый тон, было видно, что она чем-то обеспокоена. Ее настроение передалось и второй даме.

— Значит, мы остаемся? — неуверенно спросила она, глядя на хозяйку.

— Нет... Мы поедем на авеню Лалезар и по дороге заглянем в «Пель-Мель». Кстати, ведь и вам, дорогая Генриэтта, что-то надо купить там.

— Да, да! Кое-какие мелочи...— И по тому, как она поспешно согласилась, я понял, что произошло что-то такое, что в корне нарушило их планы.

«Пель-Мель» был большой универсальный магазин, недавно открытый американцами. Я слышал о нем. Возле него постоянно вертелись какие-то люди, совершались какие-то подозрительные дела. Это было нечто вроде черной биржи или места, где встречались деловые люди с уголовным прошлым и с таким же будущим, а также «фоколи», то есть молодые, богатые бездельники и развратники, завязывавшие здесь знакомство

с проститутками и веселыми тегеранскими вдовами. «Сборное место шпиков и прохвостов»,— как образно выразился о нем генерал.

— Мне очень жаль, но в таком случае я возвращаюсь домой. У меня есть незаконченное дело.

— Хорошо, заканчивайте дела и возвращайтесь к нам.

Зося проводила нас до лестницы. Внизу уже суетился любезный до приторности швейцар. В приветливой улыбке Зоси, в ее движениях было что-то механическое. Чувствовалось, что она еле сдерживается. За все это время она только раз взглянула на меня, и такая ненависть сверкнула в ее взгляде, что я подумал: «Не ошибся ли?» Я снова посмотрел на нее, но лицо девушки было напряженно-спокойно. Странная девушка. Я чуть задержался на лестнице, пропуская вперед дам. Шедшая за мной Зося вдруг быстро сунула мне

в руку сложенную вчетверо бумажку. Я зажал ее в кулаке и только на улице опустил в карман.

Автомобиль с дамами поехал направо, а я, оставшись один и отойдя довольно далеко от дома мистрисс Барк, достал записку Зоси.

Неровным, торопливым почерком было нацарапано несколько слов: «Завтра, в половине 12-го, в парке Зилли-Эс-Салтанэ, в левой аллее возле малого фонтана».

Написано было по-английски, без единой помарки. Я дважды перечел записку и, подозвав «дрожке», поехал домой.

Первым, кто встретил меня, был генерал. Он стоял у письменного стола и, указывая на запрятанный микрофон, громко сказал:

— Наконец-то! Знаете, что натворил ваш обожаемый Сеоев? — Он сделал паузу: — Избил до полусмерти какого-то фокусника или акробата... Хорошо не знаю, словом, набезобразил... Сейчас мне звонили из полицейского участка, он находится там. Я просил как-нибудь замять это глупое, скандальное дело, а сержанта направить ко мне.

— Какого фокусника? — переводя дыхание, спросил я.

— Черт его знает! Какого-то Ко или Го... Жу... цина,— предостерегающе размахивая пальцем, безразличным голосом сказал генерал.

— Го Жу-цина? Вот здорово! Это того самого, к которому мы сегодня должны были ехать. Теперь я понимаю, почему он так внезапно отменил свой сеанс! — сказал я смеясь.

— Что тут смешного? — сердито оборвал меня генерал, кивая в сторону микрофона.— Это безо-

бразие ложится пятном на нас. Я вас прошу, Александр Петрович,— холодно продолжал он,— разберитесь немедленно в этом деле и накажите Сеоева...

— А если он не виноват?

— Что значит не виноват? Что бы там ни было, глупая ссора или пьяная драка, я не знаю, что там произошло, но такое безобразие безнаказанным оставлять нельзя. Если надо, то откомандируйте его обратно в часть, а взамен потребуйте более дисциплинированного солдата.

— Слушаю-с, товарищ генерал,— деревянным голосом сказал я.

— А теперь,— переходя на прежний тон и лукаво подмигивая мне, продолжал генерал,— не завидую я этому фокуснику, которого отделал наш медведь.

— Боюсь, что после лап этого великана бедняга Го Жу-цин не скоро начнет свои сеансы,— сказал я.

— Я вас понимаю, но ничего... Вы сможете и под другим предлогом повидаться с вашей журналисткой. Ведь признайтесь, что вас огорчила не затрещина, полученная фокусником, а неудачное свидание с мистрисс Барк? Кстати, видели вы Генриэтту Янковецкую?

— Видел. Очень приятная дама. Но этот окаянный сержант со своей затрещиной помешал нашей дальнейшей беседе. Сеанс у Го Жу-цина не состоялся, а поехать в «Пель-Мель», куда меня приглашали, я не захотел.

— И хорошо сделали. Подальше от таких подозрительных мест. А теперь позвоните, пожалуйста, вот по этому телефону в полицейский участок, вызовите раис-назмие — капитана полиции Боруги и попросите его прислать к вам

Сеоева... Ну, и, конечно, помня о местных традициях и нравах, намекните ему о хорошем «бакшише».

— Сейчас сделаю,— сказал я и, записав номер телефона, позвонил в полицейский участок.

Спустя сорок минут Сеоев в сопровождении добродушного ажана входил ко мне. Ажан сдал задержанного сержанта и очень довольный «бакшишем» отправился назад, позванивая серебряными риалами, полученными от меня. Великан-сержант, вытянувшись во фронт, стоял у стола, ожидая моих расспросов. Но я молча и выразительно показал ему на микрофон и затем в сторону сада. Сержант понимающе закивал и, осторожно ступая на носки, вышел в сад. Я оглядел его широченные плечи и огромные, величиной с хороший кочан, кулаки и невольно улыбнулся. Заперев кабинет, я прошел в сад.

— Товарищ полковник, разве вы не получили через дежурного мою записку? — спросил Сеоев, поджидавший меня возле фонтана.

— Получил, но очень поздно и, откровенно говоря, не понял, куда вы отправились,— ответил я, подходя к азиатской половине дома Таги-Заде.

Завидя нас, генерал, отложив в сторону бумаги, сухо сказал:

— Доложите, сержант, что произошло у вас с фокусником Го Жу-цином и почему вас задержала полиция?

Так как рассказ сержанта длился очень долго и ему было задано много вопросов, не имеющих прямого отношения к Го Жу-цину, я приведу нечто вроде главы о том, что произошло за эти дни с нашим симпатичным, но неудачливым героем.

За день до описываемых событий Сеоев, выйдя на улицу, встретил возле киоска с водами старого знакомого шофера Али, некогда работавшего вместе с ним в «Ирантрансе». Приятели выпили пива и дошли до гостиницы «Отель де Пари», возле которой находился гараж, где работал Али.

— Как идет жизнь, много ли зарабатываешь?— спросил сержант, глядя на поношенную одежду приятеля.

— У нашего хозяина много не заработаешь. Изо всех тегеранских собак это самая скупая и бессовестная,— сплевывая на землю, сказал шофер.— С радостью ушел бы, да некуда. Все хорошие места заняты, а то разве я стал бы работать у Таги-Заде...

Сеоев насторожился. Фамилия владельца гаража была знакома ему. Ведь это был хозяин того дома, в котором жил он и его начальство.

— А что, жаден? — спросил он.

Али огляделся по сторонам и тихо сказал:

— Подавится он когда-нибудь крохами, которые ворует у нас! За малейшую провинность — штраф, за опоздание — потеря места, сколько бы ни привез выручки, хоть целый мешок риалов,— ни одного шая не получишь в награду от этого скряги... А к тому же...— Тут он совсем шепотом сказал: — Вся полиция у него в руках.

— Это почему же? — еще тише поинтересовался Сеоев.

— Очень просто. Все же знают, что он был связан с немцами и получал деньги от них. Ты посмотри на наши такси, все марки «Оппель» и «Ганомак»!.. Ему в свое время шестьдесят штук немцы бесплатно прислали из Берлина, ну,

а кому не понятно, что такие подарки даром никто делать не станет.

— Но ведь немцы бежали...

— Ну и что же? — усмехнулся Али.— Немцы бежали, американцы пришли, а Таги-Заде остался. Он теперь служит новым хозяевам не хуже, чем прежним. Ты бы поглядел, как он паясничает и кувыркается перед ними. Нам, шоферам, все известно, но мы молчим... У каждого семья, а денег нет... Эх, хорошо вы сделали, русские, что выбросили из своей страны таких негодяев, как наш хозяин!

— И неужели некуда деваться, друг Али?

— А куда? Я уж и так проходил без работы пять месяцев, совсем обнищал и изорвался, а тут хоть маленький, но все же кусочек хлеба...

— А это ничего, что ты идешь с большевиком, со мной? Может быть, хозяину это не понравится?..

— А черт с ним! Он мне хозяин только на работе, а в свободное время я могу встречаться с кем хочу, тем более, что он и сам дружит,— тут Али подмигнул,— с большевиками.

— Как дружит? — спросил удивленный Сеоев.

— А так, сдал им свой дом на Зеленом бульваре, бывает даже в гостях у них и так же лебезит, как и перед янки, только, я думаю, что от этой «дружбы» русским не поздоровится.

— Почему? — спросил Сеоев.

— А потому,— оглянувшись по сторонам, ответил Али,— что Таги-Заде пес, и когда он виляет хвостом и ласково скулит, заглядывая в глаза, это значит, что он готовит предательство и подлость.

— Не понимаю, Али, твои речи! Ты скажи прямо, на что намекаешь?

— Легко сказать «прямо», а если ты проговоришься и Таги-Заде узнает об этом?..

— Ты меня знаешь не первый день, Али. Можешь быть спокойным. У тебя сейчас есть время? — спросил Сеоев.

— Есть. Моя смена вечером.

— Тогда пойдем в ресторан, съедим по горячему кябабу, запьем пивом, и ты мне расскажешь, что знаешь.

Али молча кивнул головой, и приятели вошли в простенький ресторанчик «Хуршид», где, уединившись в углу залы, продолжали разговор.

— Несколько дней назад в дом Таги-Заде на Зеленом бульваре, арендованный большевиками, была послана партия рабочих для ремонта комнат. Все рабочие чужие, не тегеранские, мы их не знаем, и среди них под видом простого рабочего находился переодетый, как ты думаешь, кто? — отпивая глоток пива, спросил Али.

— Не знаю!

— Фокусник, который живет на улице Шапура и который тоже работал с немцами.

— Откуда ты узнал это?

— А я и шофер Аббас Джемшеди отвозили рабочих на грузовиках на вокзал, откуда они уехали куда-то в сторону Кума,— продолжал Али.

— Но как же ты узнал фокусника, если он был переодет? — спросил Сеоев.

— Очень просто. Когда мы подъехали к вокзалу, все рабочие сели в отходящий поезд, а один — это был фокусник — остался в машине и, пересев ко мне в кабинку, попросил довезти его до улицы Шапура. Уже тут я сообразил, что дело не чисто. Когда же он остановил машину и вошел в подъезд этого дома, мне стало ясно, что затевается какое-то грязное дело...

— Но почему же ты думаешь, что это не был настоящий рабочий?

— Э-э, что я, маленький ребенок или большой осел, что ли!.. Что, я не могу отличить настоящего иранца от поддельного или рабочего человека от переодетого белоручки? Когда я смотрел на его пальцы, нарочно запачканные ржавчиной и маслом, я в душе смеялся над этим человеком. Рабо-чий,— презрительно протянул Али,— у которого мягкая ладонь, тонкие незагрубелые пальцы и тщательно подстриженные ногти, может обмануть только такого же поддельного рабочего, но человека труда, знакомого с нуждою, с мозолями, он не обманет... Я прямо говорю тебе, что этот педер-сухте * и его компаньон мошенник Таги-Заде задумали какую-то пакость против русских. Подумай и поступай, как найдешь нужным, только помни, что от одного твоего неосторожного слова пострадаю я и моя семья.

— Не бойся, друг Али! Я буду осторожен,— сказал Сеоев.— Если нуждаешься в деньгах, возьми у меня до лучших дней несколько риалов.

Но Али движением руки остановил сержанта.

— ...Не говори о деньгах. Да, я нуждаюсь, мне сейчас дорог каждый кран, каждая шаи (копейка), но я ни за что не возьму от тебя, моего старого друга, денег. Я хочу сохранить то хорошее чувство, которое в душе у меня от того, что я предупредил русских... Я — труженик, бедняк-рабочий, и поэтому рассказал тебе о гнусной проделке этого шпиона. А теперь, если хочешь, уплати за пиво и обед, который я съел так кстати.

---

* «Сын сожженного отца» (персидское ругательство).

Сеоев пожал руку старому другу и, назначив место новой встречи, расплатился и вышел из ресторана.

Новость была столь серьезна, что Сеоев решил немедленно же вернуться и доложить о ней полковнику. Но меня не было дома, беспокоить же генерала сержант не решился и, немного подумав, решил, не теряя времени, проверить все услышанное им от Али. И первое, что предпринял сержант, это было обследование проводов, выведенных на улицу. Уже за воротами один из проводов повернул в противоположную от других сторону. Хотя он шел довольно высоко по карнизу соседних домов и был неплохо запрятан в густой листве каштанов, все же сержант без труда проследил его дальнейший путь и, идя за проводом, вскоре вышел на улицу Шапура. У дома № 41 был сделан ввод, и провод, смешавшись с сетью проводов и шнуров, исчезал в их гуще.

Итак, слова Али подтвердились.

Сеоев, довольный своим открытием, медленно шел по улице Шапура, рисуя себе изумление, которое охватит полковника, когда вечером он доложит ему об открытиях сегодняшнего дня. Когда он выходил из хиабана Истамбули (проспект Стамбула), ему навстречу показался маленького роста полковник в неведомой форме, шедший рядом с мистрисс Барк. Встреча эта была так неожиданна, что великан-сержант заметил их тогда, когда они подошли к нему вплотную, и не мог уже спрятаться от них. Повидимому, и мистрисс Барк также не ожидала этой встречи. Она быстро и пристально глянула на сержанта и сейчас же отвернулась, сказав что-то по-английски

своему спутнику. Полковник равнодушным, безразличным взглядом обвел Сеоева и, ответив на его воинское приветствие, прошел мимо. В полковнике сержант узнал того самого маленького человечка в штатском костюме, которого три года назад встретил в Мохаммере вот с этой самой женщиной. Веселое, довольное настроение сержанта исчезло. Эта дама, конечно, тоже не забыла его. Это было ясно и по ее быстрому, настороженному взгляду и по фразе, которую она сказала полковнику.

Сержант оглянулся, но военного и его дамы уже не было. Сеоев медленно пошел вдоль площади, стремясь выйти сокращенными путями к дому. На повороте навстречу ему ехал большой, открытый автомобиль. К своему удивлению, сержант увидел в нем своего знакомого, ажана Алекпера. Полицейский весело закивал ему, махнул рукой и что-то неразборчиво крикнул. Не успел Сеоев ответить, как автомобиль остановился и Алекпер, возбужденный и веселый, выскочил из него.

— Ты что, наследство получил, Алекпер, что раскатываешь в машинах? — спросил сержант, пожимая руку подбежавшему ажану.

— Хуже... женюсь! — засмеялся Алекпер.— Сегодня вечером помолвка... На два дня отпуск получил... Слушай, ага, ты мне друг? — спросил он сержанта.

— Друг! — ответил Сеоев.

— Так посети вечером мой убогий дом... Я очень прошу тебя, не откажи... окажи честь, будешь самым почетным гостем.

— Не могу, приятель... Сам знаешь, у меня начальство, надо получить увольнение.

— Ну, и получи, попроси твоих начальников. Скажи, самый лучший друг женится... хочешь, поедем вместе... вот на этом самом автомобиле?..

— Откуда он у тебя? Ты что, разбогател, что ли?

— Не-ет!.. Богатым потом буду, когда мой будущий тесть помрет, у него две чайхане, да еще зеленная лавка возле караван-сарая,— засмеялся веселый ажан,— а эту машину мне на пять часов одолжил бесплатно фокусник, китайский гадальщик, возле дома которого находится мой пост.

— Го Жу-цин? — воскликнул Сеоев.

— Ага! — самодовольно подтвердил Алекпер.— Хороший господин, много зарабатывает денег и совсем простой, не гордый. Никогда не пройдет мимо поста, чтобы не сделать какой-нибудь подарок или просто дать денег. Он и сегодня обещал прийти ко мне вечером на свадьбу. Хороший человек,— продолжал хвалить ажан.

Сеоев встрепенулся. Теперь уже имело смысл побывать на свадьбе полицейского, потолкаться среди гостей, познакомиться с прохвостом-кудесником, и, кто знает, может быть даже войти в доверие к нему. Вряд ли полковник, узнав о такой ситуации, не разрешит ему отлучиться на свадьбу.

— Ну, решай же, друг!.. Ты мне сделаешь во-о какое одолжение, если посетишь мой бедный убогий дом.— С персидской пышностью Алекпер умолял сержанта «осчастливить его заброшенную, убогую хане высокостепенной персоной такого сиятельного гостя»...

Будь сержант несколько опытней в подобных делах, ему, несомненно, бросилась бы в глаза странная настойчивость, с которой Алекпер приглашал его, а также подозрительная случайность их встречи, но честный и доверчивый гигант за-

мечал в людях дурное лишь после того, как убеждался в этом.

— Хорошо. Я буду у тебя на свадьбе,— сказал он и, записав адрес жениха, направился домой.

Полковника все еще не было, а генерал, работавший у себя на женской половине дома, не появлялся, и сержант, потолкавшись в канцелярии, чувствуя, что он мешает работающим, вышел в сад. Сев на скамью, он задумался, опустил голову и незаметно для себя заснул. Когда же проснулся, было уже около семнадцати часов. Узнав, что полковник давно вернулся из города, Сеоев пошел к нему, но дежурный сказал, что полковник пошел обедать к генералу. Сеоев нерешительно постоял возле дежурного и, написав несколько строк, отдал ему записку.

«Товарищ полковник. Согласно вашего разрешения, вернусь сегодня поздно из отпуска, так как буду в гостях по нашему делу у известного Вам человека.

Гвардии старший сержант *Сеоев*».

Уже вечером дежурный передал мне записку сержанта.

«В гостях у известного Вам человека»,— прочитал я. «У кого же это, «у известного»?

И только на следующий день, уже после того, как генерал сообщил об избиении фокусника, я понял смысл таинственно и неуклюже написанной бумажки сержанта.

Ажан Алекпер жил недалеко от Топ-хане (Пушечной площади), и сержант, пройдя хиабан Пехлеви, вышел к дому, возле которого стояла толпа. Мимо Сеоева и любопытных, заглядываю-

щих во двор, откуда слышались звуки зурны, двигалась процессия. Десятка два мужчин и женщин несли, держа над головами, ткани, узлы, зеркала, стеклянные лампы, сундуки, окованные медью. Впереди степенно идущих людей с несвойственной ее годам резвостью мельтешила старуха, озабоченно и громко пересчитывавшая вещи.

Это была сваха, исполнявшая одновременно и роль посаженной матери, а люди, несшие вещи, по старинному обычаю демонстрировали зевакам и прохожим приданое невесты.

— Зеркало инглизи, в такое сам шах только по пятницам глядится,— забегая вперед, кричала старуха.— А такого материала нет даже у жены самого сепех-салара! * — расхваливала она имущество невесты.

— Ну, конечно, такую рвань она не носит,— подтвердил под смех толпы кто-то из окружающих,— у нее получше...

— И ничего ты не знаешь, собачий сын! — не глядя ни на кого, скороговоркой закричала старуха и опять забормотала привычным голосом:— Все смотрите, все и убедитесь, что дочка почтенного Азиз-Кербалая приходит в уважаемый дом

* Маршала.

Алекпер-аги не как-нибудь, а одетая, словно куколка, с богатым приданым...

Процессия приостановилась.

Сеоев, хорошо знавший обычаи иранцев, протиснулся сквозь толпу, стоявшую на тротуаре, и вошел во двор, в глубине которого горели фонари-лампионы, мелькали фигуры. Оттуда тянуло приятным запахом жарившегося люля-кябаба и плова.

— Ас-салам-алейкюм, хош амедид *,— подбегая к сержанту, проговорил, повидимому дожидавшийся его у входа, молодой иранец лет двадцати и, отрекомендовавшись братом жениха, учтиво кланяясь, повел его на мужскую половину, где собирались наиболее уважаемые гости.

Свадьба, вернее посещение муллы и весь обрядово-религиозный ритуал, совершалась днем, а сейчас начинался свадебный пир. Восемь человек музыкантов, кто с бозорг-кеме (большая сопилка), кто с бубном, а кто с саазом и дудуки, составлявшие оркестр, заиграли нечто невообразимое, и брат жениха, улыбаясь сержанту, вежливо сказал:

— Это для вас... Играют русскую песню.— Но как Сеоев ни напрягал память, дикие, визгливые ноты и резкие удары бубна не напомнили ему ни одной знакомой песни.

Алекпер сидел на ковре, опираясь рукою на мутак. Возле счастливого жениха полулежал одетый в штатский костюм его раис-назмие, судя по затуманенным, полусонным глазам, успевший изрядно хлебнуть ширазского вина или хамаданского коньяку. Слева от него находился молодой иранец со значком на груди. Еще трое сильно

---

* Здравствуй! Добро пожаловать.

подвыпивших гостей сидели возле жениха, о чем-то шумно и вразброд споря. Го Жу-цина не было, и Сеоев уже пожалел, что согласился прийти на это мало для него привлекательное торжество.

— А-а, хош амедид, раффик! * Хош гялды, елдаш! * — закричал, завидя сержанта, Алекпер и, приподнявшись с места, пошатываясь, двинулся навстречу Сеоеву. Алекпер был уже изрядно пьян и, обнимая сержанта, тыкался великану то в грудь, то в плечо. Бормоча приветствия, он стал усаживать его возле себя. Гости подвинулись, и Сеоев уселся на ковер рядом с полицейским начальником, который сразу же стал потчевать его коньяком.

— Мубарек** , Алекпер-ага! — сказал сержант, подавая жениху свадебный подарок — маленькое колечко с бирюзой, на которой было вырезано слово «омиди» (надежда).

В раскрытые двери заглядывали разные люди, подходили новые гости, некоторые усаживались тут же, другие — менее почтенные — проходили в соседние комнаты, где пировала молодежь и откуда доносились смех, голоса и звяканье посуды.

— Вот спасибо. Ты настоящий друг, теперь я это вижу,— бормотал Алекпер.— Я знал, что ты меня любишь и непременно придешь,— протягивая сержанту стакан, сказал он.— Ну, пей за мою будущую семейную жизнь, хочешь, мы и тебе найдем невесту? Валла-биллях, найдем молодую, хорошую, красивую...— поднося к губам свою рюмку, говорил он.— С домиком найдем, с хорошим приданым... заживешь, как шах...

---

* Добро пожаловать, товарищ (по-персидски. Второе — то же самое по-турецки).

** Поздравляю.

— Стой, стой, Алекпер, как же это я заживу здесь, ведь я советский...

— А-а, ерунда,— пьяно перебил Алекпер.— Какой ты советский? Ты горец, кавказец, мусульманин, значит — наш. Останешься здесь и будешь жить среди своих, с молодой женой, в хорошем доме, с деньгами... А я к тебе буду ходить в гости! — засмеялся пьяным смехом жених.

— Бяли!.. Эввет!.. Дороз гофт *,— поддержали остальные, чокаясь с сержантом.

— А я вас к себе в полицию возьму. Сорок туманов получать будете... и еще разные доходы,— уставясь на Сеоева, сказал раис-назмие.

— Нет, я своей работой доволен, жениться пока не думаю, а вот почему ты, Алекпер-ага, мне полный стакан наливаешь, а сам женской рюмочкой пьешь за свое семейное счастье,— шутливо ответил Сеоев.

— Он, педер-сухте (сын сожженного отца), с трех часов пьет, не переставая, если его не остановить, так этот пьяница ночью не найдет дорогу к своей молодой жене,— икая, сказал раис-назмие.— Итак, пьем за всех честных мусульман и за крепость ислама,— закончил он.— Правильно сказал отец поэтов великий Омар Хайям: «Иметь хлеб из хорошей пшеницы, два мена вина, ляжку баранины и сидеть с красавицей в развалинах — такое наслаждение доступно не каждому султану...» Вот о чем мечтал наш великий поэт, а мы тебе, дорогой друг, предоставляем все это сразу и делаем тебя богаче любого султана... За твое здоровье!

Двое подростков и брат жениха то и дело вносили большие подносы, на которых горой взды-

* Правильно... правильные слова.

мался плов, шипели горячие подливки и хуруши, дымился кябаб. Ели руками много и жадно. Сержант, не желая отставать от остальных, тоже ловко и умело брал и рис, и кябаб, и хуруши пальцами, обтирая их о мягкий лаваш. Но пили еще больше, мешая арак и розовое вино с коньяком и темный шарап с греческим ликером-дузиком. Сеоев, которого хмель обычно почти не брал, старался все же пить поменьше. Он заметил, что, хотя и Алекпер, и раис-назмие, были уже совершенно пьяны, тем не менее они не забывали наливать ему пополнее стакан и что раза два они перемигнулись, подливая ему вино.

«Надо уходить,— подумал Сеоев,— зачем мне эта пьяная гулянка?»

Он решительно отодвинул свой стакан и сказал:

— Последний!

Но его голос потонул в хоре угодливых, льстивых, пьяно-веселых возгласов, заполнивших комнату.

— Хошь амедид, ага!.. миаяд, бефармаид, ага! *

Сержант оглянулся. В дверях, сопровождаемый улыбавшимся братом жениха, стоял Го Жуцин, высокий с бритым, выхоленным лицом, одетый в отличный серый костюм. Это был тот самый господин, которого показал ему на улице Алекпер. Фокусник окинул взглядом всех находившихся в комнате людей и, делая приветственный жест, наклонил голову.

— Прошу извинить. Дела задержали меня дома, и вы, ага Алекпер, надеюсь, не сердитесь на меня.

---

* Добро пожаловать, господин!.. Проходите, пожалуйста, господин.

Пожав руку грузно валившемуся в его сторону Алекперу, кивая налево и направо, он очутился возле Сеоева. Сержант увидел, как сидевший рядом с ним раис-назмие с усилием привстал и, покачиваясь, уступил свое место новому гостю.

— А-а, значит, мы соседи!.. Очень ра́д познакомиться,— пожимая руку сержанту, сказал Го Жу-цин, садясь возле него.— Особенно же приятно, что вы, судя по форме, русский,— совершенно неожиданно по-русски произнес он, принимая из рук Алекпера стакан с розовым исфаганским вином.

— Ваше здоровье! — продолжал он по-русски, чокаясь с сержантом.

— Вы говорите по-русски? — удивился Сеоев.

— Конечно! Ведь я же сам русский...— потягивая маленькими глотками вино, спокойно ответил фокусник.

— А как же ваше китайское имя?

— Никак! Моя фамилия Кожицин, Владимир Николаевич. Кожицин, как видите, чисто русская фамилия, ну, а для афиши, для рекламы и для таинственности моих сеансов я чуточку переделал ее, и получилась из русской Ко-жи-цин китайская — Го Жу-цин... Фокус, как видите, простой, но зато моя китайская фамилия дает больше эффекта в моем деле. Еще раз ваше здоровье! — кивнул он сержанту.

Хотя большинство гостей было уже достаточно навеселе, но и они, и хозяин, и сам раис-назмие, почтительно и не без подобострастия держались с Го Жу-цином.

Снова внесли вина, опять кябаб, и брат хозяина сменил догоревшие свечи в лампионах, но теперь уже уходить Сеоев не собирался. Тот са-

мый долгожданный план знакомства с волшебником, который он так давно лелеял, неожиданно осуществлялся.

«Ну, теперь дело в шляпе»,— думал сержант, видя, как просто беседует с ним Го Жу-цин.

— Я бы не советовал вам пить греческий ликер,— предостерегающе сказал Го Жу-цин,— ведь это скорее микстура, нежели напиток, лучше попробуйте вот этого вина, и, выплеснув ликер, он налил Сеоеву розового исфаганского вина. В эту минуту Алекпер обнял Сеоева и стал пьяно изъясняться ему в вечной дружбе и любви.

— Ты меня послушай, и тогда все будет хорошо,— бормотал он,— молодая жена, домик с садом, а в нем инжир и виноград... и сорок туманов жалованья...

— Выпейте стакан этого вина, и у вас станет совершенно свежая голова,— сказал Го Жу-цин. Но, к удивлению Сеоева, тело его вдруг отяжелело и доселе ясная голова закружилась, в глазах зарябило, люди и вещи стали двоиться, и он, удивляясь своей неожиданной слабости, вытянул руки, чтобы, держась за стену, не упасть. Сонливость охватила его.

— Ничего, ничего!.. Это одну только секунду, вот выпейте еще освежающего, это лимонад,— услышал он возле себя голос Го Жу-цина и машинально отхлебнул из стакана что-то, очень напоминающее минеральную воду.

Сержант почувствовал облегчение и с жадностью допил весь стакан. Сонливость спала, оцепенение сняло как рукой, тяжесть исчезла и, наоборот, какая-то воздушная легкость охватила его. Комната, Го Жу-цин, Алекпер и его гости казались прозрачными и невесомыми, а шум голосов

и пьяные возгласы людей звучали как приятная музыка, как радостная мелодия знакомой песни...

«Что со мною?» — на секунду подумал сержант, но сейчас же волна веселой безмятежности охватила его.

— Кейф! Делайте ваш кейф!.. Отдыхайте! — откуда-то из глубины раздался голос Го Жу-цина, но сам волшебник был невидим.

— Где вы? — слабеющим голосом пробормотал Сеоев.

— Я здесь.— Сержант снова услышал ласковый, учтивый голос Го Жу-цина: — Выпейте еще, и вам станет совсем легко. Это — нарзан.

Сеоев отрицательно замотал головой, но, почувствовав на губах холодное прикосновение стакана, выпил и впал в полусонное состояние. Он полулежал на мутаках, любезно улыбаясь и кивая головой соседям, но никого из них уже не замечал. Его затуманенные глаза видели странные вещи. Фокусник, подбросив вверх ленту, быстро и ловко взобрался по ней до потолка и, сбрасывая оттуда цветы, смотрел большими, внимательными, обжигающими глазами в упор на Сеоева.

— Афферин!.. аджаиб! *,— слышались возгласы вокруг, но Сеоев никого из окружающих его людей не видел, перед ним были одни только огромные, сверкающие глаза Го Жу-цина.

Вспышки огня и клубы дыма заполнили комнату, и Сеоев погрузился в какую-то теплую, бездонную глубину...

Проснулся он поздно. Голова была тяжела, веки, словно налитые свинцом, с трудом откры-

---

* Браво, удивительно.

лись. Сквозь плотно закрытые шторы еле-еле проникал дневной свет.

Сержант с удивлением огляделся по сторонам. Чужая постель, чужие вещи окружали его, и только возле тахты лежала его аккуратно сложенная одежда. Сеоев с усилием припомнил вчерашнее торжество, Алекпера, встречу с Го Жу-цином и, словно ужаленный, спрыгнув с тахты, бросился к своей гимнастерке. Лихорадочно трясущимися руками он раскрыл боковой кармашек... Все документы оказались на месте. Быстро одевшись, он подошел к окну, отбросил штору, желая распахнуть окно. Оно было затянуто решеткой. За окном виднелся сад и какие-то строения. Дом, в котором находился он, не был домом Алекпера. Это была благоустроенная европейская квартира. Уличный шум почти не доносился сюда, и Сеоев понял, что находится где-то в глубине, в дальних пристройках здания. Он еще раз проверил свои бумаги и затем сел у окна, терпеливо ожидая появления кого-нибудь из хозяев, так странно приютивших его, и тщетно стараясь вспомнить события прошлой ночи.

— Проснулись?.. Доброго утра! Ну, как голова, не болит? Вот что значит смешать этот проклятый дузик с вином и аракою! — услышал он знакомый голос Го Жу-цина. Фокусник был в цветном халате с тюбетейкой на голове и с дымящейся сигаретой в руках.

— Слушайте, что это со мною было и где я нахожусь? — не совсем учтиво перебил его Сеоев.

— Меня зовут, как я уже вам говорил, Владимиром Николаевичем, находитесь вы у меня. Вчера, когда вы...— фокусник улыбнулся, — потеряли сознание, я, как русский человек и европеец, не хотел оставить своего соотечественника среди

пьяных азиатов и отвез вас к себе... Надеюсь, вы на меня за это не в обиде? Знаете, ведь у вас могли быть с собою документы и деньги... Надеюсь, они целы? — учтиво осведомился Го Жу-цин.

— Спасибо, все в порядке. А теперь, Владимир Николаевич, я пойду домой, а то неудобно, могут меня хватиться и будут всякие неприятности,— вставая со стула, сказал сержант.

— Не спешите, дома никто и не думает о вас... Генерал уехал в посольство, а полковник Дигорский собирается к своим знакомым дамам... Никто и не вспоминает о сержанте Сеоеве. Давайте лучше позавтракаем. Идите вон в ту комнату, это ванная, умойтесь, а затем возвращайтесь сюда, и мы за завтраком потолкуем кое о чем. Кстати, вы что будете пить — чай или кофе?

— Ничего не буду... И в ванную не пойду. Мне надо к себе,— решительно сказал Сеоев, делая движение к двери.

— Ой, какой вы несговорчивый, нехорошо, милый сержант, поступая так, вы обижаете хозяина...

— Чем?

— Ну, хотя бы тем, что уходите от моего стола... Так не принято ни в России, ни на Востоке, ни у вас на Кавказе.

«Да в конце концов останусь еще на часок. Все равно полковник из моей записки знает, где я. Документы целы»,— успокаивая самого себя, подумал сержант.

— Ну, как? Решено? Завтракаем вместе? — словно угадывая его мысли, спросил Го Жу-цин.

— Вместе! — ответил Сеоев.

— Тогда идите в ванную, а я распоряжусь

о завтраке,— похлопав по плечу сержанта, сказал фокусник и исчез за плотной голубой занавеской, прикрывавшей дверь.

Когда умывшийся, освеженный Сеоев вышел из ванной, хозяин уже хлопотал около столика, на котором шипел, попыхивая, мельхиоровый самовар, стояли стаканы, тарелочки с сыром, яйцами и хлебом, с нарезанной ломтиками ветчиной и масленка с желтым маслом.

— Прошу вас, вот сюда,— учтиво сказал Го Жу-цин,— быть может, хотите водки, опохмелиться?

— Не-ет, ну ее совсем! Не надо,— замотал головой сержант.

— Ну, и отлично, тогда прошу чаю,— придвигая к нему стакан крепкого дымящегося чая, сказал фокусник.

— Как же это вы, Владимир Николаевич, русский, а очутились в Тегеране, да еще под китайской фамилией? — делая простодушное лицо, поинтересовался Сеоев.

— Очень просто! Уехал из России давно, лет, пожалуй, двадцать назад...

— Вы эмигрант?.. бело...— запнулся Сеоев.

— Белогвардеец, хотите сказать? Нет, ни в белой, ни в какой другой армии я не был. Это все политика — белые, красные, розовые и прочие... Меня это никогда не интересовало. Я уехал просто потому, что рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше... С моими способностями и профессией мне нечего было делать в Советской России. Ведь я гипнотизер, чародей, угадыватель мыслей и дел любого из людей. Ну, а скажите, разве большевикам интересно иметь у себя такого

человека, который, как по книге, будет читать все их мысли и тайны? Конечно, нет, да, кроме того, и в смысле заработка,— ведь я сейчас зарабатываю до трех — четырех тысяч долларов в месяц, а что я имел бы у вас? Усиленный паек и спецставку восемьсот рублей?

— Нет, зачем же, и у нас встречаются замечательные фокусники в цирке... вот я сам в прошлом году в Тбилиси видел Кио...

— Знаю его!..— перебил Го Жу-цин.— Но это же ремесленник и невежда. Он показывает фокусы, которые сделает любой мой мальчишка-ученик. А ведь я читаю мысли любого человека, знаю тайны всех, прорицаю будущее и рассказываю прошлое каждого... Вы не верите?

— Нет... Я не то что не верю, а сомневаюсь... Это же, извините, чепуха,— сказал Сеоев.

— Сейчас вы убедитесь в том, что ошибаетесь, мой друг. Дайте вашу руку, смотрите мне в глаза, глубже, напряженней, спокойней... Смотрите не мигая,— при этих словах фокусник, пронизывая взглядом сержанта, глухо и торжественно сказал:

— Мой дорогой друг, вам тридцатый год, вы осетин из аула Дарг-Кох, не женаты, были ранены где-то на Кавказе. Но это все не столь важно, перейдем к другим делам. Проследим за бугром Артемиды и вот этим разветвлением, определяющим долговечность жизни...— Тут фокусник вздрогнул и, словно не веря себе, поднес ладонь сержанта к своему лицу.

Он смолк, смешался и глухим голосом пробормотал:

— Не будем касаться этого вопроса...

— Нет, зачем же? Говорите все,— засмеялся сержант.

— То, что я прочел у вас на ладони,— строго сказал Го Жу-цин,— очень серьезно. Но пока я не хочу говорить об этом.

— Я не боюсь,— возразил Сеоев.

— Я знаю, что вы не из пугливых. Эта длинная линия, пересекающая ладонь, говорит о мужестве, и все-таки... я не скажу вам о вашей судьбе.

— Почему? Неужели она так плоха?

— Может быть даже ужасна!..— тихо проговорил Го Жу-цин и, перенеся свой взгляд на другую линию, быстро сказал: — А вот тут я читаю, что вы легко можете стать счастливым, можете прожить долго, быть богатым и умереть в глубокой старости, окруженным сыновьями и внуками.

— Вот тебе и раз! — сказал Сеоев.— Только что вы мне пророчили что-то ужасное, а теперь рассказываете про счастливую жизнь. Ей-богу, Владимир Николаевич, это как-то не вяжется одно с другим!

— Вас ожидает или то, или другое. Вопрос лишь в том, по какому пути вы захотите пойти.

— Не понимаю вас.

— Сейчас поймете. Видите ли, по вашей руке я прочел, что у вас две линии судьбы, близкая позорная смерть, и второй путь: свобода, деньги и долгая, счастливая жизнь. Вопрос в том, что предпочтете вы...

— Конечно, второе,— смеясь, сказал сержант,— какой же дурак захочет первое!

— Да, но второе — надо не только захотеть, но и заслужить. Мне очень хотелось бы избавить вас от несчастья.

— Но почему, Владимир Николаевич?

— Потому что и вы нужны мне... Потому что вы тот человек, который в свою очередь поможет мне.

— Я? — спросил изумленно Сеоев, уже давно ожидавший этой фразы.

— Да, вы! Как видите, я могу подчинять волю окружающих меня людей своей воле, делать десятки самых сложных чудесных фокусов, но я не всемогущ... Я не могу проникнуть туда, куда невозможно войти... Вы понимаете, о чем я говорю? — нетерпеливо закончил он.

— Нет!.. Не понимаю.

— А тем не менее все ясно. Вы находитесь в том доме, куда именно мне нельзя пройти...

— К генералу? — делая простодушное лицо, спросил Сеоев.

— Ну, да! Там, в большой комнате, возле кабинета полковника, в стене имеется сейф...

— Железный шкаф? Около карты? — сказал сержант.

— Да, да! Так вот в этом шкафу лежит папка, обыкновенная папка с бумагами. Мне необходимо,— тут фокусник тяжелым, свинцовым взглядом глянул в упор на сержанта.

Сеоев с усилием оторвался от пронизывающих глаз Го Жу-цина.

— Но при чем я? — неуверенно спросил он.

— Именно при том... вы тот человек, который поможет мне достать всего на тридцать — сорок минут доклад, затем папка ляжет обратно в шкаф...

— А доклад? — спросил сержант.

— И доклад!.. Я только сфотографирую его, и никто, ни один человек в мире, не будет знать об этом... взамен же вы получите деньги и любое подданство.

— То есть как... подданство? — привскочил Сеоев.

— Ну, конечно!.. Ведь я же говорил, что вам угрожает страшная беда... или долгая счастливая жизнь... Если вы выбираете второе, то немедленно же делайте то, что я скажу...

— Но это невозможно! Кабинет полковника охраняется, шкаф заперт, полковник ночует тут же... нет, это невозможно.

— Пустяки!.. вы только согласитесь. От вас не требуется ничего большего, чем провести в помещение человека, одетого в форму советского солдата. Через час доклад уже снова будет на своем месте...

— А полковник?

— В эту ночь его не будет дома. В эту ночь он будет отсутствовать. Я наверное знаю, что он целую ночь проведет вне дома. Мы отвлечем его.

— Кто мы? — спросил сержант.

Го Жу-цин холодно сказал:

— «Мы» — это я... и не задавайте ненужных вопросов.

Сеоев понял, что промахнулся, и молча кивнул.

— Ну, так как, согласны?

Сержант молчал. Фокусник прошелся по комнате и, остановившись возле гостя, процедил сквозь зубы жестким тоном:

— Помните, что я говорю с вами так откровенно потому, что в случае отказа вы пропали. Вам не выйти отсюда... В доме десяток людей, при первом же моем знаке вы будете убиты, и даже вашего трупа не найдут.

Сеоев молчал.

— ...Но я знаю, что вы согласитесь. На самом деле, что для вас большевики? Вы не русский, вы горец, здешний народ и по крови, и по быту, и по

религии вам ближе, чем Россия... Если вы захотите исчезнуть, то на следующее же утро после операции очутитесь далеко отсюда. Денег вам дадим много, у вас будет иранский паспорт. Что скажете на это? Решайтесь и скорее, только помните, если вы согласитесь лишь для того, чтобы выйти беспрепятственно отсюда, то, во-первых, вам никто не поверит, во-вторых, все равно будете убиты и, в-третьих, прежде чем выйти отсюда, вы дадите мне вот эту подписку,— и, вынув из столика заранее заготовленную бумагу, Го Жу-цин медленно прочел:

— «Я, нижеподписавшийся, старший сержант Советской Армии Камболат Сеоев, даю свою подпись в том, что еще с 1940 года, в бытность мою шофером «Ирансовтранса» и по сей день состою платным агентом 3-го отдела...» Вот тут распишитесь, после чего я вам дам куш...

— Что... дадите? — тихо спросил Сеоев.

— Куш!.. На первый раз сто новеньких английских фунтов, а когда сделаем дело, тогда пять тысяч американских долларов. Прекрасные деньги! Это, знаете ли, самая сильная во всем Северном Иране валюта.

— А это самый сильный кулак во всей Северной Осетии,— проговорил Сеоев и со всего размаху ударил по скуле Го Жу-цина.

Фокусник как куль упал на кушетку, из-за двери выскочило трое подслушивавших и кинулись на сержанта.

Если в делах дипломатии Сеоев не отличался особым талантом, то в искусстве кулачного боя это был действительно первый боец Северной Осетии. Инстинкт воина, привыкшего к войне и опасностям, еще раньше подсказал ему, что вряд ли Го Жу-цин один в комнате, и появление муж-

чин с ножами в руках не испугало великана. С поразительной ловкостью он ткнул носком ноги в живот набегавшего на него человека, и когда тот со стоном повалился навзничь, сержант ударом кулака сбил с ног и другого и, приподняв за шиворот с кушетки Го Жу-цина, вышел в переднюю, прикрываясь потерявшим сознание фокусником.

На лестнице не было никого, но сержант не верил этой тишине. Он распахнул дверь и толкнул вперед хозяина. Тяжелый удар камнем пришелся по плечу фокусника... На площадке лестницы стояло двое иранцев, с воинственным видом размахивавших короткими дубинками. Великан-сержант, швырнув на пол безжизненное тело Го Жу-цина, бросился на них, сверкая глазами и

выкрикивая осетинские ругательства. Грозный вид разъяренного гиганта так напугал обоих, что, выронив свои дубины, они с воплями кинулись во двор. Не теряя ни минуты, Сеоев двумя прыжками выскочил за ними и, заметя невысокую ограду и запертые на замок ворота, кинулся к стене.

Едва он, подтянувшись на мускулах, успел вскочить на ограду, как во дворе забегали люди, залаяли псы, раздался выстрел и десятка два дробинок с визгом пролетели над уже успевшим перескочить стену сержантом. Но тут снова был двор. Не зная, где находится выход на улицу, Сеоев кинулся вперед по аллее. За кустами он увидел выскочившего из флигелька и бежавшего к железным воротам пожилого иранца с большим ключом в руке. В одно мгновение сержант ударом кулака сшиб с ног сторожа и, перескочив через него, выбежал на улицу. Это было вовремя, так как из первого дворика уже вынеслось около десятка разъяренных немецких овчарок. Сержант плотно прикрыл ворота и побежал по улице, стараясь понять, где же он находится. Прохожие с удивлением оглядывали его и только на углу, уже далеко от дома фокусника, Сеоев понял, почему люди с таким испуганным удивлением смотрели на него.

Гимнастерка его была разорвана и испачкана кровью Го Жу-цина, которому плохо пришлось и от кулака сержанта и от знакомства с кирпичом, припасенным его людьми для гостя.

— Что это за улица? — остановив шарахнувшегося в сторону перса, спросил сержант.

— С вашего позволения, Кумская улица, арбаб (господин),— робко проговорил прохожий.

«Кумская улица,— подумал Сеоев,— ведь это

кварталов за пятнадцать от проспекта Шапура, совсем в другой стороне от жилища фокусника... Так вот куда завез меня этот негодяй!» Он успел сделать еще несколько шагов, как его нагнал полицейский и, приложив руку к пехлевийке, сказал:

— Господин военный, я должен задержать вас, так как мне сообщено, что вы убили человека.

Первым движением Сеоева было отшвырнуть ажана, но, взглянув в его несколько встревоженное, но в общем почтительное, лицо, он сказал:

— Хорошо, но только при одном условии... Едемте в центральный полицейский участок. В другой — я не пойду.

— Пожалуйста... в какой угодно,— облегченно согласился полицейский.

Остановив проезжавший фаэтон, они поехали в участок, оттуда немедленно же о случившемся позвонили генералу.

Остальное уже известно читателю.

— Вы, сержант, этой дракой совсем испортили дело... И какой черт дернул вас впутываться в эту историю! — сказал в сердцах генерал.

— Я думал сделать лучше... товарищ полковник знает, что я...

— Д-да! — после минутного молчания заговорил генерал,— вы, старший сержант Сеоев, пока что находитесь под домашним арестом на...— генерал подумал и добавил: — на двое суток, пока мы не выясним и не обдумаем положения. Никуда не отлучаться, чтоб этот двор был единственным местом ваших прогулок. Днем отдыхайте и спите, ночью кабинет полковника и помещение канцелярии охраняете вы... Поняли меня?

— Так точно! — вытягиваясь во весь свой огромный рост, проговорил Сеоев.

— Идите и отдыхайте!

— Есть идти и отдыхать! — рявкнул гигант, исчезая в дверях.

— Вы видели, какие у него кулаки? Настоящие тыквы! — еле удерживаясь от улыбки, сказал генерал.— Думаю, этому фокуснику — шпиону сейчас врачи прикладывают примочки и прочие снадобья где-нибудь в Исфагани или Ширазе...

— Почему в Исфагани, а не здесь? — удивился я.

— Потому что его сегодня же на самолете или на «джипе» вывезли из Тегерана... К вечеру вы убедитесь в этом, а теперь давайте лучше обдумаем, что говорить и как нам держаться перед микрофоном, чтобы не возбудить подозрения у подслушивающих нас людей.

Под вечер ко мне в кабинет зашел генерал.

— Ну, что вы скажете по поводу всей этой ахинеи, которую наболтал нам Сеоев? — угрюмо спросил он, выразительно глянув в сторону микрофона.

— Черт его знает!.. какая-то пинкертоновщина!.. По его сумбурному рассказу трудно понять, где истина и где ложь...

— А по-моему — все ясно. Какая там истина! — сурово перебил генерал.— Напился, как свинья, устроил пьяную драку, избил этого фокусника, а все остальное — наврал.

— Но, позвольте, он говорит, что этот фокусник — русский, белогвардеец, по фамилии Кожицин, что зовут его Владимир Николаевич?..

— Ну, и что из этого? Тем хуже для советского сержанта...

— ...что он уговаривал Сеоева выкрасть из сейфа документы!..

— Враки! Просто ваш Сеоев, желая реабилитировать себя, выдумал всю эту гору вранья, чтобы прикрыть ею пьяный дебош. Нет, Александр Петрович, не спорьте и не уговаривайте меня... бесполезно. Вы отдали приказ об его откомандировании в распоряжение коменданта?

— Никак нет, не успел,— ответил я.

— Немедленно же отдайте и отошлите его отсюда вон,— сухо сказал генерал.

— Слушаюсь, товарищ генерал! Но, по-моему, к тому, что рассказывает он, следовало бы прислушаться.

— К чему прислушиваться? К вранью о фокусах, предсказаниях и прочей белиберде? Полноте, Александр Петрович, просто ваш любимчик-сержант допился до такого скотского состояния, что ему стала мерещиться всякая чертовщина... Словом, кончим этот разговор. Чтобы завтра же его не было в Тегеране, и пусть он благодарит, что я не отдаю его под суд. На всякий случай сегодня же обратитесь официально через нашу миссию в Министерство внутренних дел с просьбой сообщить, кто такой этот Го Жу-цин, и правда ли, что он русский белогвардеец и немецкий шпион. Если это подтвердится, то попросим о немедленной высылке его из Ирана, а теперь перейдем к другим вопросам. Скажите, как бы вы отнеслись, если б я просил вас на день-другой слетать в Тбилиси, в штаб Закавказского фронта? Дело в том, что я хочу, чтобы, прежде чем отошлем в Главную Ставку в Москву наш доклад, вы

ознакомили с ним командующего фронтом и членов Военного Совета.

— Готов в любую минуту! Когда прикажете вылететь, товарищ генерал!

— О-о, не так-то скоро! Пока это, так сказать, в проекте. Может быть, через неделю, а может быть и позже. Дело в том, что и вам, и мне надо, прежде чем закончим доклад, побывать на местах, объехать зону и уже потом подвести итог.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Еще издали я увидел стройную фигуру девушки. Серый плащ, голубой шарф и большая сиреневая сумка резко выделялись на фоне зеленых кустов буйно распустившихся астр и магнолий.

Зося не видела меня. Опустив голову и чертя кончиком зонтика узоры на красном песке аллеи, она, казалось, ушла в свои мысли.

Я издали залюбовался ею. Эта чудесная девушка никак не была похожа на прислугу, на простую горничную. В ней было что-то свое, свободное, грациозное. Она была действительно очень хороша, и не только хороша, в ее лице была нега, живость и, несмотря на врожденную кокетливость, чистота. Она еще сохранила детскую манеру очень быстро поднимать глаза и смотреть на собеседника прямо в упор с любопытством и жадной пытливостью невинности. Когда же девушка опускала глаза, они казались закрытыми,— так были длинны темные ресницы, окаймлявшие большие, чистые голубые глаза.

— Здравствуйте, Зося, простите, что я запоздал. К сожалению, эти запутанные аллеи вывели меня совсем в другую сторону.

— Ничего, господин полковник.— Я так задумалась, что и забыла о времени,— тихо перебила она.

— О чем же, Зося?

Какая-то тень пробежала по лицу девушки, она быстро и строго глянула на меня и сухо сказала:

— Так, пустяки...

Эта смена настроений, такая внезапная и резкая, насторожила меня. Девушка была или очень

наивна и непосредственна или же крайне опытна и хитра.

— Вы чем-то обеспокоены? — участливо спросил я.

— Не-ет!.. Просто случайность... Я вспомнила об одном неприятном для меня письме, и это взволновало меня.

— Не могу я быть вам полезен?

— Нет,— сжав губы, с трудом, еле слышно проговорила она и, пересиливая себя, улыбнулась.— Однако у нас все какие-то невеселые разговоры, давайте поговорим о другом.

Она снизу вверх глянула на меня, улыбнулась и, сразу как-то посветлев и преобразившись, сказала:

— Господин полковник, а ведь я до сих пор не знаю вашего имени...

— Александр,— сказал я.

— Алек-сандр...— с трудом повторила она, вопросительно глядя на меня.

— Петрович,— продолжал я.

— Петрович,— с усилием повторила она.

— Дигорский,— закончил я, с удивлением заметив, что лицо девушки посерело, глаза наполнились слезами.

— Что с вами, Зося? — закричал я.

Она с силой вырвала из моей руки свою.

— Что с вами?.. Скажите, что случилось, что гнетет вас? — спросил я, видя, какой мукой исказилось ее лицо!

— Ни-че-го!..— с трудом выговорила она, отворачивая от меня свое лицо.

— Нет, что-то есть, не может быть, чтобы вы, такая юная, такая чудесная девушка, играли какую-то вероломную, недостойную роль... Скажите, что с вами? — закричал я.

— Господин полковник, почему вы говорите мне это? — Зося подняла на меня глаза. Лицо ее снова было спокойно, только кончики пальцев теребили зонтик.

— Потому что знаю, что вы сбиты с толку, Зося, потому что полька, любящая свою родину, не может продавать ее врагам.

Она выпустила зонтик, лицо ее потемнело и, отступая назад, она вдруг взволнованно и страстно выкрикнула:

— Вы не ошиблись, я полька! Я люблю свою несчастную Польшу и готова умереть за нее, а вас... вас не-на-вижу!..

Глаза ее, обычно веселые и шаловливые, горели злым, непримиримым огнем. Вся она стала

как-то старше и строже и напоминала изящную, готовую к прыжку кошку.

— Да, да... ненавижу! Вы говорите о врагах, готовых купить предателей Польши, а вы сами кто? Вы и есть один из них. Сладкой лестью вы думаете одурачить меня и за моей спиной вести свою подлую игру.

Я наблюдал за нею, в душе изумляясь столь стремительной смене настроения. Нет, она не шпионка, для этого у нее нет выдержки, спокойствия, характера, расчета — первых и элементарных свойств работников разведки. Скорей это была обманутая женщина, оскорбленная в своих лучших чувствах.

— Что вы смотрите на меня? Вы не ожидали в пустенькой хохотушке, в вертлявой горничной, служащей у такой же продажной, как и вы, бессовестной мистрисс, увидеть человека, мучающегося за свою распятую, погибающую родину.

— Мы, Зося, русские, спасаем ее! Не они, купцы и разведчики, не банкиры и помещики, а мы, трудовой русский, советский народ, мы спасаем братскую, родную нам Польшу и за ее освобождение проливаем свою кровь на полях Польши и Украины.

— Чтоб сделать советской, чтобы закабалить ее...

— Нет! Чтобы она была свободной, народной, демократической Польшей. Мы хотели бы, чтобы во главе ее стояли рабочие, крестьяне, интеллигенция. Чтобы земли Браницких, Потоцких, Сангушко и Радзивиллов были розданы тем, кто обрабатывает их, а не тунеядцам, графам и князьям.

— Сладкие слова, за которыми идет горькая действительность. Мы много слышали о народе

ото всех: и от Пилсудского, и от англичан, и от американцев, и от вас...

— ...и от Андерса.

— И от него. Но все это слова, и каждый думает о себе, а народ только работает на них.

— У нас не так, Зося. У нас народ работает на себя, если б это было иначе, то Гитлер раздавил бы нас так же, как Польшу, Францию, как остальную Европу, где народ работает на господ. А у нас их нет, и народ защищает себя, свою власть, свою жизнь и свое будущее...

Зося медленным взглядом посмотрела на меня.

— Откуда вы так хорошо знаете наших помещиков и князей? Или, может быть, вы уже загодя разделили их земли и распределили, где на них будут поставлены ваши колхозы.

— Нет, Зося! У нас так много своей советской земли, что мы сами могли бы дать неимущим польским крестьянам ее столько, сколько им нужно. Нам не нужна чужая земля, мы защищаем и оберегаем свою. А знаю я потому, что читал вашу польскую литературу.

Зося внимательно и не без любопытства посмотрела на меня.

— «Дзяды» Мицкевича и «Конрад Валленрод» — мои любимые книги. Читал и Сенкевича. Много смеялся, читая о пане Заглобе...

Зося еле заметно улыбнулась, и ее насупленное лицо стало мягче.

— Очень люблю «Крестоносцев», «Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыевский», а также и все рассказы и повести великого Генрика, вплоть до «Старого слуги» и «Семьи Поланецких».

Зося смотрела на меня, и я видел, как в ней боролись два чувства — горделивой радости за

свою родину, за то, что чужой человек так хорошо и тепло говорит о великой польской литературе, и второе — недоверие.

— Читал, конечно, и Жеромского, и Ожешко, и Пруса, и Конопницкую... знаю и современную вашу литературу, вплоть до Тувима. Горжусь, что великий Шопен — поляк и славянин, восторгаюсь игрой несравненного Падеревского... — взволнованно сказал я.— Мы, русские люди, гордимся, что у вас, поляков, были такие великие воины, как Тадеуш Костюшко, храбрейший из храбрых генерал Ярослав Домбровский, отдавший свою жизнь за Польшу, за Париж, за Коммуну. Мы гордимся и тем, что вместе с Лениным жил и работал сын польского народа, чистый и пламенный революционер — Феликс Дзержинский.

— Пан полковник,— дрогнувшим голосом сказала девушка, впервые за все это время назвавшая меня так,— мне очень приятно, что вы знаете нашу литературу и музыку и наших героев больше, чем я... во всяком случае, ни один из моих американских и английских знакомых и господ никогда не говорил об этом.

— Ведь мы же, Зося, славяне, братья, одной крови и одной матери дети. История и подлые наши цари и подлые ваши крули сеяли вражду и рознь между нами. Пришло время, когда она должна окончиться. Вы, наверное, знаете, Зося, о том, как в старину в Грюнвальдском лесу польские, литовские и русские войска разгромили и нанесли ужасное поражение немецкому ордену меченосцев. Пришло время, и опять русские и польские полки вместе бьют и окончательно добьют проклятую фашистскую гидру. Вы, наверное, знаете, Зося, что на Западном фронте вместе с Советской Армией прекрасно дерутся велико-

лепные польские дивизии. Вот настоящие поляки, истинные патриоты, дети великой Польши, дети, освобождающие свою многострадальную мать. Это не чета продажным бандам Андерса, людям без родины и чести...

— Молчите, молчите! — вся побагровев от гнева, закричала Зося.— Вы... вы смеете так говорить о тех несчастных, обманутых людях, которые, поверив вам, думают, что они спасают Польшу... Убийца! Убийца!..— с ненавистью вскричала она, потрясая сжатыми кулаками возле моего лица.

Тут уже выдержка и хлоднокровие оставили и меня.

— Я. убийца? Да что вы, с ума сошли? Кого я убил?

— Не знаете? Хорошо, я напомню вам!..— проговорила она, впиваясь в меня взглядом. Зрачки ее потемнели.— Моего брата... Лично, сами!..

— Какого брата? — недоумевая, спросил я.— Как ваша фамилия?

— Кружельник!.. А-а, вздрогнули!..— глядя в мои глаза, крикнула Зося.

Я действительно чуточку подался к ней, припоминая, что где-то совсем недавно слышал эту фамилию. Моя память мучительно напряглась... «Где, где же... откуда я знаю эту фамилию?..» но я никак не мог припомнить. Я пожал плечами и спокойно спросил:

— Да кого же я убил? Почему вы не говорите?

— Моего брата!.. Рядового польской армии Яна Кружельника!.. Вы, именно вы!.. Своими собственными руками убили его... Вы думали, что

ваше злодеяние не узнает никто... У-у, с какой радостью я б уничтожила вас, подлый палач!..

Она судорожно искала что-то в сумочке. Найдя скомканную бумажку, бросила ее мне в лицо. Ничего не понимая, я поднял листок и медленно прочел:

«Уведомление панне Софье-Ядвиге Кружельник.

Уважаемая панна Зося! По предсмертной просьбе вашего дорогого брата Яна и по великой клятве исполнить его последнюю предсмертную просьбу, я решаюсь написать вам это тяжелое письмо. Крепитесь, дорогая панна! Ваш любимый брат Ян, а мой дорогой друг умер мученической смертью 23-го сего июля, расстрелянный большевистским полковником только за то, что Ян, как истинный сын польского народа, не хотел идти против своей родины и религии. Он сказал, что для него Польша дороже, чем Россия, и что колхозы противоречат принципам католической церкви и никогда не создадутся на польской земле. Этого было достаточно, чтобы мужественного солдата Яна 23-го числа в 8 часов утра расстреляли перед строем обезоруженных польских солдат... Пишу, чтобы вы знали имя палача вашего брата, убил его полковник Александр Петрович Дигорский. Он собственноручно застрелил Яна из пистолета, сказав с усмешкою остальным арестованным польским патриотам: «То же будет и с вами, лайдаки, пся крев». Так как я был самым близким Яну человеком, то и спешу исполнить его просьбу — сообщить вам о его последних часах жизни. Я сидел вместе с ним в тюрьме, он много говорил о вас, вспоминал детство, Варшаву... Я лично сейчас пока на свободе, но думаю, что всем польским патриотам будет худо. Посылаю

это письмо через верные руки, которые обязательно найдут вас. Не плачьте... Такова уж наша судьба бедных, одураченных москалями польских солдат.

Юльский».

Я рассмеялся

— Вы смеетесь, изверг!..— заплакала Зося.

— Успокойтесь, девочка! Я знаю, кто, зачем и для чего писал эту фальшивку, и даже знаю, кто передал ее вам. Дешевая провокация, на которую попались вы, Зося.

— Фальшивку? — негодующе закричала она.

— Конечно! Я сейчас докажу это. Только минуточку спокойствия,— и, достав из кармана гимнастерки свою записную книжку, я заглянул в нее, будто бы ища что-то, на самом же деле я с мучительным усилием напрягал память, чтобы вспомнить подробнее о Яне Кружельнике, о котором уже дважды писал Аркатов. Передо мною, как на бумаге, всплыло все то, что сообщал капитан:

— ...Рядовой Ян Кружельник из дивизии имени Тадеуша Костюшко,— медленно проговорил я, будто бы читая. Девушка схватилась за сердце и побелела.— Шофер-механик дивизионной автобазы...

— То есть... то есть правда...— мешая и польские, и английские слова, заговорила она.— Янусь действительно учился шоферскому делу...

— ...Уроженец города Варшавы, улица...— я сделал вид, будто не разбираю написанного и, поднеся к глазам книжку, глянул на Зосю.

— ...улица Яна Собесского, дом двадцать девять,— побелевшими губами подсказала она.

— Точно! Адрес правильный,— сказал я и, закрыв книжку, положил ее обратно в карман.

— Ну! — с отчаянием закричала она.

— Что, ну? Все в порядке!

— Еще глумитесь!.. Теперь я окончательно убеждена, что вы убили...

— Спокойствие, Зосенька. Вы убеждены, что это письмо не фальшивка и что я убил вашего брата?

— Да, да, да! — страстно и убежденно сказала она.— Вы, именно вы убили его.

— А что, если недели через две, самое большее через три, я докажу вам, что все это ложь и что вас обманывают с очень грязной и преступной целью?

— Вы не можете доказать этого!

— Могу!

— Каким образом?

— Ваш брат, Ян Кружельник, живой и невредимый, будет разговаривать с вами и скажет вам, кто и зачем создал всю эту отвратительную провокацию.

Зося отшатнулась.

— Вы... вы лжете!.. Он мертв!..

— Он так же жив, как и вы! Хотите, я устрою вам свидание с ним, как только это можно будет сделать?

— Гос-поди!.. Езус-Мария!.. Хочу ли я? Да если это правда!.. Если брат жив... пан полковник!.. но нет, нет, я не верю вам, вы обманываете меня!.. Ведь это письмо, я наверное знаю, пришло оттуда...

— Спрячьте это письмо, оно действительно пришло оттуда, но я знаю, кто привез и передал его вам... Это тот самый маленький подозрительный полковник, который приехал к госпоже Барк и из-за которого вы увели меня черным ходом... правда?

Зося посмотрела на меня отчаянным, умоляющим, растерянным взглядом и тихо сказала:

— Да!

— Вот видите, а Юльский, который пишет вам это письмо, шпион, убийца и преступник, связанный одной веревочкой с этим самым Сайксом. И то, что я говорю вам, через несколько дней подтвердит вам ваш брат, честный и действительно мужественный патриот Кружельник. А теперь, Зося, дайте мне честное слово, что то, о чем мы сейчас говорили, останется между нами. Вашей госпоже вы можете сказать, что я ухаживаю за вами, влюблен, словом, все что угодно, только помните, если вы действительно любите брата, любите Польшу, то ни-че-го, ни-ко-му не говорите о нашем разговоре. Если же проговоритесь, то погубите себя и никогда не увидите Яна.

— Я... я вам не верю... Но, ах, боже мой, как хочу верить! — со стоном проговорила Зося, и на ее глаза снова набежали слезы.

— Надейтесь и верьте. Через недели две вы увидите брата,— сказал я и тихо, очень бережно поцеловал ее в лоб. Я сам не знаю, как это случилось. Еще мгновенье назад я и не думал об этом. Зося вздрогнула, хотела отшатнуться, но, вдруг взглянув мне прямо в глаза, сказала тихо и проникновенно:

— Пан полковник... Не обманите меня... У меня и так нет радости в жизни.

— Зосенька, все то, что я сказал,— правда, а теперь — ваше слово.

— Клянусь моею и Янека жизнями, клянусь счастьем отчизны, что буду ждать, буду молчать и буду верить вам в ожидании моего брата!— И она тихо опустила голову, так близко к моей груди, что я почувствовал ее волосы на своей

щеке. Я поднес ее руку к губам и осторожно поцеловал ее нежные, красивые пальцы.

Занятая своими мыслями, она даже и не заметила этого.

— Ох, пан полковник, если... если это все правда... я смогу сделать вам большое полезное дело, но если вы меня обманываете и думаете посмеяться над одинокой, несчастной девчонкой, то...— она побледнела.

— Молчите, молчите, Зосенька! Ни звука. Когда вы увидите брата, вот тогда и поговорим об этом. А теперь идемте в парк. Сделайте веселый, кокетливый вид, чтобы никто не мог и заподозрить, о чем мы говорили. На этих днях я скажу, когда вы увидите вашего брата.— Она отодвинулась, пристально, не спуская глаз, глядя на меня, затем вздохнула, отерла набежавшую слезу, и мы тихо направились вперед.

— Может быть, вы поспешили? — сказал генерал, выслушав мой рассказ о свидании с Зосей.

— С тем, что сообщил о ее брате? — спросил я.

— Нет, с тем, что пообещали показать его. Я не уверен, что это легко будет сделать.

— Но это необходимо.

— Идите-ка пока к себе, Александр Петрович, займитесь своими делами, а я подумаю... поразмыслю,— медленно проговорил генерал, и по его голосу было заметно, что он очень озабочен моим замечанием. Чувствовалось, что он уже начал «размышлять», и мое присутствие только мешает ему.

Работать мне не хотелось, слишком уж было остро и неожиданно бурное, взволнованное объяснение с Зосей. Я просто не мог бы сейчас со-

средоточиться. Мне надо было успокоиться и собраться с мыслями. Выйдя в сад и сев в тени большого каштана, я стал рассеянно наблюдать за воробьями, гомонившими вокруг.

Наша работа уже подходила к концу. Подготовительные мероприятия заканчивались. Вся северная часть дороги охранялась нами, наши коменданты и части занимали зону. Возможно, что вскоре мы должны будем вернуться назад. Тут я поймал себя на мысли, что было бы нелегко расстаться с Зосей. Девушка начинала очень нравиться мне. «Вот тебе и концовка «дела о привидениях»,— невесело улыбнулся я.

Ничего не надумав, я пошел к себе, прилег на софу и крепко заснул.

Часа в четыре ко мне вошел генерал.

— Извините, что разбудил вас. Как спалось, Александр Петрович? — спросил он, усаживаясь возле стола с микрофоном.

— Плохо... Духота и эти проклятые мошки, а днем...— начал было я.

— А днем Зося и ее хозяйка не дают спать. Ну, ладно, не хмурьтесь, взгляните-ка лучше, что я получил сегодня с утренней почтой. Прелюбопытное письмо издалека...

— Из Москвы? — быстро спросил я.

— Да, исключительного значения и секретности. Вам небезинтересно было бы познакомиться с ним,— протягивая мне бумагу, сказал генерал.

Я сел в уголок и, не отрываясь, дважды прочел его про себя.

Из авторитетных органов сообщали, что на Востоке действительно существует журналистка Эвелина Барк, бесцветно, много и сентиментально пишущая об Ираке и Иране. Однако было интересно также и то, что под псевдонимом «Иран-

дуст» и «Ориенталия» она до 1939 года работала в непосредственной близости к известному разведчику Чарльзу Клейтону, а с мая 1939 года перешла на «работу» в Разведбюро «Азия-ОС-4», и тут уже ее сводки, доклады и записки решительно отличались от той безобидной псевдо-экзотической чепухи, которую обильно печатала журналистка Барк.

Информационная и деловая переписка разведчицы «Ирандуст», «Ориенталии» была точной, деловой, похожей на боевые отчеты с фронта и уж, конечно, ничем не напоминала слащавое дамское рукоделие Эвелины Барк. Это была ловкая и умная завеса, совершенно укутавшая в своем дыме истинное лицо разведчицы, высоко ценимой разведками двух стран.

Очень, очень немногие из руководителей политики этих стран знали о том, что кокетливая, веселая, несколько легкомысленная журналистка Эвелина Барк одновременно была «Ирандустом» для одних и «Ориенталией» для других и что ее скупые донесения ценились на вес золота и высоко подняли авторитет «женщины Лоуренс», как в похвалу называли ее заинтересованные лица.

— Ну-с, как вам нравится это известие? — спросил генерал, когда я, наконец, оторвался от бумаги.

— Не документ, а разорвавшаяся бомба! — ответил я громко, стараясь, чтобы в микрофоне был явственней слышен мой голос.

— Да... история с географией...— как бы в раздумье произнес генерал.— Я вас попрошу, Александр Петрович, заучить наизусть эти строки и, не показывая никому, положить в сейф. Помните, что никто ничего не знает об этой бумаге.

— Слушаю-с. Я понимаю ее важность, товарищ генерал.

— Что Сеоев? Отправили или он еще здесь?

— В девять ноль-ноль через комендатуру отправляю его в Пехлеви.

— Пока задержите. Вам надлежит срочно выехать в расположение наших войск в зону железной и шоссейных дорог. В этой поездке он может вам пригодиться, ну, а уж после возвращения немедленно же отправьте его в Баку. А теперь идемте в столовую обедать,— вставая со стула, сказал генерал.

Мы едва успели покончить со вторым блюдом, как к нашему столу подошел дежурный офицер и, пригнувшись к уху генерала, что-то тихо шепнул ему.

— Ка-ак? — удивленно спросил генерал, отставляя в сторону вазочку с киселем.

— Так точно! — ответил дежурный, передавая ему визитную карточку.

Генерал прочел, пожал плечами и, как бы в раздумье, протянул ее мне.

«Всемирно известный иллюзионист, маг и факир Го Жу-цин»,— было выведено золотым тиснением на глянцевитом белоснежном картоне. Ниже мелким, очень изящным почерком написано по-английски: «Уважаемый сэр и генерал! Покорнейше прошу принять меня на несколько минут для разговора по поводу прискорбного инцидента, происшедшего на днях.

Готовый к услугам

Го Жу-цин».

Я озадаченно взглянул на генерала, глаза которого не менее удивленно смотрели на меня.

— Битый чародей, оказывается, здесь и не думает скрываться в Исфагани...

— Да-а... поразительно, но факт. Ваша правда, Александр Петрович,— все так же недоумевающе согласился генерал.— Но черт его побери! По всем законам и правилам логики этот негодяй должен был исчезнуть из Тегерана... Где он? — поднимаясь, спросил генерал.

— В приемной.

— В каком он виде?

— Прекрасно одет, очень предупредителен, лицо забинтовано, левая рука на перевязи,— доложил офицер.

— Я думаю! — сказал генерал.— Ну, так пойдемте, полковник, знакомиться с крестником нашего сержанта.

Мы задними комнатами прошли в кабинет. Я сел за свой стол, а генерал в кресло у окна.

— Пригласите посетителя,— сказал он вошедшему дежурному.

Офицер открыл дверь и впустил из приемной человека.

— Извините, что явился без приглашения и оторвал вас от дела,— поклонившись нам, вежливо сказал вошедший,— но обстоятельства таковы, что я обязан был, несмотря на увечья, полученные от вашего пьяного солдата, сегодня же явиться сюда.

Я взглянул на генерала. Лицо его было непроницаемо. Он молча показал посетителю на стул.

Перед нами в почтительной позе стоял небольшого роста китаец с гоминдановским значком на груди, один глаз у него, очевидно, был подбит и тщательно забинтован. Он изящно поклонился и сел возле нас.

— Вы — господин Го Жу-цин? — спросил генерал.

— К вашим услугам! — садясь на стул, ответил гость.

— Черт побери этого сержанта, теперь я вижу, что он действительно был пьян,— обращаясь ко мне, сказал по-русски генерал. Потом, как бы спохватившись, он по-английски спросил китайца: — Вы говорите по-русски?

— К сожалению, нет, ваше превосходительство, только по-английски.

— Очень жаль! Я довольно прилично понимаю англичан, но говорю на их языке с трудом. Попрошу вас вести беседу с господином полковником, я же буду только задавать вопросы,— подбирая слова и слегка запинаясь, сказал генерал. Даже я, хорошо знавший генерала, чуть было не поверил в его слабое знакомство с английским языком, так мастерски, неуверенно и затрудняясь, составил он свою фразу.

— Пожалуйста, пожалуйста! — прижимая руки к груди, согласился гость и, уже глядя на меня, начал свой рассказ.

— Позавчера утром, когда я готовился к приему записавшихся клиентов, в квартиру неожиданно зашел русский солдат, доложивший ведущему запись слуге, что ему нужно срочно поговорить со мной. Заметив, что солдат нетрезв и от него сильно пахнет вином, слуга попытался на-

значить посещение на следующий день... но пьяный стал шуметь, требовать немедленного сеанса. Мой слуга хотел урезонить его, но ваш солдат отшвырнул его к стене и ворвался в кабинет, где находился я. В эту минуту я готовил инструменты к сеансу, назначенному заранее двум знатным дамам. Когда я отказал солдату в приеме, он разъярился, изломал аппаратуру и, как видите,— посетитель грустно улыбнулся, показывая на забинтованную щеку,— избил и меня. Если бы не полиция, его буйство могло быть еще ужаснее.

— Спросите его, Александр Петрович, где происходило все это? — спросил генерал.

— На улице Шапура, сорок один, в квартире, которую я занимаю уже третий год,— печально сказал китаец.— А вот и копия полицейского протокола о дебоше, произведенном вашим солдатом у меня в квартире в доме сорок один по улице Шапура,— вынимая из кармана вчетверо сложенный лист, смиренно закончил Го Жу-цин.

Тут же находилась и копия объяснения полицейского Алекпера, служащего ажаном в участке № 7.

Полицейский показал, что два дня назад у него была свадьба, на которую он пригласил сержанта Сеоева, как своего старого кунака. Никого из посторонних не было, только родственники да его начальник, раис-назмие Камал-Хан Гейдари. Го Жу-цина, о котором рассказывает сержант, не было, да и не могло быть, так как ажан Алекпер с ним незнаком. Сержант Сеоев пил много вина и араки, быстро напился и пытался в пьяном виде изображать Го Жу-цина и его фокусы, говоря, что знает эти штуки не хуже самого китайца. Часа в три или в четыре ночи он вдруг решил

идти на квартиру к фокуснику, и когда его хотели отговорить и уложить спать, он, человек огромной физической силы, раскидал всех и убежал из дома Алекпера. Что было дальше, он не знает. Правдивость показаний может подтвердить присутствовавший там раис-назмие.

Ниже шла приписка: «Показания ажана Алекпера подтверждаю».

— Та-ак-с! — просматривая документ, сказал генерал.— Все верно. А спросите его, Александр Петрович, как же он говорил с Сеоевым, если он знает только один английский язык.

— Нет, я отлично говорю и по-персидски,— деликатно улыбнулся китаец, когда я перевел ему вопрос генерала,— говоря же его превосходительству «только английский», я подразумевал европейские языки.

— Так-с! — снова удрученно повторил генерал.— Узнайте у него, Александр Петрович, чего же он хочет от нас?

— Возмещения материального убытка и главное мне сказали сегодня в полиции, что этот солдат наговорил бог знает чего обо мне... Вплоть до того, что я шпион и русский белогвардеец... В полиции сказали, что его превосходительство заинтересовались этим и запросили сведения обо мне.

— Ладно! — перебил его генерал.— Скажите ему, что возмещение убытков — чепуха. Пьяный солдат действовал по-своему, бог его знает, какому поводу и отвечать за него мы не можем... Сержант будет строго наказан, и вопрос о нем закончен. О втором, прошу извинить нас, но я обязан был запросить полицию, так как возникли было такие подозрения... Сейчас же ясно, что все это вздор... Сегодня же приму меры к ликвидации моего запроса.

Китаец вежливо улыбнулся и, низко поклонившись, бесшумно выскользнул из кабинета.

— Проводили гостя? — спросил генерал вернувшегося дежурного офицера.

— Так точно!..

— Ну-с, каков негодяй ваш хваленый Сеоев! — как только мы остались одни, закричал генерал.— В какое положение он поставил меня перед этим паршивым фокусником! Я места себе не находил, слушая о безобразиях вашего любимца...

— Да кто же знал...

— Кто знал! Вы, вы должны были знать! Видите, что получается, когда командиры распускают солдат.— Он подошел к окну, побарабанил по стеклу пальцами и, словно немного успокоившись, сказал:

— Этот урок нам надо крепко-накрепко запомнить...

— Так как вы говорите, два очка не в мою пользу.— Он вдруг расхохотался.— Как раз в мою, именно в мою пользу... у меня сейчас с души спал груз, мне легко стало на сердце. Вы понимаете, что значит появление этого человека? — обхватив меня за плечи, спросил, сияя, генерал.

Мы стояли в саду, а из кустов торчала голова Сеоева, с удовольствием наблюдавшего за нами.

— Понимаю. Этот подставной Го Жу-цин заменяет настоящего, избитого этим дядей,— указал я на сержанта.

— Да, но настоящий Го Жу-цин именно этот... Им снята квартира, им официально приобретен патент на право сеансов и выступлений, он представляет из себя юридическое лицо в этой

шайке, и, конечно, он и есть китаец Го Жу-цин, а тот, второй — Кожицин, или как там его еще зовут, тот основное звено, прикрытое именем и документами этого. Вот почему он якобы переодевается во время своих сеансов в китайскую одежду и гримируется.

— Понятно,— сказал я.

Удивленный Сеоев, перестав ухмыляться, подошел ближе и застыл в позе жены библейского Лота.

— Но и это пустяки... Главное же заключается в том, что господин Сайкс убежден, что надул нас. Я больше всего боялся, что, напуганный разоблачением Сеоева, он прекратит свою игру... Но приход этого молодца говорит о том, что все идет как надо...

Наутро пришла срочная телеграмма.

Расшифровав ее, мы прочли:

«Вчера вечером патрулями, охраняющими железнодорожный участок сектора Миан-Кух-Ниала, были замечены трое неизвестных. Задержанные показали, что они крестьяне села Сиях-Руда и идут на заработки в Тегеран. Отпущенные после допроса удалились. Спустя час сорок минут невдалеке от тоннеля Фирузкух были обнаружены еще двое неизвестных, назвавшихся жителями Мазандеранского края. При обыске у них обнаружено ничего не было. Один из задержанных, хотя и хорошо изъясняющийся по-ирански, не похож на настоящего перса. Оба находились под караулом на посту 1—22. Среди ночи один из них, отпросившись на двор, при выходе из помещения набросился на сопровождавшего его караульного и, сбив его с ног ударом кулака, пы-

тался бежать, но был убит дежурным Рудаковым. Спустя час одиннадцать минут возле станции Чанах был остановлен в 3-х километрах от тоннеля поезд № 101, на котором, согласно заявлению бригады, были замечены подозрительные лица. Эти люди, несмотря на то, что они имели проездные билеты до Харала, незаметно сошли где-то в районе тоннеля Фирузкух. Поездной военной охраной и лицами, сопровождающими грузы, были осмотрены вагоны и обнаружено следующее: в багажном вагоне № 4/101 — мина с часовым механизмом, взрыв которой был намечен на 8 час. 22 мин. утра, то есть в тот самый момент, когда поезд должен был находиться в пути, на самой середине тоннеля Фирузкух. Поезд был вновь тщательно осмотрен и лишь после обследования прошел через тоннель, продолжая свой маршрут на Бендер-Шах, с опозданием на 7 часов 44 минуты.

Начальник участка инженер-майор *Скворцов.*

Командир охранного батальонного участка
капитан *Руденко*».

— Итак, Александр Петрович, придется совершить поездку в горы,— сказал генерал.— Посмотрите на месте обстановку, опросите диверсанта и...

— Когда прикажете ехать?

— Да чем скорей, тем лучше. Хотя и завтра,— подумав, сказал генерал.

Но ехать в район тоннеля пришлось раньше. Снова вошел дежурный офицер с радиограммой. Генерал прочел и передал ее мне.

«Сегодня в 11 час. 03 мин. высланными в район тоннеля Фирузкух патрулями были об-

наружены две вооруженные группы людей. Первая, в количестве семи человек, открыла с дальнего расстояния огонь по нашему патрулю, вторая же, из трех человек, прикрытая завязавшейся перестрелкой, стала быстро уходить в горы, в сторону села Такхаз. Вызванные конные разведчики с боем настигли убегавших. Один из них был убит, другой захвачен в плен, третий скрылся. Первая группа злоумышленников после получасовой перестрелки рассеялась в горах, оставив на месте четыре английских десятизарядных винтовки с патронами. У нас потерь нет. Захваченный диверсант находится под строгим караулом на посту 1—22. Ожидаю указаний.

Командир охранного батальона участка капитан Руденко».

— События не ждут и опережают нас,— сказал генерал,— а что, если бы...

— ...Выехать сегодня вечером?

— Именно! Теперь уже не только один, а двое диверсантов будут перед вами и не «подозреваемых в злоумышлении», а захваченных на месте в бою и с оружием в руках.

— Вечером выезжаю,— сказал я.

— Отлично! Берите с собою майора Крошкина, Сеоева и двух солдат. Желаю успеха, а теперь давайте займемся подготовкой к вашей поездке,— сказал генерал.

Тегеранский вокзал Трансиранского железнодорожного пути невелик, довольно чист и наряден. Двое ажанов с безразличными лицами стоят возле входа. Кланяясь и выжидающе глядя на нас, по перрону проходят носильщики, или, как их здесь называют, «муши». Расшитый позумен-

тами железнодорожник важно шествует мимо, не глядя ни на кого. На запасных путях пыхтят паровозы. Оживление и все увеличивающаяся толпа говорят о том, что скоро подойдет поезд.

У нас еще сорок минут. Я иду в зал вместе с майором Крошкиным и Сеоевым. Сопровождающие нас ефрейтор Демин и рядовой Топуридзе остаются на перроне.

Зал ресторана довольно вместителен; везде пальмы, цветы, белые скатерти... Свет в него проникает сверху, через застекленный потолок. За столиками группами расположились отъезжающие: четверо американцев, несколько англичан, швед-миссионер, трое сестер-монашек из общины «Сент-Лазар». Высокий, скуластый американец-летчик с двумя рядами планок, пересекающих его грудь, шумно завтракает. Ряд разнокалиберных бутылок украшает его столик.

Изредка до нас долетают возгласы летчика, его друзей и хрипловатый голосок провожающей его девицы из «Женского военного корпуса». Она подвыпила и все пытается запеть песенку, но никто не поддерживает, все заняты напитками и воспоминаниями о перелете из Индии.

— Красавицу Мей поднял сильный парень,
Чтоб отнести ее к себе домой...

в который раз запевает девушка.

В отдалении от европейцев сидят пассажиры-иранцы, они пьют только чай, заедая его кексом и печеньем. Уезжая из дому, запасливые и экономные персы припасли еды минимум на три — четыре дня, зачем же им тратиться на ресторанное угощение.

Мужчины иронически переглядываются и подмигивают друг другу, не сводя глаз с хорошень-

кой пьяненькой американки, уныло и монотонно бубнящей одни и те же слова:

— ...Чтоб отнести ее... домой...

Женщины с деланным безразличием макают печенье в чай, успевая быстро оглядеть всех находящихся в зале.

— А я вам говорю, что эта проклятая страна должна быть благодарна нам, англичанам. Мы не жалеем денег, чтобы вытащить ее из средневековья,— говорит один из англичан.— Уже сто с лишним лет, как наше золото оплодотворяет эту забытую богом землю...

— Из которой вы выкачиваете нефть,— неожиданно говорит американка, переставая петь.

Американцы дружно хохочут.

— Браво, Мод!.. Нокаутировала британца,— одобряюще говорит кто-то из них.

Англичанин шокирован, он с оскорбительной вежливостью холодно кланяется в сторону девушки.

— Я не отвечаю лишь из уважения к очаровательной мисс,— цедит он сквозь зубы.

— А ты валяй, говори, если можешь! — размахивая рукой, кричит летчик.

Англичанин пожимает плечами и молча садится, отворачиваясь от шумной американской компании.

— То-то! — смеется летчик.— Сказать-то и нечего, но вы не волнуйтесь, сэр, теперь конец вашим заботам об этой стране.

Американцы в восторге топают ногами и хохочут. Летчик азартно стучит бокалом по столу. Стекло со звоном разлетается, виски стекает со скатерти на пол.

— Аминь! Вот так лопнут и ваши заботы об этой «проклятой» стране,— вызывающе говорит летчик.

Англичане молчат, потом спокойно встают, один из них бросает подбежавшему официанту деньги, и они все, не спеша, чинно уходят под свист и вопли американцев.

— Поразительное единство союзников,— говорит майор Крошкин, показывая глазами на замерших от неожиданного и приятного развлечения иранцев.

Поезд шел по желтой, унылой степи. В отдалении курились дымки, темнели редкие села. Туманная мгла покрывала горизонт. Было душно, в открытые окна вагона дышала начинавшая накаляться степь.

— Жарко! — обтирая потную шею, сказал я.

— Ничего. Скоро подъем, а там, в горах, будет совсем другое,— успокаивающе сказал майор Крошкин.

Поезд замедлил бег, показались строения. Это была станция, жалкое подобие настоящей. Платформа, крытый навес, за путями два желтых глинобитных домика, сарай. Возле переезда стоял босой, оборванный сторож с зеленым флажком в руке. Два деревца и чахлые кустики бросали жалкую тень на опаленную землю.

Паровоз засвистел, сильней задышал паром и, делая небольшой поворот, повернул влево. Степь сразу же отошла в сторону. Мы подъезжали к горам.

— Отсюда до Бендер-Шаха все станции, мосты и тоннели охраняются нашими войсками,— пояснил майор.

Поезд шел тише, колеса медленней катились по рельсам, с натугой дышал паровоз. За окнами стали подниматься холмы, показалась зелень, на склонах запестрели цветы. Прохладный ветерок ворвался в душное купе.

— Хо-ро-шо! — с удовольствием сказал Крошкин, вглядываясь в меняющийся пейзаж.

Теперь поезд шел между скал, дико вздыбившихся вокруг. Ручейки сбегали с них, просачивающаяся подпочвенная вода стекала с утесов, свисающие корни и переплетенные травы покачивались под ветром. На одном из поворотов мелькнул наш патруль, обходивший свой участок. Серьезный, с внимательным лицом, обходчик шагал рядом с ними, сопровождаемый железнодорожником-иранцем. Миг — и вся группа осталась позади.

— Порядок! — удовлетворенно сказал Сеоев, застегивая ворот гимнастерки, и, видя мое смеющееся лицо, разводя руками, сказал:

— Свежо, товарищ полковник!

— Вы поглядите, что будет дальше,— ответил майор, а поезд тем временем все поднимался выше, совершая зигзаги, восьмерки и круги, взбираясь на раскинувшиеся горы. Было как-то странно видеть и чувствовать столь разительную перемену климата. Всего лишь час-полтора назад мы изнемогали от удушливой, полутропической тегеранской жары, а сейчас свежий, прохладный

воздух обвевал нас с головы до ног. Зеленые скаты гор были усеяны цветами, густые кусты окаймляли дорогу. Мелькали фигуры наших солдат, охранявших путь.

— Да, тут дело другое! — восхищенно сказал сержант, показывая на строгие фигуры солдат.

Поезд поднимался над ущельями. Скалы и кручи мелькали за стеклами окон. Крутые отроги гор уступили место утесам.

— Скоро пойдут тоннели,— сказал майор,— видите, все чаще встречаются патрули.

— А много ли тоннелей?

— Более двухсот, общей длиной в восемьдесят три километра.

— О-о, тут действительно есть что охранять!..

— И что взрывать! — добавил Крошкин.— Этот Фирузкухский тоннель самый длинный из всех. В нем три километра длины, но знаменит он не только длиной, но и тем, что его уже в третий раз пытаются взорвать. Первый и второй раз германо-иранские, а теперь и...— майор сделал рукою жест,— ...и еще кое-какие фашисты. Я уверен, товарищ полковник, что лица, которых задержала наша охрана, в основном будут персы из «Меллиюне Иран» *.

— Ничего! Мы разберемся...— сказал я.

На одной из станций во время пятиминутной остановки поезда на дебаркадере нам повстречался летчик-американец, который вчера вечером так «мило» беседовал с англичанами.

Теперь он был трезв, приветлив и по-воински подтянут.

---

* Антисоветская фашистская организация «Иранские националисты», созданная немцами в 1941—1942 гг., работавшая после ухода немцев подпольно.

Завидя меня, он подошел, отдавая честь.

— Разрешите представиться. Капитан военно-воздушных сил Лирайт. Прошу извинить, полковник, вчера я немного пошумел в вашем присутствии, но терпеть не могу лицемеров, к тому же перехватил смеси из виски, джина и персидского вина.

— Пустяки! Как себя чувствуете, капитан? Куда держите путь? — пожимая ему руку, спросил я.

— В Бендер-Шах. Я сопровождаю авиагрузы, идущие в этом поезде в адрес Советов. Моторы, запасные части и прочее,— ответил летчик.— Совершаю уже в третий раз такую поездку.

— Бывали вы когда-нибудь в России?

— Нет, не приходилось, но очень хотелось бы побывать. Во всяком случае я питаю уважение к вашей великой стране... Этому меня научили дела и достижения таких людей, как ваши Чкалов, Громов, Водопьянов и Байдуков.

— В Америке тоже много прекрасных авиаторов. Нам знакомы имена Бэрда...

Лицо американца просветлело.

— Мне приятно это слышать, сэр. Ведь вы не летчик, но, оказывается, хорошо знаете наших храбрых парней. Очень сожалею, что вчера я не выпил за ваше здоровье.

Я засмеялся.

— Упущение это невелико и легко поправимо.

— Совершенно верно, господин полковник. После того как грузы будут сданы и я закончу свои официальные обязанности, непременно разыщу вас в Бендере,— сказал американец.

— О! Это похвальная черточка! Не часто встречаешь людей, так строго и серьезно относящихся к своим обязанностям.

Американец помолчал, затем, сняв с головы пилотку, показал на огромный шрам, шедший через его голову.

— Видите, сэр. Мне надо было получить на всю жизнь вот это напоминание для того, чтобы стать образцовым солдатом,— он надел набекрень пилотку.— Это я получил в воздушном бою на Гавайях, когда в пьяном виде поднялся в воздух и меня легко сбил какой-то японец. Теперь уже я не поднимаюсь в небо, а сопровождаю военные грузы на земле и только хожу по аэродромам.

Перс в белой рубашке и защитных штанах прозвонил в колокол.

— Не прощаюсь, сэр. Мне приятно будет навестить вас, с вашего разрешения,— сказал американец, и мы разошлись по своим вагонам.

Опять за окном поплыли утесы, скалы и камни. Отсюда начинался крутой подъем вверх, и на станции Пяндж-Ата к поезду присоединялся второй локомотив. После двухчасового медленного и трудного пути мы подошли к первому тоннелю Кучик-Дест — протяженностью всего в 300 метров. У тоннеля поезд остановился. Советский патруль стоял у входа. Вооруженные солдаты прошли по вагонам, проверяя окна и выходы. Расставив солдат на площадках, командир патруля дал знак, и поезд медленно вошел в тоннель.

— Порядок! — удовлетворенно сказал Сеоев.

Спустя немного темнота стала редеть, свет пробился сквозь окна, электричество погасло и поезд вырвался из тоннеля.

— Первый,— отмечая в блокноте, сказал Крошкин,— а еще их до Фирузкуха восемь.

Отойдя метров на полтораста от тоннеля, поезд остановился, и солдаты сошли с него. Я вышел на площадку. Часовые стояли у насыпи. Вездеход «виллис» бежал вдоль дороги. Из солдатских землянок, чуть высившихся над землей, тянул дымок. У входа в тоннель и вдоль дороги виднелась колючая проволока. На кустах белело выстиранное солдатское белье. Несколько солдат сидело на траве, поглядывая на нас.

— Прямо, как во втором эшелоне,— засмеялся Сеоев.

И правда, эта давно знакомая, ставшая родной картина несложной солдатской жизни очень напомнила мне будни фронта. К довершению всего из-за холмика потянуло запахом солдатского борща, и неожиданно из землянки выглянул повар в белом колпаке, переднике и с черпаком в руке.

Постояв минуты полторы, поезд снова пришел в движение, засвистел паровоз, залязгали буфера, и вагоны медленно покатили мимо высыпавших на обочины насыпи солдат.

— Несут службу советской Родине вдалеке от нее... Хорошо, исправно несут,— сказал Крошкин, тепло оглядывая солдат.

В течение нескольких часов мы поднялись высоко над уровнем моря. Под нами были утесы и скалы, иногда слева или справа с ревом бежал горный поток, сверкая брызгами и исчезая в камнях. Особенно живописна стала дорога, когда мы, миновав еще несколько тоннелей, пронеслись по переброшенному над пропастью стальному мосту. Внизу гремели горные ручьи, совсем невдалеке, цепляясь за обломки скал, лениво ползли обрывки серых облаков.

Поезд пробежал по мосту, на котором в строгом безмолвии застыли советские солдаты. Окутав их паром и свистом, поезд ворвался в тоннель и, вынырнув из него, снова взбежал на стальные ажуры второго моста, переброшенного с одной скалы на другую. Ниже пенился водопад. Искрящиеся брызги, пыль и клубящиеся воды в бессильной ярости с грохотом низвергались с кручи туда, где на расстоянии трехсот метров пенилась и ворочалась клокочущая река. Это была Кара-Диван, «черная, бешеная», как ее прозвал народ, или Херас-Пей, как она значится на карте.

— Какая дикая и необузданная красота! — в восхищении сказал Крошкин.

Мы стояли у опущенного окна замершие, потрясенные, не в силах оторвать глаз от этой буйной, первозданной, хаотической красоты, которую человек, если и не покорил, то во всяком случае провел по ней первую борозду техники и культуры.

— И всюду русский солдат,— в восхищении проговорил майор.— Что сделали бы эти диверсанты с этой чудесной дорогой, с этими чудо-

мостами, с прекрасными тоннелями, если бы их не охранял и не защищал своей грудью советский человек!

Сеоев молча и внимательно всматривался в мелькавшие утесы, пропасти и дикие нагромождения скал. Лицо его было напряженно, но глаза горели теплым и светлым огнем.

— Как у нас в Осетии, товарищ полковник,— тихо сказал он.— Вот это место, совсем как в Куртатинском ущелье...

А поезд все бежал вперед, пыхтя паром, лязгая буферами и шумно дыша. И во весь его долгий путь, и на деревянных помостах временных станций, и у тоннелей, и среди скал,— повсюду мы видели советских солдат, железнодорожников с красными бантами на груди. Дорога надежно и прочно охранялась.

— Перевал пройден, теперь пойдет небольшой спуск, а там и самый Фирузкух,— сказал Крошкин, показывая по карте станцию и тоннель, к которым мы держали путь.

Скалы уступили место покатым склонам гор, голубое небо, зеленая трава и дымящийся горизонт открылись перед нами. Издав протяжные гудки, поезд, замедляя бег, подошел к станции Фирузкух, в полукилометре от которой начинался тоннель.

Станция была невелика. Несколько домов были раскиданы по полям. Серое станционное здание, багажный сарай, приземистая, казарменного типа, постройка протянулась вдоль полотна. На перроне — наши и иранские железнодорожники, дежурный в красной фуражке, две медицинские сестры, лейтенант с неестественно напряженным взглядом, устремленным на подходящие вагоны. Несколько крестьян стояли возле семафора, ребя-

тишки бегали, размахивая руками, продавец тыквенных семечек, риса и вяленой рыбы со своим лотком примостился на площади. Крестьяне что-то говорили между собой, улыбаясь и кивая в нашу сторону.

К нам подбежал лейтенант и, пристукнув каблуками, четко отрапортовал:

— Товарищ полковник, младший лейтенант Косарев прислан для сопровождения вас к месту происшествия.

— А далеко оно? — пожимая ему руку, спросил я.

— Никак нет! В этом доме,— показывая на серое, вытянутое вдоль площади здание, сказал он.

— Задержите поезд до моего распоряжения,— приказал я коменданту станции.

— Слушаю-с! Сейчас отдам распоряжение поездной команде,— ответил тот, следуя за нами по перрону.

Мы вошли в здание, у дверей которого стоял часовой. Командир охранного батальона капитан Руденко, человек с седеющими висками и свежим, молодым лицом, встретил нас. Отрапортовав о случившемся, он провел нас в комнату, где находился задержанный диверсант.

Арестованный не был иранцем, хотя одет он был так, как обычно одеваются небогатые персы: в серую дешевую пару, поверх которой — суконная верблюжья аба, на голове темный «кутук». Он медленно поднялся и церемонно поклонился нам.

— Кто вы такой? — спросил я.

— Тегеранский житель.

— Почему вы очутились здесь?

— Я немного занимаюсь медициной и собирал здесь лекарственные травы. Уже три дня я занимался этим делом возле села Бала-Кянт. Сам кятхуда * может подтвердить это.

— Как вы очутились в банде, открывшей огонь по нашим солдатам?

— Случайно, причем я даже и не предполагал, что эти люди и ваши солдаты начнут сражаться друг с другом.

— Но как же все-таки вы очутились с ними?

— Очень просто. Я собирал на поле травы, увлеченный своим делом, я не видел никого и оторвался от своего занятия только тогда, когда вокруг раздались выстрелы, засвистели пули... Я испугался, побежал по дороге, по которой уже бежали люди... Но кто они, я, конечно, не знал и думал, что и они такие же мирные люди, как и я. Потом нас догнали ваши конные солдаты, и я сразу же остановился. Солдаты должны подтвердить это, я не только не стрелял в них, но у меня не было никакого оружия... на мне была сумка с травами.

— Но солдаты сказали, что вы изо всех сил улепетывали от них в горы.

— Вполне понятно, ага. Я был перепуган этой неожиданно возникшей стрельбой и даже сначала принял скачущих людей за разбойников.

— Недалеко от того места, где задержали вас, солдаты нашли парабеллум и пять полных обойм к нему.

— Возможно, что его бросил кто-либо из убежавших злодеев,— просто объяснил «искатель трав».

---

* Староста деревни.

— Конечно,— согласился я,— а кстати, как ваше имя?

— Феридун Али-Заде, с вашего позволения, ага. Мои пациенты называют меня хакимом, но я просто лекарь,— почтительно кланяясь, сказал арестованный.

— А национальность?

— Не понимаю вас, ага, — удивился «лекарь».— Я иранец, хоть моя мать была еврейкой, от которой я унаследовал светлые волосы и голубые глаза.

— Мама, значит, виновата! — ухмыльнулся Крошкин.

— Что изволил сказать почтенный ага? — спросил «лекарь», видимо не понявший русской речи.

— Он сказал, что не верит вашей болтовне и считает вас немцем, одним из тех прохвостов, которые ушли в подполье после отречения Шаха-Резы.

«Лекарь» пожал плечами и улыбнулся.

— Он ошибается. Я — иранец и никаких немцев не знаю и не хочу знать.

За дверями послышался шум, чей-то громкий, возбужденный голос. Внезапно в распахнувшуюся дверь шагнул летчик-американец, а за ним тщетно его удерживавший молодой лейтенант.

— Господин полковник! Извините за столь бесцеремонное вторжение, но, честное слово, мои грузы не могут ждать,— торопливо заговорил американец,— мне сказал комендант, что от вас последовал приказ...— вдруг он остановился, удивленно уставился на арестованного и заморгал глазами. «Лекарь» отвернулся и всей пятерней стал чесать лоб, закрываясь ладонью от американца.

— Билл, что за черт?.. Что за маскарад?.. —

бесцеремонно заглядывая ему в лицо и заходя сбоку, сказал летчик.— Какого черта вы обрядились в шкуру иранского бродяги?

Лейтенант что-то хотел сказать, но Крошкин движением руки остановил его.

— Да что вы вертитесь, как волчок, Билл Хартли? —продолжал летчик.— Не узнаете старого Лирайта, с которым выпили не одну пинту виски?

— Я не понимаю, ага, что говорит этот господин,— складывая на груди ладони, смиренно сказал «лекарь», обращаясь ко мне.

— Ваш знакомый говорит, что он не понимает по-английски, что он впервые видит вас.

— Кой черт, впервые!.. Это что еще за шутки! — закричал летчик.— Значит, я соврал?

Он еще пристальней вгляделся в «собирателя трав» и решительно сказал:

— Он самый, Билл Хартли, капитан из разведотдела. Только какого черта этот парень переоделся в персидскую робу, я не понимаю!

— Американский офицер говорит, что вы не иранец, а капитан из разведывательного отделения экспедиционного корпуса.

Арестованный улыбнулся.

— Извините, ага. Он или лжец, или сумасшедший. Покорнейше прошу отослать меня в Тегеран и справиться во втором полицейском участке столицы, где я проживаю, и полиция удостоверит, что я мирный лекарь...

— Он отказывается от вас. Говорит, что вы — лжец или сумасшедший, а он — мирный лекарь из Тегерана, собиравший здесь лекарственные травы.

— Я — лжец, да еще сумасшедший!..— заревел летчик.— Ну уж нет! Я сейчас докажу, кто из

нас лгун, я или этот чертов сын Хартли, неизвестно для чего устроивший этот маскарад с переодеванием. Я вам говорил, полковник, что не терплю лицемеров и сейчас докажу это. А ну, ты, лекарь из разведки, заверни-ка свой левый рукав! Ну, что ты таращишь на меня глаза, будто бычок на стойло? — Он хотел было схватить за руку отодвинувшегося назад «иранца».

— Нет, этого делать нельзя, капитан. Вы лучше скажите, зачем ему надо отворачивать обшлаг рубашки.

— Да потому, полковник, что у этого «лекаря», если это капитан Билл Хартли, на предплечье должна находиться татуировка — голая женщина с бутылкой и королем пик в руках.

— Вы — болван, капитан Лирайт, осел, которому скоро подрежут уши! — поднимаясь с места, сказал «собиратель трав».— Да, я — капитан Хартли. Теперь, когда всем известно, кто я таков, прошу немедленно же сообщить обо мне нашему командованию, а еще лучше — отправить меня с первым же поездом в Амир-Абад, где находится моя часть. Мне очень жаль, что я скрыл от вас свое имя и звание.

— Нам это непонятно. Может быть, вы объясните, зачем это сделали и как очутились здесь?

— Все очень просто. Несколько дней назад я получил от своего командования разрешение отправиться на охоту в горы, они изобилуют козами. Бродя в скалах, я оторвался от сопровождавших меня солдат и заблудился. Вскоре меня захватила банда каких-то людей, раздела... Я бежал от них и тут, пытаясь выбраться к железной дороге, натолкнулся на перепалку между какими-то иранцами и вашими людьми. Дождавшись конца боя, я пошел навстречу русским.

Почему же вы сразу не сказали об этом?

— По простой причине. Не очень-то приятно офицеру сознаться в том, что его захватила в плен какая-то жалкая кучка бандитов.

— Кто, по-вашему, были они?

— Точно сказать не могу, но, судя по всему, это была шайка из банды «Тудэ». Но, возможно, что я ошибаюсь. Скажите, полковник, когда вы отошлете меня в распоряжение моего командования?

— Скоро, но вы, конечно, понимаете, что предварительно надо будет письменно повторить все то, что вы сейчас рассказали. И последний вопрос, хотя на него вы можете и не отвечать, почему вы обругали капитана Лирайта и пообещали обрезать ему уши?

— Это сгоряча, — засмеялся задержанный. — Сейчас я уже раскаиваюсь в этом, но, право, старина Лирайт должен был бы понять, что мне, боевому офицеру, неловко перед моими союзниками предстать в жалком рубище иранца.

— «Боевому!» — с негодованием повторил молчавший все это время летчик.— Где, за какие бои получили вы вашу колодку орденов, капитан Хартли? Вы и одной пули не слышали над собою! «Боевой»!! Я, может быть, прост, не так хитер, как вы... но свои ордена я заработал честно, в боях с противником, а не создавая капканы и ловушки невинным людям. Нет, сколько бы вы ни распинались здесь, вряд ли вам поверят, «капитан Хартли»,— с возмущением повторил Лирайт.— Повидимому, вы, всего десять лет назад принявший американское подданство немец Вилли Харт, остались таким же фашистом, как те, от которых приехали к нам в Америку. Теперь мне понятна и ваша двойная игра и ваше

двойное подданство. Очень жаль, что в штабе экспедиционного корпуса еще не разобрались в этом. Честь имею кланяться, полковник,— откозырнул мне летчик.

— Мы скоро закончим, поезд отойдет минут через двадцать,— ответил я.

Американец вышел. Арестованный равнодушно глянул ему вслед.

— Хороший, но сумасбродный человек этот Лирайт. Падение с высоты тысячи метров сделало его инвалидом. Я не обижаюсь на его бредовые речи.

— Да, конечно,— согласился я.— Итак, капитан Хартли, хотя нам все ясно в этой досадной истории с вами, но придется еще немного задержать вас. Необходимые формальности, пустяковый допрос в штабе нашего командования, после чего вы будете переданы союзным американским властям. Человек вы военный и сами понимаете необходимость правильного ведения дела.

«Любитель лекарственных трав» потемнел.

— Я протестую!.. После того, как вы выяснили, кто я, все эти формальности оскорбительны и не нужны.

— Возможно!.. Но я человек военный и обязан поступать по уставу,— сухо ответил я и, обращаясь к капитану Руденко, сказал по-русски:

— Соблюдая осторожность и оказывая внимание офицеру союзной нам армии, капитану Хартли, доставить его под охраной в штаб группы наших войск.

— Товарищ полковник! — обратился ко мне майор Крошкин.— Разрешите мне сопровождать задержанного в штаб.

Лицо Хартли оставалось равнодушным, но я был уверен, что он отлично понял наши слова.

— Хорошо! Берите двух солдат и выполняйте приказание.

Мы пошли в помещение, где находился второй задержанный, «не похожий на иранца» диверсант. Да, даже с первого беглого взгляда было видно, что человек этот не иранец. Очень светлые, с рыжеватым оттенком волосы, холодные голубые глаза, крупные веснушки и квадратное лицо с резко обрубленным подбородком — все это как-то не вязалось с его рваной одеждой иранского крестьянина, стоптанными ичигами, веревочным поясом и котомкой, висевшей на нем.

— Кто вы? — спросил я.

— Бедняк из села Рудбар...— четко, но с легко уловимым немецким акцентом ответил арестованный, вскакивая с места.

— В какой части Германии, в Баварии или в Силезии находится это село? — спросил я, разглядывая вытянувшегося в солдатскую стойку «бедняка».

— В... Мазандеране,— отводя взгляд в сторону, ответил он.

— Плохо разучили роль, герр... ну, как вас именовать дальше? — уже по-немецки спросил я. Арестованный молчал.

— Так кто же вы?

Рыжеволосый молча переступил с ноги на ногу и отвернулся.

— Ну что ж, отвезем вас в штаб, там разберутся в этом.— И, повернувшись к Руденко, я

сказал: — С первым же поездом отправить в штаб!

Я пошел на вокзал. Бродившие по перрону люди, завидя меня, засуетились и бросились к вагонам.

— Отправляйте поезд,— приказал я коменданту.

Ударил колокол, раздался свисток, и поезд медленно отошел от станции.

Я вернулся в здание, где лежал убитый диверсант. Это был рослый мужчина лет двадцати восьми, с низким лбом и широкими плечами. Сеоев, уже осмотревший убитого, коротко доложил:

— Документов при убитом не найдено. В кармане штанов лежала табакерка, к руке привязан коран.

Сержант протянул маленький коран, какой правоверные мусульмане носят привязанным к локтю так же, как верующие христиане носят на шее крест. Я быстро перелистал коран. Из него выпал клочок бумаги, на котором по-персидски было написано: «Стив Норман».

Бережно сложив клочок вдвое, я положил его в полевую сумку. Больше в коране ничего не было. Прощупав швы одежды убитого и вскрыв подкладку его шапки, мы тщательно осмотрели их, но ничего не нашли.

— Товарищ полковник, разрешите доложить!— сказал капитан Руденко.— При осмотре местности, кроме английских десятизарядок, нами найдена еще одна винтовка неизвестной мне системы,— он подал мне ружье, похожее на карабин или облегченную кавалерийскую винтовку. Я осмотрел его.

— Это трехзарядная скорострельная французская винтовка системы «Лебель», стреляющая

медными и никелированными коническими пулями,— сказал я.— Она давно снята с вооружения французской армии, но на Востоке и особенно среди курдов, луров и бахтиар Ирана ценится как лучшее ружье.

— Так точно,— подтвердил мои слова Сеоев.— Шахсевены за одну винтовку Лебеля дают две английских или одну немецкую с придачей двух баранов.

— Что ж, мена неплохая,— засмеялся я, одновременно размышляя о том, кому же могла принадлежать эта столь высоко ценимая и так легко брошенная на поле боя винтовка? Владельцем ее скорее всего мог быть курд, бахтиар или лур, то есть наемник из кочевых племен, пришедший со своим оружием. Но тогда почему он так легко расстался со своим, столь дорого ценимым, оружием?

Руденко подал мне три или четыре трехзарядные обоймы.

— Подобрали возле ружья, около него валялись и стреляные гильзы,— доложил он.

— Хорошо бьет это ружье. Говорят, медные пули пробивают даже рельсы,— продолжал Сеоев.— Я знаю эту винтовку. Вот тут, с тыльной стороны приклада, находится винт, если его отвернуть, то внутри, в специально сделанном отверстии, должны находиться отвертка, сухая пакля и смазочное масло для винтовки...

— А ну, сержант, отверните винт,— прервал его я.

Сеоев взглянул на меня и, вдруг что-то сообразив, засмеялся. Он отвинтил широкий винт. В образовавшееся отверстие просунул палец и вытащил оттуда аккуратно сложенную кальку.

Я развернул ее. На тонкой, глянцевитой бумаге

был обозначен район Фирузкуха, отмечены тоннели, виадуки, указано время прохождения поездов, число и расположение постов, район патрулирования, рода войск, количество пулеметов. На кальку были точно нанесены защитные, опорные точки, проволочные заграждения и землянки бойцов. Сокращенные надписи на английском и иранском языках сопровождали каждое обозначение.

— Точность указаний исключительна. Господа, снабжающие бандитов такими бумагами, прекрасно осведомлены о вашем хозяйстве, капитан,— свертывая бумагу, сказал я.

В течение дня в сторону Тегерана через тоннель прошли три поезда. С одним из них были отправлены в штаб нашего командования оба задержанных диверсанта.

Трое суток провел я на заставах и в расположениях охранного батальона, ночуя в землянках, знакомясь с организацией охраны и бытом солдат, после чего возвратился в Тегеран.

Столица оживлена, всюду движение, суета.

На углу площади на корточках сидит круглолицый, с плутовскими глазами человек. На его коленях — всклокоченная голова иранца. Хозяин этой головы полулежит на грязной цыновке и тихо стонет. Это больной, у него болит голова, а человек, который сидит на корточках,— бродячий хаким («дохтур»), то есть доктор, как величают лекаря его пациенты. Этот хаким лечит ото всех болезней (он пускает кровь, рвет зубы, изгоняет бесов), уничтожает крыс и клопов, заговаривает от дурного глаза и пр. Некоторые из его клиентов считают, что хаким — это «отец всех

докторов» (то есть наилучший из них) и что против него иностранные врачи просто ослы и бездельники. Интеллигентные иранцы, конечно, иронически относятся к жульническим манипуляциям пройдохи и в случае заболевания идут к своим иранским или же европейским врачам, но здесь, в толще огромной, многотысячной базарной толпы, подобные «доктора» легко находят себе темных, не в меру доверчивых пациентов.

Я всегда любил послушать, что говорят в толпе. Зайдя сбоку, останавливаюсь возле красноречивого эскулапа.

— Итак, дружок, болит голова, весь свет стал противен, да? — спрашивает хаким.— Ничего, ничего, я полечу тебя, и все пройдет.

Он снимает со своего живота ремешок и очень серьезно и внимательно несколько раз измеряет вдоль и поперек голову лежащего перед ним человека. Затем недовольно морщится, покачивает головой и, разводя руками, как бы про себя, говорит:

— Не сходится... разошлась на три пальца.

— Кто... разошлась? — переставая стонать, испуганно спрашивает больной.

— Голова,— очень серьезно отвечает «доктор»,— вот здесь, в этом месте,— и он довольно усердно постукивает по левому виску пациента.— Ничего, с помощью Алия и моих знаний мы быстро успокоим ее и вернем косточки на свои места.

Он еще раз примеряет свой ремешок и вдруг начинает сильно трясти, тереть и массировать голову клиента.

— О-ох! — стонет тот.

— Ничего, потерпи немного, косточки еще сухие, сейчас их тронет благодатная свежесть моз-

га,— важно успокаивает «доктор»,— и тогда станет легче.

Захватив в обе ладони виски больного, он с удивительной быстротой трет и массирует голову, успевая одновременно с этим похлопывать по затылку и проглаживать рукой позвонки.

— Ну, как? Легче? — спрашивает он.

Пациент, открыв рот и испуганно вращая глазами, что-то бормочет.

— Правильно, легче,— отвечает за него хаким и вдруг неожиданно сгибает набок голову больного и, делая еще несколько движений, усиленно массирует ему темя и виски. Пальцы шарлатана бегают по голове пациента, ладони гладят кожу, а вкрадчивый и баюкающий говорок журчит не переставая:

— Ну, что? Проходит боль? Ну, конечно, это ведь старая арабская наука, не то что ножи и порошки ференги *,— переставая, наконец, трясти голову больного, говорит врач. Тот тупо смотрит на него.

— Сейчас проверим лечение,— говорит пройдоха и вновь тем же ремешком меряет в прежних направлениях голову.— А-а, так, так, правильно,— докторски уверенным тоном говорит он,— сошлась. Все косточки на месте. А теперь, дружок, прими вот эту пилюлю во имя пророка, плати деньги и ступай. Ты уже здоров, как богатырь Рустам.

Пациент поднимается. Массаж головы, усиленная циркуляция крови и пилюля, обыкновеннейшая пилюля от головной боли, купленная предприимчивым хакимом в аптеке, излечили его. Может быть, через полчаса у него снова заболит

---

* Иностранцев.

голова, но сейчас, оглушенный толчками, массажем, быстрыми поворотами головы, щипками и рывками «доктора», убаюканный вкрадчивыми уверениями о полном исцелении, он и вправду чувствует себя лучше. Он платит деньги и медленно исчезает в толпе. Зеваки и любопытные еще ближе придвигаются к гордому своей удачей хакиму.

Так как «отец всех докторов» лечит от любых болезней, то у него, конечно, имеется несколько подставных «больных», которых он излечивает от самых невообразимых недугов и которые, не скупясь на похвалы, громко благодарят его за избавление от волчанки, сифилиса, чахотки и других болезней. На толпу весь этот балаган производит немалое впечатление, и дела хакима идут неплохо.

Я подхожу к довольному удачей «доктору» и заговариваю с ним. Несколько секунд он тревожно смотрит на меня, затем спрашивает:

— Вы, сахиб, инглизи или амрикани?

— Нет, русский,— отвечаю я.

— Урус, совет...— удовлетворенно подхватывают окружающие. Лицо хакима светлеет, он обрадованно кланяется и по-русски бормочет:

— Издрасти!.. Издрасти, русский харашо!..

Толпа с удовольствием глядит на нас. Ей приятно, что хаким свободно разговаривает с чужим человеком на его языке.

Я люблю простой иранский народ. Мне давно известна его симпатия и тяга к России. Тысячи иранцев до революции уходили на заработки в Баку, Астрахань, Ленкорань, Закавказье и на Кавказ. Эти неутомимые труженики, возвращаясь обратно в Иран, уносили с собой теплые искрен-

ние воспоминания о русском народе, с которым они были связаны общим трудом и интересами.

Бродя в толпе на площадях и базарах Тегерана, я внимательно прислушивался к разговорам, к высказываниям, отдельным репликам иранцев, щедро пересыпающих свою речь цитатами из Саади, Гафиза, Омара Хайяма, мудрыми народными поговорками.

Я всегда находил что-то новое и полезное в беседах с простыми людьми Ирана, будь то сакао (водонос), кузнец, чарвадар (проводник каравана), сарбаз (солдат) или обыкновенный городской ремесленник, и поэтому я с удовольствием заговариваю с хакимом.

Видя, что все его познания в русском языке выложены, я произношу по-ирански:

— Любезнейший доктор! Мне очень понравился ваш способ лечения. Вы так быстро избавили больного от болезни...

«Доктор» хитро и недоверчиво улыбается.

— Это от аллаха, сагиб. Мои познания и опыт, конечно, тоже имели значение,— скромно говорит он.

— Аллах аллахом, но без точных знаний никто не излечит недуга,— говорю я, и вижу, как хаким кивает головой, горделиво озирая толпу.— Не смогли ли бы вы посетить меня вечером? Я охотно послушал бы вас, меня очень заинтересовали ваши методы лечения.

Хаким минуту размышляет, потом любезно справляется об адресе, записывая его на клочке бумаги. Я не успеваю еще отойти в сторону, как слышу его слегка приглушенный голос:

— Это мой знакомый доктор, он кое-что знает в медицине,— небрежно говорит хаким,— но вообще он — олух и осел, не умеет лечить и вот

просит, чтобы я зашел к нему, посоветовал в одном важном вопросе. Придется помочь.

Авторитет хакима растет, так как толпа видела сама, что я пригласил лекаря к себе.

Вечером хаким пришел. Сначала не совсем доверчиво и настороженно он, извиняясь и кланяясь, присматривается ко мне, но затем, убедившись, что я не намерен смеяться над ним, рассказывает о методах своего лечения.

За стаканом чая с добрым исфаганским вином я спрашиваю его:

— Как вас зовут?

— Хаким Аббас, с вашего позволения, ага,— учтиво говорит он. Сидя за моим столом, хаким Аббас уже не тот важный и самоуверенный «отец докторов», каким был сегодня на базаре. Теперь он посмеивается над своими пациентами, называет их дураками, но свою медицинскую арабскую науку отстаивает крепко, ссылаясь на Гиппократа и Абу-Сена *.

— Вот вы, уважаемый сахиб, да буду я вашей жертвой, улыбаетесь, слушая меня, а ведь и Абу-Сена и Афлотун **, и отец всех хакимов — Пократ *** сказали, что всякое тело состоит из четырех стихий — воздуха, воды, земли и огня. Ведь не станете же вы отрицать мудрость этих учителей? — спрашивает хаким, плутовато поглядывая на меня.

— Нет, не отрицаю, хотя бы потому, что не читал этих уважаемых людей,— соглашаюсь я.

---

* Авицена — знаменитый восточный врач X века.

** Афлотун — Платон.

*** Пократ — Гиппократ.

— Вот,— удовлетворенно кивает «лекарь».— А, кроме того, наш шариат тоже очень помогает своими советами врачам. Например, где у вас, у ференги, имеются такие указания, как у нас? — Он приподнимается и, закатив глаза, нараспев говорит: — «Спать человеку следует сначала на правом, затем на левом боку и уже потом перевернуться на живот. Спать на спине — харам (запрещено). Это портит почки и вредит мозгу человека...— Хаким поднимает палец и важно смотрит на меня.— При перемене места следует съесть сырую луковицу, она предостерегает от вредного влияния перемены воды. При простуде и кашле нельзя пить воду с вишневым сиропом, соленая пища вредна для глаз»... Разве это не верно, сахиб? — спрашивает хаким, и глаза его сверкают от удовольствия, что он посрамил меня и убедил в своем превосходстве и учености. Он лукаво улыбается и, снижая голос, говорит:

— А разве плохое советует шариат: «Если мужчину постигнет беда и жена окажется «нашезе»...

— Что это такое «нашезе»? Я не знаю этого слова, почтенный хаким Аббас,— говорю я.

Хаким доволен.

— Да не уменьшится ваша тень, сахиб, и да сохранит вас аллах от «нашезе». «Нашезе» — это сварливые бабы, не подчиняющиеся мужу и устраивающие в доме ежедневный «шулюх» (шум, скандал). Это — ведьмы, которых шариат разрешает мужу изгнать из дома и не давать им денег на содержание.

— Хорошее средство,— смеюсь я.

— А как же! Ведь волнение крови из-за таких скверных баб может передаться мозгам, они воспламенятся, и кровь пойдет обратным ходом,

а тогда лопается печень и — смерть! — очень серьезно говорит «лекарь».— Нам, врачам, часто приходится лечить мужей, заболевших от таких жен. Но все создано аллахом и все делается по его воле,— поднимая вверх руки, неожиданно заканчивает «лекарь».

— И жены «нашезе» тоже?

— Да, сахиб, ведь создал же аллах змей, скорпионов и тарантулов, отчего же не создать и «нашезе»? — смеется плут, с удовольствием потягивая вино.— В старых книгах лучше сказано о многих болезнях, чем в новых. Например, как бы вы лечили раны от пуль? — спрашивает он и сам же отвечает: — По-разному. Кого в живот ранят, того жидким навозом, кого в руку или в ногу — того сухим, но только обязательно овечьим, и поверх раны надо положить побольше паутины. Язвы и рубленые раны лечат кислым молоком и слежавшимися яйцами. К каждой ране следует подходить по-разному.

Он отпивает глоток вина, вежливо кланяется и скромно продолжает:

— Я — что? Я немного знаю, а вот мой учитель хаким Алекпер из благословенного города Кума, он все знал, все умел — и оспу, и лихорадку излечивал, и даже от бесплодия избавлял женщин.

— Как же это? — спрашиваю я.

— Очень просто! У кого лихорадка, тот должен лечь голым на спину и накрыться кожей черного барана и три раза в день выпить воды с дуа (бумажка с написанной на ней молитвой). Дуа сжечь, а золу выпить с водой. Здорово помогает.

— А бесплодие?

— А бесплодие надо лечить нефтью. Налить полстакана, ничем не разбавляя. Выпьет женщина с молитвой,— поможет, потому что нефть внутренности размягчает. Я сам лечил, некоторым помогло,— серьезно говорит хаким.

— Наверно, молоденьким? — спрашиваю я.

Лицо «доктора» расплывается в улыбке, глаза щурятся, подбородок дрожит.

— Шутник вы, уважаемый ага, конечно, не без этого... врачи тоже люди, а женщины наши в большинстве дуры. А то есть еще верный способ,— переставая смеяться, говорит он.— В Хамадане, возле самого города, стоит памятник, каменный лев, которого поставил еще сам Искандер Зюль-Карнайи *. Так вот, если бесплодная женщина трижды проползет с молитвою под передними лапами этого зверя, то обязательно избавится от бесплодия. Это уж доказано, недаром памятник весь пропитан маслами, которыми благодарные женщины впоследствии поливают его. Правда, там возле памятника тоже имеются хакимы, и масло...

— ...разливается не по назначению...

— Шутник вы, большой шутник, ага,— хохочет довольный Аббас.

Мы беседуем на разные темы, но моя улыбка и иронические реплики, повидимому, обижают его.

— Я вижу, ага, что вы не очень доверяете моим словам, но, да буду я прахом у ваших ног, да перейдут на меня все болезни мира, если я говорю неправду. Многие из моих пациентов уже избавились от страданий...

— ...перешли в лучший мир,— сказал я.

---

* Александр Македонский.

— Шутник вы, ага! Конечно, и это бывало. Разве можно вылечить всех? Тогда земля переполнилась бы людьми, подорожал бы лаваш, не хватало бы риса. Известная часть должна умирать, но излечиваем мы тоже немало. Я знаю, что иногда нужно лишать больного конечностей — ноги или руки, особенно когда она почернеет и от нее пойдет скверный запах, но у нас, сагиб, человек без руки или ноги вызывает сомнение...

— Какое сомнение? — удивился я.

— Видите ли, ага, по шариату и старому иранскому судопроизводству вору за первое воровство отрезают палец до сустава, за второе — отрубают руку, а если попадется в третий раз, то и ногу. Ну, вы сами понимаете, что...— он развел руками.

— Но ведь это было по старому судопроизводству?

— Эх, ага, ага!.. Ведь его никто не упразднил... и губернаторы в провинциях часто наказывают по шариату. Есть у меня один больной... ну, не больной, а раненый. Его недавно где-то в районе Фирузкуха подстрелили в руку какие-то педерсухте...

«Фирузкуха. В зоне советской охраны»,— подумал я.

— ...бандиты какие-то, да будут осквернены могилы их предков семь раз,— продолжал хаким.— Привезли его в Тегеран и, конечно, сначала докторов инглизи и амрикани позвали...

— Когда произошло это событие, почтенный Аббас? — спросил я.

— Какое, ага?

— Нападение банды на вашего знакомого?

— Сейчас вспомню... Десять... нет, двенадцать,

э, нет, тоже неверно, ровно четырнадцать дней назад, сахиб... а что, вы слышали про это дело?

— Нет, просто удивляюсь, что невдалеке от столицы шатаются банды.

— Бродят, ага, разбойничают... Уважаемый Худадат-Мирза подробно рассказывал о них.

— Это кто ж такой Худадат-Мирза?

— Раненый... Очень почтенный человек. Раньше он, при немцах, служил телохранителем у Краузе-сахиба, а потом...— хаким понизил голос и оглянулся,— после ухода Реза-Шаха перешел в жандармерию. Триста риалов получает в месяц. Солидный человек...— с уважением сказал «лекарь».

«Четырнадцать дней... ровно две недели, то есть в тот самый день, когда произошла перестрелка железнодорожной охраны с бандой»,— продолжал размышлять я.

— Так вот, ага! И инглиз и амрикани в один голос сказали: резать надо руку Худадату-Мирзе. Только тогда родственники больного обратились ко мне. Я, конечно, сахиб, ничто, собака, пыль от ног почтенных иностранных хакимов, лечивших Худадата, однако с помощью пророка Алия, моих знаний и моего нуфуса («дыхания», то есть вдохновения) я излечил его в четыре дня.

— Ну, это уж вы перехватили, уважаемый Аббас,— сказал я, продолжая думать о «пациенте» моего гостя.

— Клянусь бородою самого Мортаза-Али (зять пророка Магомета), да будет мир его душе,— заволновался Аббас.— Через неделю Худадат-Мирза сможет снова ходить в свою жандармерию.

— Вы сказали, почтенный Аббас, что ваш

больной служил у некоего Краузе-сахиба. Я не знаю здесь такого.

— Теперь, ага, он уже не Краузе. Теперь он и не немец,— засмеялся Аббас.— Теперь он обучает музыке жандармов, дружит с амрикани и называется по-другому.

— А как?

Хаким озадаченно взглянул на меня, подумал и медленно произнес:

— Ага! Я человек маленький, ничтожный. Меня любой полицейский может раздавить, как червяка, а гнев начальства сделать меня прахом...

Мне стало жаль бедняка.

— Не надо, почтенный хаким Аббас. Я случайно спросил вас про этого Краузе.

Гость мой молчал, потом вздохнул и еще тише сказал:

— Ага! Вы сами подошли ко мне, я вас вовсе не знал, и я случайно очутился в вашем доме. Поэтому вы должны поверить моим словам. Я бедняк, фагыр (нищий). И отец, и дед мои были из самой несчастной райи (бедноты), и никогда никто из них ни от кого не слышал ласковых, добрых слов, не видел правильных, хороших дел. От своих властей и помещиков — побои и ругань, ну, а уж об иностранцах и говорить нечего. Инглизы считают нас ниже собак и грязнее свиней. И вот, ага, вдумайтесь в то, что я скажу вам: первый раз в жизни добрые слова и дела отец мой и дед, да будет им тепло в раю аллаха, увидели, как вы думаете, от кого? От русских. Тридцать лет назад здесь шла, ага, большая война между турками и урусами. Инглизы воевали с османами у Багдада, а русские возле Хамадана. А у нас в Иране был в эти дни голод. Никто: ни шах, ни шейхи, ни богачи, не помогали крестья-

нам... Люди умирали как мухи, и кто же стал кормить несчастных? Вы, русские. И мой дед, и мой отец, и вся наша деревня выжили до нового урожая только благодаря русским. Это было еще тогда, когда у вас был свой падишах, а когда он провалился в джехеннем (в ад), то,— лекарь приподнялся с места и, стоя, продолжал,— Ленин сделал свою страну богатой и свободной. И хотя от нас скрывают многое, но правда доходит и до наших ушей, ага. Я боюсь, сахиб, говорить громко, но в своей душе я кричу: «Зендебад энглаби сорх, зендебад Совет, зендебад барадер урус!» (Да здравствует красная революция! Да здравствуют Советы! Да здравствуют русские братья!)

— Садитесь, садитесь, пожалуйста, Аббас хаким! — сказал я, усаживая на стул гостя.

— Мы, иранцы, очень внимательно наблюдаем за всеми, ага. Инглизов и амрикани мы отлично знаем и ничего не ждем от них хорошего, но с русских мы не спускаем глаз. А почему? Для того, чтобы проверить, такие ли они хорошие в жизни, как говорят о них. И народ радуется. Ваши солдаты просты, храбры и справедливы. В них нет английской надменности и американского презрения к нам. Разве я, простой и нищий человек, пошел бы в гости к американи или инглизу? Я бы и не посмел, и не поверил бы им, а к вам пришел без страха, потому что вы русский, советский человек. Я все это говорю, ага, к тому, что если чем-нибудь смогу заплатить хотя бы частицу долга моего отца и деда, то с радостью сделаю это. А теперь, ага, если вам не безразлично, отпустите вашего гостя, и он вскоре снова посетит ваш дом.

Я крепко пожал Аббасу руку.

— А это, дорогой хаким, примите от меня

в виде платы за обучение и ваше потерянное время,— сказал я, передавая гостю пятьдесят риалов.

Минуту Аббас колебался, затем отстранил мою руку:

— Не надо, сахиб! Вы дали моему достоинству и сердцу больше, чем любые деньги. Вы принимали меня, как хозяин гостя, мы пили за вашим столом, как равные, беседовали, как друзья. Разве могу я после всего этого, сахиб, взять от вас деньги? Он прижал к сердцу ладони, низко поклонился и со словами «селям» (будьте здоровы) ушел.

— Госпожи Барк нет дома,— изгибаясь передо мной в дугу, сообщил швейцар.— Но если его превосходительство подождет, я вызову ее горничную,— предложил он и, не дожидаясь ответа, позвонил.

— Господин полковник! — раздался сверху голосок Зоси, и она стремительно сбежала по лестнице ко мне. Глаза ее светились, сияли радостью и теплом. Подвижная, ласковая, живая, она была прежней Зосей, обаятельной и деликатной, доверчивой и желанной, той самой, какой я увидел ее в первый раз.

— Как хорошо, что вы заехали! Ведь госпожа

Барк искала вас, хотела звонить вам. Если вы не торопитесь, поднимитесь, прошу вас, наверх, и я позвоню мадам, доложу о том, что вы приехали.

— Охотно,— сказал я, любуясь ею.

Зося улыбнулась и так доверчиво и светло глянула на меня, что я даже смутился.

Она легко взбежала по лестнице и, распахивая дверь, сказала:

— Прошу вас.

По ее лицу, по радостному возбуждению, по тому, как она бросилась ко мне, было видно, что мой приезд обрадовал ее. Она что-то хотела сказать, но я поднял предостерегающе палец.

— Позвоните, пожалуйста, госпоже Барк и передайте ей мой привет.

Девушка, несколько удивленная моей холодностью, недоумевающе посмотрела на меня.

— Сейчас позвоню,— растерянно сказала она и набрала нужный номер. Пока она звонила, я быстро написал карандашом:

«Зося! Ни звука, ни слова не говорите со мной ни о чем, кроме как о госпоже Барк. Я не доверяю даже стенам этого дома. Ваш брат уже вызван сюда и через несколько дней вы увидите его... Напишите, когда и где мы увидимся с вами...— Я подумал, помедлил и дописал:— Очень, очень хочу встретиться...»

— Госпожа Барк? Говорит Зося! Господин русский полковник приехал с визитом, хотел оставить карточку, но я, зная, что вы искали его, попросила его наверх... Он у телефона...— И, повернув ко мне свое милое личико, все с тем же недоумевающим видом, сказала:— Прошу, госпожа Барк ждет вас.

Я дал ей записку и взял трубку.

— Хелло! Это вы, мой милый полковник! — услышал я в аппарате знакомый голос,— как хорошо сделала Зося, что соединила нас...

— Я очень признателен и благодарен ей за это,— сказал я.

— Какие счастливые ветры занесли вас ко мне? — снова зарокотало в трубке.

— Желание видеть вас...

— ...и немного Зосю... Не так ли?

— Честное слово, верно! — рассмеялся я.— Прямо скажу, ваша очаровательная Зося не на шутку нравится мне.

— Что вы, что вы, пан полковник! — хватая меня за руку, прошептала девушка.

Я легко и нежно обнял ее свободною рукой и прикоснулся губами к ее лбу.

— Ради бога, не говорите этого при ней, а то вы вскружите голову бедной девочке,— сказала мистрисс Барк.

— Нет, мадам, это не страшно!.. Ваша Зося холодна ко мне, несмотря на мои страданья,— сказал я, снова целуя неподвижно и покорно стоявшую девушку,— а главное, я...

— Хотите я закончу за вас? — весело прозвучал голос Барк.— Главное, что вы, как Парис...

— ...запутался, встретив трех богинь, и вот я...

— ...и вот вы просто не имеете яблока, чтобы выбрать свою богиню. При встрече я дам яблоко, а вы передайте его...

— ...достойнейшей,— закончил я.

— Любовь слепа. Кто знает, какая женщина или какой мужчина является достойнейшим? К сожалению, мы это узнаем поздно. Иногда слишком поздно! — со вздохом закончила она.— Ну, да что мы с вами ведем такой скучный разговор.

Я нахожусь сейчас у прелестной госпожи Янковецкой.

— Передайте ей мой привет.

— Приезжайте сюда и сделайте это сами. Скажите Зосе, чтобы она проводила вас... Как видите, я не ревнива,— засмеялась мистрисс Барк.

— Вы просто умны и равнодушны,— сказал я.

— Кто знает, в чем заключается женский ум и где кончается равнодушие... Итак, передайте трубку Зосе, я сама скажу ей.

Я отдал трубку.

— Хорошо... я провожу,— тихо сказала Зося и, вешая трубку, прижалась ко мне. Затем, словно испугавшись своей смелости, бросилась в другую комнату. Спустя несколько минут уже в пальто она вышла ко мне.

— Идемте, пан полковник,— пропуская меня вперед, сказала она.

Мне стало тепло и солнечно от ее лучистых глаз, от нежного тембра голоса и от мягкого прикосновения маленькой руки к моей ладони.

Чтобы быть уверенными, что никто не подслушивает нас, мы пошли пешком.

— Зося, ваш брат скоро будет здесь. Он остановится у меня, вы тогда придете ко мне.

— Пан полковник, поклянитесь мне, что это правда...

— Клянусь!

— Нет, не так!.. А самым дорогим, что есть у вас...

— Клянусь, Зося, победой над врагом и своей солдатской честью!

— Хорошо!..— медленно проговорила девушка.— Я приду! После нашего разговора я не спа-

ла целую ночь. Я задыхалась, мне было и душно, и зябко... Я несколько раз подходила к окну и все думала, думала и думала...

— О чем же, Зося? — тепло спросил я.

— О брате. Я не могу поверить вам, и в то же время не могу не верить. Ведь надежда, которую вы заронили своим обещанием, единственное, что осталось у меня в жизни... Нет, нет, это не слова, господин полковник!.. Если Яна нет в живых, то незачем жить и мне. Что я сейчас представляю собой?.. Прислуга богатой и своенравной мистрисс, девушка без родины, без близких, без семьи, заброшенная водоворотом войны на край земли... И вдруг это письмо о смерти Яна,— голос Зоси дрогнул, слезы побежали по лицу.

— Успокойтесь, моя девочка,— сказал я,— он жив. Вы скоро, очень скоро увидите его. Мы вызвали его сюда.

— Спасибо!..— глотая слезы и тихо гладя мою руку, проговорила Зося.— Теперь я верю вам. Ведь ничего мне не остается, как верить... И когда я поняла это и переломила свою ненависть к вам, мне стало легко, и я стала ждать вашего приезда,— опустив глаза, договорила она.

— Зося, Ян жив, не верьте этим подлым и грязным людям. Когда вы встретитесь, он вам объяснит сам все это дело. Вы давно служите у мистрисс Барк? — после некоторого молчания спросил я.

— Нет, всего два месяца. К ней я попала из миссии...

— Откуда?

— Из польского отделения Международного Красного Креста, или «миссии», как мы, беженцы, называем его. Оно объединило всех полек, бе-

жавших через Румынию и Россию от немцев в тысяча девятьсот сороковом году.

— И давно вы в Иране?

— Как только армия Андерса и все польские гражданские организации пришли сюда... Но зачем вы спрашиваете это? — она удивленно взглянула на меня.

— Чтобы больше знать, ведь я так мало знаю о вас, Зосенька.

— Я не делаю тайны из моей жизни, она так невелика, что ее можно рассказать в двух словах,— грустно улыбнулась девушка.— Когда мы пришли сюда, англичане часть беженцев распределили по местам. Одни уехали в Индию и Ирак, другие пошли на работу, третьи были зачислены во вспомогательный корпус при вооруженных силах, а меня, как владеющую английским языком, назначили преподавательницей английского языка в школу для польских офицеров, но затем совершенно неожиданно послали к госпоже Барк, которой меня рекомендовало начальство из «Красного Креста».

— Где вы научились английскому языку?

— В Варшаве. Я с шифром и отличием окончила колледж «Святой Екатерины»...— не без гордости ответила Зося.

— ...Но как же вы, учительница, интеллигентная девушка, согласились, извините меня, Зосенька, идти в услужение к мистрисс Барк?

— Что же было делать? Занятия в школе прекратились, быть просто беженкой я не хотела, тем более, что особенно церемониться со мною не стали бы. Труда я не боюсь и, уверяю вас, что мне у госпожи Барк во много раз легче и спокойнее, чем было в офицерской школе. Госпожа Барк никогда не давала мне понять, что я ее горнич-

ная или камеристка. Она тактична, воспитанна и мила со мной, у меня есть и свободное время и, правда, небольшие, но свои деньги. У меня есть платья, госпожа Барк сразу же одела меня, ни разу не дав мне почувствовать этого великодушного жеста. Я должна прямо сказать, что при всех странностях, окружающих меня, я дорожу моим местом...

— Каких странностях, Зося? — спросил я.

Девушка опустила голову, и мы молча прошли добрых два десятка шагов.

— Не спрашивайте меня, я ничего не отвечу вам, пока не увижу Януся... Я не могу идти против своей совести...

— Ну, а когда Ян будет с нами?

— Тогда... тогда и я буду с вами,— взволнованно прошептала она.

Я взял ее под руку, и она доверчиво прижалась ко мне.

Навстречу шел толстый иранец в мягкой шляпе и накидкою в руках. Я нагнулся к самому уху девушки и довольно громко сказал:

— Но такой красотки, как вы, я не видывал... даю честное, благородное слово!

Прохожий был уже далеко, когда я с тем же развязно-ухажорским видом шепнул Зосе:

— Не подумайте, что я сошел с ума!

— Я понимаю вас, пан полковник,— отодвигаясь от меня и кокетливо улыбаясь, ответила она.

Так, шутя и смеясь, мы дошли до отеля «Англетер», в котором жила госпожа Янковецкая.

Номер, который занимала она, был хотя и двойной, с нишей и альковом, над которым пышно распростерся балдахин, но всем своим разнокалиберным убранством, типично отельной обстановкой подчеркивал временное пребывание в нем

своей жилички. И если квартирка мистрисс Барк была одновременно и изящным дамским будуаром и строгим деловым кабинетом журналиста, то жилище госпожи Янковецкой носило характер дорогого, но все-таки обыкновенного гостиничного номера.

Обе дамы любезно встретили меня. Зося хотела удалиться, но мистрисс Барк удержала ее.

— Я имел удовольствие познакомиться с вашим волшебником, господином Го Жу-цином,— сказал я.— Оказывается, сеанс в прошлый раз не состоялся только потому, что некий сержант, кстати сказать, мой подчиненный, побил бедного волшебника. Я не без сочувствия говорю это, так как этот забияка — огромный мужчина атлетического сложения, а бедный китаец показался мне тщедушным и хилым человечком.

— Этот драчун ваш служащий? — поднимая брови, удивленно спросила мистрисс Барк.

— Был им, так как после этого хулиганского поступка мы откомандируем его обратно в Россию. Между прочим, ваша Зося знакома с ним... Это ваш знакомый сержант Сеоев,— обращаясь к молчащей девушке, пояснил я.

Зося чуть опустила голову и слабо улыбнулась.

— Он хороший и не злой человек,— сказала Зося,— мне даже странно, что он мог так избить этого китайца.

— Безобразный скандал, о котором даже и не хочется вспоминать... Фокусник выздоровел, Сеоев изгнан, а на его место прибудет другой, менее драчливый солдат.

Спустя несколько минут Зося ушла.

Генриэтта Янковецкая готовила чай, а мы с мистрисс Барк договаривались о будущем посещении Го Жу-цина.

В дверь постучали, вошли три офицера, один из них был тот самый юный и чопорный лейтенант, который сопровождал мистрисс Барк на базаре. Мы раскланялись. Разговор стал живым и общим.

Офицеры были молоды, держались непринужденно и просто. Беседуя с мистрисс Барк, они были не только внимательны, но и почтительны. Болтая же с Генриэттой Янковецкой, они держали себя свободно и фамильярно. Один только лейтенант был со всеми одинаково хмур, разговаривал коротко и односложно.

Выпив чашку чая, я стал прощаться с дамами.

— Я тоже иду домой, проводите меня! У меня разболелась голова, и, если вы ничего не имеете против, мы пойдем пешком,— сказала мистрисс Барк.

Мы расстались с госпожой Янковецкой и ее офицерами и медленно пошли по улице. Пройдя несколько шагов, мистрисс Барк взяла меня под руку.

— Вы позволите опереться о вас?.. Я чувствую некоторую слабость...

— Может быть, позвать такси?

— Нет, нет, прогулка пешком освежит меня,— слабым голосом сказала она.

Я осторожно взял ее под локоть, и мы, тесно прижавшись один к другому, медленно шли по пустынной аллее Шахской улицы, напоминая собою нежную влюбленную пару.

Я тихо вел ее, в голове же неотступно была одна и та же мысль: «Что еще придумала эта опасная и коварная женщина?»

Я помог моей спутнице подняться по лестнице. Она тихими, небольшими шагами вошла в гостиную.

— Зося! — негромко окликнула она. Никто не отзывался. Госпожа Барк еще раз позвала девушку, но никто не появлялся. Очевидно, Зося еще не вернулась.

— Если вы не очень торопитесь, то будьте любезны по... сидеть... и помочь мне... до прихода Зоси,— тяжело дыша, поднимая большие, блестящие глаза, с трудом проговорила мистрисс Барк.

— К вашим услугам, но... может быть, вызвать врача?..

— О нет! Это часто случается со мной... головная боль, спазмы в сердце... но потом все проходит мгновенно и вдруг... Посидите минутку здесь, я переоденусь, выпью капель, мне станет легче, затем выйду к вам.

Она вошла к себе в спальню, я остался в гостиной, разглядывая превосходную копию Фрагонара, висевшую на стене.

Вдруг я услышал слабый вскрик, стон и затем что-то похожее на падение тела.

— Что с вами? Вам плохо? — закричал я, бросаясь к дверям спальни.

Тяжелый вздох, более похожий на стон, был ответом на мои слова. Я отбросил шторы. На широкой софе лежала мистрисс Барк, повидимому, еле успев накинуть на себя длинный цветной халат. Лицо ее было бледно, глаза полузакрыты, грудь тяжело и судорожно дышала. На столике виднелась небольшая аптечка, из которой она не успела достать нужные ей капли. Я поддержал ее свисавшую с подушки голову и, схватив графин с водой, брызнул на бледное, казавшееся безжизненным, лицо женщины. Она вздрогнула, вздохнула и судорожно, крепко схватила меня за руку. Я брызнул еще раз. Лицо мистрисс Барк стало оживать, дыхание сделалось ровней. Она

глубоко вздохнула, открыла глаза и несколько мгновений молча и, может быть мне это показалось, с нежной признательностью смотрела на меня, потом слабо и прерывисто прошептала:

— Капли... в левом уголке аптечки... Две капли нитроглицерина... сердце... болит сердце...

Я вздрогнул. Нитроглицерин. Значит, у нее стенокардия, грудная жаба... Опасная, тяжелая болезнь... Но другая мысль как молния пронизала мой мозг... Вздор, обман, быть начеку!

Слабый стон прервал мои размышления.

Голова Эвелины Барк в бессилии снова упала на подушку. Бросившись к аптечке, я схватил пузырек из левого уголка и, накапав две капли, долил воды и поднес стакан к губам госпожи Барк. Она жадно выпила. Несколько секунд голова ее неподвижно покоилась на подушке, за-

тем она чуть приподнялась и, пытаясь лечь удобнее, полуобхватила меня за талию. При этом движении голова ее очутилась у меня на плече. Ее все еще бледное, но уже начинавшее оживать лицо, алые губы и большие, сверкающие глаза были возле меня. Я хотел приподняться, как вдруг портьеры распахнулись, и в дверях показалась застывшая от изумления Зося.

Губы девушки сжались, лицо вспыхнуло, она резко повернула назад.

— О-о, как это хорошо, что вы пришли, Зося,— слабым голосом сказала мистрисс Барк,— мне стало плохо, и господин полковник помог мне... Благодарю вас,— томно сказала она, отодвигаясь.— А теперь, мой дорогой,— нежно проговорила она,— я не могу задерживать вас. Зося дома, она поможет мне принять ванну и лечь в постель. Буду очень рада снова видеть вас у себя. Зося, проводите господина полковника.

В сопровождении девушки я пошел к выходу. Сойдя с лестницы, я остановился. Зося сухим, недобрым взглядом в упор смотрела на меня.

— Зося! — беря ее за руку, сказал я.— Мне надо объясниться... Мне кажется...

Девушка с силою вырвала свою руку и, резко повернувшись, бросилась бегом по лестнице назад.

Мне показалось, что плечи ее задрожали.

Я молча вышел.

Уже на улице я заметил, что что-то сжимаю в левой руке. Я остановился, разжал кулак и с удивлением увидел маленький пузырек, из которого капал госпоже Барк успокоительно действующие на сердце капли нитроглицерина.

Но что за черт!.. На этикетке, наклеенной на пузырьке, по-латыни и по-персидски было четко написано: «Ушные капли, по 3—5 капель в ухо».

Ушные капли!.. По 3—5 капель в ухо... Так вот оно что, значит я, впопыхах, вместо нитроглицерина накапал разведчице безобидные ушные капли.

Я рассмеялся так сильно, что шедшая навстречу персиянка поспешно перешла на другую сторону улицы.

«Но какая комедиантка! Как ловко разыграла она сцену обольщения! Бедная Зося!» — подумал я, вспомнив гневные, полные презрения, глаза девушки и ее трясущиеся от рыдания плечи.

Я не очень верил в обещание хакима Аббаса. Дни проходили, а его не было.

— Жулик! — делая пренебрежительную гримасу, убежденно сказал Сеоев.— Ведь он какой человек? Нетрудящийся, обманывает народ, все равно как мулла! Если бы он рабочим был, другое дело, а это так... шалтай-болтай...— махнув рукой, закончил осетин.

Признаюсь, в душе я уже сам решил, что мой «лекарь» давно откочевал в другую часть Тегерана, посмеиваясь над доверчивостью русского.

— А я верю в искренность этого бедняги,— сказал генерал, когда я как-то обронил фразу об Аббасе.— Мало ли что может помешать ему встретиться с вами? В простом народе сильна тяга к нашей правде. Меня научила этому гражданская война.

— Мало ли что было! Та эпоха отошла.

— Нет! Нет, она и не отошла и не стала историей.

Когда я спускался по лестнице, меня нагнал Сеоев.

— Товарищ полковник, а ведь Аббас пришел. Выходит, ошибся я! — сокрушенно сказал он.

Удрученное лицо сержанта рассмешило меня.

— Оба мы ошиблись, дорогой Сеоев. Где он?

— В саду.

— Спасибо, что пришли! Я уже перестал надеяться, почтенный Аббас,— сказал я.

— Не мог, сахиб. Боялся... И сейчас боюсь, но если сказал приду, то должен прийти. Здесь можно разговаривать или нужно уйти в дом?

— Можно! Идемте только в беседку.— И мы вошли в самую гущу сада, окруженную кустами распустившихся цветов.

— Сахиб, мой больной еще не встал,— сказал Аббас,— но ему уже значительно лучше.— Аббас оглянулся и тихо зашептал: — Краузе-ага исчез. Как говорит Худадан, его схватили русские.

— Почему же русские?

— А он воевал против них, да и Худадан тоже получил от вас пулю. Не дай бог, чтобы кто-нибудь из наших друзей получил такой подарок, как этот Худадан. Если б не я, давно бы отняли руку.

— Конечно, конечно! Я верю в ваше искусство, почтенный хаким, но причем же здесь Краузе?

— Он теперь не Краузе. Его зовут,— тут Аббас вытащил из кармашка брюк бумажку и медленно прочел: — «Стив Норман»... Он теперь вроде музыканта.

— Стив Норман? Музыкант? — перебил я.

— Командует оркестром в американском шераб-хане *, но это пустяк, это сделано для того, чтобы все забыли, что он был Краузе...

---

* Бар.

— Понимаю, дорогой хаким. И куда же скрылся этот музыкант?

Аббас посмотрел на меня, засмеялся и махнул рукой.

— Ага! Это я вас мог бы спросить об этом, но по мне, пусть все такие люди, как этот Краузе, сгорят и погибнут... Мне до них нет дела. Я обещал вам в память своего отца и деда, я это сделал, и мы — квиты, а теперь, дорогой сахиб, я уйду. Я боюсь всего, и полиции, и инглизов, и амрикани, и наших жандармов... И не сердитесь на меня, если я где-нибудь на улице или базаре при встрече не узнаю или обойду вас... Я всего боюсь, ага.

Он поспешно встал, я едва успел пожать ему руку, как бедный хаким быстро направился к воротам и исчез за ними.

Только бумажка с надписью «Стив Норман» осталась у меня от бедняка Аббаса, которого больше я уже не встречал.

В продолжение почти трех недель рыжеватый на допросах упорно и тупо повторял одну и ту же версию. Он — иранец, крестьянин села Рудбар из Мазандерана и никакого отношения к убитому часовым диверсанту не имеет.

— Наведите справки в пятом полицейском участке Тегерана, и там подтвердят, что я то самое лицо, каким называюсь. Я прописан в этом доме и живу в нем давно.

— Верю, верю,— перебил его следователь,— но скажите, какая была у вас фамилия до того, как вы стали иранцем Хоссейном?

— Никакая. Я всегда был иранцем.

— Странно! А мы вчера получили отношение,

в котором справляются, не попал ли случайно в расположение нашей зоны капельмейстер духового оркестра капрал Стив Норман и, если он задержан нами за какие-нибудь проступки, просят препроводить его под караулом и сдать американскому командованию,— пробегая глазами бумагу, продолжал следователь.— А-а, вот самое главное... Здесь описаны приметы этого капельмейстера и, как ни странно, все приметы его абсолютно схожи с вашими. «Широкое лицо, массивный подбородок, рыжеватые брови и волосы, на носу и руках веснушки». Все, как у вас,— сказал следователь, оглядывая притихшего, с радостной надеждой уставившегося на него «иранца».— «Рост,— продолжал он,— один метр восемьдесят сантиметров», абсолютно ваш рост, «за левым ухом небольшая рыжеватая родинка», как и у вас, «говорит по-фарсидски и по-английски с явным немецким акцентом, что объясняется тем, что, будучи американским подданным немецкого происхождения, вырос в немецкой колонии германских эмигрантов, проживающих в штате Иллинойс, возле городка Тоун. По имеющимся в Бюро точным сведениям, означенный капрал Норман, совершив воинское преступление, переодевшись в одежду иранского крестьянина, дезертировал из американской армии и скрылся в советской зоне, намереваясь пробраться к портам Каспийского моря. Бюро просит вас произвести розыски бежавшего дезертира, капельмейстера Стива Нормана и, в случае задержания, передать его для суда и наказания военному коменданту американских войск, расположенных в районе Тегерана, генералу Кларку. Полковник Моррисон. Старший адъютант капитан Малхолл».

— Ну-с... вы и после этого будете утверждать,

что вы иранский крестьянин из Мазандерана? Бросьте дурачиться, лучше сознайтесь, что вы дезертир Стив Норман, и мы сегодня же передадим вас американцам! У нас хватает своих дел, чтобы еще возиться с бежавшими от союзников музыкантами,— махнув рукой, устало сказал следователь.

По уже успевшему обрасти рыжеватой щетиной лицу «иранца» пробежала еле заметная усмешка.

— Что делать? — поднимаясь со стула, вздохнул он.— Да, я — Стив Норман, капельмейстер оркестра. Мне не повезло,— он махнул рукой,— передавайте меня генералу.

— Вот и отлично! — сказал следователь.— Сегодня же передадим. Теперь же спрашиваю просто из любопытства, если не хотите, можете не отвечать, это уже ваше дело, но объясните, зачем, из-за чего вы бежали от американцев? Может быть, как немец по рождению, не хотели быть в армии, воюющей с Германией?

— Ничего подобного! Я родился и вырос в Штатах и, хотя до войны не выезжал никуда дальше своего города, я был, есть и всегда буду американцем, а не «джерри» *, будь они трижды прокляты! — с сердцем сказал Норман.

— Еще один вопрос,— сказал следователь,— вы стопроцентный американец?

Арестованный молча кивнул головой.

— ...Но тогда чем вы объясните, что все пуговицы на вашем белье, кстати сказать очень тонком, пришиты не по-американски, а совершенно по-европейски?..

— Не понимаю вас,— вперив на следователя

* Презрительная кличка, данная американцами немцам.

округлившиеся глаза, пробормотал «Стив Норман».

— Очень просто! Как чистокровный, стопроцентный американец вы должны знать, как пришиваются во всей Америке, решительно во всей, от Канады и до Мексики, пуговицы...

— Вы шутите? — приподнимаясь, сказал Норман.

— Наоборот! Говорю вполне серьезно. Вы знаете, как пришиваются в Америке пуговицы?

— Не имею ни малейшего понятия. Я солдат, а не швейка, и получаю готовое обмундирование.

— Вот именно! Если бы вы сейчас были одеты в военную американскую форму или в любой сшитый в Америке костюм, то все пуговицы были бы пришиты продольными стежками, а на вашем белье пуговицы пришиты крест-накрест, так, как шьют в Европе.

— Ну и что же из этого? Я мог белье купить здесь, в Тегеране.

— Сомнительно, чтобы американский капрал тратил деньги на дорогое белье. Ответьте тогда еще на последний вопрос. На второй день после вашего задержания и после этого на допросах несколько раз вы мне и обследовавшему вас доктору заявляли, что больны, что у вас высокая температура и что в камере, в которой вы находились, слишком жарко...

— Да... заявляю это и сейчас. У меня в то время была температура не менее тридцати семи с половиной градусов, а в камере и сейчас не менее двадцати пяти градусов жары. Разве я не имел права говорить об этом?

— Имели, но дело в том, что в Америке, как и во всех странах, где говорят на английском языке, принят термометр Фаренгейта, а не Цельсия,

как у немцев и французов. И, если бы вы были американцем, вы никогда не назвали бы температуру по Цельсию.

— Так кто же я, по-вашему? — вскакивая с места, воскликнул «Норман».

— Фашист Отто Краузе, обер-штурмфюрер СС, диверсант и убийца, занимавший год назад пост товарища председателя смешанного ирано-германского торгового общества «Ковер-Экспорт», а на самом деле немецкий шпион, присланный сюда Гиммлером по согласованию с бывшим Шахом-Резою для руководства шпионско-диверсантскими группами, перебрасываемыми в советское Закавказье.

— Неправда, я — Стив Норман...

— ...шпион, которого этим именем хотел кое-кто прикрыть и сохранить для своих целей.

— Вы не... можете этого... доказать,— ослабевшим голосом сказал «Норман».

— А нам и не надо доказывать,— ответил следователь.— Мы сегодня ответили вашему генералу, что дезертира капельмейстера Стива Нормана в нашей зоне не обнаружено, но что пытавшийся прикрыться этим именем фашист и убийца, военный преступник и шпион эсэсовец Отто Краузе нами захвачен на месте преступления при попытке взрыва тоннеля Фирузкух и отослан для суда в СССР. Сегодня вы будете вывезены в Россию,— вставая, сказал следователь.— Увести арестованного! — приказал он конвойным, даже не глядя на опустившего голову, потрясенного катастрофой Краузе.

Сегодня «большой день меджлиса», как говорят на своем журналистском жаргоне европей-

ские и американские корреспонденты. Их здесь не менее пятидесяти человек: шведов, датчан, австралийцев, бразильцев, американцев, турок, французов, англичан, словом, представителей самых разнообразных газет мира.

«Большой день» — важное заседание меджлиса, на котором в присутствии шаха будет обсуждаться вопрос о вовлечении Ирана во вторую мировую войну и об объявлении им войны фашистской Германии.

Ничего существенного это заседание не решит, но для газетчиков с их шумихой и погоней за эффектными заголовками и статьями это действительно «большой день».

Зал меджлиса и его коридоры переполнены представителями всех иранских партий. На площади теснится сдерживаемый полицией народ. Европейцы в большом количестве заполнили ложи, отведенные для посольств и корреспондентов.

Я и генерал находимся в числе приглашенных гостей в одной из лож бельэтажа. Прямого отношения мы к этому событию не имеем, но и отказаться от посещения нельзя, тем более что пригласительные именные билеты присланы незадолго до этого дня.

Пока довольно скучно. Я всматриваюсь в сидящих на скамьях депутатов. Перевожу взгляд на дипломатические ложи. В американской ложе советник посольства, атташе и генерал Шварцкопф, бывший начальник полиции штата Нью-Джерси, а ныне глава всей иранской жандармерии. За ними ложа, в которой сидит «советник» иранской армии генерал-майор Ридли, с ним на центральном месте сам Мильспо, окруженный группой офицеров.

Перевожу взор на богато убранную золотом и коврами шахскую ложу.

Красивое, худощавое, несколько равнодушное лицо молодого шаха выделяется на фоне полупустой ложи. За ним виднеется чья-то скрытая полумраком фигура.

Следующая ложа премьер-министра Кавама эс-Салтанэ. Породистое, с несколько насмешливым взглядом, утомленно-надменное лицо Кавама эс-Салтанэ.

За спиной Кавама видна голова министра иностранных дел Саеда.

В зале возникает шум. Большая часть депутатов встает и низко кланяется небольшому старичку, судя по одежде, духовному лицу. Американцы раздельно хлопают в ладоши. Это означает одобрение.

Старичок, не обращая внимания на возгласы и шум, спокойно и с достоинством проходит к трибуне.

— Это Кашани. Знаменитый великий мулла Ирана и ярый враг англичан. Сейчас он начнет громить их,— шепчет мне Крошкин.

Я смотрю на ложу корреспондентов. В ней мелькает красивое, улыбающееся лицо мистрисс Барк.

Мистрисс Барк приветливо кивает головой и делает рукой приглашающий жест. Когда же она появилась здесь?

Шум стихает. Старичок молча и спокойно смотрит вперед. Становится тихо. Проходит минута, и Кашани говорит.

Голос его невелик, но тишина, хорошая акустика и отличная дикция позволяют прекрасно слышать его слова.

— Наша задача состоит из двух половин. Первая — это восстановить единство мусульман всего мира и спасти их от вовлечения в войну. Империалисты и колонизаторы разъединили нас, они пытаются втянуть в войну мусульманские государства. Германия тянет в огонь войны турок, а недавно хотела втянуть и нас. Англия и Америка против воли народов хотят поднять против немцев все арабские страны. А для чего? Как те, так и другие — колонизаторы и империалисты. И те, и другие не любят нас, они презирают нас, считают людьми второго сорта, и нам, понимая это, следует сказать и одним и другим: «Воюйте сами, оставьте в покое нас, нашу землю и наши богатства».

Часть депутатов хлопает в ладоши, другие молча смотрят на оратора, третьи, озираясь, наблюдают за шахом и Кавамом. На губах премьера вялая полуулыбка, лицо шаха не выражает ничего. Генерал Мильспо, повернувшись вполоборота, слушает Шварцкопфа, что-то шепчущего ему.

— Вторая половина нашей задачи — это вернуть наши богатства. Нефть, которую выкачивает сотни лет Англия, иранская. Довольно богатеть англичанам и держать в нищете и невежестве иранцев! Прекратить грабеж наших богатств, сделать их достоянием иранского народа, извлекать пользу и прибыли от торговли со всеми странами мира, накормить, одеть свой народ,— вот вторая половина нашей задачи. А воевать иранцам за интересы тех или других колонизаторов — глупо и не нужно.

Маленький, сухощавый Кашани — высшее духовное лицо Ирана. Это, собственно говоря, один из немногих государственных деятелей, которые произвели на меня хорошее впечатление. Человек честный, чистый от подкупов и коррупции,

разъедающих парламент, он выступает одним из последних ораторов. Его короткая, горячая и смелая речь заставляет всех замолчать и вслушаться. Даже бесцеремонные господа, вроде полковника Ньюворса, смолкают, перестав жевать свою резинку, и внимательно прислушиваются к страстным словам великого муллы.

Повелитель Ирана оживился, на его лице появилось выражение ожидания, и несколько раз он благосклонно кивает головой. На неподвижном лице Кавама улыбка, но кому предназначена она, понять трудно. И англичане, и американцы одинаково могут считать ее своей. Кашани продолжает речь. Когда он приводит цифры, факты и доказательства жестокой, беспощадной колонизаторской деятельности англичан, его бледное, тонкое, одухотворенное лицо, лицо проповедника и мудреца, загорается гневом, закинутая кверху голова трясется, а маленькая седая бородка дрожит.

— Мы хотим мирно сотрудничать со всеми народами, кто бы они ни были. В нашей стране много нефти, она наша. Мы хотим и пользоваться, и торговать ею, но мы не желаем, чтобы хищные руки империалистов держали ее. Сотни лет они высасывают из нашей земли богатства, но теперь пришел этому конец.

Сидящие в ложе англичане, военные и штатские, неподвижны, как изваяния.

— Время деспотической колонизации прошло, и всякий, кто этого не понимает, лишний на нашей земле. Американцы, которые пришли к нам, как гости...

Движение и шум слышатся в английской ложе.

— Внимание, внимание! — шепчет генерал, чуть подталкивая меня ногой.

— Повторяю, как гости,— продолжает Каша-

ни,— должны это понять и не уподобляться хищным английским империалистам.

Сидящие в ложе Мильспо военные переглядываются.

— Наш великий мулла говорит языком ваших газет... Кстати, знаете ли вы, что в недавней газетной полемике с римским папой Пием XII на реплику папы, почему духовное лицо Кашани не борется против коммунизма, он ответил: «А почему папа не борется против империализма и фашистов?» — говорит мне сопровождающий нас депутат меджлиса Ахави.

— Вот как! Однако, какой милый и разумный этот Кашани,— говорю я.

Великий мулла заканчивает свою речь и под одобрение некоторых, смущение других и молчание третьих сходит с трибуны.

— А вот и доктор Хоссейн, друг и единомышленник имама Кашани,— снова шепчет Ахави.

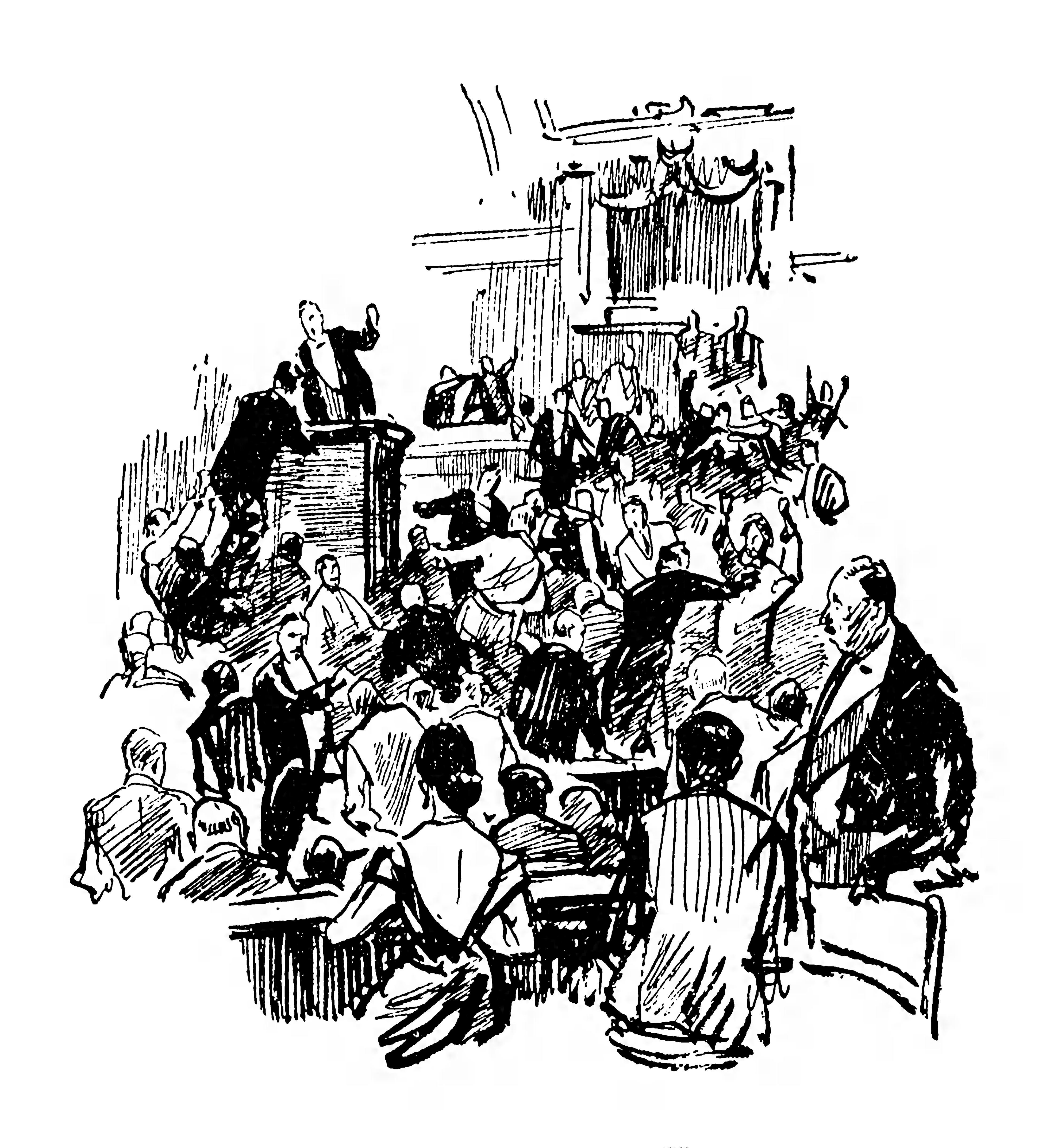
Хоссейна я тоже вижу впервые. Это оживленный человек с лысым черепом, энергичным лицом, настороженным, проницательным и наблюдающим взглядом. Он сразу же захватывает внимание зала, хотя и по-разному реагирующего на его слова. Хоссейн поднимает вверх обе руки и несколько театрально восклицает:

— Мы должны обрубить руки Англо-Иранской нефтяной компании. И мы этого добьемся. Весь народ встанет на защиту этого святого дела.

— Старый фигляр! — довольно громко доносится до нас из ложи англичан.

— Мы скорее прекратим добычу нефти, нежели будем отдавать ее англичанам...

— Слова, одни слова! Этим он хочет пробраться к власти,— поднимаясь с места, вопит один из депутатов.

— Хоссейн говорит верно! Долой грабительскую компанию! — кричит кто-то внизу.

— Не давать ему слова!.. Вон болтуна!..— неожиданно кричат справа. Шум, топот ног, вопли заполняют зал меджлиса. Некоторые депутаты вскакивают с мест, другие, сдерживаемые полицейскими, порываются к трибуне, откуда, пытаясь пробиться сквозь невообразимый шум, надрываясь, что-то кричит Хоссейн. Звонок председателя тонет в общем гаме. Один из членов меджлиса бросается к Хоссейну, желая стащить его с трибуны, другой, повидимому, сторонник оратора, пе-

рехватив члена меджлиса, отвешивает ему оглушительную пощечину. Начинается свалка, в которую вмешивается и администрация и дежурившие в меджлисе полицейские.

— Куликовское побоище! — говорит генерал.

Шаха уже нет. Его величество, повидимому, ушел сейчас же после речи Кашани. Кавам эс-Салтанэ с небрежной улыбкой на утомленном лице равнодушно взирает на дерущихся парламентариев, усердно угощающих друг друга затрещинами и оплеухами. Американцы во главе с Мильспо смотрят из своих лож, что-то покрикивая дерущимся. Англичане, довольные концовкой спектакля, щедро оплаченного Нефтяной компанией, щелкают аппаратами. Наконец, полиция выдворяет вон дерущихся, и заседание меджлиса продолжается. Не дожидаясь его конца, мы, оставив Ахави в зале, выходим из здания к ожидающей нас машине.

В фойе, опершись о перила мраморной лестницы, стоит мистрисс Барк и оживленно беседует с двумя шведскими корреспондентами. Завидя меня, она делает движение. Я останавливаюсь. Генерал, проходя мимо, молча наклоняет голову.

— Это ваш генерал? — спрашивает она.— Настоящий военный. Строгий, подтянутый, вежливый!..

— Да, он именно такой! Как ваше здоровье? Как сердце? Вы тогда очень испугали меня! — озабоченно спрашиваю я.

— Все прошло. Просто — спазмы. Это бывает со мной. Скажите лучше, как вам понравился этот фарс, устроенный Англо-Иранской компа-

нией? «Меджлис»,— презрительно говорит мистрисс Барк.— Как далеки эти господа от истинной демократии и парламентаризма! Прав был Реза-Шах, когда сказал, что Ирану нужен просвещенный абсолютизм.

— Ирану прежде всего нужно быть хозяином своей земли, свободы, жизни.

Госпожа Барк смеется:

— А ведь вы сейчас повторяете слова великого муллы, которому лично я симпатизирую, как наивному, честному и примитивному старичку. Когда он бормотал об империализме и колонизаторах, он был ужасно смешон и напоминал мне начинающего, только вчера вступившего в партию, лейбориста. Уйдемте отсюда, походим пешком по улицам,— вдруг предлагает она.

— А заседание? А информация в вашу газету?

— Пустяки! Заметка о драке, речах Хоссейна и Кашани уже отослана. Я набросала ее, сидя в корреспондентской ложе. Остальное неинтересно. Вопрос этот уже разрешен,— она насмешливо глянула на меня, делая паузу,— ...союзниками, то есть вами, нами и Англией, а оставаться в этом бедламе и наблюдать за очередной азиатской дракой — скучно. Согласны?

— Прошу извинить, но обстоятельства не позволяют мне... Генерал ожидает меня в машине.

— Тогда мы встретимся через день. Надеюсь, вы будете послезавтра на традиционном футбольном состязании между янки и «Томми Аткинс»?

— Да, приглашение я получил и, вероятно, буду,— отвечаю я.

— Итак, до послезавтра!

В воскресенье генерал уехал для инспектирования частей, расположенных на шоссейных путях нашей зоны.

Пригласительный билет на футбольное состязание между англичанами и американцами был на три человека. Взяв с собою советника Арсеньева и майора Крошкина, я в пять часов выехал в Амир-Абад. Это был военный городок, в котором разместилась часть американских войск.

По дороге время от времени встречались дощечки и стрелки с указанием частей, расквартированных на данном участке. Большинство надписей были картинно-напыщенными, так, например, уличка, на которой разместилась танковая бригада, именовалась «Ад на колесах», пулеметная рота — «Огненные тигры», а мирная хлебопекарня и интендантское управление — «Дикий кабан Аризоны». Попадались и стрелки с надписями — «Бар белая лошадь», «Танцевальный зал», «кинотеатр», «пивная»... Кресты из перекрещенных мечей, взрывающийся аэростат, летящая лошадь со стрелой на шее и прочие символические рисунки перемежались с рекламой висконсинского табака и жевательной резинки «Олд Патрик».

Мы ехали в колонне автомашин, тянувшейся к западным отрогам Демавенда. По этой шумной, веселой, бесцеремонно и свободно державшейся колонне из «джипов», «виллисов», штабных и частных машин можно было бы безошибочно определить место, где находился стадион американцев.

Вскоре показался и он. Это был большой пустырь с деревянным, раскрашенным в три цвета въездом и тремя двухъярусными ложами с куполом и резной крышей, над которой развевались четыре флага — Ирана, США, Англии и СССР.

От лож вправо и влево тянулось несколько отделенных пространством низких, неглубоких лож, дальше раскинулись в несколько рядов скамьи. Пустырь был обнесен высокими столбами и обтянут колючей проволокой. У входа шумела толпа военных, подходили и останавливались машины, сновали иранские жандармы и союзные полицейские, наблюдая за порядком, не допуская любопытных к центральной ложе, богато и безвкусно убранной дорогими коврами и букетами цветов.

Сойдя с машины, мы направились к входу, у которого стояли американские офицеры и рослый иранский капитан, проверявшие пригласительные билеты. В проходе я столкнулся с госпожой Барк.

— А я только что хотела попросить кого-нибудь проводить меня сквозь эту толпу до моей ложи.— Она взяла меня под руку, и мы вошли на стадион.

— А где ваши места? — спросила госпожа Барк.

— Вон там, где размещаются мои спутники,— сказал я, видя, как Крошкин и Арсеньев рассаживались в одной из лож с советским флажком.— За кого вы болеете? — спросил я.

— Не понимаю вас! — ответила журналистка.

— Простите, это наш московский термин. Проще говоря, кому вы желаете победы?

— Мне трудно ответить на это. По рождению я — англичанка, выросла в Америке. В Лондоне у меня много родных, и порой я очень скучаю по Англии. Ну, а вы кому желаете победы?

— Сильнейшим!

Мистрисс Барк окинула взглядом стадион.

— Я — космополитка. У меня нет определенной любви или неприязни к расам и народам, я терпимо отношусь и к цвету кожи, и к разным ступеням развития культуры и цивилизации народов, и все же я с трудом выношу этих забавных иранцев.

— Вы говорите о драке в меджлисе?

— Не только. Это один из штришков. Я говорю вообще об отрицательных национальных свойствах этого народа...

— Я не разделяю вашего взгляда.

— Конечно! Вы, русские, считаете братьями всех, я тоже, но с той лишь разницей, что этому «брату» следует еще долгое время вариться в котле цивилизации. Ну, взгляните, пожалуйста, на этих упитанных дам, грузно восседающих возле своих не в меру похотливых, невежественных, подобострастных, но в тайниках своей души презирающих нас, мужей.

— Невежественных и похотливых людей можно встретить всюду. И среди европейцев и среди американцев их не меньше, чем на Востоке.

— А дам? — с усмешкой спросила Барк.

— Полнота не всегда безобразит женщину.

— Бедная! Значит, чтобы понравиться вам, мне следует пополнеть хотя бы до размеров вот этой пестро разряженной особы...— продолжала мистрисс Барк, глазами показывая на полную средних лет красивую иранку, в ушах которой горели крупные бриллианты.— Кстати, вы знаете, кто она.

— Не знаю!

— Это — супруга министра водных, шоссейных и железнодорожных путей Ирана. Вам следовало бы знать «Усладу ночи»,— многозначительно сказала журналистка.

— Какую усладу? — спросил я.

Мистрисс Барк рассмеялась.

— Вот и моя ложа, а «Услада ночи» — это титул госпожи министерши. Вы, вероятно, слышали, какие пышные наименования носят многие из этих господ. На днях я перечитывала кое-какие книги об Иране и узнала из них о том, что шах Наср эд-Дин, дед свергнутого Резою Ахмеда Каджара, прекрасно использовал непреоборимую любовь к титулам своих подданных, заведя специальную шкатулку «ящик дураков», как называл он ее. В эту шкатулку он клал деньги, полученные за разрешение носить тот или иной титул.

— Это интересно,— улыбнулся я.

— Я даже выписала кое-что из книг об Иране на эту тему. Это настолько забавно, что я непременно использую в своих корреспонденциях.

Мистрисс Барк достала уже знакомую мне книжечку.

— Теперь я не потеряю ее. Вот что пишет некий профессор Вуд,— она перелистала страницы и прочла:

— ...И каких только не было там пышных на-

званий. И «Меч правосудия», и «Опора государства», и «Блеск правительства», и даже «Загир эд-доуле», что означает «Спина государства», а человек, носивший пышный титул «Нур эд-Дин», то есть «Светоч религии», был редким пьяницей и атеистом. Титулы раздаются за деньги и женщинам, а так как называть даже за глаза даму по имени считается в высшей степени неприличным, то все женщины, могущие купить себе титул, носят вот такие наименования: «Мелекее Иран», то есть «Царица Персии», или «Мунир ос-Салтанэ» — «Освещающая царство», «Нейр уль-Мулюк» — «Свет царства», причем ни одна из этих женщин со столь пышным титулом не принцесса, не принадлежит к придворным дамам, а просто богатая женщина, имеющая возможность купить себе титул. Я обязательно воспользуюсь этими полуанекдотическими сведениями. Советую и вам внимательно почитать мемуары француза, доктора Де Толозана, придворного врача шаха Наср эд-Дина, а также отличную книгу англичанина Уильса «Картинки современной Персии». Хотите, я дам вам прочесть их? — спросила мистрисс Барк.

— Благодарю! Буду признателен,— ответил я.

— Как, однако, похожи эти милые персы на своего уморительного Хаджи-Бабу Исфагани. Надеюсь, вы знаете эту очаровательную книжку Мориера.

— Да, она забавно написана,— согласился я.

— «Забавно». Не только «забавно», но удивительно верно изображает нравы Ирана.

— Но ведь Реза-Шахом эти пышные титулы были отменены и, как мне известно, заменены фамилиями,— сказал я.

— О-ля-ля! — засмеялась Барк.— Титулы эти

ожили после изгнания Резы, как и многое другое. И, глядя на этих в своем большинстве далеких от государственных дел и власти людей, силою одних лишь денег приобретших такие роскошные титулы, мне становится поневоле смешно, видя, как «Блеск царства» или «Тень шахского величия» смиренно кланяется вон хотя бы тому английскому сержанту или этому американскому лейтенанту и, прижимаясь к забору, проходит на отведенные им места,— с усмешкой продолжала журналистка.

В центре, прямо над входом, высится шахская ложа, рядом с нею американская и английская, за ними полукругом идет ряд лож, в которых размещаются офицеры союзных армий, чиновники посольств, сотрудники различных англо-американских и советских обществ.

Две последние ложи отведены иранским министрам и знатным фамилиям, вроде Бахтиари, Амир Афшари...

Я усаживаю Барк на место и иду к своей ложе.

— Мы еще увидимся,— говорит она,— в перерыве обязательно зайдите ко мне.

Я возвращаюсь в ложу, над которой развевается советский флаг. Арсеньев и Крошкин беседуют между собой. За ложами тянутся деревянные трибуны, уже наполовину заполненные солдатами и офицерами английских и американских частей. Южная сторона предназначена зрителям-иранцам.

Жарко, шумно, празднично. Раздаются голоса продавцов холодной воды, лоточники с мороженым и просто кусками льда снуют между трибунами. Несмотря на то, что уже седьмой час вечера, воздух все еще жарок. Накалившаяся за день земля

дышит знойно, словно гигантские меха навевают издалека тепло. По футбольному полю цепью проходят сакка — это водоносы, из кожаных бурдюков поливающие землю. Она слегка дымится, и движущийся парок поднимается над полем. Новые водоносы опять цепью проходят по полю. Земля жадно впитывает влагу, но уже чувствуется приближение вечера. Прохлада густеет, медленно сползая с отрогов Шемрана, со снеговой шапки Демавенда, этого уснувшего вулкана.

Ложи уже заполнены. Слышится музыка. Это приехал шах. Гудки автомашин сливаются со звуками духового оркестра, раздаются слова военной команды. Сарбазы берут на караул.

— Здравствуйте! — слышу я медовый голос нашего хозяина Таги-Заде. Он стоит под самой ложей, рядом с ним — пожилой, представительный иранец в хорошем сером костюме.

— Здравствуйте, уважаемый Таги-Заде. Рад вас видеть, как здоровье?

— Благодарю, пока хорошее.

— Где вы разместились? — спрашиваю я.

— Вот здесь, рядом с вашей ложей. Господин Шаегани был так любезен, что пригласил меня в ложу иранской прессы,— говорит Таги-Заде, указывая на своего спутника.— Вы не знакомы? Это — господин Шаегани, депутат меджлиса и один из самых уважаемых людей нашей столицы.

Мы раскланиваемся.

— Очень рад нашему знакомству, уважаемый полковник,— говорит Шаегани на отличном русском языке.— Я уже имел удовольствие видеть вас в субботу на этом шумном скандале в меджлисе.

Лицо его мне незнакомо.

Чувствуя это, господин Шаегани поясняет:

— Я был с госпожою Барк, когда вы проходили через вестибюль...

— ...Господин Шаегани — поэт, журналист и владелец газеты «Ахбаре Кешвар» («Вестник страны»),— важно говорит Таги-Заде.

Они протискиваются сквозь толпу и занимают рядом с нами ложу. Нас отделяет только низенький барьер.

На поле появляются судьи. Двое американцев и один англичанин. Вдалеке, в окружении военных, вижу светлое платье мистрисс Барк. Ветер треплет ее золотые волосы. За ними ряд мужских и женских голов. В ложе шумно и весело. Иногда до нас добегают отдельные возгласы и смех «леди и джентльменов», заполнивших ложи.

Я вижу, как бинокль госпожи Барк на секунду останавливается на нас. Не отнимая бинокля от глаз, она приветственно машет нам и затем переводит бинокль дальше.

Трибуны и проходы заполнены. Американские солдаты свистом и топанием выражают свое нетерпение.

Ни присутствие самого шаха, ни Шварцкопфа и Мильспо не расхолаживают их. Иранцы терпеливо сидят на своих местах, с любопытством озираясь по сторонам. Фоторепортеры и два-три кинооператора наводят свои объективы на зрителей.

Один из журналистов, бесцеремонно расталкивая столпившихся внизу зрителей, пытается заснять шахскую ложу. На веснушчатом лице этого верзилы самое развязное и тупо-самодовольное выражение. Выбирая наиболее удобное положение, он все ближе подбирается к ложе шаха.

— Уберите этого болвана! — довольно звучно раздается из ложи господина Мильспо.

Журналист со своим фотоаппаратом под смех и свист зрителей, уже оттиснут военной полицией за линию лож.

— Вы, вероятно, никого не знаете из нашей знати? — нагибаясь к моему уху, шепчет господин Таги-Заде,— вам это будет интересно. Поглядите в ложу его высочества, шаха...

Я взглянул. У барьера, положив всю в перстнях ручку на красный бархат обивки, сидит темносмуглая, красивая молодая девушка в светлом европейском платье.

— Это — ее высочество, принцесса Ашраф, или, как называют ее европейцы, «Смуглая принцесса», сестра его величества шаха,— шепчет Таги-Заде,— рядом с нею, та, что в розовом, ее сестра принцесса Шамс. Они обе только неделю назад прибыли из Америки и на возвратном пути заехали в Кептаун за своей матерью, супругой Реза-Шаха, которая тоже возвратилась в Иран из Южной Африки. А вон та, что сидит позади Ашраф, это известная красавица, княжна Кашкаи, правда, хороша? «Лицо ее, как полная луна, а губы, как лепестки распустившейся розы, брови, словно две тетивы лука»...

— Хороша, но дама, что сидит во втором ряду, вот та, с лорнетом в руке, несравненно лучше,— отвечаю я.

Господин Таге-Заде тихо смеется.

— У вас прекрасный вкус, господин полковник. Да, она совершенная красавица.

Из глубины ложи показалось тонкое красивое лицо молодого шаха с большими, равнодушными глазами. Улыбнувшись кому-то из сидевших невдалеке англичан, он провел взором по трибунам и снова исчез в полутьме ложи.

Заиграли трубы, раздался звук горна. Все стихло, смолкли неугомонные американские фоторепортеры.

На футбольное поле выбежали команды: англичане в коротких оранжевых трусах и таких же майках и американцы в синих майках и белых трусах. Свист, аплодисменты и рёв толпы встретили их.

Воздух был чист и ясен. Солнце уходило на запад, приближался вечер.

Уже произошла жеребьевка и вратари заняли свои места.

Я взглянул в сторону, где сидела госпожа Барк. Журналистка, откинувшись назад, что-то с жаром говорила офицеру. Я навел бинокль — сомнений не было.

Госпожа Барк разговаривала с капитаном Хартли, тем самым Хартли, который совсем недавно был задержан нами в Фирузкухе.

Я не принадлежу к классу болельщиков футбола, хотя несколько раз до войны бывал на стадионе «Динамо», когда выступала команда ЦДКА. Я видел, как волновались зрители, как переживали они промахи и ошибки своих любимцев, каким радостным гулом одобрения встречали удачный удар в ворота противника. Мне было понятно их волнение, но всегда меня радовало то

честное, беспристрастное отношение, каким наш зритель отмечал успехи и другой, удачно игравшей команды. Даже больше, на международных играх в Москве я был свидетелем, как любой, хорошо и красиво забитый противником гол в наши ворота вызывал аплодисменты и одобрительный шум на трибунах.

Ничего подобного не было здесь. С самого же начала сотни американских глоток разразились воплями.

— Лупи его по ногам, Джон!.. Валяй, валяй, Тед!.. Бей по воротам, скотина, куда лупишь в сторону!.. Крой этих лондонцев, кроши их, Джонни!..— неслось отовсюду, и даже флегматичный Шварцкопф, вынув изо рта сигару, что-то выкрикнул из своей ложи.

Англичане были спокойней. Правда, их солдаты время от времени подбадривали своих игроков, но эти возгласы потонули в воплях и реве американцев.

Один из форвардов англичан с левого края головой забил мяч в сетку американских ворот. Принцесса Ашраф оживилась. Подавшись вперед, она энергично зааплодировала англичанам. Аплодисменты англичан и несколько иранцев потонули в буре негодующих воплей возмущенных неудачей американцев. По полю уже снова бегали игроки, мяч летал по всем направлениям, фоторепортеры щелкали своими аппаратами, а гул на трибунах не смолкал. Это американцы орали, бранились, свистели, топали ногами и хором скандировали возгласы поощрения своим игрокам.

Истекли первые 45 минут, ударил гонг, раздался свисток судьи, и игроки ушли с поля. Я вышел из ложи. Мистрисс Барк, за которой виднелась

голова капитана Хартли, шедшая к выходу, окликнула меня.

— Немного погодя отзовите меня, как бы по делу,— успел я шепнуть Крошкину.

— Прекрасная новость, настоящая «шоу» *,— идя навстречу мне, крикнула журналистка.— Капитуляция Италии! Храбрые американские парни вместе с английскими войсками сегодня высадились в Италии. Только что сообщил об этом майор Хартли. Вы знакомы, господа? — спросила она.

— Знакомы! Знакомство произошло при довольно забавных обстоятельствах, не так ли, полковник? — засмеялся Хартли.

— Майор сообщил,— продолжала Барк,— великолепную новость. Наши парни крепко исколотили этих джерри. Взяты трофеи, пленные, очищено несколько десятков километров итальянской земли.

— Пленных не взято ни одного. Высадка совершена с островов Пантеллерия.

— Так вы знали об этом? — удивленно спросила мистрисс Барк.

— Конечно! Еще утром я читал радиограмму из Москвы.

— Странные вы люди, русские! — разочарованно протянула журналистка.— Знать о создании второго фронта и молчать о таком событии...

— О втором фронте?

— Конечно, сэр,— вмешался Хартли,— а как же иначе назвать это замечательное дело?

— Очень просто! — Десантными операциями

---

* Шоу — сенсация (англ.)

пятой американской и восьмой английской армий на «каблуке итальянского сапога».

Хартли пожал плечами. Госпожа Барк миротворчески сказала:

— Возможно, что это так, а пока,— да здравствует англо-американский фронт в Италии!

— Вас можно поздравить, майор Хартли? — спросил я.

— Да, повышен в чине неделю назад. По этому поводу не мешало бы выпить бокал доброго виски.

К нам подошел майор Крошкин. Вежливо поклонившись, он сказал:

— Простите, господа, мне срочно нужно переговорить с полковником Дигорским.

— Очень хорошо, вы найдете нас в баре, полковник,— сказал Хартли.

— Не забывайте моей скромной хижины и маленькой Зоси, охраняющей ее,— уходя сказала журналистка.

Мы выбрались из толпы и, разыскав свою машину, вернулись в Тегеран.

Поездка генерала оказалась удачной. Впечатление от охраны и частей отличное.

— Дорога на замке. Ни один прохвост не нарушит графика в нашей зоне. Кстати, знаете ли, что вчера ночью повторное заседание меджлиса объявило войну Германии?

Я пожал плечами. Генерал улыбнулся.

— Господа Шварцкопф и Ридли прямо с футбола направились в меджлис. Читайте.— И он протянул мне «Сетарее Иран» и другие газеты, на первой странице которых было крупно напечатано:

«Сегодня Иран объявил войну кровожадной Германии».

— Готовьтесь к решительному бою. Приближается развязка, вот почитайте шифровку, которая обрадует вас,— сказал генерал.

Он сидел на низкой тахте, на которой лежали бумаги. Выбрав одну из них, он протянул ее мне.

— Завтра капитан Аркатов и вызываемый вами по тому же делу человек вылетают сюда. Прошу встретить их на аэродроме.

Военный аэродром «номер семь» находился за селением Keредж, километрах в сорока от Тегерана. Село это при шахах династии Каджаров было летней резиденцией властителей Ирана, но уже лет пятьдесят как перестало быть таковой, и теперь возле этого села находился наш ближайший аэродром.

— Прибудут они послезавтра в девятнадцать часов, значит, вам придется встретить и абсолютно незаметно доставить их сюда. Подумайте и вечером скажите, как вы сделаете это.

— Слушаюсь,— сказал я.

— И второе, как вы думаете, когда наступит финал этого затянувшегося «дела о привидениях»?

— Не знаю. Во всяком случае не так скоро, как предполагаете вы,— сказал я.

— Скоро увидите,— загадочно сказал генерал.— Что вы думаете о Зосе?

Я только хотел ответить, как он засмеялся:

— ...Что она самая милая и замечательная девушка на свете?.. Ну, так в это я, допустим, верю. Вы отвечайте мне на другой вопрос. Откуда и как она попала к Барк? Давно ли у нее и почему журналистка так заботится о ней?

— Могу ответить вам точно на первые два вопроса...

— Хорошо, на третий отвечу я сам,— перебил генерал,— или лучше я буду по очереди отвечать, а вы исправляйте или дополняйте меня. Хорошо?

— Хорошо! — согласился я, помня, что подобная шлифовка ума была любимым методом генерала в его дедуктивных выводах и анализах нашей работы.

— Как известно, Ян Кружельник и его сестра Зося из Варшавы, он потерял ее из виду в начале войны. Так? — начал генерал.

— Так! — ответил я.

— Значит, в Иране она очутилась в тысяча девятьсот сорок втором году, то есть тогда, когда Андерс со своим корпусом и польскими беженцами прибыл сюда. Так?

— Так! — согласился я.

— Она отлично говорит по-английски, можно было бы предположить, что она из богатой и знатной семьи, но...— тут генерал сделал паузу,— ее брат рядовой шофер, значит первое отпадает. Зося не боится труда, не гнушается служить горничной, это тоже свидетельствует о том, что брат и сестра Кружельники из трудовой, небогатой семьи. Так?

— Та-ак! — подтвердил я.

— Пойдем дальше... но она же знает английский, заметьте, не французский, как большинство интеллигентных поляков, издавна тяготевших к Франции, а английский. О чем это говорит?.. О том, что она специально изучала его где-либо на курсах...

— В колледже «Святой Екатерины»,— удив-

ленный правильным, точно сформулированным выводом генерала, сказал я.

— А... в колледже «Святой Екатерины». Очень приятно,— раскуривая папироску, продолжал генерал.— Продолжим наши размышления. Для чего же она изучала его? Для того, чтобы служить и, служа где-нибудь в посольстве, торговой миссии или может быть переводчицей, этим зарабатывать свой хлеб.

— Учительницей в школе,— тихо сказал я.

— А-а, тем лучше! Значит, нить размышлений правильно ведет нас к заключительному выводу... Но наступила война, и Зося в качестве беженки очутилась в Иране. Здесь она поневоле, в поисках куска хлеба, идет в услужение...

— Вот и нет! Промах, товарищ генерал. Зося работает здесь преподавательницей английского языка в школе офицеров и капралов корпуса Андерса, но ее внезапно...

Генерал вскочил с места и весело закричал:

— Правильно! Точный и безошибочный вывод, мой дорогой Александр Петрович! Ваша реплика — это радостное подтверждение моих кропотливых выводов и завершение сложного процесса нашей работы...

— Не понимаю...— развел я руками.

— Сейчас поймете! Итак, ее внезапно лишили места и в категорической форме предложили идти в услужение к госпоже Барк.

— В общем так,— подтвердил я.

— Ну, а когда произошло это неожиданное событие?

— Не знаю... Кажется...

— А я знаю. Могу сказать с точностью. Это было примерно месяца два тому назад...

— Да... Зося сказала мне, что действительно

она всего два месяца, как служит у мистрисс Барк,— сказал я.

— Великолепно! Неужели же вы не понимаете, дорогой мой Александр Петрович, что все идет замечательно и ваша Зосенька действительно хорошая девушка?

— Это-то я знаю, но вот почему вы пришли к такому выводу, мне это попрежнему непонятно.

— Да ведь это же ясно!.. Ну, вспомните, когда началось «дело с привидениями»? Дней сто назад. Когда мы уехали с Западного фронта? Дней восемьдесят назад, так? Ну, а когда сбежал капрал Юльский, был арестован Ян Кружельник и исчез с горизонта господин Сайкс? Тоже дней семьдесят назад... Дальше. До этого времени Зося никому не была нужна и мирно работала учительницей в школе капралов, но как только сбежал Юльский и был арестован ее брат Кружельник, а мы с вами выехали в Иран, Зося стала в этом деле довольно значительной фигурой. В этой игре она, даже не ведая ни о чем, стала козырной картой, которую пустили в ход, играя на аресте ее брата. Теперь-то вы понимаете, в чем дело? — спросил генерал.

— Да, начинаю понимать!

— Забрав ее к себе, Барк через Сайкса передала Зосе написанную Юльским фальшивку...

— Но откуда она знала, что девушка встретится со мной?

— Это входило в ее план. Зося обязательно должна была встретиться с вами, именно для этого ее и забрали из школы. Она, сама не ведая о том, должна была сыграть роль помощницы своей госпожи, именно потому ее познакомили и с Сеоевым и с вами. Барк, или разведчица

«Ориенталия», вероятно, еще из Баку, а может быть и из самой Москвы следует за нами.

— И ее блокнот — это...

— ...один из ловких номеров. Книжка должна была заинтриговать нас этой польской фамилией и одновременно сблизить вас с ней. Не удался бы этот номер, в ход пошел бы другой, но и, познакомившись с ней, вы непременно встретили бы у нее и Зосю... Остальное — понятно...

— Ну, а Генриэтта Янковецкая?

— Пустое место! Она такая же «Янковецкая», как я фараон Хеопс. Просто в дело введена еще одна женщина, чтобы мы поверили в записную книжку и в существование этой Янковецкой.

— А Краснова?

— Вот убитая «Краснова» и была той самой немкой Янковиц, с которой все уже покончено.

— Но ведь Зося непричастна ко всей этой шайке?

— Конечно, нет. Она, несомненно, понимает, что вокруг нее идет какая-то грязная возня, но размера и смысла ее и не подозревает, да и никогда господин Сайкс или такая прожженная разведчица, как «Ирандуст», не посвятят наивную девушку в свои дела. Они могут сыграть на ее патриотизме, любви к Польше и брату, но только для того, чтобы использовать и, как минует необходимость, ликвидировать ее. И сейчас, когда, повторяю, дело идет к концу, на нас ложится ответственность за жизнь и судьбу этой бедной девушки.

У меня сжалось сердце.

— Будьте очень осторожны и не скомпрометируйте ее.

— А теперь я добавлю к вашим выкладкам еще одно маленькое происшествие,— и я подроб-

но рассказал генералу о посещении мною госпожи Янковецкой, внезапной головной боли мистрисс Барк, о нашей прогулке пешком и, наконец, о сцене обольщения. Генерал пришел в восторг. Я давно не видел его так заразительно смеющимся.

— Обольщение юного Иосифа женою Пентефрия! — важно вставил он. Когда же я достал из кармана злополучный пузырек с ушными каплями, его снова охватил приступ веселья.

— Так вы, значит, с перепугу или от избытка любви так и держали в руке эти капли?

— Честное слово, не знаю, как это произошло! Вероятно, я как зажал в кулаке флакон, так и забыл о нем. Ведь сколько неожиданных положений создала в пять минут проклятая баба.

Но когда я сказал ему о внезапном появлении Зоси и ее резкой перемене ко мне, генерал нахмурился, покачал головой и встревоженно сказал:

— Ведь вот какая ехидна эта Барк! Одним ударом разрушила все ваши с таким трудом создавшиеся дружеские отношения с Зосей. Я боюсь, что все это было сделано именно потому, что Барк почувствовала, что девушка колеблется и начинает симпатизировать вам. Знаете, дорогой мой, оскорбленный и ревнивый человек может попасться на любую провокацию.

Он поднялся и медленно вышел во двор, оставив меня, погруженного в невеселые думы о судьбе маленькой Зоси.

Ах, как мне хотелось все это время видеть ее, сказать ей о комедии, так ловко разыгранной Барк! Я готов был побежать к зосиному дому, бродить вдоль улицы в надежде встретить ее.

— Товарищ полковник, товарищ полковник,— услышал я осторожный шепот, и в полураскрывшуюся дверь просунулось широкое лицо Сеоева.

— А-а, здравствуйте, сержант! Ну, как, не надоело еще затворничество?

— Так надоело, что устал даже от этого. Ей-богу, товарищ полковник, даже не думал, что так тяжело целые дни спать или отлеживаться в чулане.

— Вы что хотели от меня?

Он спросил:

— Как там Зося поживает, товарищ полковник?

— Ничего, живет! А почему вы это спрашиваете, сержант?

Сеоев поднял на меня свои большие и чистые глаза и прямо, без лукавства, сказал:

— Потому что она хорошая и любит вас, товарищ полковник.

— То есть, как это... любит? — растерялся я.

— Любит,— убежденно повторил сержант,— она и сама этого еще не понимает, но это так. Когда я с ней встретился, она, о чем бы ни заговорила, все на вас разговор сворачивала, и сколько вам лет, и злой вы или добрый, и где ваша жена... А когда я сказал, что вы не женаты, она вспыхнула, закраснелась, глаза засияли, а сама так и засветилась.

— Глупости! — неуверенно сказал я.

— Нет, верно! Она еще все расспрашивала, нравится ли вам ее барыня. Говорит, а у самой голос вот-вот сорвется. Делает вид, что ей просто любопытно, а сама волнуется... Хорошая она девушка, чистая,— продолжал сержант.— Ее взять надо оттуда, товарищ полковник. Ей не место у этой поганой шпионки.

Мне тяжело было слушать Сеоева. Ведь только что беседа с генералом встревожила меня, а тут еще сержант со своим теплым участием к Зосе совсем разбередил мое и без того неспокойное воображение.

— Мне ее надо сегодня же увидеть,— вырвалось у меня.

Сеоев с участием посмотрел на меня и тихо спросил:

— А прямо в дом ехать нельзя?

— Нельзя! А видеть ее мне необходимо сегодня...

Сержант подумал и потом нерешительно сказал:

— Жаль, что мне нельзя показаться из дома...

— Нельзя! — перебил я.

— Я знаю, но я думаю о другом... Что, если вам пройти к ней другим ходом?..

— Каким другим?

— Которым ходим мы... шофера, прислуга — с черного хода. Ведь мы ходим в гости не через парадный вход, а со двора, черным ходом, через кухню... Что, если и вам это сделать?

— Но как же это? Ведь меня могут встретить, узнать. Переодеваться мне нельзя... Нет, это неудобно.

— Зачем переодеваться? Вы пойдете одетым так, как всегда, но идите к ней не через ворота и не с парадного хода, а через двор соседнего дома...

— Соседнего? — удивился я.

— Да, который стоит не доходя до дома Барк. Двор там маленький, темный и соединяется прямо с садом, в который выходят окна Барк.

— Однако вы хорошо изучили местоположение,— сказал я.

— Конечно! Ведь во дворе соседнего дома живет мой старинный приятель, тот самый шофер Али, который и рассказал мне о фокуснике и своем хозяине, Таги-Заде. Я могу вам на бумаге и план дома нарисовать, и как пройти внутрь указать.

— Ну, хорошо, предположим, я войду туда, а что же дальше? Ведь меня сразу же обнаружит прислуга, да и сама Зося вряд ли захочет увидеться со мной ночью.

— Ну, до ночи еще далеко. Пока только вечер. Ах, как жаль, что мне нельзя пойти с вами,— снова пожалел Сеоев,— я бы ее вызвал через жену Али.

— Нет, это не годится! Ни вам нельзя выйти из дома, ни посторонних людей вмешивать в это дело. Но видеть мне ее сегодня надо...

В комнату вошел генерал. Сеоев вскочил со стула и вытянулся.

— Вольно, вольно, сержант! Что это вы за парад здесь устраиваете? — махнул на него рукой генерал.

Я рассказал ему о моем решении встретиться сегодня же с Зосей и о способе, который предложил сержант. Генерал покачал головой.

— Несколько рискованное предприятие,— сказал он,— но в то же время надо возможно скорее встретить Зосю и убедить ее в коварстве ее хозяйки... Иначе...— Он помолчал и тихо добавил: — Иначе Барк околпачит ее и оскорбленная девушка в порыве гнева раскроет ей все наши планы... и про Кружельника, и про Юльского, словом, все.

— Но как же все-таки встретиться с ней?

— Вы знаете расположение ее комнаты?

— Знаю. В самом конце коридора, рядом с черным ходом.

— Вы сумели бы пройти к ней со двора, по лестнице, по которой она уводила вас от Сайкса?

— Сумел бы,— подумав, сказал я.

— Но это, конечно, не решение вопроса. Прийти к ней незваным и неожиданным гостем можно лишь в том случае, если бы явилась в этом неотложная необходимость, пока же этого нет, так поступать не следует. Слушайте, Александр Петрович,— вдруг сказал генерал,— а ведь выход есть, простой и поэтому единственно правильный выход.

— Какой? — оживился я.

— Берите трубку, звоните мистрисс Барк и справьтесь о ее дорогом для вас здоровьи. Это будет и галантно и умно...

— Но при чем же тут Зося?

— А при том, что если госпожа «Ирандуст» дома, то вы, во-первых, сделаете ей приятное, справившись о ее здоровьи, во-вторых, убедите ее в том, что вы одурачены и продолжаете верить в ее сердечный припадок, и, в-третьих, поймете, что, если она дома, то навестить Зосю да еще через черный ход — нельзя. Если же ее нет, а это вполне возможно, то Зося будет сидеть дома, так как вряд ли госпожа Барк оставляет свою квартиру без присмотра, надеясь только на швейцара и обычную прислугу. Ну, а если Зося одна, то вы немедленно же полетите к ней и как угодно, но убедите ее в вашей невинности и в черном коварстве ее госпожи.

— Но если Барк дома, ведь она просила, чтобы я завтра навестил ее?

— Если она дома, то вы завтра и навестите ее, а сегодня как внимательный и воспитанный человек, справитесь по телефону о здоровьи. Ну-с, идите к телефону и вызывайте нужный вам номер.

Мы пошли к камину, на котором стоял телефон, и я позвонил госпоже Барк.

Давно я не испытывал такого волнения, как сейчас, когда ждал ответа на мой звонок. Только в эту минуту я стал понимать, как дорога становится мне маленькая Зося, как глубоко вошла она в мое сердце, в мою жизнь.

Прижав трубку к уху, я услышал быстрое дыханье и милый голосок Зоси:

— Вас слушают...

Я с трудом сдержал свое волнение и тихо сказал:

— Зося!.. Это я. Мне надо...

— Госпожи Барк нет дома, позвоните завтра...— прервал меня ледяной голос девушки.

— Зосенька! Не она, вы нужны мне. Вы, вы мне необходимы! Я должен сегодня же видеть вас, Зося, и, если вам дорого то большое, что связывает нас, примите меня немедленно.

— Госпожи Барк нет дома, и я никого не могу принимать,— резко прозвенел голос Зоси.

Вероятно, на моем лице изобразилось такое страдание, что генерал положил мне руку на плечо. Мне было тяжело, и вдруг мысль, что Зося, говоря со мною так безжалостно и резко, все же не бросает трубки, не кладет ее на рычажок, а ждет, ждет; возможно, еще более взволнованная и тревожная, чем я, одинокая, со своими мыслями и горем, в то самое время, когда рядом со мною стоял надежный, разделяющий мою боль, товарищ и друг.

— Зося, не мучьте себя. Я сейчас иду к вам, и вы поймете, что я хочу добра и берегу вас... Я приду тем ходом, которым вы уводили меня...— с трудом произнес я.

В трубку ничего не ответили, только секунду-

другую я слышал взволнованное дыхание девушки, потом трубка мягко и без стука опустилась на аппарат.

— Идите, Александр Петрович, будьте сдержанны и спокойны,— сказал генерал, ласково погладив меня по руке.— Я буду вас ждать, не заставьте меня беспокоиться... И помните, берегите Зосю. Для нее наступают самые серьезные дни.

Он крепко пожал мне руку. Я благодарно кивнул ему головой и быстро сбежал во двор, оставив генерала и Сеоева в азиатской части занимаемого нами дома.

Было уже довольно темно. Чтобы за мною не увязался какой-нибудь дежурный шпик из банды Сайкса, я вышел через садовую калитку. Идя по теневой стороне улицы, я свернул в аллею и, пройдя шагов сорок, вдруг вошел в тесно сросшиеся кусты. Прошло минуты три. Никого не было. Я уже хотел вылезть из кустов, как вдруг услышал торопливые шаги и чей-то возбужденный шепот. Я затаил дыхание и приник к ветвям...

— По-моему, это был он,— сказал чей-то голос, и мимо меня в темноте аллеи промелькнули два бегущих человека.

— А не ошибаешься?.. — донеслось до меня. Я недвижно сидел между кустов, проклиная за эту неожиданную задержку моих неудачливых филеров. Прошло еще минуты две, и я снова услышал шаги с той стороны, куда пронеслись мои преследователи. На этот раз шаги были спокойней, и голоса людей звучали иначе, чем две минуты назад.

— Я же говорил тебе, что ты ошибся. Никуда

они в это время не ходят, да еще из этой калитки и пешком... что, у них своей машины нет, что ли?

— Уж очень похоже показалось...— смущенно ответил второй. Оба говорили по-персидски, но с южным, похожим на афганский, акцентом. Они прошли мимо меня, причем один из них впопыхах чуть не налетел на куст, под которым сидел я.

— Ну, и темень!.. Глаз можно выколоть, как в лесу...— пробормотал он.

— Вот потому тебе и померещилось бог знает что,— ответил другой.

Их шаги затихли, и в аллее снова воцарилась тишина. Переждав несколько минут, я выполз из-под своего укрытия и, разминая затекшие члены, пригибаясь к деревьям и кустам, выбрался в боковой переулок, по которому вышел к Тавризской улице. Сев в проходящее такси, я велел везти себя к Майдану, оттуда переулками вышел к углу улицы, где жила Эвелина Барк, и увидел маленький домик, о котором говорил Сеоев. Пройдя грязный слабо освещенный двор, я вошел в соседний сад и, стараясь не попасть в полосы света, падавшие из окна, добрался до дома мистрисс Барк. Впереди, под светом ослепительно горевших электрических фонарей, были видны пешеходы. У подъезда горячо жестикулировал в своей опереточной форме швейцар, убеждая в чем-то одетого в передник и белый колпак кухонного слугу. Блеснув фарами, прогудела машина за оградой, вдоль двора прошла женщина с ребенком... Вот и черный ход. Я проскользнул в полуоткрытые двери и, держась за перила, сделал один-два шага, как кто-то схватил меня за руку, и я услышал тихий, умоляющий голос Зоси:

— Как вы решились?.. Неужели вы не пони-

маете, что я не хочу быть игрушкой в ваших отношениях с другими?

— Зося!—прервал я ее.— Дайте только объяснить вам всю подлую интригу вашей хозяйки, и вы через минуту поймете...

— Нет, нет! Я боюсь ваших слов. Вы заговорите ими меня...

— Разве вы не почувствуете лжи, если она будет у меня? Всем сердцем, всей душой вы заметите ее, но я чист перед вами, Зося.

— Хорошо, но не здесь... тут опасно... идемте ко мне, Госпожи Барк нет дома... Она вернется к одиннадцати часам. Идемте, но только на пять минут, не больше,— несвязно шепча эти слова, она тянула меня за собой.— Идите и помните, что у вас всего пять минут...

— О, мне довольно и двух,— сказал я, входя в маленькую, скромно убранную комнату.

Столик, два стула, обитый ситцем диванчик, маленький ковер на полу, зеркало и довольно высокая цветная ширма с аистами, за нею кровать — вот все убранство, которое было здесь, если не считать католического распятия да нескольких фотографий на стенах. Окно во двор было полуоткрыто, и ночной ветерок пробегал по комнате.

— Зосенька, затяните шторою окно,— сказал я.

Девушка взглянула на меня, потом утвердительно кивнула и закрыла штору.

— Далеко комната госпожи Барк?

— Нет, она рядом... За стеной кабинет, дальше спальня, в которой вы так успешно лечили ее, и затем гостиная,— зло сказала Зося.— Но зачем вам знать расположение нашей квартиры?

— Может пригодиться, девочка, а теперь слушайте и, если вы заметите хоть один звук фальши, хоть одно слово лжи, прервите меня, и я сейчас же уйду отсюда.

И я стал рассказывать ей обо всем, что случилось,— о внезапной головной боли мистрисс Барк, ее просьбе проводить домой, о сердечном припадке и о неожиданном появлении Зоси в ту самую минуту, когда ее госпожа так эффектно упала на софу, схватив меня в свои объятия.

По все время менявшемуся лицу Зоси я видел, что мой взволнованный рассказ убедил ее. Недоверчивое, оскорбленное выражение сошло с него. Когда же я сказал ей о том, что госпожа Барк дважды звала ее, Зося вспыхнула, ее ясные, голубые глаза позеленели.

— Ах, какая же она дрянь, пан полковник! — кусая губы, сказала она.— Сейчас я вам верю... я чувствую, что вы говорите правду... Ведь это ж она сама приказала мне не торопиться и прийти ровно в три часа. Теперь я понимаю все... ведь я была здесь, в этой самой комнате, когда раздался звонок.

— Какой звонок? — спросил я.

— Ах, да вы же ничего не знаете,— перебила меня Зося,— ведь у нее в комнате несколько тайных звонков и ко мне, и к швейцару, и вниз к дежурному сторожу, и может быть, еще куда-нибудь... Тот звонок, по которому она звонила мне, это просто кнопка у ее кровати. Она нажимает ее, звонка не слышно нигде, кроме моей ком-

паты, и я сейчас же спешу к ней... Вы понимаете теперь, в чем дело?

— Понимаю!.. Теперь понимаю и то, зачем она дважды спрашивала меня, который час. Однако и подленькая у вас госпожа, моя Зося.

Девушка что-то хотела сказать, но только вздохнула.

— Зося, помните, что все, что говорит и делает она, направлено против меня...

— Я знаю это — тихо сказала Зося.— Я даже хотела сказать вам, что госпожа Янковецкая совсем не «Янковецкая», а Генриэтта Локк, приятельница госпожи Барк, но мне приказано звать ее по-новому.

— Спасибо, Зосенька, это очень важная новость. Итак, пусть ничто не тревожит и не омрачает нашей дружбы, никакой подвох или провокация. Послезавтра вечером Ян будет у меня.

Пока я говорил, пальцы Зоси быстро перебирали кружева ее передника, при последних словах они бессильно упали на колени. Девушка сделала движение ко мне.

— Это... правда?

— Да, послезавтра в десять часов вечера он будет у меня.

— Он знает, что я здесь?

— Нет.

— Боже, Янусь... единственное, что осталось у меня от детства и радостей семьи... Он здоров?

— Вполне! Он честный и хороший малый, ваш Ян.

— О, да! Ян — замечательный человек,— радостно подтвердила Зося.— Он на четыре года старше меня, но я никогда не замечала этого. Он

так заботился обо мне и маме. Он заменил мне рано умершего отца.

— Зося, кем был ваш отец?

— Учителем английского языка в гимназии. Папа был честный, прямой и очень неудачливый человек. Он не любил лжи и ненавидел холопство и поэтому...

— ...и поэтому его часто увольняли и вам трудно было существовать?

Она молча кивнула и, продолжая думать о брате, сказала:

— В жизни много непонятного, и потому она так интересна. Янусь, наверное, не поверит даже, что я тут. Вы, ради бога, подготовьте его к этому... не говорите ему сразу.

— От радости не умирают, Зосенька.

Она бросила на меня благодарный взгляд, тот самый, быстрый, искоса брошенный взгляд, который я так любил.

— А когда же я увижу его?

— Когда хотите, хоть той же ночью? — сказал я.

— Нет,— в раздумье сказала девушка,— ночью нельзя. За мною следят...

Я вздрогнул.

— ...Может быть, мне это только кажется, но я каким-то внутренним чутьем замечаю, что госпожа Барк не очень доверяет мне.

— Почему вы это думаете?

— Не могу объяснить, но это так. Ее ласковая улыбка, сверхвежливое обращение, дошедшее за последние дни до пределов, и вместе с тем быстрые, неуловимые, но колючие, как иглы, испытующие взгляды, неожиданные вопросы, какое-нибудь письмо или бумага, как бы случайно оброненные у стола, постоянное наблюдение за мной...

— Умница моя...— тихо сказал я.

— О нет!.. Я просто женщина, которая инстинктом чувствует опасность со стороны другой, действительно умной и очень страшной женщины.

«Неужели это ревность?» — подумал я.

— Не подумайте, пан полковник, что это...— Зося запнулась и, опустив голову, очень тихо сказала: — Ревность... Нет, глупо было бы делать это. Мне нечего скрывать, что мне приятно ваше общество, что вы...— она еще ниже нагнула голову, и пальцы ее сильнее затеребили передник,— нравитесь мне... но, как это еще далеко от любви... Да и смешно было бы нам, знающим друг друга всего несколько дней, превращать нашу взаимную приязнь в любовь. Это была бы игра в нее, а не хорошее и большое чувство, о котором мечтает каждая девушка.

— И мужчина тоже, Зося,— сказал я.

— ...Во всяком случае мы обе, и я, и госпожа Барк, не доверяем друг другу, и как только я встречу Яна, я брошу это место. Я не хотела говорить вам, но это вырвалось как-то само собой.

— Зося, вы сделаете это скоро, но теперь будьте возможно осторожнее с мистрисс Барк, держитесь с нею мягче и не давайте ей повода не доверять вам. Так надо... остается всего несколько дней этой игры, но игры самой опасной и напряженной, а затем все кончится, и мы уедем в Россию.

— А я? — еле слышно сказала Зося.

— Я говорю «мы», это значит вы, Ян и я, все вместе.

Она улыбнулась и слабо и очень нежно погладила мои пальцы.

— Это началось всего три-четыре дня назад... до этого госпожа Барк была для меня не только госпожой, но и руководительницей и старшим другом. Я действительно дорожила ее вниманием и ее домом, но за последние три дня мы неожиданно стали врагами... В чем-то я не оправдала ее надежд и...

Зося вскочила и, вздрогнув, сдавленно проговорила:

— Идут. Боже, это госпожа Барк, я узнаю ее шаги...

Прозвенел резкий звонок, и сейчас же в коридоре раздались быстрые, уверенные шаги. Они были уже недалеко, выскочить незамеченным через освещенный коридор было невозможно, но встретиться с госпожою Барк у Зоси было равносильно катастрофе. Окно... но я не знал ни его высоты, ни что находится внизу.

— Спокойно, Зося, больше хладнокровия,— шепнул я. Девушка молча кивнула головой, продолжая со страхом смотреть на меня. Схватив фуражку, я быстро открыл двери платяного шкафа и шагнул внутрь. Приотворив дверь, я увидел, как девушка с просветлевшим лицом бросилась в коридор, навстречу мистрисс Барк.

— Вы что, моя дорогая, задремали? — услышал я голос Эвелины и по шуму снова распахнувшихся дверей, понял, что она вместе с Зосей вошла в комнату.

— Нет, моя госпожа, мне было не до сна... — тихо сказала Зося.

— А что... вы нездоровы? Да у вас и лицо не то встревоженное, не то опечаленное. Что с вами, моя девочка? — очень озабоченно спросила мистрисс Барк.

— Нет!.. Я просто задумалась и так глубоко, что не слышала вашего приезда.

— Я пришла пешком. А вы не горюйте, Зося, такие настроения находят на нас, женщин, когда мы влюблены. Вы любите, Зося? — еще мягче и участливей спросила она, и такой нежностью, материнской заботой были проникнуты ее слова, что, если бы я не знал Барк и ее роли в этой истории, я первый поверил бы в ее искренность, так правдиво, тепло и задушевно звучал ее голос.

— Вы молчите, моя девочка?.. Не надо, не любите, это большой и тяжелый крест, нести который могут очень немногие...— ее голос дрогнул и оборвался.

— Вы ошибаетесь, я никого не люблю... Мне просто грустно,— услышал я.

— Пройдите, моя дорогая, ко мне. Там господин Сайкс и лейтенант. Приготовьте, пожалуйста, чай и легкий ужин, я же подожду вас здесь, мне нужно еще кое-что сказать вам...

— Слушаюсь,— донеслось до меня, дверь захлопнулась, и я понял, что остался наедине с госпожой Барк.

Шкаф был невелик, темен, платья девушки довольно густо висели в нем, и я, боясь шелохнуться, прижавшись в углу, ждал минуты, когда Эвелина Барк, наконец, удалится к своим гостям.

Резкий стук насторожил мое внимание. Совсем близко от себя я услышал ее шаги, прерывистое дыхание и шум отодвинутого стула, передвинутой и потом вновь поставленной на место ширмы.

Было ясно, что мистрисс Барк что-то искала или осматривала в комнате Зоси. Негромко стукнул ящик стола, очередь была за шкафом. Еще секунда,— и она распахнет дверцы шкафа и, к своему немалому изумлению, извлечет меня. Волосы, как говорится в романах, готовы были зашевелиться у меня на голове от этой мало приятной перспективы.

Снова быстрые шаги, резкое движение — стукнуло раскрытое окно...

В дверь постучали, и я услышал негромкий, полный понятного мне трепета, милый голос Зоси.

— Моя госпожа, все готово. Я прошу ваших дальнейших указаний.

Бедная девочка! Воображаю, как билось ее маленькое, взволнованное сердце все эти минуты, которые она провела в гостиной.

— Благодарю вас, Зося! Теперь пойдемте. Я останусь с гостями, вас же прошу пройти к госпоже Янковецкой и передать ей мою записку. Сейчас девять часов, гости разойдутся к двенадцати. Вы не торопитесь и поскучайте эти три часа у мисс Генриэтты. Я пишу ей об этом. В двенадцать позвоните мне, и я пошлю за вами авто... но только позвоните обязательно...

— Да, сударыня... я позвоню. Вы разрешите мне переодеться?

Я похолодел. Как она могла сказать это, зная, что я нахожусь в шкафу вместе с ее платьями.

— Нет, этого не надо. Госпожа Янковецкая одна, и вы можете пойти к ней в этом же платье.

— Слушаюсь, сударыня.

Спустя минуту щелкнул выключатель. Ключ дважды повернулся в замке. В коридоре стихли удаляющиеся шаги женщин, и я остался один в темной комнатке Зоси, запертой госпожой Барк.

Минут через пятнадцать, убедившись в том, что вокруг все тихо, я осторожно вылез из своего убежища. Оставаться в комнате и ждать возвращения Зоси было нелепо. Единственный выход — окно. Акробатом я никогда не был, но спорт любил и еще не забыл упражнений на кольцах и турнике. Сейчас все это должно было помочь мне. Держась вдоль стены, я добрался до полураскрытого окна. На дворе было темно. Отсветы улицы еле пробивались сквозь деревья сада. Я бесшумно раздвинул створки окна. Огни у подъезда дома были погашены, тени сада ближе надвинулись к дому. Повиснуть на руках и потом спрыгнуть вниз было бы не трудно, на фронте приходилось делать вещи и посложней, но черт возьми, идя сюда, я не выяснил, что находится внизу. Хорошо, если двор, а если ограда или палисадник. Ведь я мог попасть на острие изгороди или с грохотом свалиться на жестяную крышу. Я нащупал ногами карниз, он был широк. Держась за подоконник и уже собираясь спускаться вниз, я услышал через неплотно закрытое окно несколько слов, заставивших меня насторожиться. Соседнее окно было затянуто шторой, но слабый свет пробивался сквозь него. Осторожность требовала немедленного моего исчезновения, но какой же солдат, попав в самое логово своих врагов, не постарался бы узнать их планы и намерения. Держась за выступы стены, я продвинулся по карнизу. Шум голосов явственнее долетал до меня. Я стал разбирать отдельные слова. Говорили по-английски.

— ...Это обстоятельство начинает беспокоить меня...— голос человека, говорившего эти слова, был мне очень знаком.

Сквозь неплотно прикрытые шторы я узнал ма-

ленького человечка. Прохаживаясь по комнате, он курил сигару, поминутно стряхивая пепел.

— ...По моим соображениям, Годлевский, или будем называть его Смитом, уже давно должен быть в Лондоне, но...— тут он снова стряхнул пепел, и я с удивлением заметил, что мой старый знакомый держал сигарету в левой руке,— ни я, ни разведывательное бюро генерала Андерса не получаем о нем никаких сведений... Что это значит? Или Смит убит, или погиб в пути от какой-либо случайности, непредвиденной в военной обстановке...

— Не могли его немцы ликвидировать,— услышал я чей-то голос.

— Нет! Я имею сведения, что он добрался до них и должен был из Берлина отправиться в Лондон.

— Так значит он появится,— снова сказал невидимый мне человек.

— Не думаю... Группировка немцев в этом районе разбита, штабы уничтожены, захвачены пленные. И если Годлевского не убили, то он может оказаться среди них...

Сайкс, бросив окурок в пепельницу, зажег новую сигару левой рукой. Я не ошибся, он был левшой.

— Это, конечно, моя вина,— все также прохаживаясь, заговорил он.— Мне не следовало выпускать его живым, но ликвидации Годлевского помешала войсковая немецкая разведка. Он был нужен немцам, и я должен был удовлетворить их.

— Так что же делать? — услышал я голос Барк.

— Подождать еще несколько дней. Я запросил германское Нахрихтенбюро. Если спустя пять дней Годлевский — Смит не найдется, надо будет

считать, что он провалился, а это, как вы сами понимаете, грозит крахом всей нашей работе здесь.

— Значит, надо ускорить ее финал,— сказала Барк.

— Ответят ли немцы? — спросил молчавший до сих пор лейтенант.

— Ответят!

— Прошу к столу,— пригласила хозяйка.— Вот чай, кекс, сандвичи, тартинки. Вино и фрукты тут же... Каждый обслуживает себя.

Человек, бывший невидимым мне, поднялся и сел возле хозяйки. Это был хорошо одетый лет пятидесяти господин с перевязанной головой и кровоподтеками на лице.

Сайкс налил себе полстакана вина и, продолжая прохаживаться, стал маленькими глотками пить вино.

— Я думаю, что пора кончить историю с улицей...— сказала мистрисс Барк.

Она назвала ту самую улицу, на которой находился наш дом.

— Мне не очень нравится все то, что так хорошо было составлено на бумаге вами, сэр Джефри,— обращаясь к Сайксу, продолжала она.— По-моему, ни одна из так красиво составленных вами затей — не удалась.

Сайкс остановился и, глядя на нее, спокойно потягивал вино. Бокал он держал в левой руке.

— Да... я не вижу положительных результатов ни от микрофона, установленного там... порою я даже думаю, что он служит не нам, а противной стороне...

— Почему вы это думаете? — спросил Сайкс.

— Мне кажется подозрительной безобидная болтовня тех людей, за которыми мы следим.

Насколько я знаю, они не так наивны и легковерны, я уже говорила это и повторяю и сейчас. Не нравится мне и письмо, привезенное вами к этой глупой польской гусыне. Что оно дало нам? Наши усилия завлечь при ее помощи полковника свелись к тому, что она влюбилась в него...

— Это интересно. Вы уверены в этом, Эви? — снова наливая себе вина, спросил Сайкс.

— Уверена! Через три дня, много — четыре, она совершенно потеряет голову от любви и тогда...

— ...Тогда она вообще потеряет ее,— отхлебнув глоток, спокойно сказал Сайкс.— А какие у вас основания, дорогая, для этого?

— Я их скажу после. Почему вы не пьете чай, мистер Кожицин? — обратилась она к забинтованному человеку.

— Благодарю! Я не люблю горячий,— ответил спрошенный.

— И это все, Эви? — спросил Сайкс.

— Почти все.

— Ну, так я думаю, что у вас несколько взволнованно воображение. Я лучше знаю господ, о которых ведется речь. Информация ваша не точна. Ведь я сам был на русском Западном фронте...— И он назвал город, в котором впервые явился ко мне,— у этого полковника. Наши осведомители очень польстили ему, описывая его, как умного и энергичного человека. Разве он не был одурачен моим детски-неправдоподобным рассказом о доме, в котором появляются привидения?.. И счастье, вернее, случай спас его. Они опоздали, как это вообще принято у русских, к назначенному времени, и взрыв произошел без них. А история с женщиной-врачом, подосланной к нему? Разве

умный и опытный разведчик допустил бы такую оплошность? Нет, дорогая и очень умненькая госпожа Барк, он далеко не таков, каким рисует его наше информационное бюро. Он вреден нам в другом. Они оба, со свойственными русским коммунистам настойчивостью и упорством, сделали в короткий срок то, что другие не смогли бы в полгода. Судя по данным, получаемым мною из точного источника, вся дорога от Тегерана и до Бендер-Шаха неуязвима. Русские превратили ее в крепость. Возможно, что вскоре нам вообще придется прекратить работу, так она начинает делаться бесполезной.

— Значит, ее тем более надо усилить, пока она еще нужна,— сказала Барк.

— Да!.. Но это дело тех, кто решает такие вопросы, наша же задача — покончить с этими двумя людьми. Их смерть и уничтоженный доклад — это минимум два месяца новой работы новых, не вошедших в курс дела, людей... И я не думаю, что это трудно исполнить. Мы должны теперь же ликвидировать их. И в первую очередь это нужно сделать с полковником. Несмотря на свою ограниченность, он немало навредил нам. Вспомните арест Краузе и разоблачение Хартли.

— Нужно ли это? — перебила его госпожа Барк.— Хартли типичный болван, да и выдал его какой-то пьяница-летчик. Мне кажется, что уничтожать этих людей теперь уже не к чему, поздно. Ну, ликвидируем мы их — и что же? Взамен их русские пришлют сюда на уже готовое и налаженное дело новых людей, которые будут работать еще лучше, как вы сами говорите, безупречно.

— Это ничего не значит,— жестко сказал Сайкс.

— Но для чего же? Чтобы создать дипломатические и политические осложнения? — спросила госпожа Барк.

— Нет, Эви,— прервал ее Сайкс.— Этот икс обязательно будет уничтожен, хотя бы уже потому, что он дважды стал мне поперек дороги... И не только как военный агент противной стороны, но и как мой личный враг...— в голосе Сайкса прозвучала странная нотка.— А вообще,— он двусмысленно засмеялся,— на вас это как-то непохоже, моя дорогая Ирандуст... Вы, и вдруг... милосердие к врагу!! Что с вами случилось, вы подобрели, или,— Сайкс снова усмехнулся,— или вы изменились? Вас беспокоит судьба этого человека?

— Нет! Я не меняюсь, и вы отлично это знаете, Джефри, но я против бессмысленной крови. Я просто не вижу необходимости ликвидации этого вполне заурядного человека, а кроме того, вы, в своей ненависти к нему, забываете, что насильственная смерть подобного лица вызовет немедленное расследование и дипломатические осложнения.

Сайкс расхохотался.

— Дорогая Эви, вы расстроены. Ведь вы же прекрасно знаете, что в арсенале диверсионной службы имеется тысяча и один способ уничтожения противника так, что ни одному следователю и не придет в голову, что человек погиб насильственной смертью. Изо всей этой тысячи способов мы применим только один, но зато это будет самый лучший и тогда ваш подзащитный отправится к праотцам... И клянусь, если даже это будет грозить разоблачением, я все равно сделаю это. Это мое уже личное дело,— с нескрываемой ненавистью закончил Сайкс.

— В нашей работе не должно быть «личных дел»,— холодно ответила Барк.

— Я не забывал этого правила, Эви, но мы оба в этой истории, кажется, допустили по одному...— он зло и многозначительно подчеркнул,— «личному делу».

— Господа, я не думаю, чтобы из-за такого пустяка стоило волноваться,— примиренчески сказал забинтованный человек.— Я тоже считаю этого полковника простоватым человеком. Я сужу по его окружению.

— Вы говорите о сержанте Сеоеве? — ехидно спросила Барк.

— Хотя бы о нем. Этот глупый верзила с дурацким характером и пудовыми кулаками не должен сотрудничать в таком деле. Это ясно, и если он все же работает в нем, это значит, что и его начальство стоит не намного выше его. Этот прямодушный и глупый гигант должен служить в артиллерии, а в мирное время выступать в цирке. Его чувства и мысли можно прочесть раньше, чем он выразит их языком.

— Однако вы не смогли их прочесть раньше, чем он высказал их при помощи кулаков, — вставила Барк.

— Моя дорогая Эви, он прав. Эти господа не стоят вашего мизинца. Вопрос об этих русских кончен, давайте поговорим...— сказал Сайкс. Вдруг он быстро шагнул к окну и так быстро откинул штору, что я едва успел отодвинуться.— Хороши и мы!!.— распахивая окно и вглядываясь в темную, непроглядную ночь, сказал он.— Ведем беседу при полуоткрытом окне.

Он закурил новую сигару, спичка озарила его лицо. Расстояние до него было не более метра. Я ясно видел его характерное лицо с четким,

словно вырубленным подбородком. Спичка еще горела, он швырнул ее левой рукой, и огонек, мигнув в воздухе, погас.

— Чудесная ночь, господа,— сказал он.

Кто-то подошел к окну. Присев на корточки, я еле держался на карнизе.

— Такие ночи продлятся еще с неделю. Потом появится луна и помешает вам посетить полковника! — продолжал Сайкс человеку, стоявшему возле него.— На этих днях он вылетает в Тифлис. Вы понимаете меня, господин Кожицин? — по-русски закончил он.

— Вполне! Я готов к визиту,— также по-русски ответил стоявший рядом человек.

— Превосходно. В первый раз вы посетили наших «друзей», в виде рабочего, во второй посетите, как говорят русские, в качестве ночного татя,— он рассмеялся.— А теперь закроем окно и продолжим нашу беседу.

Сайкс шумно захлопнул створки окна и наглухо затянул шторы. Тьма окутала меня. За садом смутно светили уличные фонари, где-то лаяла собака. Повиснув на руках, я спрыгнул вниз и осторожно пошел прежним путем. Спустя несколько минут я уже был на широкой улице, озаренной светом реклам.

Такси довез меня до угла, отсюда я той же аллеей и через ту же калитку, незамеченный никем, вернулся домой.

Было больше одиннадцати часов. Я прошел к генералу и рассказал ему обо всем, услышанном мною.

О том, как спала эту ночь Зося, можно было понять с первого же взгляда. Она осунулась и

производила впечатление человека, только что перенесшего болезнь.

— Что с вами, Зосенька? — нарочито весело спросил я, как только на звонок швейцара девушка спустилась в вестибюль.

— Здравствуйте, пан полковник,—приседая и в то же время напряженно вглядываясь в меня, сказала она.

— Здравствуйте, здравствуйте, красавица, я заехал справиться о здоровьи госпожи Барк.

— Благодарю вас. Все благополучно, мадам просит вас навестить ее.

— Скажите моему шоферу,— обратился я к крутившемуся возле нас швейцару,— что он может возвращаться домой.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — засуетился швейцар, исчезая за дверью.

— Зосенька! — тихо шепнул я.— Все хорошо, кроме вашего вида.

Она быстро глянула на меня и, пропуская вперед, также тихо сказала:

— Да?

Я засмеялся, кивнул головой и так быстро взбежал по лестнице, что она едва догнала меня.

— Вероятно, вы хороший гимнаст? — спросила она, переводя дыхание.

— О да! Особенно же люблю бег и прыжки, это развивает легкие,— сказал я, видя, как порозовели щечки девушки.

Госпожа Барк все еще была бледна, а темные, чуть намечавшиеся круги под глазами говорили о том, что бедная женщина тяжело переносит серьезные приступы сердечной болезни.

Я участливо спросил о ее здоровье, в душе восторгаясь ее искусным гримом и еще более искусной игрой.

— Ах, дорогой друг, вы позволите мне называть вас так? — слабо и томно спросила она.

— Ну, конечно! — ответил я.

— У меня вчера вновь был острый приступ болезни. Я еще несколько слаба и приму вас полулежа,— откидываясь на софу и указывая рукой на место возле себя, продолжала она.— Вчера весь вечер я была как в тумане. Голова словно налита свинцом, не хватало воздуха, и врач, посетивший меня вечером, предложил абсолютный покой.

— Значит...— делая встревоженное лицо, поднялся я с места.

— Нет, нет! — остановила она.— Это прописано было только на один вечер. Сегодня я здорова и с удовольствием выпью с вами чашку кофе и съем первый со вчерашнего дня сандвич.

Я сочувственно покачал головой, вспоминая, как эта «больная» с наслаждением уписывала вчера

со своими «врачами» ужин, запивая его чаем и вином.

— Ваша Зося тоже выглядит больной,— сказал я,— что с нею?

Мистрисс Барк глянула на меня, улыбнулась и, забывая роль больной, сказала небрежно:

— Эта болезнь называется влюбленностью. Излечивают ее не доктора, а сами больные своими средствами,— при этих словах она наблюдающе скользнула по мне взглядом. Я сделал глуповато-растерянное лицо и недоумевающе посмотрел на нее.

— Однако кофе готов,— сказала Барк,— и никакая любовь в мире не помешает нам его выпить.

Она позвонила. В коридоре послышались шаги. Мистрисс Барк откинулась еще глубже к спинке софы, и ее локоть коснулся моего плеча.

— Мой дорогой друг, я была уверена, что вы посетите меня. Ваша забота, ваше внимание дороги мне,— тихо, но так, чтобы слова ее были слышны за дверью, произнесла Барк.

— Войдите, Зося! Я же слышу, как вы замерли у порога,— спокойно и негромко сказала она.

Я боялся, что девушка не сумеет скрыть своей ненависти к хозяйке.

— Я ждала разрешения,— просто ответила Зося.

— Кофе и вина! Откройте, моя малютка, бутылку испанского золотистого «Санта Круц». Мне хочется поправиться и вместе с тем чокнуться с вами, мой дорогой друг и исцелитель,— поднимая на меня глаза, сказала Барк.

— Сейчас исполню,— тихо ответила Зося.

— Дорогая госпожа Барк! На этих днях я на

три — четыре дня улетаю в Закавказье, буду и в Баку. Разрешите мне привезти вам банку самой лучшей икры, какая только найдется на промыслах Азербайджана? Вино и икра исцелят вас от всех болезней.

— Спасибо. Я очень люблю икру, а вы, русские, умеете особенно хорошо приготовлять ее.

В комнату вошла Зося, держа на подносе откупоренную бутылку вина и два хрустальных, отливавших зеленым и синим цветом, фужера.

— И все же мне грустно слышать, что вы уезжаете... Мне будет недоставать вас... Я очень привыкла к вам,— задумчиво произнесла Барк, успевая из-под ресниц глянуть на молча стоявшую возле нас Зосю.

— Почему же два бокала? — словно спохватившись, сказала она.— Зосенька, дитя мое, вы должны, вы просто обязаны выпить вместе с нами за моего исцелителя,— указывая на меня глазами, сказала госпожа Барк.

— Это не принято... Я не смею...— тихо проговорила девушка, отступая назад.

— Глупости, Зося, забудем условности этикета и выпьем за нашего общего друга,— очень мягко, с еле уловимой иронией, произнесла Барк.

Боясь, чтобы девушка не сделала неосторожного шага, я поднял бокал и твердо сказал:

— Выпьем, Зося! Вино чудесное, и его стоит выпить.

— Хорошо,— сказала она и, достав третий фужер, наполнила и его пенящейся влагой.

— За исцелителя и друга! — чокаясь, сказала Барк.

— За избавителя и друга! — тихо повторила Зося, и по ее дрогнувшим ресницам и вспыхнув-

шему лицу я понял, что она не случайно заменила одно слово другим.

Когда девушка вышла, Барк, наклонившись ко мне, улыбаясь спросила:

— А вы знаете, почему так странно держится эта малютка?

— Нет!

— Она ревнует вас ко мне... Потому что она влюбилась в вас. Это немножко забавляет меня... Что вы так удивлены, разве вы не знали этого?

— Не знал... хотя это приятное открытие.

— Еще бы. Девушка мила, свежа, пикантна...

— Но... вы уверены в этом?

— Конечно, и, правду говоря, мой полковник, мне не хочется так легко отдать вас ей... потому что вы нравитесь и мне...

Она поднесла бокал к губам и, глядя мне прямо в глаза, кивнула головой.

— Да, нравитесь! А теперь поступайте, как знаете. Если хотите, то я могу сейчас отправить погулять с вами Зосю. Я не ревнива, но только прошу: перед вашим отлетом в Закавказье зайдите ко мне...

Она вздохнула, встала и, подойдя ко мне, нежно и очень целомудренно поцеловала меня в лоб.

— Я не могу так проститься с вами... Обещаете?

— Да, дорогая госпожа Барк,— смотря ей в глаза, сказал я.

— Благодарю. Я буду вас ждать,— закрывая глаза и нежно гладя меня по голове, прошептала она. Ее пальцы, мягкие, холеные и теплые, источали аромат духов.— А теперь,— открывая глаза и отходя в сторону, сказала она,— идите и

погуляйте с влюбленной малюткой. Только не вскружите ей головы и... не забывайте меня.

Спустя несколько минут я и Зося сходили с лестницы, провожаемые поклонами швейцара.

Прогулка наша продолжалась долго. Наняв экипаж, мы выехали на шоссе за Казвинские ворота и, оставив на заставе фаэтон, вышли в поле, собирая цветы и рассказывая друг другу впечатления вчерашнего дня.

— Когда госпожа Барк осталась с вами в моей комнате, я чуть не потеряла сознание от страха. Мне показалось, что она знает о вашем посещении. Я не находила себе места и поспешила обратно в комнату, боясь, что она обнаружит вас.

— И это случилось бы непременно, если бы вы не пришли так во-время,— сказал я,— она что-то искала у вас, и ваше появление остановило ее.

— Я уже не впервые замечаю следы осмотра вещей,— сказала Зося.

Из разговора с девушкой я понял, что, когда она накрывала чай, в гостиной находились только Сайкс, лейтенант и сама хозяйка. Где же был Кожицин? Возможно, что его держали внизу, в комнатах первого этажа, до тех пор, пока Зося не ушла к Янковецкой.

Я переменил тему разговора, конечно, не сказав девушке ни о Кожицине, ни о моих открытиях на карнизе ее дома.

— Как только я увидела незакрытое окно, я поняла, что вы ушли через него, и у меня отлегло от сердца. Вы не ушиблись? — улыбаясь, спросила она.

— Нет! Я даже не представлял, что так легко совершу этот прыжок. Вы когда вернулись домой, Зося?

— В начале первого часа. Госпожа Барк по-

звонила к Янковецкой, а спустя десять минут за мною пришел автомобиль.

— А когда вернулись?

— Когда вернулась, госпожа Барк была одна, лежала в постели, читала книгу. Со мною была исключительно мила. Ну, а сейчас вы видели, как она продолжает вести свою игру. Я говорю о бокале вина...

— Я очень боялся, Зося...— начал было я.

— Не бойтесь,— остановила она.— Я не знаю тонкостей и методов моей госпожи, я не так хитра, как она, но и не такая простушка, какой она считает меня. Многое мне было непонятно, ко многому я относилась безразлично, а кое-что нарочно не хотела замечать. Я была в стороне от интриг и затей госпожи Барк, мне не было ни нужды, ни охоты заниматься ими, но когда я вижу, что служу только орудием в чужой подлой игре, когда дорогие для меня...— она поправилась,— дорогой для меня человек, мой брат, чуть не стал жертвой их гнусной интриги, я перестаю быть равнодушной. Я становлюсь на ту сторону, где находится мой брат... и вы! — взволнованно сказала она.

Я заглянул в ее чистые, еще горевшие огнем возбуждения глаза, и мы крепко поцеловались. Потом она высвободилась из моих объятий и быстро пошла по дороге.

— Завтра, Зосенька, Ян будет в Тегеране, и когда только захотите — вы увидите его.

— Я несказанно счастлива всем... и приездом брата, и вашей...— Она тихо договорила: — Привязанностью ко мне.

— Зося! Будьте осторожны. Один неосторожный шаг, малейшая оплошность — и эти изверги

не задумаются уничтожить вас! — взволнованно сказал я.

— Я знаю это. Они не остановятся ни перед чем, но теперь я не боюсь их. Возле меня будут брат и вы...— Она взглянула на меня таким смелым и доверчивым взглядом, что я успокоенно кивнул.

— Вы знаете, где мы живем? И сумеете, если нужно будет, прийти к нам?

— Если будет надо, днем ли, ночью ли, бросив все, я сумею добраться до вас. А теперь, мой дорогой друг,— она лукаво улыбнулась,— как называет вас госпожа Барк, пойдемте к экипажу. Пора домой.

Мы условились о деталях и условных знаках, которые должны были облегчить наши следующие встречи. Так, например, телефонный звонок ко мне и английские слова: «Что это, магазин Пэль-Мэль?» означали, что случилось нечто важное и что Зося ожидает меня в вестибюле этого магазина.

Я отвез ее домой и, довольный успехами дня, вернулся к себе.

Генерал сидел в кабинете.

— Ну, как здоровье вашей знакомой? — спросил он, поворотившись в сторону спрятанного микрофона.— Болеет или уже поднялась?

— Лучше... Вчера был врач... предписан покой и отдых, но, сами понимаете, сердце,— сказал я.

— Знаем мы эти женские болезни. Нервы или еще какие-нибудь пустяки... А вы, конечно, растаяли, видя ее этакой умирающей Травиатой.

— Не растаял, но... по правде сказать, стало жалко...— я запнулся.

— ...И соблазнительно,— смеясь закончил генерал.— Ах, Александр Петрович, женщины — это та самая апельсиновая корочка, на которой вам суждено поскользнуться. Ну, да ладно, скажите лучше, когда вы сможете лететь в Тбилиси? — он молча подсунул мне бумажку.

«Дня через два»— было написано на ней.

— Дня через два.

— Отлично! Я без вас занялся работой, и вот у меня есть кое-какие замечания по поводу доклада. Все эти данные и план важны для верного освещения дела. Секретные данные, собранные вами, я ценю, но надо, чтобы доклад отражал не вашу личную точку зрения, а был политически обоснован и верен. Помните, что выводы касаются работы всей смешанной комиссии. Мы отвечаем за каждое слово,— строго закончил генерал.

— Слушаюсь, товарищ генерал! Итак, доклад я беру с собою, а его копию оставлю здесь. Он и комментарии будут в сейфе.

— Хорошо! Закончим это. А теперь расскажите, как поживает прелестная полячка Зося,— снова переходя на шутливый тон, спросил генерал.

— Нормально. Ездил с нею за Казвинские ворота. Замечательная девушка.

— Хорош! — засмеялся генерал.— Запутался в двух соснах... Кто же, наконец, вам нравится, Барк или Зося?

— Не знаю,— вздохнул я.— Когда нахожусь с госпожой Барк — она, а когда встречаюсь с Зосей, то Зося.

— Черт знает, что вы говорите! Довольно-таки безнравственные речи! — возмущенно прервал меня генерал.— Не нравится мне это, дорогой

Александр Петрович, улетайте-ка скорее в Тбилиси, может быть недельная разлука остудит ваши донжуанские страсти. Жениться, говорю вам, жениться пора,— вставая, сказал он, с шумом захлопывая папку.

— Товарищ генерал, я завтра съезжу на аэродром, выясню, когда идут самолеты на Тбилиси.

— Съездите,— сказал генерал, и мы вышли из кабинета.

Автомобиль вынесся через Казвинские ворота. Мелькнула цветная мозаика стен, блеснул ствол ружья охранявшего арку сарбаза. Шоссе длинной лентой протянулось впереди. Вдали темнели горы, слева тянулась равнина, впереди раскинулись сады, окружающие Тегеран. Обгоняя вереницы пешеходов и караваны верблюдов, перегоняя «доджи» и здоровенных мужчин, едущих верхом на осликах, мы понеслись вперед. Столица Ирана осталась позади. Вот и первая почтовая станция, пережиток прошлого, когда от Тегерана и до Энзеля шли почтовые дилижансы. Мелькнул американский «флипп», за ним «виллис», и снова пыльное шоссе с темнеющими на горизонте деревьями.

Вечерело. Знойный день заканчивался. Темная пелена уже сгущалась над горами. С Демавенда и Мазандеранских хребтов медленно сходила прохлада. Хотя шоссе и не очень загружено транспортом, но езда по нему опасна главным образом из-за беспорядочного лихачества военных машин.

Мой шофер осторожно вел машину, лавируя среди попадающихся караванов, уже издалека давая оглушительные гудки встречавшимся по пути американским авто. Спустя час мы доехали

до Кереджа, где находился наш аэродром. Часовой, проверив пропуск, поднял рогатку шлагбаума, и мы очутились на территории аэродрома.

Самолеты из Баку еще не пришли. Переговорив с начальником аэродрома, я попросил у него закрытый «зис», в котором намеревался везти к себе Аркатова и Кружельника. Ничего, кажется, нет на свете томительнее ожидания на вокзале запаздывающего поезда или на аэродроме идущего не по расписанию самолета.

— Скоро,— утешил меня подполковник, начальник аэродрома,— минут, может быть, через сорок, не позже,— спокойно закончил он и, вдруг улыбнувшись, добавил: — Хотя один может появиться и раньше. На нем такой лихой пилот, что точно сказать нельзя. А вы не тоскуйте, поиграем в шахматы, чайку с коньяком попьем — время и пробежит.

Я так и сделал. Расставив шахматы и потягивая дымящийся, заправленный коньяком чай, мы начали игру. Я далеко не Ботвинник, а мой партнер не Капабланка, поэтому, сделав ходов по двадцать и безбожно запутав партию, мы остались без ферзей и без слонов. Поредевшие пешки уныло торчали по краям доски, было видно, что наша скучная игра не вдохновляла их.

— Ничья! — вдруг решительно сказал подполковник, хотя и кони, и ладьи были еще целы на доске.

— Может, еще повоюем,— неуверенно сказал я,— у меня тут намечается интересная комбинация.

— Самолет подходит, надо встречать,— поднимаясь, сказал мой партнер.

И тут, напрягая слух, я услышал далекое, чуть слышное рокотанье мотора.

— Да, как вы это различили? Ведь тут ваши машины ревут без конца? — спросил я.

— Э-э! Моих я знаю по голосу. Любую интонацию своих моторов наизусть помню, в воздухе их по почерку узнаю.— Он засмеялся, видя мое непонимающее лицо.— Ну, по манере полета, что ли, а этот не мой. Это воздушный извозчик, полувоенно-пассажирский самолет, людей и грузы таскает. У него свой, особый голосок имеется, весьма отличный от наших.

Мы вышли из помещения.

— Во-он он, по-над тучкой ползет, видите? Да не туда... левей, левей смотрите,— указал подполковник, и я не без труда разглядел идущий на очень большой высоте самолет.

— Однако забрался...— сказал я.

— Это что!.. Пилот этого самолета ниже чем на трех тысячах не ходит. Ему бы боевой «ил» или «як» дать, он на нем чудеса бы наделал.

— Так дайте.

— Нельзя...

— Почему?

— Увидите сами, а затем, разве везти сюда ответственные грузы и людей не важная задача. По-моему еще сложней, чем фрицев из облаков выковыривать,— сказал подполковник и восхищенно закричал: — Ох, и летит же здорово! Вы посмотрите, товарищ полковник, какая посадка будет. На три точки прямо из-под самого неба сядет.

Самолет был уже недалеко. Блеснули под лучами заходящего солнца его крылья, затем он вырвался из бегущего впереди облачка, сделав крутой вираж и стремительно планируя, пошел на посадку.

— Ловко! — восхищенно сказал подполковник.

На подготовленной к приему площадке уже суетились махальщики с флажками. Показался прямо на нас бегущий самолет, он рос, из-под его колес взлетала взвихренная пыль и былинки, захваченные мощным воздуховоротом пропеллера.

Мгновенье, другое... и самолет застыл метрах в сорока от нас, прямо у черты, отмеченной белой краской.

— Ни на дюйм дальше!..— восхищенно крикнул подполковник и побежал к самолету.

Я бросился за ним к дверцам, которые уже открыл дежурный сержант. В открывшееся отверстие я увидел немножко растерянное, знакомое лицо Аркатова.

— Привет! — завидя меня, закричал капитан и замахал руками. Он сошел по лесенке, и мы расцеловались.

— Ох и похорошели же вы, товарищ полковник! — сказал Аркатов.

— Ну, уж и похорошел!.. Просто отдохнул от фронта,— засмеялся я.

— Честное слово, правда, товарищ полковник, вы даже моложе стали! — уверял он.

— Могу подтвердить слова капитана. Вас действительно не узнать, товарищ полковник,— раздался возле меня женский голос.

Я оглянулся. Возле нас, улыбаясь, стояла женщина пилот в кожанке с погонами старшего лейтенанта и летным шлемом на голове, из-под которого выбивались золотые пряди волос.

— «Сусанин»,— вдруг вспомнил я.— Елена... Елена...

— Павловна. Ну, значит, не совсем забыли,— рассмеялась летчица,— вот где привелось свидеться...

— Действительно неожиданная встреча! — сказал я, пожимая ей руку.

— Э-э, да вы, оказывается, старые приятели,— разочарованно произнес подполковник,— а я-то хотел похвалить вас, товарищ Кожанова. Вот, мол, какой у нас лихой летчик на связи работает.

— «Старые друзья», а ведь не сказала, куда едет,— засмеялся я.

— Но ведь и вы тоже промолчали,— сказала Елена Павловна.— Да и зачем это было надо? Военная тайна, пусть даже самая незначительная, остается тайной.

— Правильно, старший лейтенант! — важно подтвердил подполковник.— А теперь прошу в помещение, разговеться с дороги.

Они пошли.

— А где же Кружельник? — спросил я Аркатова.

— Я тут, обыватэлю полковник,— делая шаг вперед, проговорил молодой высокого роста сержант в летной форме, стоявший у самолета.

— Это мы в целях конспирации переодели его в нашу форму,— объяснил Аркатов.

Я посмотрел в лицо спокойно глядевшего на меня сержанта. Оно понравилось мне. Взор был ясный, глаза смотрели спокойно и доверчиво, а открытое, симпатичное лицо располагало к себе.

— Здравствуйте, Ян Кружельник! — подавая ему руку, сказал я.

— Здравствуйте, обыватэлю полковник! Вы знаете мое имя? — спросил он, и по вспыхнувшему лицу пробежала краска радостного смущения.

— Знаю! Мне приятно познакомиться с вами. Я много слышал о вас хорошего, сержант.

Он недоумевающе посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Аркатова, тоже вопросительно смотревшего на меня.

— Потом объясню, а сейчас пойдемте к нашему гостеприимному хозяину и закусим с дороги. Во всяком случае, Ян, помните, что вы попали к доброжелательно относящимся к вам людям.— И мы пошли к дому подполковника.

Кружельник говорил по-русски довольно свободно, лишь несколько твердо произнося слова.

— Где вы научились русскому языку? — спросил я.

— В Варшаве. Я брал уроки у живших там русских, а затем, когда мы отступили из Польши,— в армии.

Мы вошли в комнату, где уже хлопотал подполковник. Елена Павловна, сбросив кожанку, осталась в платье защитного цвета, на котором блестела «Красная Звезда».

Аркатов и Кружельник пошли помыться, а я присел возле Кожановой.

— Итак, два москвича снова случайно встретились в столице Ирана. Удивительные все-таки вещи бывают на свете,— сказала она.

— На войне все возможно,— ответил я.

В комнату вошли Аркатов и Кружельник. Свежие, только что помывшиеся, пахнущие одеколоном, они внесли с собой струю молодости и задора. Когда все расселись по местам, подполковник, подняв бокал, сказал:

— Сто казенных граммов за победу, за разгром врага!

Мы выпили.

— Вторые и последние за Родину! — снова произнес хозяин.

Мы стоя выпили за предложенный тост, потом

сели, беседуя о Москве, о делах фронта, обо всем, что волновало наши сердца.

За окнами уже была ночь, когда я встал и распростился с гостеприимным хозяином.

— Ваш «зис» вернется к утру.

— Пож-жалуйста. У меня тут еще три машины,— ответил он.

— Товарищ полковник! Через день я улетаю обратно, завтра буду в Тегеране, может быть, вы разрешите навестить вас? — сказала Кожанова.

— Будем рады, Елена Павловна. Обязательно зайдите,— и я дал ей наш адрес.

Спустя полчаса вместе с Кружельником я ехал обратно в столицу. За нами шла моя машина, в которой подремывал Аркатов.

Мы въехали во двор через распахнутые ворота, сейчас же захлопнувшиеся наглухо. Спущенные занавески не дали возможности дежурившим у дома шпикам рассмотреть сидевших в машинах людей.

Я и Аркатов пошли к генералу, дожидавшемуся нас на своей половине дома.

— Здравствуйте, старый приятель,— радушно приветствовал Аркатова генерал. Они трижды поцеловались.— Ну, выглядите вы по-старому, разве только одеты попарадней,— сказал генерал, оглядывая Аркатова.

— Зато вы оба, товарищ генерал, помолодели.

— Ну, какое там помолодели, просто отдохнули на спокойных хлебах невоюющего государства,— сказал генерал.— А где же ваш спутник?

— Он остался с Сеоевым,— ответил я.

Мы сели. Генерал спрашивал Аркатова о фрон-

те, об офицерах-сослуживцах, словом, обо всем, не задавая ему вопроса о «деле с привидениями». Капитан охотно и подробно отвечал, но было видно, что этот общий и не имеющий прямого отношения к его вызову разговор удивлял его.

— А мы, товарищ генерал, ломали голову, где вы. Одни говорили — в Верховной ставке, другие уверяли, что на Дальнем Востоке, третьи — что вы командуете армией на юге, а были и такие, что уверяли, будто видели вас даже на Урале.

— Словом, сам вездесущий бог,— засмеялся генерал.— Ну, а как там у вас идут дела? Кончили вы, наконец, «дело о привидениях»?

Аркатов хитро посмотрел на него.

— Так точно, товарищ генерал! Все то, что касалось нас, уже сделано, а теперь будем вместе заканчивать то, что осталось у вас.

Мы рассмеялись.

— А почему вы так думаете, Аркатов?

— Очень просто, товарищ генерал. Во-первых, потому, что товарищ полковник писал, что и мы, и вы с двух концов ведем это дело. А раз вы находитесь здесь, значит, и оно тут. Это первое. Если же так стремительно и срочно вызывают меня и капрала Кружельника с фронта, значит именно по тому самому делу, которое распутываем мы,— это второе.

Он замолчал, выразительно глядя на нас.

— Кое-что верно, во всяком случае логически мыслить вы еще не разучились,— улыбаясь, сказал генерал.— Так вот, именно за этим вы и вызваны сюда. Расскажите сжато и ясно все, что показал Юльский, и какие выводы и заключение сделало следствие.

Было уже около двух часов ночи, когда капитан закончил свой «сжатый» доклад.

Юльский не утаил ничего. Поняв, что выхода нет, что дело раскрыто и что Сайкс выбыл в Иран, он решил рассказать все.

— Сначала он не верил в отъезд Сайкса и просил вызвать кого-нибудь из Союзной торговой миссии, но когда мы показали ему письменное отношение из миссии об отъезде Сайкса и о том, что никто не знает Юльского и поэтому ничем не может быть полезным ему, он сдал, растерялся и показал все, что знал,— пояснил Аркатов.

Отступая из города, немцы оставили часть своей агентуры, которая перешла в подчинение Сайксу. Никто, кроме Юльского и «Красновой», не знали Сайкса и не встречались с ним. Это отчасти и послужило причиною смерти «Красновой» после того, как покушение на полковника и генерала не удалось.

— Сайкс как таковой выплыл только в конце следствия. До этого он у нас фигурировал сначала как «маленький человечек», а затем как Косоуров, — пояснил Аркатов.— «Краснова» — немецкая шпионка. Агент объединенной разведки. Незадолго до этого она провалилась на работе в Польше и была переведена в Н-ск, но уже тогда дни ее были сочтены, и Юльский знал об этом. Неудача с отравлением и возможность ее ареста заставили Косоурова покончить с нею.

— Кто убил ее?

— Сайкс.

Я похолодел от страха, думая о Зосе.

— Что скажете о Кружельнике? — спросил генерал.

— Только хорошее. Честный, правдивый, храбрый солдат. Прямой и справедливый человек, истинный польский патриот.

— О-о, как вы его хвалите, а я помню другую характеристику!..

— Я ошибался. Кружельник настоящий патриот, мечтающий о социальных переменах в стране. Такие, как он, будут строителями будущей демократической Польши.

— Как вы думаете, почему он вызван сюда вместе с вами? Ну, Аркатов, подумайте.

— Я всю дорогу об этом думал, товарищ генерал, да и сейчас думаю о том же, но, честное слово, не знаю... То есть, конечно, потому что конец «дела с призраками» находится здесь, но вот точнее не догадываюсь.

— Ну, ладно! За то, что вы честно признались в своей ошибке относительно капрала Кружельника...— И генерал подробно рассказал о Зосе, мистрисс Барк и о Генриэтте Янковецкой.

Аркатов внимательно слушал генерала, и только когда генерал коснулся Зоси, он медленно сказал:

— Какое счастье для Кружельника!.. Ведь он убежден, что она погибла. А что она представляет из себя?

Генерал посмотрел на меня и, улыбнувшись, сказал:

— Она знакомая полковника. Он еще лучше аттестует ее, чем вы брата.— Потом уже серьезно добавил: — Они действительно хорошие ребята, и я буду рад за них, когда они встретятся.

— Ну, товарищ генерал, теперь мне все понятно,— сказал Аркатов.— В ней и заключается причина вызова Кружельника!

— Точно! — сказал я, давая ему копию письма Юльского к Зосе.

Аркатов прочел, посмотрел на нас, подумал и затем сказал:

— Понимаю... Значит, появление брата убедит сестру во лжи Сайкса, и тогда...

— ...и тогда будет окончена последняя страница «дела о привидениях» и захлопнута папка с ним,— закончил генерал.

Кружельник лежал на кровати, которую ему уступил Сеоев. Великан осетин угощал капрала чаем, виноградным вином и холодной курицей, оставшейся от обеда. Сеоев не знал, что его гость родной брат Зоси. Я еще утром приказал ему не рассказывать людям, которые приедут со мною, ни о микрофоне, ни о Зосе и вообще вовсе не касаться этой темы.

Оба сержанта вскочили при моем появлении.

— Садитесь, товарищи,— сказал я, усаживаясь на краешек кровати.— Ну, как, отдохнули с дороги?

— Отдохнул, обыватэлю полковник, да и путешествие не было тяжелым,— подбирая слова, ответил Кружельник.

— Дайте-ка и мне, Сеоев, чаю и пройдите ко мне. На окне стоит бутылка розового ширазского вина и пачка московского печенья.

— Слушаюсь, товарищ полковник,— ответил, уходя, сержант.

— Ну-с, Ян, расскажите о себе. Мне нужно знать о вас больше для того, чтобы работать с вами.

— Спрашивайте, обыватэлю полковник, я отвечу на все вопросы,— сказал капрал.

— Вы женаты?

— Нет, я одинок. Мать умерла перед войной,

была сестра...— голос его стал глуше,— но и она погибла в начале войны.

— Братьев нет?

— Нет, я совершенно один.

— Сестра убита немцами?

— Да. Когда началась война, я был призван в танковую бригаду под Гдыню, сестра же осталась в Варшаве. Разбитые немцами, мы откатились к вашим границам. Варшава в это время уже была захвачена германом. Бежавшие оттуда люди рассказывали, что та часть города, где жили мы, сожжена немецкой авиацией... Спустя год один из варшавян, служивший у Андерса, говорил, будто бы видел сестру среди беженцев, но вряд ли... Скоро четыре года, как она исчезла... во всяком случае среди польских беженцев ее нет.

— Да, грустная история,— сказал я,— и вы уже ничего не имели о бедной девушке?

— Ничего, обыватэлю полковник, да и что можно было иметь,— он вздохнул и тихо произнес: — Погибла моя бедная Зося...

Какое-то хриплое сопенье раздалось у двери. В проходе, держа в одной руке бутылку с вином, а в другой печенье, стоял Сеоев, устремив широко раскрытые глаза на Кружельника. По его лицу было видно, что произнесенное капралом имя натолкнуло его на разгадку.

— Сержант Сеоев, раскупорьте вино и налейте нам всем по бокалу,— медленно сказал я, выразительно глядя на него.

— Слушаюсь, товарищ полковник,— пробормотал гигант и стал поспешно выполнять мое приказание. Капрал Кружельник с недоумением выжидательно смотрел на нас.

— Выпьем, Ян Кружельник, за здоровье,— пе-

редавая ему бокал, сказал я,— за здоровье вашей сестры Зоси!

Кружельник дико посмотрел на меня, переменившись в лице:

— Ка-ак за «здоровье»? Значит...

— ...значит она жива и вы завтра же увидите ее.

Кружельник шагнул ко мне. Рука его задрожала, вино расплескалось на кровать, но он не замечал ничего.

— Зося жива!— еле слышно проговорил он и вдруг, бросив бокал на пол, обхватил меня обеими руками и зарыдал.

— Жива, жива... Что ж это вы так разволновались? — сказал я, успокаивая его.

— Жива... Я только вчера разговаривал с нею,— храбро соврал Сеоев.

— Что ж вы мне этого сразу не сказали? — путая русские и польские слова, взволнованно проговорил Кружельник.

— А я не знал, что ты ее брат...— переходя на «ты» и похлопывая Кружельника огромной лапищей по плечу, добродушно сказал осетин.— Хорошая у тебя сестра,— похвалил он.

— Да, Ян! Сестра ваша честный человек. Я знаю вашу биографию, Зося мне все рассказала. Завтра вы встретитесь с нею, а теперь успокойтесь и прочтите это письмо,— и я дал ему уже известное читателю письмо Юльского.

— Что такое? — прочтя его, недоумевающе сказал Кружельник.— Меня расстрелял какой-то полковник Дигорский?

— Это я полковник Дигорский.

— Вы?.. Ничего не понимаю!.. Зачем Юльскому понадобилось это вранье?

— А затем, что я тот самый полковник, за которым вместе с Сайксом он охотился в городе Н.

— Это к вам была подослана женщина агент Сайкса с отравленным шприцем?

— Да.

— Теперь понимаю... А ваш генерал — это тот, которого хотели взорвать в таинственном доме?

— Да.

Кружельник смолк, потом вздохнул и с нескрываемым отвращением сказал:

— Какой же подлец этот Юльский!.. Хуже гадюки...

— А Сайкс? — тихо спросил я.

— Я его не знаю, но если Юльский гадина, то этот чудовище.— По его лицу прошла скорбная тень.— Бедная Зося! — прошептал он.

— Мы так и не выпили за нее,— сказал я.— Сеоев, налейте товарищу Кружельнику бокал и... за Зосю, за ее будущую счастливую жизнь.

Чокнувшись, мы до дна осушили свои бокалы за девушку, которая в эти минуты, наверное, взволнованно думала о нас.

— А как Сайкс? Неужели его не постигнет кара за его злодеяние?

— У нас, русских, есть пословица: «Конец венчает дело»,— сказал я.— Будем надеяться, что она оправдается и на этот раз.

— Амен! — произнес Кружельник, и мы чокнулись за скорейшее исполнение пословицы.

На следующий день Кружельник приказом был назначен на место «убывшего в Советский Союз старшего сержанта Сеоева». Новый ординарец прошел в приказе под фамилией Семенова и поместился в комнате осетина, куда была поставлена добавочная кровать. Утром генерал вызвал

Кружельника для беседы с ним и капитаном Аркатовым. Занятый делами, я не смог быть с ними.

Я работал у себя в комнате, когда генерал вошел ко мне в сопровождении нашего хозяина, достопочтенного Таги-Заде. Я не видел его с той самой минуты, когда этот учтивый до приторности господин встретился со мной на стадионе Амир-Абада. Изящно одетый, прижимающий руки к груди, низко кланяясь и закатывая глаза, он произвел на меня впечатление опереточного благородного отца.

Таги-Заде обеими руками пожал мою и, выразительно улыбаясь, осведомился о здоровье.

— Что вы так надолго забыли нас? — спросил я.

Таги-Заде аккуратно откинул фалды своего нарядного сюртука, осторожно сел и, умильно глядя на нас, сказал:

— Боялся обеспокоить... ведь у вас так много дел... Каждая минута дорога у вашего превосходительства...— произведя меня в генералы, со сладчайшей улыбкой пояснил он.

— Что вы! Наоборот, времени хватает,— засмеялся я.

— Александр Петрович,— сказал генерал,— наш симпатичный хозяин...

— И друг,— нежно поглядывая на нас, вставил Таги-Заде.

— И друг,— охотно повторил генерал,— просит

о некотором одолжении. Он хочет на два-три дня слетать в Баку...

В коридоре послышались шаги, раздался стук в дверь. Так как Сеоеву и Кружельнику было приказано оставаться в своей комнате и без вызова не приходить, то я спокойно взглянул на генерала.

— Войдите! — сказал он.

Вошел дежурный адъютант.

— Товарищ генерал, летчица, старший лейтенант Кожанова, к товарищу полковнику.

Генерал выжидательно взглянул на меня. Внезапная идея осенила меня.

— Пусть войдет,— сказал я.

Таги-Заде задвигался на стуле, хотя было видно, что ему не очень хотелось уходить.

— Оставайтесь, вы не мешаете нам,— предложил я.

В комнату вошла Елена Павловна.

— Товарищ генерал, я к полковнику Дигорскому, разрешите остаться? — обратилась она к генералу.

— Не только разрешаю, но и прошу. Полковник мне говорил о вас,— тепло и просто сказал генерал. Таги-Заде не без любопытства оглядывал вошедшую. Хорошенькая женщина в военной форме, с орденами привлекла его внимание.

— Вот и ответ, дорогой Таги-Заде,— произнес я.— Елена Павловна — пилот прилетевшего к нам самолета. Завтра она возвращается обратно в Баку. Я лечу вместе с нею. Оформляйте ваши бумаги, и вы составите приятную компанию нам. Не так ли, товарищ Кожанова?

— Если разрешение будет дано, с удовольствием доставлю вас на место,— знакомясь с Таги-Заде, сказала она.

— Очень будет приятно,— низко поклонился летчице Таги-Заде.

— Только скорее оформляйте бумаги, без них я не возьму вас на борт,— сказала она нашему хозяину, учтиво поцеловавшему ее руку.

— Сейчас бегу... постараюсь к вечеру иметь и пропуск и все нужное,— расшаркиваясь перед нами, заторопился Таги-Заде.

— Только помните: в четыре часа тридцать минут мы вылетаем из Кереджа. Не опоздайте, я смогу задержаться на пять, на десять минут, не больше,— предупредила его Елена Павловна.

— Не опоздаю...— уже из дверей крикнул Таги-Заде, исчезая в коридоре.

— Ну, вот вам и еще пассажир,— засмеялся генерал.— Вы, Елена Павловна, небось отвыкли от таких раздушенных и напомаженных франтов.

— А, ей-богу, даже и не привыкала. Ведь он первый такой, который пилоту ручки целует и лакированные ботинки носит. Ведь мои пассажиры это — груз да военный народ.

— Ничего, он мужчина славный, а только боюсь, что не получится у него ничего,— сказал я.

— Почему? Не дадут визы? — спросила Кожанова.

— Нет, дать-то дадут, отчего не дать, а просто не успеет... Ведь лететь нам рано утром, а пока он министерства да посольство обегает, анкеты заполнит и мало ли какие еще формальности выправит, не то что день, а суток пять пройдет...

— Ну, что ж, через неделю я опять буду в Кередже, и если он получит визу, тогда полетит со мной,— сказала Елена Павловна.

— Бог с ним, это его забота, а вот расскажите-ка нам, товарищ Кожанова, где вы были в Те-

геране, что видели и какие у вас планы на сегодня? Видели базар? — спросил генерал.

— Нет, товарищ генерал, только собираюсь, хотела пригласить туда полковника.

— Ну, на этот раз вам придется поехать туда со мною,— засмеялся генерал,— у полковника в связи с отъездом масса срочных дел. А с базара вернемся сюда и пообедаем все вместе. Не протестуете?

— Хорошо,— согласилась Кожанова,— но только к семи часам вечера мне нужно быть на аэродроме.

— К семи вы будете возле вашего самолета.

Они вышли, а я, переждав несколько минут, подошел к телефону и набрал номер мистрисс Барк.

Мне сразу же ответили. Я узнал чистый и твердый голос Эвелины Барк.

— Рано утром улетаю на Кавказ. Звоню вам, как обещал...

— Это очень мило, но я была убеждена, что вы не улетите, не заглянув ко мне, хотя бы...— она чуть слышно засмеялась.

— Хотя бы? — повторил я.

— Из желания увидеть Зосю,— так же смешливо договорила она.

— И вас,— подчеркнуто твердо сказал я.

— Это серьезно? — уже другим тоном проговорила она.

— Да, и вы знаете это, мистрисс Эвелин,— впервые за все наше знакомство я назвал ее по имени.

В трубке было молчанье, послышался тихий, неуверенный вздох, потом я услышал ее слова:

— У нас в таком случае прибавляют слова «My dear» — «моя дорогая», я исправляю вашу

ошибку и договариваю за вас. Приезжайте в десять часов, я буду вас ждать, «My dear»,— нежно проговорила она.

Кружельник и Аркатов прохаживались по саду, и я из окна видел, как дружески они беседовали между собой. Я усмехнулся. Следователь и его бывший подследственный.

Они сели у фонтана. Аркатов курил, а Кружельник с наслаждением ел виноград. Оба уже знали о микрофоне и поэтому все свои беседы вели только в саду. Глядя на такое довольное, хорошее, открытое лицо Кружельника, я невольно подумал о Зосе. Чистые, ясные глаза брата были очень похожи на ее глаза, та же глубокая синь, такой же овал лица. Мне было приятно, глядя на него через окно, восстанавливать в памяти милые, ставшие уже мне дорогими, черты Зоси. Бедная девочка. Мы все уже были в сборе, все, а она...

Вечером я буду у Барк, под утро «улетаю» в Баку... Остается очень мало времени, чтобы устроить встречу Зоси с братом. Ведь нельзя же, возвращаясь от Барк, забрать Зосю с собой. Нельзя было и сейчас, среди дня, после разговора с журналисткой, приехать к ней... Как быть?..

Телефонный звонок отвлек меня от раздумья. Я взял трубку.

— Это магазин «Пель-Мель»? — услышал я торопливый, взволнованный голосок Зоси.

— Нет, частная квартира,— четко, раздельно ответил я, еле сдерживая нахлынувшую на меня тревогу.

— Извините,— успокоенно прозвучало в трубке.

Я повернулся к окну. Кружельник доедал виноград. Аркатов докуривал сигаретку... Была такая розовая, мирная идиллия во всем окружавшем их, что я даже усмехнулся.

Внезапная мысль осенила меня.

— Сержант Семенов!— высовываясь из окна, крикнул я.

Оба кейфовавших человека подняли головы.

— Сержант Семенов, ко мне! — крикнул я. Аркатов вдруг рассмеялся, толкнул в бок Кружельника, и сержант взбежал по лестнице ко мне.

— Переоденьтесь. Мы сейчас проедем в город.— И, взяв за руку Кружельника, я увел его в сад, где все еще прохаживался Аркатов.

— Ян,— сказал я,— сейчас мне звонила Зося. Она будет ждать вас в одном из магазинов. Приготовьтесь встретиться с нею, будьте спокойны, сдержанны, хладнокровны. Место это шумное, за нами, вероятно, будут следить, и малейшая оплошность может погубить дело и... Зосю.

Кружельник переменился в лице.

— Я не могу найти другой возможности устроить сейчас вашу встречу, но вам непременно нужно увидеться сегодня. Вы понимаете это?

— Не беспокойтесь, обыватэлю полковник. Я буду спокоен... выдержит ли только Зося?

— Выдержит,— уверенно сказал я.— За эти дни девочка так много передумала и перестрадала, что она выдержит любое испытание.

Кружельник с благодарностью взглянул на меня.

— Я не нужен? — спросил Аркатов.

— А ведь это идея! — воскликнул я.— Вы очень можете пригодиться.

Мы пешком прошлись до перекрестка Шахской улицы и, взяв такси, доехали до универмага. Войдя в него и смешавшись с толпой покупа-

телей, переходя от прилавка к прилавку и разглядывая товар, мы подошли к лифту. У подъемной машины стоял маленький бой в красной форме с окантованной золотым галуном фуражке. Из бельевого отделения, держа покупку в руке, показалась Зося. Обходя толпу, она направилась к выходу, но я понял, что девушка увидела меня. Сделав изумленное лицо, я шагнул ей навстречу.

— Какая приятная неожиданность,— загораживая ей путь, воскликнул я.

Она вздрогнула, обернулась и так естественно изобразила смущение, что я в душе порадовался за нее.

— Вы здесь, пан полковник? — сказала она.— Неужели тоже покупки?

— О да! Я завтра улетаю в Россию и зашел кое-что купить.

Я взял ее под руку и осторожно повел к выходу.

— А ваши покупки? — громко спросила она.

— Успею, успею, Зосенька! Знаете, как поется в одной песенке... «Первым делом, первым делом девушки, ну а покупки потом»,— с видом отчаянного ухажора так же громко ответил я, отводя ее к самому окну, где под нарядной пальмой в кадке стояло небольшое кресло. Я быстро осмотрел гомонившую сзади толпу. Ничего подозрительного не было. Фуражка Аркатова и пилотка Кружельника мелькнули в толпе, и я увидел, как, прорываясь сквозь нее, мои спутники направились ко мне.

— Зосенька... крепитесь и не сплошайте! Сейчас подойдет Ян... Не волнуйтесь и не погубите дела,— шепнул я, изображая на лице такую страсть, что самому чуть не стало тошно.

— А, вот где вы, товарищ полковник! — проговорил Аркатов, поднося руку к фуражке. Кружельник стоял за ним, глядя на Зосю с таким непроницаемо-спокойным лицом, точно видел ее в первый раз.

— Познакомьтесь, Зося! Капитан Соколов, а это наш новый сержант Семенов, сменивший вашего приятеля Сеоева,— сказал я.

Зося улыбнулась, кивнула и, глядя на меня, что-то негромко сказала по-польски. Изо всей фразы я понял только одно слово «Янек», но как нежно и задушевно прозвучало оно. Кружельник пожал ей руку, поклонился и, делая вид, будто беседует с Аркатовым, так же негромко ответил ей, в то же самое время показывая капитану рукой куда-то в толпу. Ресницы Зоси затрепетали, глаза стали синими-синими и до того детскими, что я замер от восхищения.

Продолжая глядеть на меня, она бросила быстрый взгляд на брата и с непередаваемой нежностью тихо проговорила что-то по-польски.

Я понял, что она вспомнила мать и, вероятно, какой-то эпизод своего детства, на что Кружельник, повернувшись ко мне, негромко ответил:

— Мы опять вернемся домой, сестренка... Мы будем в Варшаве!

Щечки девушки порозовели. Она повернулась ко мне и прошептала:

— Благодарю вас, мой...— не договорив, она крепко сжала мою руку.

Надо было уходить. Наша живописная группа уже привлекала внимание любопытных.

Болтая и пересмеиваясь, мы вышли на площадь. Девушка заторопилась, делая вид, что хочет ехать домой, но я и Аркатов с двух сторон загородили ей путь. Кружельник, посмеиваясь,

стоял за нами, и Зося, махнув рукой, сдалась, наконец, на наши уговоры.

— Но только двадцать минут... Иначе мне достанется на орехи,— смеясь, воскликнула она.

Все вышло так естественно и живо, что эта сценка должна была рассеять подозрение тех, кто, возможно, наблюдал за нами. Ухватив девушку за руки, я и Аркатов почти бегом увлекли ее вперед по аллее. Франтоватые иранские бездельники в лакированных ботинках и хлыщи, занимавшиеся тут же у «Пель-Меля» темными торговыми операциями, шутками и смешком проводили нас. «Похищение сабинянки» удалось на славу. Держась за руки, мы втроем шли по аллее, а Кружельник замыкал нашу веселую, смеющуюся группу.

Отойдя довольно далеко от универмага, я взял девушку под руку и, оттеснив делавшего смешные, недовольные гримасы Аркатова, медленно пошел с Зосей.

— Что случилось, моя дорогая девочка? — спросил я.

— Госпожа Барк звонила господину Сайксу, предупредив его о вашем отлете. Многое из разговора я не поняла, так как говорили они главным образом по-русски. Он сейчас же вызвал ее к себе. Полчаса назад к ней заезжал ваш хозяин господин Таги-Заде, не застав ее, он сейчас же уехал, я думаю, что тоже к полковнику.

— Так, так! — задумчиво сказал я.

— Думаю, что эта шайка готовит какое-то злодеяние против вас. Мой дорогой, мой любимый друг, я боюсь за вас!! Что-то очень тревожит, беспокоит меня,— с тоской прошептала Зося,— если можно, не улетайте, не улетайте сегодня... Сделайте это завтра или в другой какой-нибудь день,

но так, чтобы не знали они... они затеяли что-то ужасное,—в страхе произнесла она.

— Я это знаю, Зося,— тихо сказал я,— но мне не угрожает ничего. Ты, ты, моя дорогая девочка, береги себя... Еще одну ночь — и все кончится, мы будем вместе — ты, я и Ян,— успокаивая ее, сказал я, оборачиваясь к Кружельнику, с изумленным вниманием слушавшему нас.— Да, Ян, Зося и я любим друг друга.

— Так, Зося?

— Так, Ян! — просто ответила она.

Аркатов, не понимавший по-английски, довольно безразлично слушал нас, уделяя главное внимание наблюдению за аллеей и прохожими, изредка попадавшимися нам.

— Я знаю, что она не полюбит недостойного человека,— сказал Кружельник.

— Спасибо, Ян,— ответил я,— а теперь мы с капитаном покурим, а вы поговорите друг с другом, но не больше двух-трех минут.

Аркатов и я присели на скамейку, глядя по сторонам, покуривая и перебрасываясь словами.

— Пора! — сказала Зося.

Она грациозно присела, прощаясь с нами.

— До вечера! — сказал я, пожимая ей руку.

— До завтра, сестренка! — взволнованно проговорил Кружельник.

Светлое платьице девушки мелькнуло в аллее. Помахав ей вслед, мы вернулись в «Пель-Мель», где я сделал ненужные мне покупки.

— Не появлялся еще Таги-Заде? — спросил я генерала.

— Ну и хитер полковник! Ох, хитер,— засмеялся он.— Да не делайте невинного лица! Вы

же отлично знаете, что господин Таги и не думает улетать с вами.

Мы прогуливались по саду, ожидая появления Елены Павловны.

— Они убедились, что вы действительно улетаете в Баку, значит...— Он многозначительно взглянул на меня. Я засмеялся и кивнул.

— Когда едете к Барк?

— К десяти.

— А вернетесь?

— Думаю не задерживаться.

— Ну, это будет зависеть не от вас. Во всяком случае, когда бы ни вернулись, мы разыграем последнюю сцену у микрофона.

— Трогательное прощание друзей?

— Именно. А вот и Елена Павловна,— прервал он нашу беседу, завидя Кожанову.

Обед прошел весело. Генерал был в ударе. Он много и интересно рассказывал. Аркатов удачно острил. Я поддерживал компанию.

За сладким заговорили о тегеранском базаре.

— Не люблю этот бесконечный шум и вопли... И вообще говоря, экзотика никогда не увлекала меня,— сказала Кожанова.— Мой идеал — тихие равнины центра России, речки, обрамленные березкой и кленом, широкие поля с золотой пшеницей и спокойные села с трудолюбивыми колхозниками в них.

— Русачка! — довольным голосом сказал генерал.

— Люблю свою страну. И горы, и ее моря, и тундру... но жить и умереть хотела бы у себя где-нибудь под Воронежем или Тамбовом.

— А вы откуда родом? — спросил генерал.

— С Дону — я казачка,— ответила она.— Однако, где же этот элегантный господин?

— Таги-Заде? — рассеянно спросил я.

— Тот, что хотел лететь с нами.

— Бегает по инстанциям... Не так-то легко получить за один день все нужные бумаги.

— Не получит — не полетит,— улыбнулась Кожанова.

— Не велика беда, и что ему так приспичило. Не улетит сегодня, улетит через неделю. Ведь, надеюсь, вы посетите нас снова? — любезно спросил генерал.

— Охотно. Кроме базара, я еще ничего не видела в Тегеране.

— Товарищ генерал! К вам хозяин дома пришел, прикажете допустить? — доложил дежурный.

Еще в дверях Таги-Заде сделал сокрушенное лицо и, разводя руками, горестно сказал:

— Все против меня! И в посольстве, и в министерстве, и у консула — везде один ответ: «Не раньше, чем через пять дней»...

— Ну, полетите со мною в следующий раз,— сказала Кожанова.

— Да, но дела! — вздохнул Таги-Заде.

— Не хотите ли бокал вина за здоровье Елены Павловны? — спросил я.

— С радостью. Такая хорошенькая женщина и... летчик. Все время в воздухе, в опасности... Нет, наши женщины этого не умеют. Ваше здоровье,— чокаясь, учтиво сказал он и, обратившись ко мне, добавил: — За благополучный полет!

Таги-Заде выпил, раскланялся и ушел. Спустя несколько минут уехала и Кожанова.

Я прошел к Сеоеву и Кружельнику и, сидя в их уединенной комнатушке, детально, со всеми

подробностями рассказал им план нашего ночного действия. Кружельник внимательно слушал, изредка переспрашивая меня. Пылкий и экспансивный осетин держался иначе.

— Ах, сволочи-бандиты!.. Жаль, у меня кинжала с собой нету, я им всем башки посрубил бы! — вскакивая с места и размахивая руками, восклицал он.

— Спокойней, спокойней! Ваши кулаки, товарищ Сеоев, могут пригодиться лучше кинжала. Только помните, товарищи, ни одного звука, ни одного движения без приказа...

— Зосе угрожает опасность? — выслушав меня, спросил Кружельник.

— Да! И большая! Я не могу скрывать от вас этого.

— Я предполагал это. Как мы сможем помочь ей? — с тревогою спросил он.

— Еще не знаю! Все выяснится позже, когда я увижусь с нею.

— Надеюсь на вас, обыватэлю полковник. Я знаю, что и вам дорога моя сестренка.

— Очень, Ян, так дорога, что я не нахожу слов выразить это.

Сеоев скрипнул зубами и, схватив в свои огромные ручищи затрещавший стул, сказал:

— У-у, гяур ма биль!.. * Попались бы эти гады в мои руки!..

Не выдержавшая его ярости спинка стула с треском переломилась. Как ни тяжела была тема нашего разговора, но мы с Кружельником не выдержали и рассмеялись, глядя на удивленное лицо не ожидавшего такого эффекта гиганта.

---

* У-у, проклятые!

В начале десятого, нацепив колодку с орденами, выбритый и раздушенный, я поехал к Барк. Внешне я был совершенно спокоен, но опасение за жизнь Зоси угнетало меня. Я понимал, что ее роль заканчивалась в ту самую минуту, когда мой самолет отрывался от земли... Дальше она уже не была нужна ни Сайксу, ни госпоже Барк. Зная, как легко «Косоуров» избавился от своей сообщницы «Красновой» и как цинично сожалел о том, что не «ликвидировал» Юльского, я был уверен, что он так же спокойно может отравить или застрелить Зосю. Кого обеспокоило бы в Иране исчезновение бедной, безвестной девочки? Кто осмелился бы спросить у Барк, куда делась ее горничная? Никто! Зося исчезла бы так же бесследно, как исчезает бабочка или жучок.

Было еще рано. Я сошел с фаэтона и, отпустив его, купил в цветочном магазине букет красных роз. Улицы Тегерана жили веселой, шумной жизнью: огни кафе и светящаяся реклама кино, вертящиеся мельницы из электрических лампочек, вспыхивающая цветная гирлянда над входом в ресторан «Мажести», сотни фланирующих людей, американские солдаты, английские «томми», проститутки.

Я перешел улицу и направился к дому журналистки. На душе у меня было все так же тревожно и смутно.

Зося, как обычно, у самой лестницы встретила меня. Вынув из букета самую пышную розу, я протянул ее Зосе. Девушка благодарно взглянула и тихо покачала головой.

— Ну, как, Зосенька, очень досталось вам от госпожи Барк за опоздание?

— Нет! Мадам только посмеялась, узнав, как вы с офицерами похитили меня.

Она замедлила шаги.

— Потом вы обязательно зайдите в сад. Я буду ждать вас... Мне страшно...— каким-то детским, похожим на плач шепотом, еле слышно сказала она.

Сердце мое оборвалось. Я был готов послать ко всем чертям эту проклятую «журналистку», ожидавшую меня, и, схватив за руку Зосю, увести ее к себе, но долг и необходимость довести дело до конца, пересилили мои личные чувства.

— Жди, я непременно приду. Я не покину тебя,— сказал я, овладевая собой.

Мы поднялись наверх. Зося мило и кокетливо пропустила меня вперед, опять становясь вышколенной, благовоспитанной прислугой.

— Я сейчас доложу о вашем приходе,— сказала она, открывая дверь в гостиную.

— Не надо докладов, сегодня у нас просто дружеская встреча... без этикетов и церемоний,— раздался голос хозяйки, и Эвелина Барк появилась на пороге спальни. Барк вообще была очень хороша, но сегодня ее чудесные золотые волосы причудливой прической обрамляли одухотворенное, несколько бледное лицо, на котором лихорадочно горели большие глаза. Тень не то грусти, не то беспокойства была в них. Губы ее, красивые, ярко очерченные полные губы, вздрагивали, хотя было видно, что она старалась это скрыть. Всегда уравновешенная, с несколько иронической улыбкой и таким же отношением ко всему окружавшему ее, сейчас она была другой — взвинченной, взволнованной, тревожной. Я с удивлением заметил это, но не подал и виду, предполагая, что это тоже один из ее номеров обольщения.

— Благодарю вас! Вы угадали — красные

розы — это мои любимые цветы,— сказала она, поднося букет к лицу.— Зосенька, дитя мое, позаботьтесь об ужине и о том, чтобы никто не помешал нам. Никто!

Зося поклонилась и вышла.

— Не обращайте внимания на меня,— неожиданно тихим, похожим на извинение голосом, сказала Барк.— Я иногда схожу с ума, но это и понятно... ведь я женщина...— с жалкой улыбкой закончила она.

— Что с вами? — удивленно спросил я.

— Не обращайте внимания... Я просто еще не оправилась от болезни...

Это был ее неудачный ход. Напоминание о «болезни» еще более насторожило меня. «Тонкая игра»,— подумал я.

— Сядем,— беря меня за руку и увлекая в другую комнату, сказала она.

Большой камин с решеткой, совершенно в английском духе, пылал, и золотые огоньки лизали сухие трещавшие поленья. У камина стояла низкая широкая оттоманка.

— Сядем,— повторила мистрисс Барк и, не выпуская моей руки, опустилась на оттоманку. Я последовал ее примеру.

— Я очень люблю камин... Он дает уют, тепло и чувство традиции, да, да... То, чего так не хватает нам, бедным детям двадцатого века.

Она с наслаждением откинулась на подушки, вытянула стройные ноги к огню и продолжала:

— Я потому так и люблю Диккенса, что у него во всех его чудесных книгах не обходится без ярко пылающего камина...

— А также сверчка и милого джентльмена, вроде чудака Пиквика...

Она чуть отодвинулась и искоса глянула на меня.

Теперь я допустил ошибку. По ее тону и взгляду я понял, что моя реплика насторожила ее.

— Диккенса я знаю больше по театральным представлениям, дорогая мистрисс Эвелин. Ведь у нас, в Советском Союзе, очень охотно ставят и Шекспира, и Шеридана, и Джонса, и различные инсценировки по произведениям Диккенса.

— Не надо...— перебила она,— не пытайтесь казаться менее начитанным и интеллигентным. Я вижу, что вы знаете старую английскую литературу.

Она замолчала и, наклонившись к огню, поправила поленья.

— Мне это нравится, я люблю иметь дело с умными и образованными людьми, будь это мои друзья или враги... А кто вы мне: друг или враг? — неожиданно повернулась она лицом ко мне.

— Я вам то же, что и вы мне,— ответил я, смотря в ее широко открытые глаза.

Она тихо засмеялась и ласково провела пальцами по моему лицу.

— Тогда, значит, больше, чем друг... Однако как жарко пылает камин, не отодвинуть ли софу чуточку подальше?

Я переставил оттоманку, и мы снова уселись на нее. Госпожа Барк закурила. Она затянулась раз, и другой, потом тихо, как бы отвечая самой себе, прошептала:

— Как, однако, все это сложно и... непонятно...

— Что непонятно? — спросил я.

— Жизнь... ее странные законы и переплетения... Что же, однако, не появляется Зося? Я хочу выпить за ваш отъезд.

Она внимательно взглянула мне в глаза, и опять что-то тревожное было в ее взгляде.

— Позвоните, пожалуйста, ей. Нажмите вот эту кнопку.

Я позвонил. Мистрисс Барк, закинув руки за голову и вытянувшись всем телом к камину, неподвижно смотрела в огонь. Пламя вспыхивающих поленьев озаряло ее профиль, прядь волос рассыпалась по щеке, глаза были полузакрыты.

— Можно войти?.. Все уже готово,— послышался голос Зоси.

Мистрисс Барк не отвечала.

— Дайте мне еще папиросу... вашу, русскую...— вдруг сказала Барк, продолжая глядеть в огонь.

— Вам хорошо?

— Да,— сказал я, хотя на самом деле мне было и неудобно сидеть с нею на оттоманке, и неловко при мысли о Зосе, которая ежеминутно может войти.

Барк вздохнула и, наклонившись, поцеловала меня. Это было так неожиданно, что я вздрогнул и стремительно отодвинулся назад.

— Может быть, потом я возненавижу себя за это,— грустно сказала она.

Зося вкатила в комнату столик. Я взглянул на нее из-за плеча хозяйки. Наши взгляды встретились. Губы девушки чуть улыбнулись, а глаза с холодным презрением скользнули по неподвижно склонившейся к огню женщине.

— Все готово, мадам! Вино, холодная дичь, закуска,— ровным голосом доложила она.

— Спасибо. Вы можете ложиться спать, хотя...— мистрисс Барк подняла на меня глаза,— вы, может быть, захотите попрощаться и с малюткой.

— Обязательно,— сказал я,— и, если вы разрешите, уходя, я на одну-две минутки зайду к Зосе... конечно, если только она не будет спать.

Мистрисс Барк засмеялась и швырнула в камин недокуренную папиросу.

— Я буду спать! — отрывисто сказала Зося.— Благодарю пана полковника за внимание, но прошу извинить, я очень устала.

— Ого, мы рассердились! — мягко проговорила госпожа Барк,— но это вам урок. Наша маленькая пуританка не похожа на свою вольнодумную госпожу, принимающую гостей даже поздней ночью... Неправда ли, Зося? — с очень ласковым смехом спросила госпожа Барк, глядя на невозмутимо слушавшую девушку.

— Ну, так простимся сейчас,— поднимаясь с места, сказал я, протягивая ей руку.— Ночью я улетаю, что пожелаете мне, Зосенька?

— Счастливой дороги и скорой встречи! — сказала она. Ее пальцы с силой сжали мои, и на одно мгновенье более чем надо я задержал их.

— До скорой встречи! — подчеркивая слова и также сильно отвечая на ее рукопожатие, сказал я.

Девушка наклонила голову. Она поняла меня.

— Спокойной ночи, мадам! — повернувшись в сторону госпожи Барк, сказала она и вышла из комнаты, притворив за собой дверь.

Несколько секунд мы молчали. Потом, свернувшись в клубочек, мистрисс Барк зябко повела плечами и тихо сказала:

— Мне холодно... подбросьте еще поленьев и налейте вина.

Я сделал и то, и другое.

— Если вам безразлично, потушите верхний

свет... Его совершенно достаточно от бра и камина.

Я исполнил и эту просьбу.

— Теперь хорошо! Я люблю полумрак, лучше думается, когда свет не режет глаза. Так за что же выпьем первый бокал?

— За вас, моя дорогая Эвелин! — сказал я.

Она внимательно посмотрела на меня и потом отрицательно покачала головой.

— Нет! Это не то, даже не похоже! — с горечью сказала она.

— Что не похоже? Я не понимаю вас.

— Не похоже на то, как минуту назад вы с нежностью сказали: «Зосенька». Там были тепло и любовь... здесь — простая корректность. Разве не так? Выпьем лучше за вас. Не бойтесь,— видя мое смущение, криво улыбнулась мистрисс Барк,— оно не отравлено, смотрите! — И она осушила свой бокал.

Лихорадочное возбуждение, оставившее было ее, снова вернулось к ней. Она выпила еще бокал, закурила папиросу и, повернувшись, спросила в упор:

— Вы любите ее?

— Нет! — отводя глаза от ее немигающего взора, ответил я.

— А меня?

— Еще не знаю! — попробовал отшутиться я.

— Решайте теперь же... Дальше будет поздно,— вдруг сухим, сдержанным голосом сказала она. Глаза ее на секунду стали злыми.

— Почему будет поздно? — удивился я.

— Выпьем... мне хочется вина,— не отвечая на вопрос, сказала мистрисс Барк и налила себе и мне вина.

— Я уже несколько лет не была в таком глу-

пом состоянии, как сейчас,— отставляя в сторону бокал, сказала она.

— В каком таком?

— В таком... влюбленном,— допивая вино, спокойно сказала она.— Разве это не глупое состояние, да еще в мои годы?!.

«Да еще будучи разведчицей и шпионкой»,— подумал я.

— Вы ешьте, мой дорогой полковник, а то в пути почувствуете голод,— продолжала она, кладя мне в тарелку крылышко фазана,— так о чем я говорила? Да, о влюбленности... Это ведь дважды глупо, когда мне приходится ревновать вас к своей горничной, а ей — ко мне... Не находите ли вы это смешным?

— Вы, конечно, шутите. Я могу еще допустить, что девочка увлеклась мною, но вы...

— А я еще больше, чем она. И сейчас повторяю тот же вопрос. Вы... любите... её? — медленно повторила она.

— Нет!.. Я уже говорил вам это...

— Очень этому рада,— сказала мистрисс Барк.— Мне это приятно слушать, хотя...— она замолчала.

Не зная, как держать себя, я взял ее руку, она освободила ее.

— Второй вопрос я задам вам позже.

Она снова стала радушной и гостеприимной хозяйкой. Перемена произошла так внезапно, что я просто дивился ей. Это опять была та же умная, ироническая, спокойная госпожа Барк, какой я знал ее все эти дни.

Так, мило беседуя, мы сидели у догоравшего камина, напоминая собою даже не двух влюбленных, а спокойную супружескую чету, давно привыкшую друг к другу.

Я мельком взглянул на часы. Было уже десять минут первого. Однако как быстро пробежали два часа в этом странном, уютном и опасном уголке мистрисс Барк.

— Да, мой дорогой, времени много, уже пора. Через час вам надо будет ехать.

Я хотел подняться, но она удержала меня.

— Я люблю вас,— сказала она,— а вы? — И, обхватив мою голову, поцеловала меня.

Я никогда не был ни ханжой, ни пуританином, и близость красивой женщины всегда волновала меня, но здесь естественное чувство презрения к этой коварной женщине охватило меня. Эта беспринципная интриганка хотела одним ходом нанести нам двойной удар: увлечь меня и разбить сердце Зоси, осмеять ее чувство.

— Не знаю. После возвращения скажу вам,— отодвигаясь, сказал я.

Лицо госпожи Барк побледнело. Это длилось только мгновение.

— «Tu l'as voulu, George Dandin» *,— тихо сказала она, поднимаясь с оттоманки.— Вы говорите по-французски? — вдруг спросила она.

— Нет, не говорю,— солгал я.

Она долгим и внимательным взглядом посмотрела на меня, потом повернула выключатель и снова повторила ту же фразу:

— Тю ла вулю, Жорж Дандэн!

— Что вы говорите? — поинтересовался я.

— Я буду ждать вас... После возвращения вы зайдете ко мне. Обещаете? — вместо ответа спросила она.

— Обещаю!

— И скажете ответ?

---

* Ты этого хотел, Жорж Дандэн.

— Да!

— Спасибо! Я буду вас ждать, мой дорогой и целомудренный Иосиф! — гладя меня по щеке, мягко сказала она.— Но не забывайте меня... Думайте обо мне хоть по одной минутке в день. Постойте, постойте! — вдруг оживилась она, почти запрыгав от детской радости на месте.— У меня есть план... мой дорогой, я подарю вам на время вашего отъезда мою любимую куклу...— Она рассмеялась.— Что вы с таким изумлением смотрите на меня? Я люблю красивые безделушки. Разве вы не видели Кэт в моей спальне? Как большинство женщин, я немного суеверна, и это мой самый дорогой и надежный амулет. Кэт облетела со мною всю Индию и Гавайи, и весь Иран. Я никогда не расстаюсь с ней. Это то, что всегда оберегало меня, но вам, дорогой мой, я на три-четыре дня отдам мою Кэт. Берегите ее. Она приносила мне счастье, и она сохранит вас в пути, а когда вернетесь, вы отдадите мне ее. Не так ли?

Мистрисс Барк переродилась. Она опять была милой, забавной и несколько трогательной в своем порыве женщиной. Она прошла в спальню и сейчас же вернулась, держа в руках украшенную лентами куклу.

— Вот, возьмите мою Кэт! Она будет талисманом, оберегающим вас в пути от бед, и вместе с тем она будет напоминать вам о том, что в Иране вас ждут, любят и хотят добра... А когда вернетесь, я возьму обратно мою Кэт.

Хорошо? — тепло глядя на меня, сказала мистрисс Барк.

— Хорошо! Я буду беречь вашу Кэт,— улыбнулся я, принимая куклу.

— Не смейтесь, прошу вас, не смейтесь над этим,— строго воскликнула Барк.— Она оберегала меня от многих несчастий, она поможет и вам. Возьмите.

Она передала мне куклу.

— Счастливого пути, мой дорогой! Возвращайтесь скорее... Я буду ждать вас,— с тоской прошептала она. Я вышел из комнаты, держа в руках «талисман» мистрисс Барк.

Первым моим желанием было подальше закинуть этот «талисман». «Бойтесь данайцев, дары приносящих»,— вспомнил я старика Виргилия. Ночь была тихая, беззвездная и очень теплая.

Я обогнул дом и, выйдя в переулок, сразу же вошел в сад.

— Я здесь... Боже, как вы долго были у нее... Я измучилась, ожидая вас,— хватая меня за руку, шептала Зося. Скажите, скажите мне правду, пан полковник, она не...— Зося запнулась,— она не...

— Нет, Зося, нет! — перебивая ее, сказал я.— Она гнусная и бессердечная женщина, и ее игра вызывает только презренье...

— Я верю вам. Она подлая и ужасная женщина,— прижавшись ко мне, радостно прошептала Зося.— Что это у вас в руке?

— Кукла, ее Кэт. Талисман, который она дала мне на дорогу,— с усмешкой сказал я.

— Кукла? Какая кукла? — удивилась Зося.

— Талисман госпожи Барк, разве ты не знаешь о нем?

— Нет... Никакого талисмана у нее нет, и не

такая она женщина, чтобы развлекаться с куклами... Алэкс...— первый раз называя меня так, в волнении сказала Зося,— вам что-то угрожает! Не верьте ей, в этой игрушке таится какое-то зло!..

— Успокойся, Зося, если мистрисс Барк хитра, то и мы постараемся не уступить ей в этом... Значит, куклы у нее никакой нет?

— Нет и не было! Зачем ей куклы, когда она играет людьми! Не летите, умоляю вас, не летите! — гладя мою руку, со слезами в голосе зашептала она.

— Не бойся, Зося, все будет хорошо,— сказал я, оглядываясь по сторонам.

— Здесь никого нет. Дожидаясь вас, я уже десятки раз обошла сад.

— Постой тут и последи, пока я осмотрю эту куклу,— сказал я, усаживая ее на скамейку.

Присев у ограды, я стал внимательно разглядывать «талисман». Это была небольшая, сантиметров тридцать кукла из пластмассы, с открывающимися и закрывающимися глазами. Кукла была новенькой, плотной и нарядной. Свет от газового фонаря, падавший через ограду, давал мне возможность рассмотреть все детали «Кэтти». На ней было изящное, кокетливое платьице с двумя бантиками.

Кукла могла быть и талисманом, и игрушкой и... Я внимательно посмотрел на банты. И тот, и другой были завязаны справа налево. Их завязывал левша. Я засмеялся и пошел обратно к скамейке.

— Зося, Сайкс был у вас сегодня?

— Был, часов около шести, но не долго.

— Он левша?

— Да, а что такое?

— Только то, что эта кукла его подарок.

Зося вздрогнула и испуганно прижалась ко мне.

— Значит...

— Да! Тогда значит, что эта достойная пара приготовила мне приятный сюрприз в дороге,— договорил я.

Девушка охватила меня руками.

— Вы не полетите?

— Нет, Зосенька!

Она облегченно вздохнула и, бросившись ко мне, стала быстро и часто, как-то по-детски неумело целовать меня. Я погладил ее по головке и тихо сказал:

— Моя кохана!

Девушка засмеялась и счастливым шепотом сказала:

— По-польски не так... Я потом научу вас правильно говорить.

— Уже много времени, Зосенька. Надо, чтобы ты к пяти часам пришла к нам. Мы с Яном будем ждать тебя.

— Я приду! Пан полковник, отдайте мне эту куклу,— сказала Зося.

— Зачем?

— Я найду этой игрушке лучшее применение,— решительным и холодным голосом сказала она и резким движением выхватила из моих рук куклу.

— Зося, но это очень опасная штука, и если госпожа Барк увидит ее...

— Она не увидит!..— уже из темноты донеслись ее слова.

— Поздно! Вам остается очень мало времени,— сказал генерал.

Я набросал несколько строк и протянул записку генералу: «Удивитесь и спросите, что это за кукла у меня в руках».

— А это что еще за штукенция? — спросил генерал.— Кукла? Вы что, Александр Петрович, в куколки решили поиграть? — с великолепным изумлением в голосе спросил он.

— Потом, товарищ генерал! Когда вернусь, расскажу все, а сейчас уложу ее в чемодан,— сказал я.

— Вы ее в Баку везете?

— Расскажу, когда вернусь,— захлопывая чемодан и дважды щелкая ключом, сказал я.

Мы вышли из кабинета.

Через минуту майор Крошкин несся в моей машине по направлению к Кереджу...

Стенные часы пробили три часа. Непроглядная ночь окутала дома и улицы Тегерана. Потух электрический свет, и только газовые фонари одиноко горели на углах и перекрестках. Не было ни луны, ни звезд.

Я и Кружельник стояли в углу кабинета. Дежурный офицер с двумя солдатами засел в кустах. Сеоев спрятался за диваном.

Генерал ушел к себе, попросив позвать его, «когда представление закончится и актеры будут разгримированы».

Уже три с половиной часа. Скоро самолет Кожановой полетит к Пехлеви, к Каспийскому морю. Как Зося? Где она? К пяти часам она должна быть здесь... Ноги затекли, хочется привстать, передвинуться, но нельзя... Что с куклой? Неужели она не забросила подальше этот проклятый «та-

лисман»? Зачем я оставил у нее эту страшную вещь!.. Может быть непоправимая ошибка!..

Пальцы Кружельника впились в мою руку. Я затаил дыхание... Чуть слышное царапанье нарушило тишину. Звякнуло стекло, вырезанное алмазом. Повеяло свежим воздухом и нестерпимо остро запахло душистым табаком. Я понял, что долгожданный посетитель открыл окно. Еле уловимая возня на подоконнике определила местонахождение ночного гостя.

Шорох раздался ближе. Я чувствовал около себя человека. Он находился рядом со мной, я слышал его прерывистое, взволнованное дыхание.

На одно мгновение блеснула и погасла коротенькая вспышка карманного фонаря. Потом неизвестный завозился у стенки в том месте, где был вделан сейф.

Я повернул выключатель. Это было сигналом для Сеоева и остальных. Яркий свет залил комнату, и я увидел, как разъяренный осетин кинулся на метнувшегося к раскрытому окну человека.

— Нас предали... спасайтесь! — отскакивая к микрофону, закричал он.

— Не трудитесь, господин Кожицин! Микрофон выключен, проволока перерезана в тот самый момент, когда вы показались во дворе,— спокойно сказал генерал, появляясь из соседней комнаты.

Фокусник быстро поднес ко рту руку...

— Номер не пройдет! — хватая его за руки и выворачивая их назад, закричал Сеоев.

Из разжавшихся пальцев Кожицина выпал пузырек, и по комнате, заглушая аромат табака, разнесся запах горького миндаля.

— А-а!.. Знакомая штука!.. Господин Сайкс верен себе!.. Опять синильная кислота,— спокойно

сказал генерал.— Сержант Сеоев, держите покрепче этого негодяя, он ведь немного знаком с вашими кулаками, а вы, товарищ Кружельник, обыщите его.

Сдавленный железными руками Сеоева, господин «Го Жу-цин», с еще не сошедшими с лица синяками, стоял перед нами.

— Предусмотрительный господин Сайкс на всякий случай снабдил вас немецким паспортом на имя Ганса Нордау. Значит, если вы провалитесь, глотаете синильную кислоту, и немецкий налетчик Ганс Нордау благополучно прикрывает омерзительную личность убийцы, бандита, разведчика Сайкса. Неплохо придумано, но это уже старый, всем известный трюк,— продолжал генерал, рассматривая документы, вынутые из кармана Кожицина.

— Все это ложь! Я не знаю никакого Сайкса. Я забрался сюда, чтобы украсть из сейфа деньги... Это простое воровство. Здесь Иран, а не Россия, и вы обязаны передать меня местной полиции...

— Конечно, конечно! Мы вам дадим еще даже пряника за это! — улыбнулся генерал.— Если даже вы немец и простой вор, то вы забрались в здание военной миссии воюющей с Германией страны... И это уже не уголовное, а военное преступление, и вы будете отвечать за него перед нашим военным трибуналом,— холодно сказал генерал.— Но что это? — подходя к окну, воскликнул он.

За домами, недалеко от нас, раздался глухой и тяжелый удар. Это был взрыв.

Я вздрогнул... Боже мой!.. Пять часов... Сейчас должна была подойти Зося... Как мог я оставить в ее руках эту проклятую куклу!..

— Зося! — хватая Кружельника, закричал я.—

Там Зося! — и бросился к дверям. Кружельник по моему отчаянному виду поняв, что случилось что-то ужасное, кинулся за мной.

Над Тегераном вставал рассвет. Как везде на юге, солнце сразу выкатилось и залило светом землю. Я выбежал за угол. Два ажана с испуганными лицами что-то крикнули мне.

— Что случилось,— задыхаясь от бега, закричал я.

— Автомобиль взорвался,— взволнованно ответили они.

На тротуаре, колесами вверх, лежал желтый автомобиль военного типа. Я бросился к нему. Один из полицейских замахал руками...

— Может еще взорваться! — испуганно предупредил он.

Я оттолкнул его и заглянул в исковерканную машину.

Первое, что бросилось в глаза, был мертвый, с разнесенным черепом Сайкс и его стонущий, залитый кровью, шофер. Зоси не было.

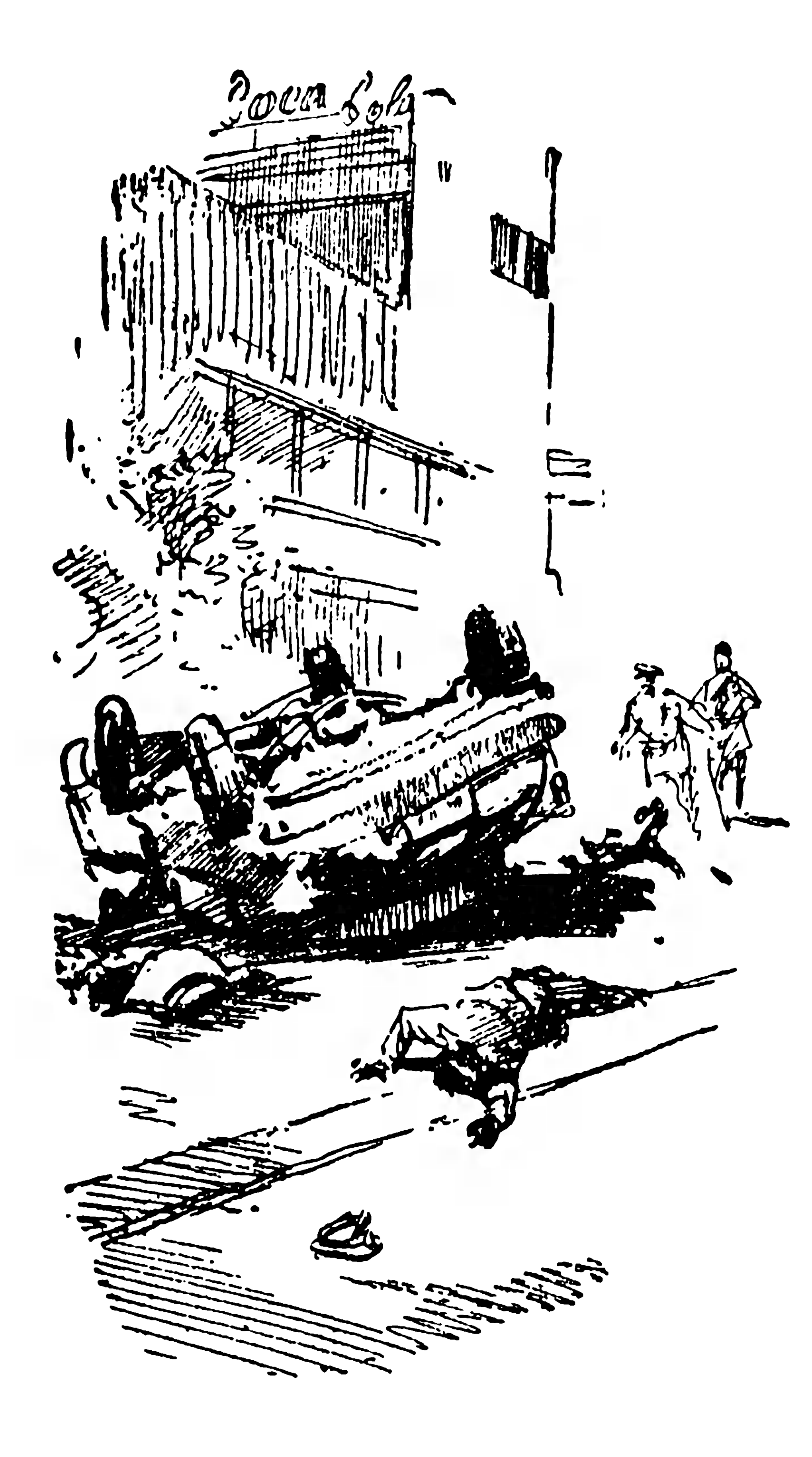
— Поднимайте машину, вытаскивайте шофера, он жив! — приказал я полицейским.

Несколько прохожих стали помогать нам. Соединенными усилиями мы подняли машину и поставили ее на колеса.

Полковник Сайкс лежал на асфальте. Маленький, залитый кровью, с размозженной головой, с еще не сошедшей с лица холодной, презрительной гримасой, он внушал мне все то же чувство омерзения.

— Товарищ полковник, там Зося пришла!.. Волнуется, где вы,— услышал я за собою голос Сеоева.

Я схватил ручищу честного малого и, забывая о Сайксе, закричал:

— Она жива?..

— Так точно! И смеется и плачет, и дрожит... Все вас спрашивает.

И мы бегом пустились к своему дому.

— Вы видите ее? — хватая меня за руку, крикнул Сеоев.

— Кого? — спросил я и сейчас же увидел медленно подходившую открытую машину. В ней, вцепившись руками в подушки, сидела бледная, взволнованная Барк.

Взоры наши встретились. Барк вздрогнула, пошатнулась и, не отводя широко раскрытых глаз, откинулась назад.

— Как видите, моя дорогая, ваш «талисман», действительно помог мне,— по-русски сказал я.

Она стиснула губы и отвернулась, закрывая лицо руками.

Зося, радостная, возбужденная и счастливая, тут же, на виду у всех, бросилась ко мне на шею.

— Ну, дорогой Александр Петрович, тут уж мы лишние! — сказал генерал и ласково добавил: — Действительно замечательная девушка!

— Как это случилось? Почему кукла оказалась в машине Сайкса? — спросил я, когда мы остались вдвоем.

— Очень просто! Когда я возвращалась домой, машина полковника стояла во дворе, а он сам находился у госпожи Барк. Я видела огни в ее кабинете. Я знала, что, кроме Сайкса, там находятся и ваш хозяин, и фокусник Го Жу-цин. Я знала, что они убийцы и негодяи, я знала, что они ваши и мои враги. И я без малейшего колебания положила куклу госпожи Барк под сиденье в автомобиль полковника. Я сделала плохо? — глядя мне в глаза, спросила она.

— Ты сделала прекрасно! — целуя ее, ответил я.

— То же самое говорит и Ян,— просто сказала Зося.

Через два дня, просматривая утренние газеты, я увидел, как генерал, сидевший за столом напротив меня, взял синий карандаш и старательно отчеркнул какую-то заметку.

— Что это? — спросил я.

— «Дад» от сегодняшнего числа. Специально для вас.— И он, хитро улыбаясь, передал мне газету.

Я медленно прочел вслух:

— «Сегодня в десять часов утра на европейском временном военном кладбище был предан земле прах погибшего при автомобильной катастрофе полковника филиппинской армии и кавалера «Ордена пурпурного креста» Джефри Сайкса. При погребении присутствовали сэр Генри Дан, господин Гаррисон и Келли, а также представители от частей, расположенных под Тегераном. В момент погребения был дан троекратный залп»...

В конце отдела «Новости столичной жизни»

была еще одна заметка, также четко обведенная синим карандашом.

«Нам сообщают, что прелестная и талантливая госпожа Э. Барк, являвшаяся украшением столичных салонов, вчера вылетела в Багдад. Как передавали нашему сотруднику из осведомленных кругов, талантливая журналистка не скоро вернется в Тегеран, так как предполагает месяцев шесть поработать за границей над книгою об Иране. Пожелаем успехов и здоровья уважаемой госпоже Барк».

— Что же, Александр Петрович, вырежьте эти заметки и наклейте их на последней странице дела о «доме с привидениями»,— предложил генерал.

— Которое теперь мы уже можем назвать законченным,— сказал Аркатов, передавая мне ножницы и клей.

Спустя неделю из Москвы пришло долгожданное распоряжение. «Ввиду успешного завершения работ по организации охраны северного участка Трансиранской железной дороги, установления порядка и достижения полного контакта со смешанной Союзной комиссией, генерала Степанова Д. И. и полковника Дигорского А. П., по сдаче ими дел назначенным на их место полковникам Терпугову П. Ф. и Ильину К. М., отозвать обратно для несения прежней службы».

После приезда упомянутых офицеров, когда мы уже находились в Баку, та же самая газета «Дад» в том же отделе писала:

— «Работавшие у нас известные советские востоковеды генерал С. и полковник Д., закончив с успехом свою работу, вчера утром с частью служебного персонала отбыли на самолетах в Россию. Пожелаем здоровья и успехов уважаемым

востоковедам в их почетной работе и надеемся, что заменившие их в Тегеране советские коллеги с таким же вниманием продолжат начатую уважаемыми гостями работу на пользу СССР и Ирана».

Я перевел заметку Зосе. Она задумалась и потом тихо сказала:

— Как ни тяжела и трагична вся эта история, однако в ней есть кое-что и хорошее... Она помогла мне, вам и Яну найти друг друга.

СОДЕРЖАНИЕ

Мугуев Хаджи-Мурат

КУКЛА ГОСПОЖИ БАРК

Редактор *Ильинская Е. А.*
Художник *Богаткин В. В.*
Художественный редактор *Гречихо Г. В.*
Технический редактор *Медникова А. Н.*
Корректор *Павлова А. П.*

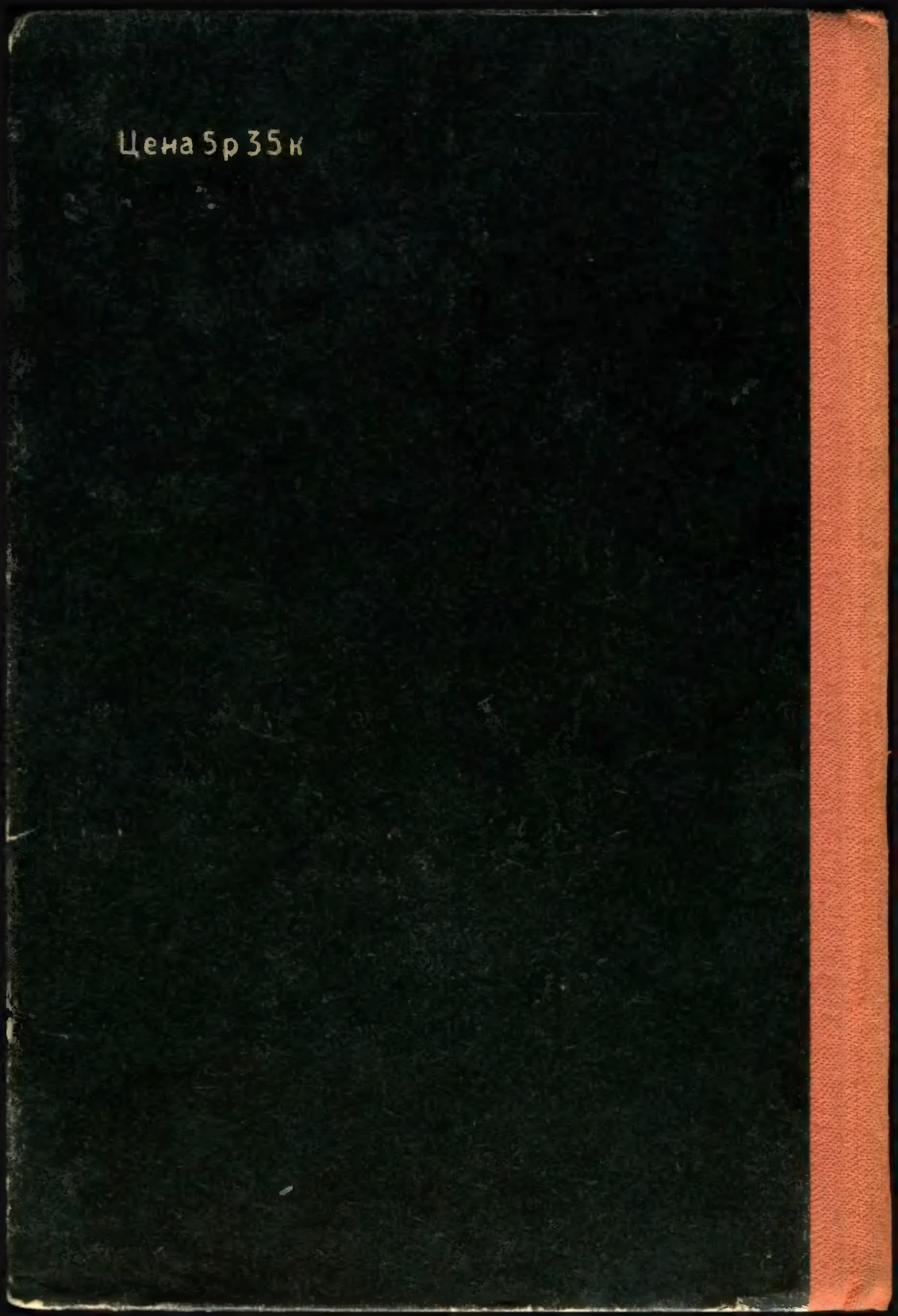
Сдано в набор 11.05.56 г.
Подписано к печати 23.08.56 г.
Формат бумаги $70 \times 92^1/_{32}$ — $12^3/_4$ п. л.
14,92 усл. п. л. 15,472 уч-изд. л.
Г-25183
Военное Издательство
Министерства Обороны Союза ССР
Москва, Тверской бульвар, 18
Изд. № 1/7767 Зак. № 305

2-я типография имени К. Е. Ворошилова
Управления Военного Издательства
Министерства Обороны Союза ССР
Ленинград, 65, почтовый ящик № 343

ЦЕНА 5 р. 35 к.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы об этой книге по адресу: Москва, К-104, Тверской бульвар, 18 Управление Военного Издательства

Цена 5р 35к